

Цена 2 руб. 50 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 19, ВОЛХОНКА, 14. Тел. 1-25-81

W 30 8 21
SLAVONIC DIV
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

20

1927

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ

К 250-летию со дня смерти Бенедикта Спинозы

	Стр.
Деборин, А.—Мировоззрение Спинозы	5
Тальгеймер, А.—Соотношение классов и классовая борьба в Нидерландах при жизни Спинозы	30
Скурер, К.—Спиноза и диалектический материализм	50

I. Статьи

Смит, М.—Диалектика количества (элементы формальной логики и диалектики в теории статистики)	75
Блюмин, И.—Теория Курно (окончание)	96
Леонтьев, А.—Проблемы социалистического преобразования хозяйства (в германской литературе о социализации)	130
Витфотель, К.—Проблемы экономической истории Китая	168
Вильянский, В.—К вопросу о философских и социологических воззрениях Н. Г. Чернышевского (по письмам из Астрахани)	202

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

Волоцкой, М.—Спорные вопросы евгеники	212
Прения по докладу М. Волоцкого (г. г. Понятский, Местергази, Фаддеев, Баткис, Серебровский, Андреев, Смирнов, Авраамов, Шмидт)	232
Заключительное слово М. Волоцкого	249

III. Критика и библиография

Подволоцкий, И.—«Диалектика в природе» (к выходу второго сборника «Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания»)	255
Сидоров, А.—Большая Советская Энциклопедия (историческая часть)	274
Нусянов, И.—В. А. Келтуяла — «Историко-материалистическое изучение литературного произведения». Кооп. Изд-во «Современник», 1926 г.	278

IV. Хроника

Пленум Коммунистической Академии (стенографический отчет)	287
---	-----

Приложение

Мороховец, Е.—Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России (XVIII век)	318
Письмо в редакцию	335

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА

XX

1927

ПАМЯТИ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

К 250-ЛЕТИЮ СМЕРТИ

БЕНЕДИКТ СПИНОЗА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СПИНОЗЫ *)

Товарищи! Двадцать первого февраля исполнилось 250 лет со дня смерти Бенедикта Спинозы. Сегодня, 11 марта, так что, как вы видите, мы несколько запоздали с нашим торжественным заседанием, но это объясняется обстоятельствами чисто технического порядка.

В этот день, т.-е. 21 февраля, в Гааге,—в том городе, где Спиноза провел последние годы своей жизни и где покоится прах его, состоялось торжественное чествование памяти Спинозы, организованное так называемым Спинозовским обществом (Societas Spinozana). На этом торжественном заседании присутствовали, помимо официальных представителей университетов и науки, также и официальный представитель Лиги Наций, который в своей речи доказывал, что живи Спиноза ныне, он был бы ярым поклонником Лиги Наций, так как она стремится к осуществлению всеобщего мира. Представитель церкви —ни одно торжество, как известно, не обходится там без представителя церкви — с своей стороны доказывал, что учение Спинозы не противоречит несколько христианской религии. Были там и другие речи, но я на них останавливаться не буду. Во всяком случае, все были согласны в том, что Спиноза — великий идеалист, пантеист, мистик, основатель новой религии и т. д. Но не было в Гааге другого голоса, который громко крикнул бы всем этим милым господам: вы нагло врете.

I

Если же мы собрались в стенах Комм. Академии и посвящаем сегодняшний вечер памяти Спинозы, то для этого у нас имеются не те соображения, какими руководились организаторы Гаагского торжества, а совершенно другие соображения, ибо для нас Спиноза является *в общем и целом великим атеистом и материалистом*. В этой оценке Спинозы я примыкаю целиком к Плеханову. У Плеханова во всех его сочинениях, как вам известно, красной нитью проходит та основная мысль, что марксизм является в смысле мировоззрения не чем иным, как «родом спинозизма». Но сейчас я оставляю этот вопрос в стороне и процитирую из предисловия Плеханова к моему «Введению в фило-

*) Доклад в Коммунистической Академии на торжественном заседании, посвященном памяти Спинозы.

софию» (Предисловие было написано в 1914 году) одно место, где он резко осуждает историков философии, которые причислили Спинозу к идеалистам.

«При нынешнем повсеместном господстве идеализма, — говорит он, — весьма естественно, что история философии излагается теперь с идеалистической точки зрения. Вследствие этого Спинозу давно уже причислили к идеалистам. Поэтому иной читатель, вероятно, очень удивится, что я понимаю спинозизм в материалистическом смысле, но это — единственно правильное его понимание.

Еще в 1843 году Фейербах высказал совершенно основательное убеждение в том, что учение Спинозы было «выражением материалистических понятий новейшей эпохи». Конечно, и Спиноза не избежал влияния своего времени. Его материализм, по замечанию Фейербаха, одет в *теологический костюм*, но важно было то, что им, во всяком случае, устранялся дуализм духа и природы. Если природа называется у Спинозы богом, то одним из атрибутов его бога является *протяженность*. В этом и состоит коренное отличие спинозизма от идеализма (Предисловие Г. В. Плеханова, 34—35 стр.).

Так вот, при таком повсеместном господстве идеализма неудивительно, что Спиноза давно уже зачислен по ведомству идеализма. К сожалению, эту традицию историков философии защищают ныне и некоторые марксисты, несмотря на то, что в деле выяснения материалистических взглядов Спинозы много было уже сделано Фейербахом, отчасти Энгельсом и затем Плехановым. Нам все еще приходится бороться против этой идеалистической традиции; доказывать товарищам из нашей собственной среды, что Спинозу нельзя причислить к идеалистам. За последние годы, в связи с трактовкой Гегелевской диалектики и концепции Спинозы образовалось два «фронта» (или две фронды): гегелевский фронт и спинозовский фронт. Разногласия и споры, которые происходят в нашей собственной среде, упираются в два основных пункта, в два основных узла. Если споры вокруг Гегеля затрагивают основы нашего *метода*, то разногласия, связанные с именем Спинозы, вращаются вокруг нашего *мировоззрения* и идут по линии понимания самого материализма. Но так как метод и мировоззрение не оторваны друг от друга, то споры и разногласия, на первом участке, по линии метода, неразрывно связаны с спорами на втором участке, вокруг мировоззрения. На этом я больше останавливаться не буду, но я хотел здесь только указать, до какой степени связаны эти два фронта.

А теперь разрешите перейти сначала к *общей* характеристике мировоззрения Спинозы в целом, к выяснению того, что нового внес в мировоззрение, в науку, в научное понимание мира Спиноза, и чем спинозизм в этом смысле, как новое научное философское мировоззрение, отличается от того мировоззрения, с которым Спинозе пришлось вести борьбу.

Первое положение, которое роднит Спинозу с материалистами наших дней, т.-е. с марксистами, это признание им существования объективного мира, т.-е. признание того принципа, за провозглашение которого Спиноза впоследствии сторонниками так называемого крити-

цизма, кантианства был объявлен «догматиком». Оценка, данная Спинозе критицизмом, имеет чрезвычайно важное значение, ибо под «догматизмом» критицисты часто понимают материализм. По мнению Фихте, возможны лишь две последовательные и строго выдержанные философские системы: догматизм и критицизм, понимая под догматизмом спинозизм или материализм. Под догматизмом понимают еще «некритическое» допущение возможности адекватного познания мира. Критическое исследование наших познавательных способностей приводит, мол, к установлению той истины, что внешний мир непознаваем. По этому поводу надо сказать, что Спиноза отводит большое место исследованию наших познавательных способностей, но вывод, к которому он приходит, прямо противоположен тому выводу, к которому приходит критицизм. На почве отрицания внешнего мира стоят, как известно, и эмпириокритицизм, махизм, эмпириомонизм и проч. виды позитивизма. Но ведь отрицание внешнего мира неизбежно ведет к идеализму. У Спинозы мы находим краткую, но чрезвычайно меткую критику той точки зрения, которая полагает, что существуют одни лишь ощущения и что ничего другого, помимо ощущений, мы познать не можем. Вот что Спиноза пишет по этому вопросу: «Они говорят следующее — что душа может чувствовать и многими способами перцепировать, но не самое себя и не вещи, которые существуют, но только то, чего не существует ни в себе, ни где бы то ни было. Т.-е., что душа может одна, сама из себя (sua vi) творить ощущения (sensationes) или идеи, которые, не суть ощущения или идеи вещей; таким образом, они будут душу рассматривать отчасти как бога» (Спиноза. Трактат об очищении интеллекта, пер. Половцовой, 1914 г., 113 стр.).

Таким образом, те, кто отрицает, что душа чувствует и познает внешние вещи, кто утверждает, что душа одной только собственной силой творит ощущения и идеи, превращают душу в бога, т.-е. в субстанцию, творящую из себя весь мир. Это значит, что душа, с их точки зрения, не зависит нисколько от внешнего мира, являясь причиной самой себя, создающей мир вещей. Но такая точка зрения совершенно неприемлема для нашего философа, ибо он считает, что «прежде всего необходимо выводить всегда все наши идеи из физических вещей».

Другой характерной чертой всего мировоззрения Спинозы является отрицание им целесообразности и утверждение строгого детерминизма. При изучении действительности как природной, так и общественной необходимо пользоваться исключительно *категорией причинности*. Он с непревзойденной силой мысли и с необычайным сарказмом высмеивает всех тех философов, которые повсюду находят конечные причины. Но эти конечные причины суть только человеческие вымыслы, продукт невежества, предрассудков и суеверий. Стремясь доказать, что природа все делает на пользу людей, эти философы «доказали, кажется, только то, что природа и боги сумасбродствуют не менее людей». Так как люди находят в себе и в природе немало средств, способствующих осуществлению их пользы, — говорит Спиноза, — то они на все естественные средства смотрят как на средства для своей пользы и все объясняют целями, видя повсюду волю бога. «Если бы, например.

с какой-либо кровли упал камень на чью-нибудь голову и убил его, они будут доказывать по этому способу, что камень упал именно для того, чтобы убить человека, так как, если бы он упал не с этой целью по воле бога, то каким же образом могло бы случайно соединиться столько обстоятельств, так как часто их соединяется весьма много? Вы ответите, может быть, что это случилось потому, что подул ветер, а человек шел по этой дороге? Однако, они будут стоять на своем: почему ветер подул в это время? Почему человек шел по этой дороге именно в это же самое время? Если вы опять ответите, что ветер поднялся тогда потому, что море накануне начало волноваться при спокойной до тех пор погоде, а человек был приглашен другом, они опять будут настаивать, так как вопросам нет конца: почему же море волновалось? почему человек был приглашен в это время? И таким образом не перестанут спрашивать о причинах до тех пор, пока вы не прибегнете к воле бога, т.-е. к *asylum ignorantiae*» (Этика, ч. I, Прибавление).

Таким образом, воля бога объявляется Спинозой убежищем невежества. Наш философ повсюду видит только *естественные* явления, которые подлежат изучению и объяснению при помощи всеобщего закона необходимости. В отличие от многих даже современных философов и ученых, считающих возможным изучать если не явления природы, то общественные процессы с точки зрения морали, Спиноза распространяет закон необходимости на человека и общество. Спиноза в корне отрицает правомерность применения к действительности каких бы то ни было этических и телеологических принципов. Изучение действительности сводится к открытию причинных связей, объективных законов, в ней действующих. В этом отношении Спиноза стоит гораздо ближе к марксизму, чем многие современные философские направления.

Спиноза вошел в историю с почетным титулом «князя атеистов». Действительно, уже то, что было нами приведено, достаточно характеризует мировоззрение нашего философа, как чисто материалистическое и атеистическое мировоззрение. Но Спиноза считал необходимым вести непосредственную борьбу с религиозными предрассудками — этим особым видом невежества, являющегося опорой власти духовенства и всяческого авторитета. Сегодня мы считаем особенно важным подчеркнуть исторические заслуги нашего философа в этой области и ту огромную культурно-просветительную роль, которую сыграл его Богословско-Политический Трактат. Спиноза является настоящим вождем всей последующей эпохи просвещения.

Имя Спинозы неразрывно связано и исторически всегда ассоциировалось с вольнодумством, ибо он один из первых поднял знамя восстания против религиозного суеверия в защиту свободной научной мысли. Он первый подверг *научной* критике Св. Писание, не ограничившись простым голым отрицанием религии. И вся последующая научная критика библии имеет своим исходным началом Спинозовский Богословско-Политический Трактат. Нам ныне даже невозможно представить себе то освобождающее действие, какое имело это сочинение. Именно с этого сочинения начинается эпоха просвещения. Все передовые, прогрессивные

элементы, все позднейшие просветители всех стран прямо или косвенно черпали из сочинений Спинозы неопровержимые аргументы для борьбы с религиозными предрассудками. Поэтому мы по справедливости должны считать Спинозу *отцом вольнодумства*. Не имея возможности подвергнуть здесь анализу Богословско-Политический Трактат, я считаю, однако, нужным указать на то, что основные мотивы этого трактата мы встречаем позже у французских и немецких просветителей.

Религия, как это выясняет Спиноза, никакого *теоретического* значения не имеет; она имела всегда значение только для *практической* жизни, т.-е. ею пользовались властители для того, чтобы держать народ в узде. Суеверие возникает, сохраняется и поддерживается благодаря *страху*. Поэтому религиозные предрассудки суть следы *древнего рабства*, сохранившиеся до нашего времени. Если религиозные предрассудки связаны с древним рабством, то в свободном государстве не может быть места этим суевериям и во всяком случае здесь должно господствовать свободное суждение относительно этих предрассудков. Спиноза считает вместе с Курцием, что «ничего лучше не властвует над толпой как суеверие». Он этим хочет подчеркнуть связь *политики с религией* — положение, которое получило свое дальнейшее развитие у французских просветителей и материалистов. У турок мысль каждого подавляется такой массой предрассудков, — говорит Спиноза, — что они ни одного уголка в душе не оставили здравому рассудку, — даже для сомнения. Но то, что мыслитель говорит о турках, он относит и ко всем другим нациям, у которых господствует монархическое правление. По мнению нашего философа, монархическое правление в значительной степени опирается на религиозные суеверия. Французские просветители, повторяем, разделяли эту мысль Спинозы. «Если высшая тайна монархического правления, говорит он, и чрезвычайная для него важность заключается в том, чтобы держать людей в обмане, а страх, которым они должны быть сдерживаемы, прикрывать громким именем религии, дабы люди за свое порабощение сражались как за свое благополучие и считали не постыдным, но в высшей степени почетным нещадить живота и крови ради тщеславия одного какого-нибудь человека, то, напротив, в свободном государстве не может быть мыслимо и предпринимается что-либо, приносящее несчастье, потому что пригнетать предрассудками или иным образом обуздывать свободное суждение всякого человека совершенно противоречит общей свободе» (Богословско-Политический Трактат, русск. пер., 1906 г., 5 стр.). «Религиозные предрассудки и суеверия, — говорит Спиноза в другом месте, — превращают *людей* из разумных существ в скотов, так как они совершенно препятствуют пользоваться каждому своим собственным суждением и распознать истину от лжи и точно нарочно, повидимому, придуманы для окончательного погашения света разума».

Никто из мыслителей нового времени, быть может, не говорит таким резким, богохульным языком, как Спиноза. Общественный порядок, в особенности монархический строй, держится на страхе, а страх народа поддерживается и культивируется религиозными суевериями и невежеством. Эти основные мотивы, выдвинутые в своей критике рели-

гиозных суеверий Спинозой, были восприняты всеми позднейшими просветителями и в частности французскими энциклопедистами и материалистами XVIII века.

В свободном государстве должен господствовать разум, т.-е. свободное суждение, и поэтому религиозные предрассудки, являясь пережитками рабского строя, несовместимы с новой формой общественного строя. Религия не должна рассматриваться, как теоретическое познание мира, она требует от своих последователей определенной формы *практического* поведения — послушания и благочестия, которые являются результатом известных исторических и политических условий. Церковь же должна быть подчинена государству, т.-е. гражданским интересам народа. Наука и государство базируются на естественном познании и естественном праве и ничего общего не имеют с богословием.

Исходя из этого, Спиноза борется за отделение философии, т.-е. естественного познания, от религии. Он требует самой широкой свободы философствования, свободы мысли и научного познания. Мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько спинозовская критика Библии может считаться научной с точки зрения современных исследований. Это для нашей задачи несущественно. Мы даем здесь *историческую* оценку деятельности Спинозы, а с этой точки зрения значение Богословско-Политического Трактата огромно. Именно это сочинение послужило основанием для обвинения Спинозы в *атеизме* и поводом для новых преследований философа. Если исключение Спинозы из еврейской общины имело, так сказать, местное, национальное значение, то вторая катастрофа в личной жизни мыслителя связана с появлением Богословско-Политического Трактата. Теперь Спиноза становится мишенью для нападок и объектом преследований со стороны попов всех церквей, богословов и метафизиков, профессоров философии и государственной власти. От него отворачиваются даже многие из его личных друзей, которые, вследствие своей ограниченности, не могли предвидеть, что философ займет такую крайнюю, антирелигиозную позицию. Но, с другой стороны, появление Трактата создало философу мировую известность. Вокруг его знамени сплываются мало-по-малу все радикальные и революционные элементы всех стран.

Подчеркнув несколько основных принципов мировоззрения Спинозы, мы имеем теперь возможность подойти к центральной проблеме, стоявшей перед Спинозой. Главное его сочинение носит название «Этика». Но неправильно было бы думать, что мыслитель задавался целью, подобно Канту, открыть какие-то сверхчужественные божественные, этические законы, вроде кантовского категорического императива. Для Спинозы в общем не существует двух планов действительности: *бытия* и противоположного ему *долженствования*, имеющего своим источником якобы иной, сверхэмпирический мир. Под «этикой» Спиноза понимает просто определенный *образ жизни*, который должен вытекать из познания действительности — природы, человека и человеческого общества. «Этика» определяет место человека в природе и, путем познания его естественных страстей и стремлений, выводит

вполне реалистическим и материалистическим путем его образ жизни. В этом вполне определенном и естественном смысле этика есть также учение о *бытии*, которому никакие отвлеченные этические нормы и законы *долженствования* не противостоят. Основными моментами правильного образа жизни, как индивидуальной, так и общественной, является господство человека над природой, культурное творчество в самом широком смысле этого слова. Поэтому все науки и все человеческое познание имеют определенно *практическую цель*. К этому вопросу, впрочем, я вернусь позже.

II

Обрисовав схематически и по необходимости крайне бегло основную установку Спинозы, мы можем теперь обратиться к вопросу о том, из каких же элементов сложилось мировоззрение нашего философа. В литературе на этот счет установился определенный трафарет. Одни видят источник спинозизма в иудаизме. Так как Спиноза был еврей и готовился в раввины, изучая талмуд, всевозможных комментаторов и даже каббалу, то отсюда делают простой вывод о том, что спинозизм имеет свои корни в иудаизме. Нисколько не отрицая известного влияния крупнейших еврейских мыслителей (вроде Маймонида, наприм.) на Спинозу, мы тем не менее считаем совершенно неправильным утверждение, будто учение нашего философа вышло из недр иудаизма. Что касается в частности каббалы, то отзыв о ней Спинозы крайне отрицателен.

Другие склонны видеть источник спинозизма в схоластической философии. Третьи же рассматривают Спинозу, как последователя и ученика Декарта. Разумеется, никто не может отрицать ни зависимости Спинозы от схоластики, ни огромного влияния на нашего философа Декарта. И все же мы должны сказать, что все эти рассуждения касательно источников спинозизма затрагивают только поверхность вопроса, ибо исследователями упускаются из виду все течения и философские направления той эпохи, в которую жил и творил Спиноза. Ведь странно и совершенно наивно представлять себе дело так, будто XVII век являлся каким-то пустым местом, в котором якобы не происходило никакого движения мысли. С другой стороны, эти концепции, повидимому, построены на предположении, что Спиноза был не живой человек, живо интересовавшийся всеми теми вопросами, которые волновали его современников, а какой-то египетской мумией, замурованной в четырех стенах своей каморки и копошившейся, подобно книжному червю, непременно в старых фолиантах схоластиков или в таинственных книгах каббалы. Но ведь все такие концепции противоречат всем известным фактам. Ныне мы превосходно знаем даже состав библиотеки Спинозы, поэтому я считаю, что для выяснения источников спинозизма необходимо прежде всего обратиться к изучению основных направлений и течений философии и науки, которые имели место в XVII веке, ибо спинозизм — продукт своего времени. Он является одной из философских попыток разрешить те проблемы, которые стояли тогда в порядке дня. Мало того, с моей точки зрения, спино-

лизм является синтезом прежде всего *материалистических* течений его эпохи.

Из исследователей Спинозизма только Дунин-Борковский¹⁾, кажется, заинтересовался вопросом о связи Спинозизма с современными течениями философской и научной мысли. И надо сказать, что, несмотря на то, что сам автор — католик, идеалист, мистик, которому очень хочется трактовать Спинозу в этом же духе, вынужден был уже во всяком случае признать одно: *Спиноза действительно был одно время материалистом*, правда, в юношеские, мол, годы и короткое время, но несомненно, что он действительно был материалистом, притом механическим. Впоследствии же, полагает Дунин-Борковский, Спиноза радикально разделался с материализмом. Я придерживаюсь на этот счет другого мнения, но, как бы то ни было, Дунин-Борковский, *ближе* ознакомившись с жизнью философа и с эпохой, вынужден был признать, что Спиноза в своем развитии прошел через материализм. Это тоже известное завоевание.

Итак, в XVII столетии мы имеем ряд материалистических произведений, которые естественно основательно изучались Спинозой. В Голландии, при жизни Спинозы, происходят бурные диспуты и литературная полемика вокруг выступления Анри Леруа (Региуса). В Голландии печатаются запрещаемые в других странах произведения материалистов. На ряду с легальной литературой, в этой стране циркулировали всевозможные *нелегальные* произведения крайних направлений. Спиноза живо интересовался всеми течениями. После того, как он был изгнан из еврейской общины, он пустился, так сказать, в широкое плавание, жадно ища правды и истины. Мы видим его среди разных религиозных сект, которые рекрутировались из демократических элементов населения, стоявших в оппозиции к господствующей церкви, и отчасти к общественному строю.

Но помимо религиозного брожения среди народных масс шла оживленная идейная борьба на высотах науки и философии. Голландия была в это время одной из самых цветущих и передовых стран Европы. Она пережила уже свою буржуазную революцию. Новая форма общества породила и соответствующие идейные группировки и течения. И что же? Можно ли хоть на минуту допустить, что Спиноза идейной жизнью своей страны нисколько не интересовался, а ограничивался изучением схоластической мудрости? Конечно, нет, тем более, что Спиноза в своих произведениях пытается разрешить как раз волновавшие его современников проблемы.

Основных идейных группировок в области философской мысли было два: ортодоксальное картезианство, которое заключило уже к этому времени союз с церковью, и материалистические направления разных оттенков. Здесь необходимо особенно подчеркнуть, что само картезианство породило из своих недр, как во Франции, так и в Голландии, одно из материалистических течений. Во главе этого материалистического направления в Голландии стоял Анри Леруа. Он был сначала

¹⁾ Dunin-Borkowski, Der junge De Spinoza, 1910 г.

ортодоксальным последователем Декарта, но впоследствии сделал из учения Декарта материалистические выводы. Началась ожесточенная борьба между Леруа, с одной стороны, и богословами, идеалистами и картезианцами — с другой стороны. Хотя Леруа выступал очень осторожно из боязни преследований, но материалистический характер его выступления трудно было скрыть. Он поставил себе целью преодолеть декартовский дуализм. В одном из своих 21 гезисов, которые были расклеены в Утрехте в 1647 году, в самый разгар ожесточенной борьбы с противниками, он говорит, что *душа есть модус тела*. В опубликованном же им в 1654 г. сочинении «Philosophia naturalis» он развивает ту мысль, что хотя протяжение и мышление различны, но они не являются взаимно исключаящими противоположностями. С чисто философской точки зрения, душу можно рассматривать как телесный модус. Согласно некоторым мудрецам, — продолжает автор, — *протяжение и мышление суть только атрибуты, которые принадлежат одному и тому же субъекту, объединяющему в себе оба эти свойства*¹⁾.

Разве не очевидно, что Леруа, которого Маркс считает определенно материалистом, подходит здесь вплотную к формулировке Спинозы о взаимоотношении мышления и протяжения — этих двух атрибутов единой субстанции? Если мы вспомним теперь, что книга Леруа вышла в 1654 г. и что Спиноза напечатал свой первый труд («Принципы Декартовской философии») только в 1663 г., то не остается сомнения в том, что материалист Леруа повлиял на Спинозу в разрешении одного из центральных проблем его системы. Впрочем, сам Леруа находится под влиянием еще другого материалиста — Гассенди, который выставил положение, что *тело и душа так связаны между собою, что они образуют одну вещь*. Что Гассенди, с своей стороны, также приближался к той точке зрения, на которую позже стал Спиноза, — это известно всякому, знакомому с учением этого мыслителя. И поэтому не может подлежать никакому сомнению, как это правильно подчеркивает Дунин-Борковский в своем исследовании, что именно Гассенди, Леруа и Себастьян Бассо оказывали свое непосредственное влияние на Спинозу. Но это подтверждает как раз наше утверждение, что Спиноза особенно усердно изучал современных ему *материалистов* и именно в их произведениях искал то, что ему нужно было; что он непосредственно к ним примыкает, развивая, углубляя и разрабатывая дальше их взгляды. Нас завело бы слишком далеко, если бы мы захотели подробно доказать это весьма важное положение.

Обратимся теперь к другому тезису в учении Спинозы, а именно: к проблеме всеобщей одушевленности материи. Оказывается, что и эта проблема стояла некоторым образом в центре внимания тогдашних ученых. Идея о всеобщей одушевленности мира была очень популярна в эпоху Возрождения. Ее защищали как Кампанелла, так и Телезий. Но эта же идея оживленно обсуждалась и в XVII веке (особенно в 50-х

¹⁾ Regius, Philosophia naturalis, 1654 г. (экземпляр книги имеется в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса); ср. также Дунин-Борковский, Der junge De Spinoza, 395 стр.

и 60-х годах). Ученые и философы в Голландии и в Англии разбились на два лагеря: одни стояли на точке зрения чисто механической, другие же отстаивали гилозоизм. Главой «биусистов» в Англии был известный ученый Глиссон. «Глиссон,— говорит Дунин-Борковский,— обычно, с полным основанием, причисляется к биусистам, гилозоистам. Их называли так в противоположность материалистам, которых тогда называли «механистами». Гилозоисты учили, что веществу *всего*, как таковому, присуща жизнь (*βίος*), ему присущи движение, стремление и способность представления. Без этих свойств субстанция вообще немислима» (Dunin-Borkowski, *Ibid.*, 389 стр.).

Таким образом, и эта проблема считалась в то время актуальной, являясь предметом оживленной дискуссии среди ученых. Спиноза и дает свое решение этого вопроса.

Мне хочется в этой связи сказать еще несколько слов о самом одиозном понятии в системе Спинозы — о понятии бога (*deus*). Конечно, по всему смыслу учения Спинозы, бог есть не что иное, как субстанция или природа. Это в достаточной степени ясно вытекает из учения Спинозы. Но я считаю нужным обратить внимание на другую сторону этого вопроса. Мы многое уясним себе, если в данное понятие не будем вкладывать обычное содержание, а постараемся выяснить, как трактовали это понятие в интересующую нас эпоху. Для этого обратимся к другому материалисту XVII века — к Томасу Гоббсу. В выпущенном им в 1655 г. знаменитом сочинении «*De corpore*», Гоббс пишет следующее: «Кто называет мир богом, тот тем самым утверждает, что мир не имеет причины, иначе говоря, что бога нет. Точно также причину мира и бытие бога отрицает и тот, кто считает мир не сотворенным, а вечно существующим, ибо вечное не может иметь причину». Но именно Гоббс, как известно, говорит в своих сочинениях о *протяженном, телесном боге*. У Спинозы природа называется богом и одним из атрибутов его является протяженность. Так, 2-я теорема второй части «*Этики*» гласит: «Протяжение составляет атрибут бога, иными словами, бог есть вещь протяженная».

Таким образом, по компетентному раз'яснению Гоббса, мир, природе называл богом тот, кто хотел сказать, что мир *не создан*, что он существует вечно, иначе говоря, мир называл *богом тот, кто хотел сказать, что бога нет*. Это следует запомнить тем из марксистов, которые не в состоянии «справиться» с спинозовским богом. В раз'яснении этого пункта я опять позволю себе сослаться на Дунина-Борковского. «*То, что обычно называют богом,— пишет он,— понимается здесь (т.-е. у Гассенди, Гарасса и других современников. А. Д.) как бесконечно протяженное нечто, которое все наполняет и все обнимает, и помимо которого ничего другого не существует*».

Опираясь на биографа Спинозы, Максимилиана Люкаса (последний был непосредственным учеником и другом философа), равно как и на другие данные, Дунин-Борковский приходит к выводу, что Спиноза одно время находился под влиянием «радикального популярного материализма». На этом этапе своего развития Спиноза считал богом *вещество*. Впоследствии же Спиноза отказался от этой точки зрения, наделив

субстанцию еще и мышлением. Дунин-Борковский хочет опорочить сообщение Люкаса, сделанное им со слов самого Спинозы, что *вся его философия сводится к следующим четырем положениям: телесный бог, душа — это только принцип жизни, духи — порождение фантазии, бессмертие — фантом*. Дунин-Борковский не сомневается в подлинности передачи Люкаса, но он полагает, что эти слова Спинозы относятся к раннему материалистическому этапу его развития. Я думаю, что эта конструкция Дунина-Борковского несколько натянута. Я не вижу основания для опорочения ценного сообщения Люкаса. Тот же телесный бог может иметь своим атрибутом мышление. Во всяком случае одно несомненно: это то, что под богом у Спинозы надо понимать *вещество (природу)*, которому присущи два основных свойства: протяжение и мышление. Весьма возможно, что Спиноза первоначально мыслил себе *вещество с одним лишь атрибутом протяженности и только позже возвел в атрибут субстанции также и мышление*. В этом и могла заключаться эволюция взглядов. Но, ведь, это несколько не опровергает сообщения Люкаса¹⁾, что Спиноза говорил ему о *телесном боге*, то-есть о материи, веществе, как субстанции, вовсе не относя это к первому периоду своего развития. Я считаю *второй* этап только дальнейшим развитием тех же материалистических взглядов, которых придерживался Спиноза несколько раньше. Это естественная эволюция, а не переход к противоположной точке зрения. Люкас изложил мировоззрение Спинозы в материалистическом духе. Как это могло случиться? Если Спиноза действительно пантеист, мистик, идеалист, то как же могло случиться, что один из непосредственных его учеников и друзей подчеркивает именно материалистический характер системы Спинозы, указывая, что бог — это тело?..

В этой связи я считаю нужным напомнить вам о легенде, которая циркулировала в Голландии в первой четверти XVIII века. Само собою разумеется, что я этой легенде не придаю особого значения, но все же она характерна. В 1724 г. Леклерк, известный издатель «Библиотеки древних и современных писателей», в одной из очередных книжек сообщил, что ему известно из достоверного источника, будто в первоначальном тексте «*Этики*» фигурировало только понятие «природа», и будто только по совету друзей. Спинозой было на ряду с природой поставлено слово бог. Я повторяю, что не придаю этой легенде серьезного значения. Тем не менее факт этот интересен постольку, поскольку ближайшие современники Спинозы хорошо понимали и чувствовали, что бог в системе Спинозы является чем-то внешним и что «*Этика*» может прекрасно обойтись без бога...

После всего сказанного мне представляется, что вопрос о том, что следует у Спинозы *понимать* под богом, достаточно выяснен. Это

1) M. Lucas, Das Leben und der Geist des Herrn B. de Spinoza (в сб. Gebhardt's: Spinoza, Lebensbeschreibungen und Gespräche). Место, о котором у нас идет речь, находится на 14 стр. этого немецкого издания. Французского оригинала у меня, к сожалению, под рукою не имеется.

только богословский термин для обозначения реальной, материальной вещи. Спрашивается, чувствовал ли сам Спиноза неудовлетворительность своей терминологии? Мне кажется, что он сознавал это, но считал необходимым говорить на понятном и доступном современникам языке. Ведь все его философские современники, как мы видели, пользовались этой терминологией, хотя содержание в старые термины вкладывали новое. Сам Спиноза указывает, как на одно из правил жизни, необходимость выражаться соответственно развитию массы. Так, он пишет: «Мы можем достичь не мало выгоды, если будем, насколько это возможно, считаться с разумением толпы; добавим, что в результате такого способа действия люди охотно будут склонять свой слух к приятию истины».

Таким образом, Спиноза мог сознательно употреблять богословскую терминологию своего времени, зная, что при помощи этой терминологии будешь услышан современниками. Этот аргумент также имеет некоторый вес. Но помимо этого понятие бога, как я уже говорил, начиная с эпохи Ренессанса и продолжая XVII столетием, употреблялось в смысле природы, вещества и т. д. После всего приведенного мне кажется ясно, что термин *deus* следует понимать только в смысле природы. Не следует также упускать из виду еще и след.: в борьбе с мировоззрением схоластическим, церковным делались попытки перенести все предикаты, которые вообще относились к богу, на природу. Спиноза исходил из того, что на бога перенесли некогда предикаты природы (как и человека). Задача времени заключалась в том, чтобы доказать, что свойства бога суть не что иное, как свойства природы.

Вся скрытая борьба Спинозы со старым мировоззрением и сводилась, главным образом, к тому, чтобы предикаты, которые приписывались старым мировоззрением богу, перенести на природу, называя ее богом. Во всяком случае при изучении системы Спинозы необходимо помнить, что в ту эпоху мыслили именно в богословских терминах или категориях, что теологический наряд навязан Спинозе временем, навязан эпохой; существо же дела, внутренний смысл системы Спинозы от этого ни в малейшей степени не меняется.

Выше я указал на основные материалистические течения XVII века, которые в известном смысле *подготовили* спинозизм. Я, разумеется, ни в малейшей степени не исчерпал еще моими указаниями всех источников спинозизма. Вряд ли можно сомневаться, напр., в знакомстве Спинозы с сочинениями Джордано Бруно, Ванини, французского гуманиста и материалиста Деперье и др. Но что мне в этой связи еще особенно хочется подчеркнуть — это знакомство Спинозы с самой, быть может, радикальной книгой того времени. Я имею в виду сочинение под названием «*Theophrastus redivivus*». Автор этого любопытного сочинения проводит определенно материалистическую точку зрения; он отрицает существование бога, всяких духов и души, как самостоятельного существа. В этом сочинении мы встречаем чрезвычайно резкие нападки на религию и духовенство, равно как и критику существующего политического и общественного строя. «Новый Теофраст», один из первых среди писателей нового времени, выдвигает знамени-

тый лозунг «Назад, к природе». У Спинозы мы находим отзвуки этого лозунга. Наш философ осуждает мысль о возврате человека к естественному состоянию. Он зовет человечество вперед — к культурному творчеству и укреплению общественных связей.

«Новый Теофраст» радикален во всех вопросах, доходя до своеобразного анархизма. Человек должен сделать себя *абсолютно свободным*; на этом основании автор требует уничтожения брака. Основная цель человека — *наслаждение, удовлетворение всех естественных влечений и потребностей. Радость — высшее счастье*. Надо сказать, что как ни далек Спиноза от «Нового Теофраста», все же некоторые моменты учения последнего, повидимому, были также восприняты и переработаны на свой лад нашим философом. Отвергая лозунг о возврате к естественному состоянию, Спиноза в то же время отводит в жизни человека значительное место наслаждению и радости.

Спиноза далее не мог не знать работ Каспара Лайкена, который уже дает резкую критику *капитализма*, что дает повод некоторым исследователям видеть в этом авторе чуть ли не предшественника Маркса в деле критики капиталистического строя. Но что для характеристики умственного развития Спинозы имеет особое значение — это тот факт, что мыслитель изучал «*Утопию*» Томаса Мора. Я определенно утверждаю, что в его «*Этике*» слышатся некоторые отзвуки идей Мора.

Такова в общих чертах идейная атмосфера, в которой развивался Спиноза. Вывод, к которому мы должны притти, сводится к тому, что наш философ воспринял и по-своему переработал все волновавшие его современников проблемы, синтезировав основные течения мысли — и прежде всего материалистические течения — в новую грандиозную материалистическую систему.

III

В первой части моей речи я указал уже на основную задачу, которую поставил себе Спиноза в своем главном сочинении. Эта задача состояла в необходимости обоснования *нового образа жизни*. Эта *практическая* установка Спинозы проходит красной нитью через все его сочинения. Но правильный образ жизни может быть определен и обоснован только после того, как будет выяснено *место человека в природе* (мы прибавили бы: и в обществе). Однако, вопрос о месте или положении человека в природе приводит нас непосредственно к изучению самой природы. Образ жизни человека необходимо должен вытекать из занимаемого им места в природе, ибо жизнь человека должна соответствовать, так сказать, жизни самой природы. Если «Новый Теофраст» требовал возврата человека к естественному состоянию, то Спиноза стремится к осуществлению такого образа жизни человека, при котором последний не стал бы *рабом* природы, а *господином* ее. Спиноза также считает, что человек должен жить в *согласии с природой*, но в смысле более высоком. В противоположность христианскому аскетизму, проповедующему отречение от плоти, подавление всех страстей, Спиноза, напротив того, зовет человека к наслаждению жизнью,

удовлетворению всех страстей, к творческому развертыванию всех его способностей и сил. Но все это возможно только на почве подчинения человека законам природы. Господство его над природой предполагает—господство природы над ним. Подчинять природу возможно, лишь ей подчиняясь. Этот бэконовский мотив развивается Спинозой дальше, и на свой особый манер.

Итак, первая задача, стоящая перед нами, это *изучение природы, адекватное познание ее*. Но для того, чтобы возможно было объективное, адекватное познание природы, необходимо прежде всего вооружиться соответствующим *методом*, что в свою очередь связано с исследованием нашего интеллекта, наших познавательных способностей.

Не имея возможности развить здесь ход мысли нашего философа, я считаю нужным только подчеркнуть, что Спиноза видит в методе *орудие интеллекта*, которое, подобно *орудиям труда*, дает возможность овладеть природой в одном случае теоретически, в другом — практически. Но, разумеется, теоретическая и практическая стороны теснейшим образом между собой связаны.

Послушаем же, что говорит Спиноза о методе. «После того, что мы выяснили себе, какое именно познание (Cognitio) является для нас необходимым, должны быть разобраны те Путь (Via) и Метод (Methodus), с помощью которых мы могли бы вещи, которые должны быть познаны, познавать подобным познанием. Для этого прежде всего необходимо отметить, что здесь не будет иметь места исследование до бесконечности; другими словами, для того, чтобы был найден наилучший метод для исследования истины, не надобно другого метода, чтобы им исследовать метод исследования истины, и, чтобы исследовать второй метод, не надобно некоторого третьего метода, и так далее, до бесконечности; так как таким путем никогда не удалось бы притти к познанию истины, да и вообще ни к какому познанию».

С методом познания,— говорит он,— дело обстоит так же, как с естественными орудиями труда (instrumenta corporalia), где было бы возможно подобное же рассуждение: действительно, чтобы выковать железо, надобен молот; чтобы иметь молот, необходимо, чтобы он был сделан; для этого нужно опять иметь молот и другие орудия; чтобы иметь эти орудия, опять-таки понадобились бы еще другие орудия, и т. д. до бесконечности; на этом основании кто-нибудь мог бы бесплодно пытаться доказывать, что люди не имели никакой возможности выковать железо. Однако, так же, как люди вначале, с помощью врожденных им естественных орудий (innatis instrumentis), сумели создать нечто весьма легкое, хотя с большим трудом и мало совершенным образом, а, выполнив это, выполнили следующее более трудное, уже с меньшей затратой труда и с большим совершенством, и так, переходя постепенно от самых примитивных творений к орудиям труда, и от орудий к следующим творениям и следующим орудиям, достигли того, чтобы выполнить весьма многое и в высокой степени трудное, с незначительной затратой работы, точно также и интеллект, путем приращенной ему силы (vi sua nativa), создает себе интеллектуальные орудия (instrumenta intellectua), с помощью которых приобретает новые

силы для новых интеллектуальных творений, а путем этих последних—новые орудия или возможность к дальнейшим изысканиям, и, таким образом, постепенно идет вперед, пока не достигнет наивысшей точки мудрости» (Трактат об очищении интеллекта, стр. 82).

В мою задачу не входит анализ спинозовского метода, как такового. Само собою разумеется, что этот метод, с нашей современной точки зрения, страдает существенными недостатками. Но эта сторона вопроса меня в данной связи не интересует.

Итак, для адекватного познания природы мы нуждаемся в соответствующем методе. Эта общая *принципиальная* постановка вопроса, разумеется, совершенно правильна, независимо от того, правилен или неправилен данный *конкретный метод*.

Вооружившись своим методом, Спиноза приступает к изучению природы. Его «Этика» открывается известными 8 определениями, которые кладутся в основу всей системы. Само собою разумеется, что я не буду входить в разбор, анализ или критику этих определений. Однако, о первых двух определениях я считаю нужным сказать несколько слов, ибо уже из них можно будет сделать известное заключение о характере всей системы Спинозы и ходе его мыслей вообще.

Первое определение имеет дело с таким, на первый взгляд, чисто схоластическим понятием, как *causa sui*. Но в этом понятии содержится как бы в зародыше вся система Спинозы.

«Под *причиной самого себя* (causa sui), — говорит он, — я разумею то, сущность чего заключает в себе существование, иными словами, чья природа может быть представляема не иначе, как существующею».

Природа (или по терминологии Спинозы бог), мир как целое, есть существо абсолютно бесконечное, являющееся причиной самого себя. Таким образом, Спиноза сразу ввергает нас, так сказать, в пучину бесконечности. Спиноза не начинает, как можно было ожидать, с исследования единичных вещей. Многим может показаться такой метод изучения природы неправильным, а между тем как-раз в этом подходе Спинозы надо видеть известное преимущество, даже заслугу мыслителя.

В самом деле, стоявшая перед Спинозой задача сводилась, прежде всего, к необходимости объяснения не того или иного отдельного, единичного явления, а к обоснованию нового принципа объяснения природы в целом. Поэтому Энгельс совершенно правильно подчеркивает, что Спиноза выставлял и обосновал новый принцип объяснения мира из него самого. «Нужно считать огромным достоинством и честью тогдашней философии, — говорит Энгельс, — что она не поддавалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что она — начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами — настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего» («Диалектика природы», 161 стр.).

Философский подвиг Спинозы состоит в том, что он, *вопреки* тогдашнему эмпирическому естествознанию, отвоевал природу, мир у его

перводвигателя — бога, за которого еще позже крепко цеплялся такой корифей науки, как Ньютон.

Если природа есть причина самой себя, то она не нуждается ни в какой внешней причине, т.-е. в боге, и она должна быть объяснена исключительно из самой себя, из присущих ей внутренних сил, из действующих в ней самой законов. Но такая точка зрения ведь *чисто материалистическая точка зрения*. И важность этой точки зрения усугубляется тем, что она имеет своим предметом именно *природу в целом*. Ибо многие из тех, кто в отношении отдельных явлений не считает нужным прибегать к «помощи божьей», не могут обойтись без бога, как только речь заходит о природе в целом.

Спиноза тем и велик, что он завоевал, так сказать, независимость, автономии природы, свергнув с трона ее бывшего монарха — бога.

Итак, природа есть причина самой себя, ее сущность заключает в себе существование; она существует в силу собственной своей сущности, не нуждающейся для своего существования в какой-либо внешней причине, в другой сущности. Вследствие этого природа есть абсолютно бесконечное существо.

Бесконечному Спинозой противопоставляется *конечное*. «*Конечною в своем роде* называется такая вещь, которая может быть ограничена другой вещью той же природы».

Для того, чтобы мы имели возможность хотя бы поверхностно и в общих чертах подчеркнуть здесь замечательно глубокую *диалектическую* постановку у Спинозы проблемы конечного и бесконечного, необходимо предварительно привести еще седьмое определение, которое гласит так:

«Свободною называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собою. *Необходимой* же или, лучше сказать, *принужденной* называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу».

К сожалению, я лишен возможности подвергнуть здесь анализу Спинозовскую диалектику бесконечного и конечного, свободы и необходимости. Одно необходимо констатировать, это то, что Гегель в своей «Логике» развивает в отношении конечного и бесконечного, свободы и необходимости основные идеи Спинозы. Диалектика Гегеля, поскольку речь идет об указанных противоположностях, представляет только дальнейшее развитие и углубление диалектических идей Спинозы.

Понятие *свободной необходимости* применяется Спинозой, прежде всего, к природе в целом, составляющей *causa sui*, причину самой себя. Противоположность между каждой отдельной вещью, т.-е. между конечным и природой в целом, как бесконечным, состоит в том, что конечное имеет причину своего существования в другом, в то время как бесконечное, мир, как таковой, причину своего существования (как и сущности) имеет в самом себе, или иначе говоря: мир не имеет внешней причины, т.-е. он *беспричинен*, автономен, независим от какой бы то ни было внешней силы-бога. Но это возможно только в том случае,

если мир *безначален и бесконечен*. Если бы мир имел *начало*, то что-то другое должно было бы его породить. Если бы он был конечен, то существовало бы нечто, что его *ограничивает*, что находится опять-таки *вне* его. Но то, что находится вне его, в свою очередь, было бы ограничено другим и т. д. до бесконечности. Стало быть, мы должны мыслить мир бесконечным, т.-е. не ограниченным, не определенным ничем другим и безначальным, т.-е. вечным. Так утверждает Спинозой *вечность*, т.-е. *несотворенность* природы; идея о творце мира терпит полное крушение. Но достигнуть такого чисто *материалистического* результата невозможно на почве формальной логики, ибо формальная логика требует распространения закона причинности на мировое целое. Между тем, как диалектический смысл Спинозовского учения состоит в том, что категория, применяемая к *части* природы, не может быть распространена на *целое природы*. Если каждое отдельное явление природы ограничено другим, имеет внешнюю причину, то в отношении природы в целом этого сказать нельзя. То же самое относится к понятиям возникновения и уничтожения. Эти понятия применимы, так или иначе, к отдельным явлениям, но не к миру, как таковому. Мир не возникает и не уничтожается.

Таким образом, природа или бог есть, как выражается Спиноза, *ens absolute indeterminatum*, т.-е. существо, абсолютно недетерминированное, неограниченное. *Indeterminatum* переводят обычно словом *неопределенное*. Но это совершенно противоречит всему смыслу учения Спинозы, ибо природа (или бог) есть существо, содержащее в себе всю полноту бытия, все богатство определений. Следовательно, *indeterminatum* означает только неограниченное, недетерминированное, в противоположность ограниченному, детерминированному. Известное положение Спинозы «*Omnis determinatio est negatio*» должно быть также понято в том смысле, что *всякое ограничение есть отрицание*, т.-е. все конечное содержит в себе свое собственное отрицание. Обычно же это положение истолковывается в том смысле, что всякое определение (*логическое* определение) есть отрицание. Это также не соответствует действительному смыслу, вкладываемому Спинозой в это положение¹⁾.

Итак, природа в целом не ограничена и не детерминирована; каждая же конечная вещь ограничена и детерминирована другими вещами, т.-е. преходяща и изменчива. Но будучи сама в себе, как целое, ничем не детерминирована, беспричинна, природа во всех своих действиях насковзь детерминирована. В этом смысле Спиноза и говорит о *свободной необходимости*. «Что касается противоположения *необходимого* и *свободного*, то такое противоположение кажется мне... абсурдным и противным разуму», говорит Спиноза (см. его письмо к Гуго Бокселю в Переписке, 355 стр.). То, что существует только по *необходимости* своей собственной природы и определяется к действию только само собою, и является *свободным*. Но по необходимости

¹⁾ Cp. M. Friedrichs, *Der Substanzbegriff Spinoza*, 1896 r.; A. Wenzel, *Die Weltanschauung Spinozas*, I. J. 1907 r.; C. N. Starcke, *Baruch de Spinoza*, 1923 r.

своей собственной природы существует только мир, как целое¹⁾. Следовательно, из *абсолютной необходимости* природы вытекает ее *беспричинность*, и обратно: именно *беспричинность* означает *абсолютную необходимость*, *абсолютное существование*.

Переходя к природе *конечных* вещей, я должен обратить ваше внимание опять-таки на чисто *диалектический* характер постановки этого вопроса у Спинозы. Все конечное имеет причину своего существования (в противоположность природе в целом) не в самом себе, ибо в таком случае оно было бы абсолютным *causa sui*, но в других вещах. Каждая конечная вещь определяется всей совокупностью вещей; она не имеет изолированного существования; *все вещи находятся во взаимной связи, во взаимодействии*. Поэтому все конечное ограничено, т.-е. содержит в себе *отрицание* своего собственного бытия, в то время как природа в целом представляет собою абсолютно *положительное бытие*, исключающее всякое отрицание. С другой стороны, все *отрицательные* определения природы в целом (бесконечно, бегранично, неделимость, безначальность и проч.) выражают не отрицание, а, напротив того, *абсолютно положительные* ее определения. Отрицание переходит здесь диалектически в утверждение. Все же *положительные* определения *конечного* выражают как раз *отрицание*, преходящую его природу.

Относительно взаимной связи конечных вещей Спиноза высказывается в одном письме следующим образом: «Таким же образом, как мы рассмотрели здесь кровь, могут и должны быть рассматриваемы и все тела природы; все они взаимно граничат друг с другом и обуславливают существование и действия друг друга в силу известных определенных законов, при чем в общей сумме их, т.-е. во всей вселенной, отношение между движением и покоем остается постоянным. Отсюда следует, что каждое тело, будучи известным образом ограничено в своем существовании, должно рассматриваться как часть вселенной, находящаяся в зависимости от целого и в связи с остальными частями; а так как природа вселенной не ограничена, как природа крови, но абсолютно бесконечна, то части ее зависят от нее — этой бесконечной силы — бесчисленными способами и могут претерпевать бесконечные изменения. Однако, в отношении субстанции я признаю более тесную связь между целым и его частями. Ибо признав, что бесконечность есть одно из свойств субстанции (что я старался доказать в первом письме моем из Ринсбурга), мы должны заключить, что всякая часть принадлежит к телесной субстанции и без нее не может ни существовать, ни быть нами понимаемой» (Переписка, 132—133 стр.).

Следовательно, неправильно думать, будто, с точки зрения Спинозы, природа представляет собою некое застывшее, мертвое, неподвижное и неизменное бытие. Мыслитель, как мы видим, определенно подчеркивает, что части вселенной могут претерпевать *бесконечные*

¹⁾ Спиноза делает очень важное различие между бесконечным по своей сущности или по самой своей природе и бесконечным по своей причине. Это различие тождественно с учением Гегеля об истинной и дурной бесконечности.

изменения. В природе вообще нет ничего, из чего не вытекало бы какого-либо действия (теор. 36, г. I, «Этика»). Все вещи природы действуют друг на друга, т.-е. находятся во взаимодействии. Каждое тело есть часть вселенной и находится как в связи со всеми остальными ее частями, так и в зависимости от целого. Вся природа же, как выражается Спиноза, «составляет один индивидуум, части которого, т.-е. тела, изменяются бесконечно многими способами без всякого изменения индивидуума в целом». Форма или лицо всей вселенной (*facies totius universi*), при всех изменениях частей, остается неизменной. Я не останавливаюсь здесь на вопросе о том, как понимать *неизменность лица всей вселенной*. Для моей задачи достаточно будет привести мнение Энгельса по этому вопросу: «*Взаимодействие* — вот первое, что мы наблюдаем, когда начинаем рассматривать движущуюся материю в целом с точки зрения современного естествознания, — пишет Энгельс. — Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, свет, теплоту, электричество, магнетизм, химическое сложение и разложение, изменения агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все, если исключить пока органическую жизнь, переходят друг в друга, обуславливают взаимно друг друга, являются здесь причиной, там действием, при чем совокупная сумма движений при всех изменениях формы остается одной и той же. Спинозовское «*субстанция есть causa sui*» выражает прекрасно взаимодействие» (Диалектика природы, 27 стр.). Таким образом, мы видим здесь почти полное совпадение взглядов Спинозы и Энгельса (также и Гегеля).

Каково же место, занимаемое человеком в природе? На этот вопрос мы можем теперь дать вполне определенный ответ. Человек не является каким-то особым, привилегированным существом, он не стоит вне природы или над природой. Человек есть *часть природы*, будем ли мы рассматривать его со стороны тела или души. В качестве части природы человек подвержен тем же воздействиям со стороны всех других тел, как и другие части природы. Стало быть, жизнь человека определяется не какими-либо сверхъестественными силами, а всеобщими законами природы.

Но прежде чем остановиться хотя бы коротко на человеке, необходимо сказать несколько слов о взаимоотношении субстанции и ее атрибутов. Спиноза обосновал, с моей точки зрения, чрезвычайно важное материалистическое положение, которое может быть выражено в двух словах: *материя способна мыслить*. Согласно учению Спинозы, в природе нет двух субстанций, а есть лишь одна субстанция, которая одновременно является и протяженной, и мыслящей. То, что Спиноза на своем языке называет *субстанцией*, в переводе на простой язык называется *материей*. Материя и составляет, так сказать, тайну Спинозовской субстанции. Спиноза возражал только против отождествления мышления с протяжением, но он считал определенно мышление свойством материи. Поэтому он не мог принять Декартовского отождествления *материи с протяжением*. В одном из писем к Чирнгаузу он пишет: «Вы спрашиваете меня, можно ли из понятия о протяжении а priori дока-

зать разнообразие вещей. Полагаю, что я уже достаточно ясно доказал, что это невозможно. Поэтому-то я и говорю, что Декарт неудачно определил материю, как протяжение, ибо она должна рассматриваться, как атрибут, выражающий собою вечную и бесконечную сущность» (Переписка, 387—388 стр.).

Если природа материи исчерпывается протяжением, если она тождественна с ним, то мышление как свойство материи невозможно, ибо мышление и протяжение — совершенно различные качества. Поэтому Спиноза в письме к Генриху Ольденбургу по этому вопросу пишет следующее: «Быть может вы скажете: а не есть ли мышление акт телесный? Допустим, хотя я этого никоим образом не могу признать. Но вы одного не станете отрицать, что протяжение, как таковое, не есть мышление» (Переписка, 75 стр.).

Мне кажется, что эта цитата бросает яркий свет на вопрос о взаимоотношении между атрибутами и субстанцией. С одной стороны, философом определенно подчеркивается *качественная разновидность* протяжения и мышления (даже в том случае, если мышление понимать, как чисто телесный акт, как, повидимому, думал Спиноза, в первый «механический» фазис своего развития), но, с другой стороны, его стремления направлены к установлению *их единства*. Поэтому материю нельзя мыслить тождественной с протяжением. Но отсюда же ясно следует, что под субстанцией надо понимать материю, которая составляет единство двух атрибутов: материя обладает способностью мыслить и нет мышления без материи.

Я уже указывал, что Г. В. Плеханов относит систему Спинозы к материалистическим системам и что материализм Маркса и Энгельса он считает *родом спинозизма*. В предисловии к «Людвигу Фейербаху» Плеханов пишет: «Если «критики Маркса» испустили единодушный крик удивления, когда я в споре с Бернштейном выразил ту мысль, что материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма (eine Art Spinozismus), то это объясняется единственно их изумительным невежеством. Чтобы сделать себе эту мысль более доступною, надо вспомнить, во-первых, что Маркс и Энгельс прошли через философию Фейербаха, и, во-вторых, постараться выяснить себе, чем же собственно отличается философия этого последнего от философии Спинозы. Кто умеет понимать прочитанное, тот скоро увидит, что *по своему основному взгляду на отношение бытия к мышлению* Фейербах есть Спиноза, переставший величать «природу богом и прошедший школу Гегеля». (Энгельс, Людвиг Фейербах, 1906 г., 11 стр.).

Стало быть, Плеханов считает, что именно в основном вопросе об отношении мышления к бытию марксизм примыкает к спинозизму. Что Плеханов, действительно, правильно истолковал точку зрения основоположников марксизма, мы можем теперь подкрепить документально подлинными словами Энгельса. В отрывке (в Диалектике природы), озаглавленном «*Единство природы и духа*», Энгельс пишет: «Для греков было ясно само собой, что природа не может быть неразумной, но и теперь еще даже самые глупые эмпирики доказывают своими рас-

суждениями (как бы ни были ошибочны эти последние), что они заранее убеждены в том, что природа не может быть неразумной, а искусство не может быть противоестественным» (31 стр.). В другом же месте Энгельс так формулирует свою точку зрения на вопрос об отношении мышления к материи:

«Но штука в том, что механизм (а также материализм XVIII столетия) не может выбраться из абстрактной необходимости, а благодаря этому также из случайности. Для него тот факт, что материя развивает из себя человеческий мозг, чистая случайность, хотя и необходимо обусловленная шаг за шагом там, где она происходит. В действительности же в природе материи заключено то, что она приходит к развитию мыслящих существ и поэтому такое развитие соответствует необходимым образом всегда, когда имеются налицо соответствующие условия, поэтому не необходимо повсюду и всегда» (Ibid, 81 стр.).

Для всякого очевидно, что точка зрения Энгельса в основном совпадает с точкой зрения Спинозы.

Но возвратимся к человеку. Мы знаем, что человек составляет часть природы. «Душа и тело составляют один и тот же индивидуум, представляемый в одном случае под атрибутом мышления, в другом под атрибутом протяжения». Человек представляет собою, следовательно, только модификацию атрибутов природы или субстанции. Но замечательно то, что у Спинозы повсюду тело является первым: ему принадлежит, так сказать, примат над душой, которая является только идеей тела; тело является действительным объектом души, в которой как бы отражаются все изменения, происходящие в теле благодаря воздействию на него внешних тел.

Этот материалистический характер всей психологии Спинозы и подал повод одному из новейших писателей с сокрушением сердца усомниться в идеализме нашего философа. «Если дух, — пишет этот исследователь, — имеет своим содержанием только возбуждения тела, то что же остается для духа в качестве его собственного содержания, независимого от телесных возбуждений?» (В. Cellermann. Die Ethik Spinozas, 1922 г., 256 стр.). И Келлерман резонно спрашивает: на каком собственно основании считают Спинозу основателем научного *идеализма*? По его мнению, для этого оснований нет, в чем мы с ним можем вполне согласиться.

К сожалению, я уже лишен возможности остановиться на Спинозовской теории познания, как и на его учении об аффектах, и перейду к заключительной части моего доклада, к вопросу об этике, т.-е. об *образе жизни*, вытекающем из всего учения философа.

Человек есть существо природы, стремящееся, как и все существа природы, к самосохранению, к удовлетворению всех своих потребностей, к счастью, т.-е. ко всему тому, что для него *полезно*. Стремление к самосохранению, — говорит Спиноза, — есть первое и единственное основание *добродетели*. Действовать по добродетели значит действовать, жить, сохранять свое существование по руководству разума на основании стремления к собственной пользе (Теор. 24, ч. IV, «Этика»).

Таким образом, добродетель состоит лишь в действовании по законам собственной природы. *Действуем* же мы лишь постольку, поскольку *познаем*. В качестве части природы человек следует общему ее порядку. Он подвержен всем пассивным состояниям, повинуетя общему порядку природы и *приспосабливается* к нему, поскольку этого требует природа вещей. Сущность пассивного состояния определяется соотношением могущества внешней причины с нашей собственной способностью. Если бы человек подчинялся исключительно своим аффектам, он был бы их рабом, он был бы существом исключительно пассивным. Разум же делает человека существом *активным* благодаря *познанию* законов природы и вследствие того, что аффекты, страсти человек ставит на службу разуму, подчиняя их себе и используя их для своего блага. Человек всачески подвержен действиям природы, но, как существо, одаренное разумом, он, в свою очередь, может воздействовать на природу. В этом смысле разум делает человека свободным. Но так как природа бесконечно превосходит своим могуществом могущество отдельного человека, то успешная борьба человека с природой возможна не в одиночку, а сообща, силами коллективными. «Поэтому для человека нет ничего полезнее человека; люди, говоря я, не могут желать для сохранения своего существования ничего лучшего, как того, чтобы все таким образом во всем согласовались друг с другом, чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, чтобы все вместе, насколько возможно, стремились сохранять свое существование и все вместе искали бы общепользующее для всех. Отсюда следует, что люди, управляемые разумом, т.е. люди, ищущие собственной пользы по руководству разумом, не чувствуют влечения ни к чему, чего не желали бы другим людям, а потому они справедливы, верны и честны» (Этика, 226 стр.). Мы видим, что Спиноза преодолевает здесь индивидуалистическую точку зрения, хотя индивидуум является для него исходным пунктом; однако, только в коллективе индивидуум может развернуть все свои силы и способен достигнуть наивысшего счастья или совершенства. В другом месте Спиноза определенно подчеркивает, что существующий строй жизни его не удовлетворяет, в нем господствуют ненависть и взаимная вражда. Быть может, философ не понимал общественных корней и условий этого строя жизни, но это не мешает ему выдвинуть требование такого общения людей, такой общественной организации, где бы интересы всех согласовались друг с другом, где человеческий коллектив составлял бы *одну душу и одно тело*, где все люди были бы друзьями ¹⁾. Очевидно, что такую организацию общества мы имели бы в *коммунизме*.

¹⁾ Между друзьями же, говорит Спиноза, все должно быть общим. Поэтому философ в письме от 17 февраля 1671 г. резко нападает на автора вышедшей в то время книжки под названием «Политический человек», где автором развивается мысль, что высшим благом являются почести и богатство. Спиноза намеревался написать специальную работу, направленную против этого автора. В этом письме философ, между прочим, пишет след: «Насколько превосходнее и возвышеннее мысли Фалеса Милетского сравнительно с мнением означенного писателя, видно уже из следующего рассуждения Фалеса. Все должно быть общим между друзьями...» (Переписка, 293 стр.).

И в этом смысле современный пролетариат стремится к осуществлению выдвинутого Спинозой идеала, независимо от того, что философ *конкретно* понимал под общественной организацией, где все люди составляли бы одно тело и одну душу.

«Всего полезнее для людей, — говорит Спиноза в другом месте, — соединиться друг с другом в своем *образе жизни* и вступить в такие связи, которые удобнее всего могли бы сделать из всех одного, и вообще людям всего полезнее делать то, что способствует укреплению дружбы» (Этика, 332 стр. ¹⁾).

Именно потому, что человеческая способность ограничена и что могущество внешних причин бесконечно превосходит способности человека, — для борьбы с природой необходимо, чтобы люди коллективными силами приспособляли внешние вещи к своей пользе. *Но часть природы* не может стать *целым* и, следовательно, никогда человечество не будет в состоянии *абсолютно*, так сказать, приспособить и подчинить себе внешние вещи. Однако, в этом нет ничего трагического, и мы должны примириться в этом смысле с необходимостью природы, поскольку мы сознаем вытекающие из этой необходимости границы возможной власти нашей над природой.

Таким образом, взоры нашего философа обращены не назад, к жизни первобытной и дикой, а вперед, к культурному творчеству, к строительству жизни. «Поэтому, — восклицает Спиноза, — пусть сатирики, сколько хотят, осмеивают дела человеческие, пускай проклинают их теологи, пускай меланхолики превозносят, елико возможно, жизнь первобытную и дикую, презирают людей и приходят в восторг от животных, опыт все-таки будет говорить людям, что при взаимной помощи они гораздо легче могут удовлетворять своим нуждам и только соединенными силами могут избегать опасностей, отовсюду им грозящих, я уже не говорю о том, что гораздо лучше и достойнее нашего познания рассматривать действия людей, чем животных» (Этика, 282 стр.). Все мировоззрение Спинозы, в соответствии с развитыми мною здесь основными его стремлениями, носит жизнерадостный и оптимистический характер. Неправильно смотреть на Спинозу, как на какого-то отшельника, проповедующего смирение человека и аскетически-христианскую мораль. Напротив того, *правильный образ жизни* человека состоит в развитии всей полноты силы и мощи, заложенной в человеческом коллективе, в стремлении к разумным наслаждениям, к достижению наивысшего совершенства и радости. Вот в каких ярких выражениях Спиноза говорит об этом в своей «Этике»:

«Конечно, только мрачное и печальное суеверие может препятствовать нам наслаждаться. В самом деле, почему более подобает утолять голод и жажду, чем прогонять меланхолию? Мое воззрение и мнение таково: никакое божество и никто, кроме ненавидящего меня, не может

¹⁾ Спиноза считает, что общество должно заботиться о немущих гражданах и доставлять им необходимое для поддержания жизни. «Поэтому забота о бедных лежит на всем обществе и имеет целью только общественную пользу» (Этика, 324 стр.).

находить удовольствия в моем бессилии и в моих несчастиях и ставить нам в достоинство слезы, рыдания, страх и проч. в этом роде, свидетельствующее о душевном бессилии. Наоборот, чем большему удовольствию мы подвергаемся, тем к большему совершенству мы переходим, т.-е. тем более мы становимся необходимым образом причастными к божественной природе. Таким образом, дело мудреца пользоваться вещами и, насколько возможно, наслаждаться ими, но не до отвращения, ибо это уже не есть наслаждение. Мудрецу следует, говорю я, поддерживать и восстанавливать себя умеренной и приятной пищей и питьем, а также благовониями, красотой зеленеющих растений, красивой одеждой, музыкой, играми и упражнениями, театром и другими подобными вещами, которыми каждый может пользоваться без всякого вреда другому. Вель тело человеческое слагается из весьма многих частей различной природы, которые беспрестанно нуждаются в новом и разнообразном питании для того, чтобы все тело было одинаково способно ко всему, что может вытекать из его природы и, следовательно, чтобы душа также была способна к совокупному постижению многих вещей. Таким образом, указанный строй жизни является всего более согласным и с нашими началами, и с общим обычаем. Поэтому, если и есть другие образы жизни, то этот все-таки самый лучший, и его всячески должно советовать, и яснее и подробнее говорить об этом нет нужды» (Этика, 298 стр.).

Из всего мною сказанного следует, что основным стремлением Спинозы было осуществление «правильного образа жизни» индивидуума и коллектива, осуществление «совершенной» общественной организации, где было бы возможно достигнуть наибольшего счастья, наибольшей радости и полноты жизни всех людей, или, выражаясь иначе, сознательного единства духа с природой. В познании единства, которое дух имеет с природой в ее целом, и заключается самая сущность человека. «Вот, следовательно,— говорит Спиноза,— конечная цель, к которой я стремлюсь: достичь подобной сущности и стараться, чтобы многие достигли ее вместе со мною; последнее значит, что к моему счастью относится также содействие тому, чтобы многие другие понимали (intelligent) то самое, что я понимаю, и чтобы их понимание и стремление соответствовали моему пониманию и стремлению. Для этой цели необходимо познать Природу (т.-е. Сущность Субстанции) постольку, поскольку этого достаточно для достижения указанной (человеческой) сущности; затем организовать общество, которое обеспечило бы возможно многим возможно легкое и надежное достижение намеченного; далее, необходимо занятие Моральной Философией, так же, как и Учением о Воспитании детей, и так как здоровье является не маловажным средством для достижения указанной цели, то требуется привлечение сюда и Медицины, в ее целом, а поскольку путем (технического) искусства многие трудные вещи превращаются в легкие, и мы, таким образом, оказываемся в состоянии выиграть время и создать себе удобства в жизни, то и Механика ни в каком случае не должна остаться в пренебрежении. Но, прежде всего, надо осознать способ врачевания интеллекта и его,

сколько возможно вначале, очищения (от всего не истинного), *modus medendi intellectus ipsumque expurgandi* для того, чтобы он мог удачно, безошибочно и по возможности наилучше понимать вещи. Из сказанного всякий в состоянии уже видеть, что я хотел бы направить все науки к одному концу и цели, а именно, как сказано нами, к достижению наивысшего человеческого совершенства, *ad summam humanam perfectionem*. Таким образом, все то в науках, что не подвигает нас к этой нашей конечной цели, должно быть отброшено, как бесплодное; одним словом, к этой конечной цели должны быть направляемы все наши действия и все наше познание (*Cogitationes*¹): (Трактат об очищении интеллекта, 68—69 стр.).

Таким образом, науки имеют для Спинозы чисто *практическую* ценность, поскольку они служат нашей конечной цели. Целью же всех наук и всего человеческого познания является достижение наивысшего человеческого совершенства. Чрезвычайно важная роль отводится Спинозой механике или технике, т.-е., говоря современным языком, развитию производительных сил, ибо оно ведет к увеличению нашей власти над природой. Техника теснейшим образом связана с *естествознанием*, которое является самой важной наукой; оно имеет своим предметом природу, т.-е. сущность субстанции (и человека, как части природы). На основе естествознания (и знания человека) необходимо построить соответствующую *общественную организацию*. Основанная на познании природы моральная философия есть учение о *правильном образе жизни* в развитом уже мною смысле. Медицина заботится о здоровье людей, ибо здоровье есть первое условие радости. Наука же об интеллекте или методе познания имеет своей целью достижение объективного, адекватного познания мира.

Таковы основные элементы философии Спинозы²).

Товарищи! Я не буду заниматься пророчеством насчет того, кем и кем был бы Спиноза, если бы он жил в наше время. Для меня не подлежит, во всяком случае, сомнению одно: агентом Лиги Наций Спиноза никогда бы не был. Второе, что я хочу подчеркнуть,—это то, что мы ни в коем случае не согласны уступить Спинозу нашим врагам. Для этого нет решительно никаких оснований. Спиноза был великим мыслителем-материалистом, и в этом отношении он должен считаться предшественником диалектического материализма, так что настоящим наследником Спинозы является только современный пролетариат.

А. Деборин

¹) Половцева переводит *Cogitationes* «содержание нашего сознания», но нам представляется более правильным сказать познание, размышление или помыслы.

²) Я подчеркнул сегодня только сильные стороны в учении Спинозы, не вдаваясь в оценку этих положительных моментов с точки зрения наших современных взглядов; еще менее я считал нужным подвергнуть критике неприемлемые для нас моменты в учении Спинозы. Я считал необходимым сегодня особенно подчеркнуть, что Спиноза в общем и целом стоял на материалистической точке зрения и что основным мотивом его философского творчества было господство человеческого коллектива над природой в целях достижения наибольшего совершенства и счастья людей, наибольшей солидарности между ними в обществе.

СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НИДЕРЛАНДАХ ПРИ ЖИЗНИ СПИНОЗЫ¹

1. Введение

Освобожденный пролетариат Советской России имеет все основания торжественно почтить память Бенедикта Спинозы, — быть-может, самого отважного, самого ясного и самого чистого из мыслителей, которые на протяжении веков прокладывали путь к духовной эмансипации человечества. Он может причислить его к своим духовным предкам наряду с французскими материалистами XVIII века и великими немецкими философами — Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем. И только пролетариат может поступить так, оказав этим мыслителям полную историческую справедливость. Ему незачем превращать в социалистов или марксистов мыслителей буржуазной революции и незачем ему «дополнять» социализм или марксизм нео-кантианством, нео-гегельянством или нео-спинозизмом. Он предоставляет упадочной буржуазии заклывать великих духов своего революционного прошлого не с тем, чтобы напоить их кровью жизни — разве могла бы буржуазия, всеми силами противящаяся носительнице прогресса в *наше* время, пролетарской революции, действительно воскресить мыслителей, которые в классовой борьбе своего времени сражались на самых передовых постах, далеко впереди своего собственного класса? Нет, эти заклинания покойников имеют совершенно противоположный смысл: великие и славные герои прошлого должны образовать духовный бруствер, за которым могла бы окопаться против революции нынешняя буржуазия. Но как это возможно? Для этого мало исказить и извратить историческую роль этих героев, что неизбежно при всех подобного рода обновлениях; необходимо еще, чтобы в силу самой исторической диалектики то, что в мыслителях буржуазной революции носит специфически *буржуазный* характер, если оно *сохраняется* в своих исторических, определенной эпохой обусловленных формах, было обращено против новой и более высокой формы, которую оно приняло в идеологической системе революционного пролетариата — в диалектическом материализме. Как к Канту и в еще большей степени к Гегелю и Фейербаху, это относится и к Спинозе.

¹ Речь, произнесенная 27 апреля в Коммунистической Академии на заседании, посвященном 250-й годовщине смерти Спинозы.

В диалектическом материализме Спиноза «снят» в тройном значении этого гегелевского термина: сохранен, отвергнут и поднят на более высокую ступень. «Возврат» к Спинозе или же «дополнение» диалектического материализма Спинозой невозможны, как всякий другой возврат подобного рода. То, что ценно в системе Спинозы, уже вошло в диалектический материализм благодаря французскому материализму с одной стороны, благодаря Гегелю и Фейербаху — с другой. Между тем, как вам, быть-может, известно, в Германии создалась нео-спинозистская школа, и буржуазная история философии, с отцом Дунин-Борковским во главе, превращает Спинозу в «боговдохновенного пророка», в обладателя мистическим опытом, столь любезным буржуазному сердцу, в сына Каббалы, средневековой схоластики и мистики. Концепция эта лишена даже оригинальности. Еще в середине XVIII столетия один забытый ныне немецкий ученый, по имени Вальх, сделал попытку изобразить спинозизм, как истинную, очищенную от всякой примеси, философию еврейской мистики, т.е. Каббалы, которую потом Гердер признал покушением с негодными средствами. Эта старая попытка имеет, однако, мало сходства с нынешним омистичением Спинозы. То была одна из робких попыток буржуазного просветительного века привлечь внимание к Спинозе, к которому, по выражению Лессинга, относились, как к мертвой собаке, — не раздражив своры ортодоксальных богословов, для которых Спиноза был самым ненавистным врагом, наиболее радикальным и опасным из атеистов, в чем они были уже не так не правы.

В дальнейшем я попытаюсь показать связь между учением Спинозы и его временем или, точнее говоря, классовой структурой и классовой борьбой той страны, в которой он вырос и действовал, т.е. Нидерландов. Изложение это должно показать, что Спиноза отнюдь не был мыслителем вне времени и пространства, который с помощью своей неподкупной логики додумал Декарта до конца, освободив картезианскую систему от его дуализма протяжения и мышления, и что его собственная система отнюдь не есть соединение Декарта с элементами схоластической и мистической философии. Идеи Спинозы коренятся не в еврейской или христианской средневековьи, а в современной ему нидерландской действительности — в той же почве, на которой вырос Рембрандт, прославивший свет и озаривший своим творчеством уют мещанской жизни, великий естествоиспытатель Христиан Гюйгенс, создавший теорию световых волн, а также государственные деятели Ян и Корнелис де-Виты, союзники и соперники Оливера Кромвеля. Спиноза, подобно всем другим мыслителям, жившим до него, должен был, разумеется, взять за исходную точку ту, на которую поднялась философская мысль его времени. Это был Декарт. Спиноза был знаком с религиозной философией еврейства — с Маймонидом, с Каббалой, но то, *каким образом* спаяла мысль Спинозы философские элементы своего времени с элементами знакомого ему прошлого и развила дальше этот синтез, не определяется этими элементами, подобно тому как кирпичи и цемент не определяют формы здания, для которого они предназначены. Заранее данные элементы мысли сами по себе, чисто логически могут быть соединены и развиты самими

разнообразными способами; соединение понятий, как и явлений действительности, имеет *всесторонний характер*. Говоря математическим языком, решение задачи неопределенно. Действительный путь, избираемый философским мышлением от данного пункта, определяется в конечном счете действием элементов *действительности*: в естественных науках — наблюдением и экспериментом, а также требованиями техники, в философии — классовой структурой и классовой борьбой.

Для историко-материалистического истолкования истории философии в методическом отношении имеет силу то, что высказал Маркс по отношению к истории религии. Мы не должны брать за исходный пункт ту или другую философскую систему и сводить ее потом к ее необходимым предпосылкам, коренящимся в социальной действительности; нет, научный метод требует обратного: нужно из социальной действительности вывести философскую систему. Нужно это потому, что заключение от причины к действию дает слишком большой простор произволу, тогда как выведение причины из действия, во-первых, отражает действительный процесс и, во-вторых, более ограничивает вмешательство произвола и случая. Обречена также на неудачу попытка (вроде, например, попытки Отто Бауэра) вывести определенную философию какой-нибудь определенной эпохи новейшей философии из *общих* черт капиталистического производства, особенно если это последнее ко всему еще неверно истолковано. Такие общие черты экономической структуры капиталистического хозяйства или же структуры буржуазного общества могут объяснить лишь самые общие черты философии капиталистической эпохи. Чтобы историко-материалистически понять определенную философскую систему, должны быть проанализированы в своей исторической *конкретности*, экономическая и классовая структура, а также классовая борьба данного времени в данной стране; должны быть, кроме того, внимательно изучены промежуточные звенья, связывающие эту глубокую конкретную подоплеку с философским кружевом, уходящим в эфирные выси абстракции. Поэтому материалистическое изложение истории философии значительно труднее, чем идеалистическое; где последнее останавливается, первое должно вновь приняться за работу: на ряду с историческим материалом, оно должно овладеть материалом экономическим и политическим.

Еще одно предварительное замечание общего характера. Если вспомнить, что Спиноза не решился опубликовать свой теолого-политический трактат под своим настоящим именем и с указанием издателя, что он свой главный труд, *Этику*, не мог издать при жизни, что голоса его противников в Нидерландах были несравненно многочисленнее и громче, чем голоса его немногих сторонников, что в течение 100 лет он считался мертвой собакой, пока Якоби, обнаружив в середине 80-х годов XVIII столетия мысли о нем, высказанные Лессингом в беседе, не открыл путь для его влияния в Германии и тем самым к воскресению из мертвых — если вспомнить все это, то может показаться, что Спиноза в гораздо большей степени противостоял своему времени, чем был с ним связан и им определен. Но дело именно в том, что отношение философской системы к классу, бытие и тенденции которого оно

выражает, не исчерпывается формами соответствия или равенства. Всегда имеет место в *то же время* и некая противоположность, некое противоречие, обусловленное тем, что бессознательные, эмоциональные и бессвязные переживания переплавлены в систему. На ряду с одинаковостью *содержания*, а именно классового сознания, обуславливающего согласие, мы имеем различие в отношении *формы*, которым порождается противоречие.

Особенные черты классовой структуры нидерландского общества XVII века служат достаточным объяснением для специфической особенности этого общего соотношения в случае Спинозы.

2. Образцовая капиталистическая страна XVII столетия

Прежде чем перейти к изложению экономических основ классовой структуры и международной роли Нидерландов в XVII столетии, я дам для ориентировки читателя хронологическую канву событий, имеющих историческое значение.

Спиноза родился в 1632 году, и, следовательно, ему было 16 лет при заключении Вестфальского или, как его иначе называют, Мюнстерского мира. Этот мир положил конец не только тридцатилетней войне в Германии, опустошившей эту страну и отбросившей ее на целый век назад в культурном развитии, но и восстанию Нидерландов против испанской монархии — восьмидесятилетней войне, как ее называют голландцы. Эта восьмидесятилетняя война — период национального подвига и революционного брожения на грани феодальных и буржуазных революций — имела совсем иные результаты, чем тридцатилетняя война в Германии. Она подняла Голландию на высшую ступень ее экономического и политического развития. Лишь до конца XVI века и начала XVII Нидерландам приходилось бороться за свое существование, продолжение войны имело совершенно иное значение; это — блестящий период первоначального капиталистического накопления в Нидерландах, в течение которого эта маленькая страна, подобно прожорливой акуле, рвала на части могущественную испанскую монархию, отнимая у нее одну колонию за другой и рынок за рынок, чиня морской разбой в большом стиле, главным образом, по отношению к судам, которые везли американское серебро и золото из испанских рудников в метрополию, и в то же время снабжая воюющую с ними Испанию мануфактурными товарами, которые та не в состоянии была сама производить, перекачивая к себе и таким, более мирным, образом испанские запасы серебра и золота. Эта вторая половина восстания Нидерландов является, следовательно, преимущественно колониальной и торговой войной с Испанией, из которой Нидерланды вышли грандиозно разбогатевшими.

Но как только Испания была разбита и ограблена, Нидерланды начали борьбу против Франции и усилившейся Англии, борьбу за морской транспорт, за колонию, за гегемонию в промышленности и торговле. Первый тяжелый удар голландской монополии морского транспорта нанес Оливер Кромвель знаменитым навигационным актом 1651 г., за которым последовало аналогичное выступление Франции в 1655 г.,

повторенное через четыре года. Но если для Англии вопрос шел прежде всего о голландском морском транспорте, то Франции важнее всего было сломить мощь нидерландской мануфактурной промышленности. Разражается первая морская война между Нидерландами и Англией (1653—1654). Навигационный акт остается в силе. С 1657 года по 1661 тянется колониальная война с Португалией. После нескольких предварительных стычек в колониях завязывается упорная борьба между Англией и Нидерландами (1665—1667), во время которой Франция сперва обращается против Англии (январь 1666), а в феврале следующего года заключает с Карлом II тайный договор, направленный против Нидерландов. В мае Франция нападает на Нидерланды (так называемая *деволюционная война*). Нидерланды вынуждены заключить в июне мирный договор с Англией (Бредский мир), чтобы развязать себе руки для борьбы с Францией. Образуется тройственный союз между Англией, Нидерландами и Швецией против Франции. После того, как Англия с помощью Франции ослабила Нидерланды, ей было важно выступить против Франции, чтобы не дать последней слишком усилиться на континенте. Франции пришлось в следующем 1661 году заключить в Аахене мирный договор с руководимым Англией тройственным союзом. Но уже два года спустя (май—июнь 1670 года) английский король Карл II и французский король Людовик XIV подписывают в Довере тайный договор, направленный против Нидерландов. Как раз в том же году появляется в свет теолого-политический трактат Спинозы. Новая война разражается через два года. Ее база расширяется: германский император и Бранденбург присоединяется к Голландии. Лондонским договором 1674 года Англия опять выходит из враждебной Нидерландам коалиции. С другой стороны, Швеция переходит на сторону Франции и ее союзников, в то время как Дания сражается на стороне Голландии. В 1678 году, через год после смерти Спинозы, эта сложная и длительная борьба заканчивается Нимвегенским мирным договором.

Во внутреннем отношении эпоха Спинозы является временем Яна де-Вита, который с 1653 года под именем «великого пенсионария» Голландии и в качестве представителя голландской торговой буржуазии правил Нидерландами. В 1672 г. совместное нападение Франции и Англии на Нидерланды привело к падению так называемой государственной партии, к убийству обоих братьев де-Витов (повидимому, дело оранжистских рук) и к провозглашению Вильгельма Оранского правителем провинций Голландии и Зеландии (уже раньше он был назначен генерал-капитаном соединенных провинций). Когда умер Спиноза, власть была в руках оранжистов. Однако по существу это была скорее смена лиц, чем систем управления. Истинными господами страны продолжали оставаться олигархи из среды торговой буржуазии, с той лишь разницей, что теперь им приходилось делиться своей добычей с дворянской и офицерской кликами, а также с оранжистской фракцией буржуазии.

Такова, в общих чертах, историческая рамка. Мы должны теперь охарактеризовать экономические основы классовой структуры Нидерландов и их международной роли в XVII столетии.

Голландия — образцовая капиталистическая страна XVII века. Поэтому более, чем к какому-нибудь другому государству, взоры капиталистически развитых соседей были прикованы к этой маленькой приморской стране, насчитывавшей не более 2½ миллионов жителей, с величайшим в то время торговым флотом, с обслуживающим весь мир морским транспортом, с процветающими мануфактурами, с величайшим денежным богатством (и, вместе с тем, огромным военным долгом) и с самым низким учетным процентом. Чем объяснить это чудо? Этот вопрос задавали себе прежде всего англичане, которым революция помогла сделать огромный шаг вперед в экономическом и социальном отношении и которые готовились померяться силами с капиталистическим Эльдorado. К этому времени относятся попытки англичан глубже проникнуть в сущность капиталистического богатства, в истинную сущность стоимости. Заключается ли она в деньгах, в которых утопают Нидерланды, или в чем-нибудь другом, где очевидно превосходство Англии? В процессе исследования этого вопроса Вильям Петти пришел к заключению, что подлинной сущностью и мерой стоимости является труд, и поэтому Англия, обладающая большей территорией и более многочисленным населением, потенциально сильнее, чем Нидерланды, которые она может и должна затмить. Нас интересует здесь прежде всего другая сторона этих исследований, а именно — экономическая (а также социальная) опись Нидерландов и экономический анализ страны, произведенный англичанами, прежде всего самым проницательным и талантливым из них, Вильямом Петти. Это даст нам ясную картину экономического соотношения сил в Нидерландах во второй половине XVII столетия.

Первая, относящаяся сюда работа Петти, это — «Five Essays on Politickal Arithmetick», вышедшие в 1687 году, из которых последний озаглавлен: «Concerning Holland and the rest of the VII united Provinces». Под Голландией здесь понимается *провинция* Голландия, самая богатая и могущественная из семи объединенных провинций, входивших в состав Нидерландов. Население Голландии Петти принимает в 800.000 человек, население всех провинций, вместе взятых, в 1.952.000, тогда как Англия, по его подсчету, обладает населением в 7 миллионов, а вместе с жителями Шотландии и Ирландии, в 9,8 миллионов. Он упоминает о том, что учетный процент в Голландии едва достигает 3½, что было неслыханно дешево для того времени.

Причину «процветания Голландии» Петти находит в следующих обстоятельствах:

1. Плодородие почвы дает возможность густого заселения местностей.
2. В качестве приморской равнины, Голландия открыта действию ветра, что дает возможность строить экономящие труд ветряные мельницы.
3. Голландия и Зеландия расположены у устья трех больших рек. Они производят мануфактурные товары для всех прибрежных стран, получая от них взамен сельскохозяйственные продукты.

4. Фрахт по многочисленным рекам и каналам страны очень дешев.
 5. Морское положение страны и обилие болот делают легкой и дешевой ее оборону.

6. Стоянка судов в Голландии обходится дешево.

7. Процветающее, благодаря морскому положению, рыболовство одно приносит 3.000 флоринов ежегодного дохода.

8. Рыболовство и судоходство породили торговлю строевым лесом для лодок, мачт, бочек, коноплей для канатов, парусов, сетей, солью, железом, дегтем, смолой, изюмом, пемзой, растительным маслом, салом.

9. В качестве рыболовов и мореходов они сделались «factors and barriers for the whole world of trade».

«В силу всех этих обстоятельств они привозят к себе для выделки и обработки все природные богатства мира и затем отправляют их в те страны, в которых те увидели свет. В самом деле, разве они не обрабатывают вест-индский сахар, лес и железо с берегов Балтики, коноплю из России, олово и шерсть из Англии, ртуть и шелк из Италии, пряжу и красящие вещества из Турции?» и т. д. (The Economie Writings of sir William Petty, Hull-Cambridge 1899 (p. 253).

«Ясно, — заключает он отсюда, — что народ, который на 45 миллионов в состоянии сэкономить 1 миллион по сравнению с другими народами (благодаря лишь своим природным и внутренним преимуществам), легко может занять доминирующее положение в мировой торговле, не обладая той остротой ума, которую многие приписывают англичанам».

«В каждой стране, — продолжает он, — обыкновенно процветает та отрасль промышленности, которая производит свои собственные, домашние товары... Отсюда следует, что Голландия и Зеландия должны особенно процветать в области судоходства и владеть транспортом всего торгового мира» (стр. 258).

По мнению Петти, мореплаватели в отношении накопления богатства стоят трех сельских хозяев, «почему в Голландии и Зеландии очень мало пашут и жнут или разводят скот; их страна занята постройкой домов, кораблей, машин, плотин, верфей, разбивкой садов, культивированием плодов и цветов необыкновенных пород».

Благодаря огромному объему своей морской торговли они могут для каждой отрасли заводить особые суда, что удешевляет для них расходы по плаванию.

«Я показал, — резюмирует Петти, — как географическое положение дало им судоходство, как судоходство дало им овладеть всеми остальными отраслями торговли и как заморская торговля, в свою очередь, питая их собственную промышленность, позволяет им принудить весь мир обслуживать их предприятия. Теперь остается, — продолжает он, — показать, какие результаты имела их политика, построенная на вышеизложенных естественных преимуществах, а не на превосходстве их ума, как многие полагают» (стр. 260—261).

Сто лет тому назад страна была бедна и угнетена, климат был холодный и неприятный. Поэтому все население должно было работать не покладая рук — и здесь надо искать причину их огромных успехов.

Что касается политического устройства страны, то Петти отдает себе ясный отчет, что оно теснейшим образом связано с ее экономической структурой.

«Свобода совести, регистратура приходящих судов, низкие пошлины, банки, ломбардное и торговое право — все это проистекает из одного и того же источника и преследует одну и ту же цель; что касается дешевизны учета, то и она — результат всех сложившихся условий, а не плод их сознательных усилий.

Ко всему прочему голландцы освободили себя от занятия двумя ремеслами, которые, будучи сопряжены с величайшими заботами и опасностями, в то же время доставляют наименьшую выгоду. Первое из них — ремесло простого солдата, ибо они могут нанять у Англии, Шотландии и Германии сколько угодно солдат, которые за шесть пенсов в день согласны рисковать своей жизнью; сами же они, не зная никаких опасностей, занимаются теми ремеслами, которые самому ничтожному из них дают втрое больший заработок и благодаря которым можно содержать войско, состоящее из иностранцев. Другие ремесла, от которых освободились голландцы, это — патриархальное ремесло скотовода (пастуха — по характерному выражению Петти), и, в большой степени, труд пахаря и сеятеля; этот труд они возложили на датчан и поляков, от которых и получают молодой скот и зерно» (стр. 267).

Еще более подробную характеристику экономической структуры Нидерландов во второй половине XVII столетия мы находим в знаменитом, или пресловутом, сочинении Питера де-ла-Кура (его настоящее имя было ван-Хове) под названием: «Толкование к здоровым политическим основоположениям и принципам республик Голландии и Западной Фризии». Автор — лейденский суконщик, один из ближайших друзей Яна де-Вита, принимавшего участие в составлении некоторых глав его книги, и самый влиятельный политико-экономический писатель эпохи. Упомянутая книга впервые появилась в свет в 1669 году и обратила на себя всеобщее внимание не только в Голландии, но и за границей. Это был экономический и политический манифест господствующей партии и истинного правителя Голландии — великого пенсионария Яна де-Вита.

Питер де-ла-Кур следующим образом группирует население Нидерландов по производственным отраслям:

Население в целом	2.400.000 чел.
Рыболовным промыслом и связанными с ним отраслями занято	450.000 »
Обработкой земли, добычей торфа и рубкой леса	200.000 »
Производством и торговлей вывозных товаров	650.000 »
Морским транспортом и делами с иностранными товарами за исключением рыболовства	250.000 »
Доставкой продовольствия перечисленным слоям населения	650.000 »
Чиновники, офицеры, нищие	200.000 »

Таким образом, сельское население составляет лишь незначительное меньшинство — явление, резко противоречившее положению

в остальной Европе. Доминирующую по своему экономическому значению роль играет торговля, главным образом, транзитная, и морской транспорт. Интересы торговли и транспорта преобладают в Голландии во второй половине XVII столетия, и в них царит величайшая концентрация капиталов. С морским транспортом тесно связано судостроение, и эта отрасль промышленности построена на грандиозных капиталистических основаниях. Нидерланды строят в эту эпоху суда не только торговые, но и военные — для всей Европы, не исключая и своих противников.

Исходным пунктом нидерландской торговли был рыболовный промысел, процветавший, главным образом, в провинции Голландии. Он вызвал к жизни морской транспорт и торговлю в Балтийском море, где голландцы очень скоро оттеснили ганзейских купцов. Главными предметами торговли были зерно, строевой лес, соль, шерсть, полотно, конопля. Голландия для пропитания своего населения нуждалась в значительном ввозе зерна. К этой «метропольной» торговле во время войны против Испании присоединилась ост-индская торговля, которая приносила в страну несметные богатства и была монополизирована в руках ост-индской компании. Точно также монополизирована была вест-индская торговля в руках вест-индской компании. Но она резко отличалась от ост-индской и носила своеобразный характер. Главное место занимали здесь пиратские нападения на испанские корабли, которые безли домой американские сокровища. Другим источником значительных доходов была торговля рабами, прежде всего обслуживание испанских колоний черным товаром. Торговля с Левантом попала в руки голландцев благодаря посредничеству испанских и португальских евреев. Позже всего развилась торговля с севером, тоже монополизированная в руках особой компании, главным объектом которой был китобойный промысел.

Мануфактуры, как ни цветуще было их положение, были строго подчинены интересам торговли. При столкновении интересов торговля всегда одерживала верх, особенно в области таможенной политики. Отсюда — низкие таможенные ставки и т. д. Большинство мануфактур были производствами средних размеров. Многие из них, особенно те, которые были тесно связаны с экспортной торговлей, сумели высвободиться из цеховых тисков; такими, стоявшими вне гильдейской системы, отраслями были, между прочим, пивоварение, производство солода, винокурение, очистка сахара, табачное производство, канатное производство, изготовление смолы, мыла, шелкопрядание, а также ткацкое дело, производство ситца, железо-литейное дело, выдувание стекла, варка рыбьего жира, изготовление серы, селитры и пороха, изготовление лака и красящих веществ, шлифовка брильянтов, производство иголок и т. д.

Города строго следили за тем, чтобы деревня не занималась никакой торговлей и не конкурировала с мануфактурными и ремесленными гильдиями. Деревня подвергалась систематической и жестокой эксплуатации со стороны города.

Под слоем цеховых ремесленников, обслуживавших, главным образом, внутренний рынок, стоял вне-цеховой, новой формации, пролетариат: рабочие крупных мануфактур и многочисленный экипаж торгового флота. Мы видим, как этот пролетариат возникает на развалинах феодализма, распавшегося в течение XV и XVI веков. Как позже в Англии, в XVI столетии, он несет жестокою кару за то, что вышел из феодальных взаимоотношений, но еще не занял своего места в капиталистической системе производства. На протяжении всего XVI столетия огромные массы этих пролетариев бродят по всей стране, собирая милостыню. Бесконечные распоряжения властей грозят им виселицей, колесованием, каленым железом. Лишь в XVII веке они находят себе пристанище в мануфактурах, в торговом и военном флоте, на пиратских кораблях. Пролетариат этот был весьма пестрого национального состава: из всех стран устремлялись в Голландию в XVI и XVII веках ремесленники и крепостные. Особенно велик был приток из южных Нидерландов, которые остались под испанским владычеством. Этот класс был главным создателем тех богатств, которые поставили на такую недостижимую высоту торговлю и промышленность. Иностранцы дивились дешевизне рабочих рук, и действительно, если Голландия во второй половине XVII века была самой богатой капиталами европейской страной, то нигде заработная плата не стояла так низко. Голландцам принадлежит честь изобретения, которое потом в таком крупном масштабе применялось в Англии, — часть заработной платы уплачивать в виде налога в пользу бедных. Суммы этих налогов в таких городах, как Амстердам, Лейден и т. д., достигали в XVII столетии исключительных для того времени размеров. Объясняются эти колоссальные налоги в пользу бедных, на сиротские приюты и т. п. не какой-нибудь особенной склонностью к благотворительности, присущей голландским капиталистам XVII века, а тем, что это давало возможность частично оплачивать труд из общественных средств и таким способом держать рабочего в узде. Кроме того, на рабочем тяготели тяжелые косвенные налоги — акцизы, как их тогда называли в Европе. Образцовая капиталистическая страна была образцовой и в этом отношении.

Об этих плебейх торговые олигархи всегда отзываются с презрением и именуют их чернью.

Посмотрим теперь на положение в деревнях. Крепостная зависимость — там, где она утвердилась в Нидерландах — еще в XIV веке почти совсем исчезла. В восточной Фризии ее вообще никогда не существовало. Эта ранняя ликвидация крепостной зависимости тесно связана с двумя моментами: во-первых, с быстрым развитием городов и во-вторых, с природными условиями Голландии. Территория пядь за пядью должна была отвоевываться у моря; для ее сохранения необходимо было строить все новые плотины и чинить старые. Эта непрерывная и тяжелая работа не могла исполняться крепостными. Помещик (свободных земель было очень мало), желавший расширить свои владения с помощью плотин и дренажных работ, мог получить рабочие руки, только сделав их свободными. Натуральный оброк и барщина

в течение XIII века, а еще больше в XIV, мало-по-малу перешли в определенные денежные взносы. Крепостной крестьянин превратился в свободного, наследственного арендатора или в фермера. Остатки феодализма дольше всего сохранились в провинциях Овертейсен, Дренте и Гронинген и определенным образом влияли на отношение Голландии к этим провинциям. Но в общем и целом, роль их была незначительна в нидерландском хозяйстве. Развитие торговли зерном привело к тому, что большинство голландских крестьян перешло к специальным культурам, к огородничеству, к садоводству, а также к откармливанию скота.

Старое феодальное дворянство остается в Нидерландах в XIII веке лишь в двух-трех отсталых провинциях, но и там его немного. Главная его масса погибла в бесконечных распрях XIII и XIV веков и вследствие развития городов потеряла всякое значение. Основные классы Нидерландов в XIII веке следующие:

1. Крупная торговая буржуазия, тесно связанная с хозяевами мануфактур.
2. Городские ремесленники, организованные в цехи и стрелковые гильдии.
3. Городской пролетариат — рабочие мануфактур, торгового флота и т. д.
4. Свободные крестьяне, наследственные арендаторы.
5. Остатки крестьянства, живущего в феодальных или полуфеодальных условиях вместе с столь же незначительными остатками феодального, патриархального дворянства.

3. Классы, партии, государство

Перейдем теперь к характеристике классовых, партийных и государственных взаимоотношений.

Как для экономической стороны мы взяли за основу англичанина Вильяма Петти, так, переходя к социальной и политической сторонам, мы можем воспользоваться другим англичанином, сэром Вильямом Темплом, английским посланником в Гааге. Мы имеем в виду его труд, озаглавленный «*Rémarques sur l'Etat des Provinces Unies des Pays Bas, faites en l'an 1672 par monsieur le Chevalier Temple. A la Haye 1674*». В этом труде сэр Вильям Темпл показывает себя прекрасным наблюдателем. Все существенные пункты его описания подтверждаются современными источниками. Его труд весьма способствует тому, чтобы рассеять нередко встречающиеся туманные представления о якобы существовавшей в XVII столетии в Нидерландах демократической республике и доказать их полную несостоятельность.

Об общем характере государственного устройства в Нидерландах он говорит следующее: «Хотя они и сохранили за собой название свободного народа, однако, плоды той свободы, ради которой они когда-то взялись за оружие, гибнут от неограниченной власти магистратов в городах и провинциях и от невыносимых тягот бесконечных налогов,

которые продолжительная война с таким могущественным врагом делала необходимыми для поддержания государства» (стр. 74, 75).

«Собственно говоря, мы имеем перед собой не республику; это скорее федерация семи суверенных провинций, объединившихся для совместной защиты, без какой бы то ни было взаимной зависимости или взаимного подчинения» (стр. 120).

«Каждая из этих провинций состоит из нескольких городов, которые в свою очередь, подобно маленьким государствам, обладают многими признаками суверенной власти. Генеральные штаты — так называлась эта федерация — могли заключать мирные договоры и союзы и устанавливать налоги только при безусловном согласии провинций, провинции же нуждались для этого в согласии городов» (стр. 121).

Города обладают собственной юрисдикцией, правом обложения, правом объявления войны и мира.

В качестве примера городского управления Темпл приводит могущественнейший город Нидерландов, Амстердам. Во главе управления стоит «сенат», как он его называет, состоящий из 36 человек. Он устанавливает все налоги. Сенаторы избираются пожизненно. Прежде они избирались самыми состоятельными гражданами города, но 26 или 27 лет тому назад избирательное право от обще-гражданского собрания (вернее, от собрания наиболее состоятельных граждан) перешло к самому сенату.

«Тем самым, — поясняет он, — управление городом является олигархическим и очень отличается от демократического, или народного управления; тем не менее большинство из лиц, путешествующих по этим странам и даже живущих там, которые довольствуются поверхностным и несовершенным знанием вещей, воображают противное».

Сенат избирает бургомистров и судей. В Амстердаме имеется 12 бургомистров, из которых четверо правят в течение года. Трое из них сменяются каждый год, один — каждые два года. Президиум сменяется каждые три месяца. Выборы бургомистров производятся в сенате бывшими бургомистрами и бывшими судьями. Они замещают все подчиненные посты, распоряжаются расходованием общественных сумм, регулируют общественные работы. Сенат назначает делегатов на провинциальное собрание. Это последнее состоит из делегатов от дворянства и городов. Из 19 голосов собрания провинции Голландии 18 голосов принадлежат городам, 1 голос — дворянству.

Правительственный комитет провинции образуется из «*gekomiteerden Raden*», состоящих из восьми представителей от больших городов, трех представителей от городов южной Голландии и одного представителя от дворянства. Это — постоянная коллегия, которая созывает провинциальные штаты, устанавливает порядок собраний, приводит в исполнение постановления.

В генеральных штатах каждая провинция имеет один голос, но экономический перевес Голландии, на долю которой приходится едва ли не 60% всех доходов Генеральных штатов, разумеется, дает себя чувствовать.

Сэр Вильям Темпл делит население на следующие классы: 1) крестьяне; питаются обычно овощами, кореньями и молочными продуктами; 2) матросы; питаются рыбой и кашей, более грубой, чем пища крестьян, что, по мнению Темпля, отчасти объясняет грубость их характера; 3) купцы и ремесленники в городах; 4) рантье, которые живут в самых крупных городах на доходы и проценты, добытые ими когда-то в своих семьях; 5) дворяне и офицеры.

Особенный интерес представляет четвертая группа. В нее входят олигархи городов, провинций, всей страны. Они стоят выше занимающихся торговлей купцов. Те семьи, — замечает по этому поводу сэр Вильям Темпл, — которые живут в крупных городах на доходы со своих капиталов, образуют особую группу людей, получивших гораздо лучшее воспитание и образование, чем купцы, хотя их скромность в поведении и одежде, равно как степенный образ жизни не слишком отличает их от этих последних. Большинство из них посылают своих детей в Лейденский или Утрехтский университеты, где они изучают преимущественно гражданское право. Наиболее состоятельные обычно посылают своих сыновей путешествовать во Францию или в Англию, иногда в Италию, реже в Испанию. Главное, к чему они стремятся, это — подготовить сыновей к участию в магистратуре или к государственной службе. Почти все политические должности страны и отдельных провинций замещены этими лицами, потомками лиц, состоявших в течение ряда лет, а порой даже в течение нескольких столетий в магистратуре родного города. Это отнюдь не люди без кола и двора и не ремесленники, — отмечает Темпл, — как полагает большинство иностранцев, избирающих эти городские управления мишенью своих глупых насмешек. Это не значит, впрочем, — говорит он дальше, — что от управления совершенно отеснены купцы; в особенности крупные коммерсанты часто занимают должности в своих городах, а также избираются иногда и депутатами на собрания Генеральных штатов. Но большинство сословных представителей и членов городских управлений — люди совсем иного пошиба. Их доходы состоят из пенсий или окладов, связанных с их должностями; из доходов с поместий; из процентов с капиталов, помещенных ими в конторах Генеральных штатов, провинций и городов, а также из акций вест-индской торговой компании или паев, которые они имеют в крупных торговых предприятиях.

Численность дворянства в Голландии ничтожна; большая часть дворянских семей погибла во время продолжительных войн с Испанией. Дворяне занимают, главным образом, политические или военные посты.

Не менее наблюдательны замечания сэра Вильяма Темпля по поводу церковных течений, о которых он совершенно правильно говорит, что они в сущности совпадают с политическими партиями.

Он называет, во-первых, *арминьянцев* (особое течение внутри кальвинистской церкви). Он говорит о них: они пользуются большим весом, так как представляют собой скорее партийную группировку, чем церковную секту; их сравнительно немного, и тем не менее роль их значительна благодаря высокой квалификации отдельных членов, в большинстве случаев людей большого ума и опыта, из которых многие

находятся среди правительства. Анабаптисты, наоборот, очень многочисленны, но принадлежат к низшим слоям населения; это ремесленники (*gens de métiers*) или моряки. Их очень много в северной Голландии. Наибольшую часть составляют кальвинисты. В их руках все общественные храмы. Их священники, или пасторы, оплачиваются из государственной казны. Они находятся в полной зависимости от государства. Кальвинистское духовенство, «*предииканты*», является во всей стране страстным поборником интересов Оранского дома и открытым врагом арминьянцев, которые под руководством Ольденбарнвельда склоняются скорее в сторону Испании.

Добавить к этой картине остается немного. Разделение между торгующими купцами и правящими семьями, которые живут рентами и дивидендами, произошло в первой половине столетия. Во второй половине последние образуют замкнутую касту, которая довлеет себе и своим воспитанием и образом жизни резко отличается от класса торгующих купцов. Они часто присваивают себе дворянские титулы, приобретают поместья, устраивают в них роскошные усадьбы и т. п. Из среды этих правящих семей, в свою очередь, выделяется небольшая часть, обладающая так называемым «*магнификатом*», т. е. подлинной властью в городе и в государстве. Часто они заключали так называемые «*взаимные контракты*», в которых гарантировали друг другу должности и посты. Эти семьи вышли из среды так называемых «*Vroedschappen*»¹⁾ — богатых городских семей, которые уже в предыдущем столетии замкнулись в самодовлеющие корпорации и фактически захватили всю власть в городах, в провинциях, во всем союзе. Они назначали старшин ремесленных цехов и выдвигали из своей среды офицеров стрелковых гильдий. Представление о том, что это были демократические корпорации, возникающее у тех, которые любят великолепными изображениями стрелковых и ремесленных цехов на картинах Рембрандта, в корне ошибочно. Они всецело находились в руках городских правящих семей.

Сопrotивление демократии этой городской олигархии рантье вылилось в своеобразную форму церковных и богословских споров. Чтобы как следует понять борьбу классов в Нидерландах в XVII столетии, необходимо изучить борьбу в недрах реформистской, или кальвинистской, церкви и перечитать длинные, казуистические тезисы и памфлеты церковных синодов и профессоров теологии. Отвлеченное содержание этих дискуссий и разнообразные формулировки предопределения и благодати, будучи исследованы со стороны их классового содержания, сразу делаются понятными, между тем как с точки зрения чистого богословия и борьбы идей они представляются каким-то безнадежным и бессмысленным сумбуром. Друг против друга выступают классы под разными церковными именами: арминьянцы (по профессору богословия Арминию), ремонстранты, либертейны, коллегиянты (с которыми общался Спиноза в Рейнсбурге), с одной стороны, прецизы, гомаристы,

¹⁾ От голландского слова *vroed*, умный; в песне о Гильдебранде — *fróde*.

контраремонстранты — с другой стороны. Первыми представлена городская олигархия, крупная торговая буржуазия. Поэтому они так малочисленны. Вторые — главная армия кальвинистской церкви — представляют мелкую буржуазию, крестьянство и часть пролетариата; вместе с тем, они выступают под знаменем оранжистов, стремящихся к монархии. Кажущимся предметом раздора является вопрос о благодати. Благодать необорима и человек заранее предназначен к райскому блаженству или к мукам ада? За это борются прецизы, масса кальвинистской мелкой буржуазии. Или благодать оборима и в предопределении, на ряду с божьей волей, действует и суб'ективный фактор, добрая или злая воля, хорошие или дурные свойства индивида? За это борются арминианцы. Эти распри потрясли государство до самых его основ, и голова Ольденбарнвельда пала их жертвой. Состав городских управлений меняется в зависимости от того, на какую сторону склоняется победа. Ключом к этой борьбе оказываются ничем, казалось бы, не связанные с ней раздоры за церковный устав, за внутреннюю организацию церкви и за ее отношение к светской власти. Кальвинистски настроенная мелкая буржуазия борется за полную автономию и демократическую организацию церкви, за свободное и независимое избрание духовенства, синодов и т. д. приходом. Противная сторона борется за решающий голос светской власти при замещении церковных должностей и при разрешении богословских вопросов. Подлинным содержанием тут является борьба за демократию не только в церкви, но и в государстве — вот почему эти раздоры потрясают государство до самых его основ. Какую же роль играет вопрос о предопределении? Необоримое предопределение только богословская формула для выражения демократического равенства всех членов церкви. Добрые дела не могут ничего ни прибавить к избранничеству, ни отнять от него. Арминианская формула — формула олигархическая: благодать распространяется неодинаково на всех, различие суб'ективного отношения влечет за собой разные результаты. Легко убедиться, что за этой теорией скрывается стремление правящей олигархии к господству над государством и над церковью, что формулой о суб'ективных заслугах обосновывается и оправдывается ее привилегированное классовое положение.

Все подневольные классы объединились под оранжистским знаменем против «государственной партии», партии Яна де-Витта, не потому, что оранцы были лучшими демократами, они лишь использовали демократические течения для своих личных целей, а потому, что эта фракция, в которую входили части оставшейся за бортом олигархии, честолюбивые офицеры дворянского происхождения, эксплуатируемые городом крестьяне и т. д., была связана с воспоминаниями о героической эпохе борьбы против Испании, когда масса кальвинистской мелкой буржуазии пользовалась большим весом и представляла собой благочестивую рать поборников за веру. Оранцами был разыгран своего рода бонапартистский фарс. После того, как им удалось в 1672 г., во время вторжения французских войск, разгромить де-Витта и его партию, олигархический режим остался по существу неприкосновенным. Произошла только смена лиц и клик.

Яркий свет на двуличный характер этой набожной массы кальвинистской мелкой буржуазии проливают требования, предъявленные ими в 1672 г. городским властям.

Стрелковая гильдия Дельфта требовала:

1. В городском управлении не должно быть левештейнцев — так называлась партия Ольденбарнвельда, арминианцы или ремонстранты.
2. Никто из управителей города не должен занимать другой должности.
3. Не принимать в управление никого, кто состоит в ревизионной коллегии вест-индской или ост-индской компаний.
4. Не должно быть политических комиссаров в церковном совете.
5. На должностные места назначать только горожан и членов реформистской церкви.
6. Не принимать в управление никого, прежде чем он не объявил себя приверженцем реформистской веры.
7. Восстановить все привилегии и права, которыми пользовались стрелковые гильдии до 1580 года.

Гаарлемцы, между прочим, требовали свободного избрания офицеров стрелковыми гильдиями вместо практиковавшегося дотоле навязывания их городским управлением.

А вот некоторые из требований жителей Амстердама:

1. Восстановление всех привилегий, присвоенных горожанам.
2. Никто из магистратов не может быть членом военного совета.
3. Каждый полк должен иметь своего командира, избранного военным советом из среды данного полка.
4. Все должности должны быть замещены горожанами, пользующимися не менее 6 лет правом гражданства.
5. Присвоенные гильдиям привилегии должны остаться неприкосновенными, чтобы граждане-старожилы не терпели от бродяг урона в отношении заработка и личной безопасности.

Под бродягами, угрожавшими заработку и личной безопасности граждан-старожилы и членов стрелковых гильдий, нетрудно узнать рабочих капиталистических мануфактур, в которых организованные в цехи буржуа видели опасных врагов.

Для оранжистской партии весьма характерно, что в конце XVIII века под влиянием французской революции она раскололась на две части — реакционную и демократически-революционную.

4. Политическая и экономическая программа торговой буржуазии

На передовых позициях своего времени стоит не строго кальвинистская мелкая буржуазия с ее усердствующими проповедниками, а крупная торговая буржуазия (крупная не численностью, а мощностью капитала) с правящими семьями во главе. Активная торговая и промышленная буржуазия составляет господствующий класс страны, слою правящих рантье — ее верхушку.

Этот класс еще не буржуазия нового времени; торговый капитал еще господствует над промышленным. В Голландии второй половины XVII столетия торговый капитал начинает даже тормозить дальнейшее

развитие промышленного капитала. С другой стороны, уже пробивает себе дорогу финансовый капитал и, в свою очередь, препятствует дальнейшему развитию торговли. Начиная со второго десятилетия XVIII столетия в Нидерландах наступает как экономический, так и культурный застой, который длится и по сегодняшний день и, повидимому, будет серьезно нарушен только тогда, когда победоносное восстание нидерландских колониальных народностей уничтожит колониальные барыши и положит конец паразитическому благополучию буржуазии, к которому так или иначе причастны все классы страны.

В XVIII столетии Нидерланды сделали крупнейшим рынком ссудного капитала. Такое положение намечалось уже во второй половине и еще больше в последней четверти XVII столетия.

Нидерландская, а в особенности голландская торговая буржуазия в экономическом отношении является носителем революционных тенденций своего времени. В области экономики она развивает огромную энергию и смелость, даже больше — дерзость. Она объезжает все моря, втягивает в мировую торговлю отдаленнейшие зоны, из сырья открытых ею стран выделяет товары, уничтожает, где этого требуют торговые интересы, цеховые рамки, создает капиталистическое вексельное право, доводит до неслыханных размеров производительные силы маленькой страны. Она представляет в своей стране прибежище всем религиозным сектам, подвергающимся преследованию в других странах, имея в виду не только интересы торговли, но, еще в большей мере, и интересы морского транспорта и мануфактурной промышленности. Таким образом, она стягивает в свою страну и капиталы, и квалифицированных ремесленников, и пролетариат всех стран. Ничто ни характеризует лучше смысла этой терпимости, как тот факт, что голландцы отнюдь не выказывают радости, когда и другие государства вводят ее у себя и, таким образом, подрывают голландскую монополию привлечения к себе чужого капитала и чужих рабочих рук. Когда в 1668 г. купцы республики обратились к шведскому королю с просьбой предоставить им свободу в отправлении религиозного культа, нидерландский посол Питер де-Гроот писал Яну де-Виту: «Я, признаюсь, придерживаюсь того мнения, что ничего для торговли наших штатов не было бы разорительнее, как такая свобода в отправлении религиозного культа, которая, будучи допущена в Дании, так же, как у нас, заставила бы много семейств выехать из нашей страны». (Brieven van de Wit, II, p. 590). Нидерландская торговая буржуазия в то же время проявляет величайший интерес к развитию естественных наук, техники, математики. Науки эти достигли в Нидерландах небывалого расцвета благодаря поощрению и энергичной поддержке со стороны правящего класса. Достаточно припомнить имена Гудде, Гульдина, Христиана Гюйгенса, самого Яна де-Вита. Это не мешает, однако, торговой буржуазии вести жесткую самодержавную политику. В области политики она менее всего революционна. При всей своей терпимости ко всяким религиям и сектам она не допускает ни организационной самостоятельности, ни демократизации нидерландской церкви. Церковь строго подчинена светской власти и находится под бдительным ее контролем. Столь же нетерпимо отно-

сится правящий класс и к демократическому устройству и самостоятельности цехов и стрелковых гильдий. Командные должности всецело в ее руках. Политические комиссары при церкви и в армии берут свое начало в Голландии XVII столетия. В ее «республиканстве» нет ничего демократического; это диктатура торговой буржуазии, проводимая узким, замкнутым, династическим кругом правящих семей, самодержавных управителей городов, провинций, Генеральных штатов.

Экономические и политические принципы и программа этой торговой буржуазии изложены в упомянутом выше труде Питера де-ла-Кура, в котором принимал участие и сам Ян де-Вит. Труд этот появляется впервые в 1669 г. под названием «Anweijning der heilsame politische Gronden en Maximen van de Respublicken van Holland en Westfriesland». Дальнейшие издания носили измененное название: «Interest van Holland, ofte Gronden van Hollands Welvaren aangewezen door V. D. H.» В 1709 г. вышел французский перевод под заглавием «Mémoires de Jan de Wit, grand pensionnaire de Holland».

Выставленные здесь требования и принципы можно формулировать следующим образом:

1. Полная свобода вероисповеданий, основанная на необходимости привлечения чужого капитала и чужой рабочей силы.
2. Полная свобода профессий. Право на профессию должно быть связано не с гражданскими правами, а лишь с постоянным местом жительства. Роспуск всех замкнутых обществ и цехов. Урегулирование обложения, таможенной политики и судопроизводства, согласно интересам торговли.
3. Защита и поощрение морской торговли посредством приобретения колоний, охрана морских торговых судов, поддержание мира, строжайший нейтралитет и заключение торговых договоров.
4. Для всего этого необходима республиканская форма правления, при которой интересы правителей связаны с интересами подданных, т. е. интересы торговли и промышленности диктуют состав правительства.

Питер де-ла-Кур ведет страстную полемику против кальвинистских проповедников, которые учат, «что лучше опустошенный город, который сберег в чистоте веру, чем город с богатым, пусть даже верующим населением, но оскверненный еретиками» (стр. 63). Преследование католиков, которого требовали прецизы, заставило бы большинство коренного населения — крестьянство, рантье и дворян — покинуть страну. Жестокую полемику ведет он и против гильдий. «Члены гильдий, — говорит он, — правда, очень нужные жители страны, но, если не считать бродяг, они наименее полезны, ибо ничего не добывают за пределами страны». Обращаясь к нетерпимым попам, он говорит: «Политики — в том числе и лица духовного звания — не больше как люди, а людям свойственно, захватив власть, сменять насилием и гнетом тот приторный тон, которым они отличались во время их преследования за веру» (стр. 80). Он ведет жестокую полемику против «alle Hoofden, die naar de Souvereinitaet staan, de oproerige Predikers ende ijverige Devoterissen seen plegen te begonstigen; om door der selver woelender menschen hulpe tot

de Hoogheid te geraken» (p. 380¹), а также против «het onverstandige quaadwillige Graauw, dat altijd zijn eigene Magistrats-personen ende de aristokratike Politike Regeerders haat ende derfd lasteren» (p. 397²).

В республике многие из правящих лиц и членов городского управления живут доходами от рыболовного промысла, от мануфактур, от иностранной торговли, от судоходства, или — через браки детей — породняются с богатыми купцами, так что так или иначе они заинтересованы в процветании этих отраслей торговли и промышленности. При старой монархии тон задавали придворные — распутные женщины и развратники, — которые создавали величайшую порчу нравов.

5. Торговая буржуазия. Классовая основа философии Спинозы

После всего вышеизложенного нет надобности подробно доказывать, что торговая буржуазия с правящей олигархией во главе является классовой основой философии Спинозы, определяет основные ее черты. Однако между ними отнюдь нельзя провести знака равенства: освобождение от форм религиозного мышления и абстрактно-логическая завершенность системы знаменуют вместе с тем некую противоположность. Известна внешняя связь Спинозы с кругом Яна де Вита и с коллегами Рейнсбурга — течением, идущим от ремонстрантов. Мы лишь кратко укажем здесь на внутреннюю связь. Deus sive Natura — бог или природа — вот основная формула Спинозы: материализм, но еще скрытый под покровом богословской идеи, природа, живущая лишь согласно своим законам, которая совпадает с богом. Фейербах говорит: «Формула должна была бы гласить aut Deus, aut Natura: или бог или природа, т. е. быть альтернативной». Спиноза к этой альтернативе не пришел. Но полное устранение религиозного покрова, полемическое выступление против него имеет место лишь в тех случаях, когда церковь, будучи сама феодальным элементом, выступает против буржуазии в качестве союзницы феодальных классов и абсолютизма, и когда буржуазия призывает на нее гнев народных масс. Об этом не может быть и речи в Голландии XVII столетия. Церковь не является здесь феодальным противником, которого нужно сломить и устранить, она сама носит буржуазный, правда, мелкобуржуазный, характер, находится в подчинении у господствующего буржуазного класса и используется им в качестве политического орудия. Таким образом, классовые взаимоотношения Голландии не давали повода к aut-aut, или-или. Требуя для церкви независимости в чисто церковных вопросах, требуя безусловной веротерпимости, Спиноза вместе с тем стоит за полное *политическое* подчинение церкви органам государства. В главных своих частях это требование полностью совпадает с воззрениями господствующего класса; зато из мелкобуржуазных кальвинистских кругов раздалась самые резкие протесты. Но у правящей торговой буржуазии были основания щадить их

¹) «Всех лиц, которые стремятся к захвату власти и покровительствуют мятежным проповедникам и их фанатическим поклонникам, чтобы с помощью этих беспокойных элементов овладеть кормилом правления».

²) «Неразумной и подлой черни, которая ненавидит своих собственных магистратов и аристократических руководителей государства и имеет наглость поносить их».

религиозные убеждения. Учение Спинозы, правда, последовательно, но оно не агрессивно, не носит характера пропаганды. Религия мелкой буржуазии должна остаться неприкосновенной. Но духовный аристократ, мудрец, как его называет Спиноза, должен отречься от суеверий толпы. Следовательно, материализм для немногих, материализм, который не желает тревожить большинства и поэтому облекает свое содержание в религиозную форму или наполняет религиозную форму материалистическим содержанием. Не удивительно, что это философское построение так увлекло Гете и классическую немецкую философию, пока она, в лице Фейербаха, не выступила в открытый бой.

Рассмотрим другую основную черту системы Спинозы — учение о строгой причинной зависимости, о несвободе воли. «Этика» Спинозы заканчивается книгой «О свободе человека»; она — ее высшее завершение. Проникновение в законы мысли, человеческих аффектов, природы, а не существующая только в мечтах независимость от них, ведет к свободе. Мы имеем здесь логически продуманное и философски очищенное учение арминиянства. Мудрец, который властен над своими аффектами, который стремится к господству над природой, к расширению человеческой власти над ней, для которого мир не обитель греха, а арена человеческой деятельности, дающей наслаждение и радость от сознания своих сил, — разве этот мудрец не является идеализированным, философски очищенным отображением той юношески отважной, оптимистической буржуазии, которая готовилась подчинить себе весь материальный мир, овладеть им, насладиться им, предельно расширить его производительные силы. Эту революционную сторону новой буржуазии формулирует и превозносит Спиноза в самом сердце капитализма в XVII столетии, и тут лежит объяснение, почему он, будучи самым последовательным выразителем торговой и промышленной буржуазии своего времени, вместе с тем далеко опередил свою эпоху, почему он так долго мог оставаться «мертвой собакой», почему лишь через много поколений ему довелось быть вновь открытым во Франции, а потом в Германии. Спиноза выражает такой этап в развитии буржуазного самосознания, которого тогда еще не достигли остальные страны.

С исторической точки зрения революционная миссия капитализма в области развития производительных сил, расширения власти человека над природой, закончена. Капитализм наталкивается на преграды своих собственных экономических законов. Дальнейшие успехи по пути к свободе человека, в том смысле, как понимал ее Спиноза, стали задачей пролетариата. Он уже появился в качестве сменя. Великий мыслитель, языком своей системы провозгласивший эту миссию, хотя и связан корнями с буржуазным классом своего времени, тем не менее высоко перерос его, точно так же, как самая задача переросла буржуазию. Современный революционный рабочий класс имеет более глубокое и более обоснованное право считать его своим, чем современная буржуазия. Ибо то, что в Спинозе было революционно, предвосхищало будущее и создало эпоху в истории человеческой мысли, — это перешло по наследству к современному рабочему классу. А. Тальгеймер

СПИНОЗА И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Система Спинозы, как и система Гегеля — этих величайших мыслителей прошлого — все еще является загадочным сфинксом, с улыбкой взирающим на бесконечные попытки понять тайну ее спекулятивной конструкции. Эта конструкция не может быть понята, если к философии Спинозы и Гегеля подходить, оставаясь в оковах их системы, с точки зрения прошлого, а не с точки зрения настоящего.

Вблизи мы всегда полнее видим детали рассматриваемого предмета. Наше познание становится от этого полнее и содержательнее. Но тут создается опасность за деталями не увидеть целого, за деревьями — леса. Это и случается обычно с историками философии, когда они пытаются понять Спинозу. Приверженцы «объективизма», они старательно отрицают субъективный подход к оценке Спинозы, хотят забыть, что его система жила и живет в воззрениях современности. И поэтому они впадают в самый пошлый субъективизм, то отождествляя Спинозу с Кантом, то видя в нем нового богослова или старого схоласта. Научный же метод состоит в том, чтобы оценить философию Спинозы с точки зрения современных нам достижений мысли. Мы обязаны понять систему Спинозы в ее объективном бытии, в том виде, как существовала она в свое время со всеми ее достоинствами и недостатками. Но мы обязаны также, не пугаясь страшных слов, оценить ее с субъективной точки зрения, с точки зрения той основной тенденции, которая, пронизывая собою всю систему философа, нашла свое продолжение в последующей истории развития, а завершение — в современной нам научной теории. Но такой метод есть метод диалектического материализма. Будучи наилучшим методом объективного изучения, он достигает этого тем, что становится на точку зрения истинного в данной системе, на точку зрения того, что, борясь с ложным, взрывает ее изнутри и осуществляет ее переход к действительно научной системе. «Субъективность» диалектического материализма есть субъективность объективно-истинного, противопоставленного объективно-ложному. И только так можем мы окончательно разгадать загадку сфинкса — системы Спинозы. Только так сумеем мы отделить зерна от плевел, истинное от ложного.

Но это значит, что нужно выяснить взаимоотношения между спинозизмом и диалектическим материализмом. Последний представляет собою единственно правильный метод и теорию современности, спино-

зизм же, в известном смысле, — первую попытку создания этого метода. Вот почему нельзя лучше почтить память великого мыслителя, как показать всю гениальную правоту его учения, вскрыв одновременно корень его ошибок.

Предлагаемая статья есть попытка наметить основные пути научной оценки философии Спинозы.

Об истоках спинозизма

Как и всякая философия, система Спинозы является продуктом современности. На этот счет не может быть никаких споров. Задача марксиста в связи с этим заключалась бы в том, чтобы показать, как из данной социально-экономической обстановки вырастает интересное его философское учение. Однако, чтобы не упрощать реальные связи философской надстройки с базисом, мы должны поставить себе более узкую задачу, задачу выяснения теоретических, уже — философских корней спинозизма. Решение этого частного вопроса также прольет достаточный свет на систему Спинозы и не разойдется с марксизмом, если только пользоваться методом диалектического материализма.

Говоря об истоках спинозизма, обычно указывают на картезианство, схоластику и богословие (Куно Фишер также видит связь Спинозы с Бэконом¹). И это было бы правильно, если бы историки философии были способны подняться до диалектической оценки этой связи. К сожалению, отсутствием ее страдает вся многочисленная, иногда даже марксистская, литература по этому вопросу.

Что Спиноза был в известном смысле картезианцем, что он вырос из философии Декарта, этого не может отрицать никто. Декарт поставил в новое время проблему материи и сознания и, впав при решении ее в дуализм, пытался механически объединить эти два начала при помощи бога. В решении этой же проблемы видит и Спиноза основную задачу своей «Этики».

Схоластика Спинозы, на которую часто указывали, выражается в том, что он перенимает от средневековой философии ее основные понятия и довольно широко пользуется чисто схоластическим способом доказательства и выведения (так называемое «*more geometrico*» — геометрическим методом). В новейшее время Л. И. Аксельрод-Ортодокс была высказана «глубокая» мысль о преимущественном влиянии на Спинозу юдаизма, чем его система была возведена в сан глубоко прочувствованной религиозности²).

Трудность критики всех этих неверных концепций проистекает из того, что каждая из них имеет объективную возможность основываться на ряде высказываний философа. Однако, именно этот факт показывает, что Спиноза не был ни картезианцем, ни схоластом, ни юдаистом. Он

¹) «История новой философии» т. II, СПб. 1906 г., стр. 412 и сл.

²) См. предисловие автора к «Основным вопросам марксизма» Г. В. Плеханова, «Советская Деревня», Курск, 1925 г., стр. 3—25.

показывает, что спинозизм есть своеобразная система, не так-то легко уместяющаяся в обычные схемы профессорской истории философии. Тот, кто желает втиснуть спинозизм в картезианство, схоластику или юдаизм, совершает с точки зрения науки элементарную ошибку. Тем более, что еще Гейне — правда, не бывший кафедральным историком философии — правильно, в общем, писал: «Великий гений образуется при пособии другого великого гения не столько посредством ассимиляции, сколько посредством трения. Алмаз полирует алмаз»¹⁾. И это полностью приложимо к Спинозе, о котором, собственно, и говорит в данном случае Гейне. Куно Фишер высказывает совершенно правильную мысль, когда в предисловии к тому о Спинозе (т. II его Истории новой философии) он причисляет последнего к «школе Декарта», как «ее завершителя и заключительное звено». Однако, можно сомневаться, понял ли сам автор всю глубину этой мысли, хотя он и был знаком с диалектикой Гегеля. Непосредственным исходным пунктом философии Спинозы было, несомненно, картезианство, господствовавшее в то время в романских странах. Но Спиноза был самостоятельным и весьма мощным мыслителем. Поэтому картезианство явилось лишь его отправной точкой. И не столько путем ассимиляции, сколько путем трения выработал он свою систему — систему спинозизма. Это значит, что философ принял во внимание постановку вопросов, данную Декартом, но не остановился на ней, а вскрыв внутреннее противоречие картезианства, пошел дальше и дал свой самостоятельный ответ.

Ахиллесовой пятой философии Декарта в решении проблемы бытия было, как известно, утверждение дуализма духа и тела — этих самостоятельных, по Декарту, и друг к другу несводимых субстанций. Этот дуализм настолько бил в глаза, что даже сам автор видел необходимость их объединения в некотором третьем начале, каковым и явился, подобно богу древне-греческого театра, бог с большой буквы. Несмотря на настойчивое прокламирование этого бога, несмотря на попытку логического доказательства его бытия, современники, как и автор, достаточно отчетливо видели, что дуализма избежать не удалось, что вопрос о так называемом *influxus phisicus* (физическом воздействии) попрежнему остался не решенным. Вот почему, не говоря уж о Спинозе, этой проблемой настойчиво занимались ближайшие наследники картезианства: Мальбранш, Гейлинкс, Лейбниц. И нужно совершенно утратить способность понимать печатное слово, чтобы не видеть, что в первых теоремах своей «Этики» Спиноза не только отвечает на поставленный Декартом вопрос, но и борется с ортодоксальным картезианством. Это особенно резко видно из следующих теорем²⁾. Теорема 8 первой части гласит: «Всякая субстанция необходимо бесконечна». Теорема 13: «Субстанция абсолютно бесконечная не делима». И, наконец, в теореме 14 мы имеем полное утверждение единства и единственности субстанции: «Кроме бога, — говорит тут Спиноза, — никакая субстанция не может

1) Полное собрание сочинений Г. Гейне, изд. 2-ое, т. III, стр. 49.

2) Я всюду пользуюсь вторым изданием русского перевода Н. А. Иванцова в V выпуске Трудов М. Психологич. Общества, М. 1911 г.

ни существовать, ни быть представляема». А чтобы не было никаких неясностей, Спиноза прибавляет к этой теореме коралларий второй, где абсолютно прямо возражает Декарту, хотя и не называет его по имени: «Вещь протяженная и вещь мыслящая (*res extensa et res cogitans*) составляют или атрибуты бога или состояния (*модусы*) атрибутов бога». Если Декарт своим дуализмом субстанций — духа и тела — ограничивал каждую из них ей противоположной, то Спиноза в теореме восьмой прямо возражает против этого, поскольку утверждает бесконечность субстанции. Теорема тринадцатая имеет целью подчеркнуть неправильность той мысли, за которую спрятался бы картезианец, — что из единой субстанции путем ее деления могут возникнуть другие. Теорема четырнадцатая и ее коралларий не оставляют никаких сомнений в действительных отношениях Спинозы к Декарту. Дуализм последнего сменяется монизмом первого. Мир, разорванный Декартом на две самостоятельные части, совпадающие только в боге, вновь соединяется в философии Спинозы, вновь приобретает свое единство. И эта теоретическая заслуга целиком принадлежит спинозизму.

Однако, Гейне лишь относительно прав, когда он говорит о «трении», образовавшем новую философскую систему. Последняя создавалась также и путем ассимиляции, путем усвоения. Спиноза не только имел перед собою задачу, поставленную Декартом. Нет. Преодолевая картезианство, он шел по пути, указанному его великим учителем.

Начало так называемой «новой» философии характеризуется тем, что гносеологическая проблема отнюдь не является центром обсуждений. Это не значит, что Декарт не уделяет вопросам познания, в частности, его методу, соответствующего внимания. Как известно, одну из задач Декарта составляло дать новый метод познания. Но Декарт, хотя и выдвигал необходимость методического сомнения для науки, никогда и нисколько не сомневался в самой возможности познания, как впоследствии сделал это Кант. От кантианских историков философии Декарт удостоился за это обвинений в догматизме, метафизике, в отсутствии «критической» точки зрения. Как бы то ни было, Декарт сразу поставил «важнейший вопрос всякой, особенно новейшей, философии; вопрос об отношении мышления к бытию» (Энгельс). И Спиноза ни на йоту не отступил от своего учителя. Его «Трактат об очищении интеллекта»¹⁾ не есть гносеологическое произведение в стиле Канта. Спиноза, как и Декарт, ставит себе там задачу выработки научного метода познания, отнюдь не сомневаясь в его возможности или действительности. Поэтому центр философии Спинозы переносится на «Этику», на теорию самой действительности, где рассуждения о методе решительно отступают на задний план. В этом смысле Спиноза был и остается картезианцем.

Круг идей Спинозы есть круг идей Декарта, которого он преодолел в своей системе. Спинозизм в его истоках есть картезианство, но картезианство переработанное, превращенное гением великого мыслителя в спинозизм. Спинозизм есть продолжение и завершение картезианства.

1) В дальнейшем я пользуюсь русским переводом В. Н. Половцевой, М. 1914 г.

О дуалистической философии Декарта можно сказать словами Маркса о Бэкоме: «система Декарта носит в себе зародыши всестороннего развития». Из Картезия вышли французские материалисты и весь материализм, но из него же исходили Гейлинкс, с его учением о случайном совпадении процессов духа и тела, и Лейбниц, с его объединением физического и духовного в психических атомах — монадах. И то, и другое было продолжением и завершением разных сторон системы Декарта, пытавшегося в духовном начале — божестве — объединить противоположность духовного и материального. Но учение Спинозы тем и отличается от французского материализма, окказионализма Гейлинкса и психического атомизма Лейбница, что оно по-своему продолжает картезианство. И марксист не ошибется, если скажет, что Спиноза продолжает наиболее ценные стороны философии Декарта. И постольку вслед за Плехановым можно сказать: «марксизм есть род спинозизма», система Спинозы носит в себе зародыш будущего научного мировоззрения. Однако, марксист обязан видеть, что хотя и своеобразно, не тождественно Лейбницу и другим, но Спиноза продолжает и даже завершает на этих путях и реакционные стороны картезианства, его рационализм, его теологичность. Этим Спиноза далек от марксизма.

В дальнейшем мы постараемся все это показать более детально.

Нам говорят о схоластичности Спинозы. Верно и это, но верно лишь отчасти. Как и схоласты, Спиноза пользуется отвлеченными дефинициями понятий. Способ его доказательства так же схоластичен: тут совершенно нет ссылок на действительность, последняя заменена «логически строгим» выведением всего содержания «Этики» из двух десятков определений и аксиом, постоянными ссылками на прежде «доказанные» теоремы или на противоречие с ними и потому неистинность новых выводов. Даже больше: как бы ни понимал Спиноза субстанцию, ее атрибуты и модусы, сами эти понятия им были взяты, конечно, из схоластики, которая впервые дала их филигранно-тонкую, хотя в основе своей и ложную разработку. Да и сама манера изложения системы (мы имеем в виду «Этику») схоластична: теорема, доказательство, схолия (дополнение), коралларий (вывод) — именно на этом заостряли свою бесплодную мысль схоласты. Все это делает «Этику» подчас скучной, во всяком случае, отвлекенной. И тем не менее Спиноза не схоласт. «При чтении Спинозы, — правильно говорит Гейне, — охватывает нас такое чувство, как при созерцании великой природы в ее оживленнейшем спокойствии. Это лес мыслей, высоких, как небеса, мыслей, цветущие вершины которых колышутся словно волны, между тем, как непоколебимые стволы их внедряют корни в вечную землю»¹⁾. Высота этих мыслей или — что то же — их глубина и создают впечатление схоластичности у того, кто не понял Спинозы, кто за словами не сумел увидеть их конкретного содержания. Исходя из схоластики, широко пользуясь ею, Спиноза готов притти к тому, что полностью отрицает всякую схоластичность. Его мысли своими корнями уходят в действительную жизнь.

¹⁾ Гейне, т. III, стр. 50.

Почти так же обстоит дело и с религиозностью или юдаизмом Спинозы. Впрочем, это станет ясно лишь тогда, когда будет подвергнута анализу основная тенденция системы спинозизма.

Сколько-нибудь подробный очерк этой системы должен быть начат с выяснения ее теории познания.

Теория познания Спинозы

Выше было указано, что Спиноза, как и Декарт, не имеет собственно гносеологии, той, которая характерна для Канта и его последователей. Спиноза стремится, напротив, к выработке действительного метода познания.

Методологией картезианства и спинозизма был рационализм. Проф. А. И. Введенский правильно определяет последний, когда видит его основную особенность «в убеждении, что все реальные связи и отношения, т.-е. связи и отношения, существующие в самих вещах, сполна разлагаются на связи и отношения чисто логические¹⁾. В правоте такого метода несколько не сомневаются ни Декарт, ни Спиноза, его они защищают, им постоянно пользуются. У некоторых марксистов на этой почве создается прочное убеждение, что такая методология, во-первых, заранее и совершенно исключает опыт и наблюдение и, во-вторых, может привести только к схоластике и теологии. На деле же подобное мнение означает полное непонимание, во-первых, самого рационализма и, во-вторых, своеобразия рационалистической системы Спинозы.

Гегель в своем исследовании отношения мысли к объективному²⁾ дал ряд чрезвычайно ценных указаний о различных теориях познания. Среди них в особенности важно следующее. Эмпиризм и рационализм, критицизм и догматизм и т. д. не просто и абсолютно ложны. Каждая из этих теорий познания знаменует собою особенно сильное подчеркивание той или иной стороны познания. Поэтому все они ложны, все они искажают действительное познание, если превращаются в самостоятельную, ограниченную систему. Но каждая из них носит в себе зародыш истины. Этот зародыш полностью раскрывается не в границах преувеличенной его системы, а за ее границами, в современной научной методологии. Эту мысль, материалистически ее поняв, принял Ленин, как мысль глубокую и правильную. В общеизвестном (но, к сожалению, не всеми понятом) наброске «К вопросу о диалектике» он говорит: «Познание человека не есть (resp. не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую (линию), которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину»³⁾. Историческая заслуга рационализма, как методология позна-

¹⁾ См. статью автора «Декарт и рационализм» в приложении к русскому изданию «Метафизических размышлений» Декарта. СПб. 1901 г., стр. XVII.

²⁾ См. *Sämtliche Werke, Herausgegeben von G. Lasson. B. V. Encyclopädie.*

³⁾ «Под знаменем Марксизма». 1925, № 5—6. Стр. 17—18.

ния, в том и состоит, что он подчеркнул, правда, односторонне, рациональный момент познания вопреки ползучему эмпиризму. И будет трюизмом утверждать, что не поняв ограниченности его, как момента, т. е. не зная современной нам диалектики, рационализм потому и стал рационализмом, что впал в преувеличение, в выпрямление кусочка кривой до абсолютно прямой линии.

Таким образом, сущность рационализма может быть правильно понята только с точки зрения диалектики. Отсюда же надо исходить, когда мы пытаемся охватить конкретную форму его, например, в системе Спинозы. Начитавшись разного рода идеалистических историй философии, в которых Спиноза («желание рождает мысль») объявляется законченным идеалистом, кантианцем или теологом, иной марксист не будет замечать действительной методологии Спинозы. Хотя, как увидим ниже, даже некоторые идеалисты более или менее верно понимают спинозизм.

В своем «Трактате об очищении интеллекта и о пути, наилучшим образом ведущем к истинному познанию вещей», Спиноза насчитывает четыре способа познания. Первый — есть способ познания «с чужих слов» (*ex auditu*); второй — «путем неопределенного опыта» (*ab experientia vaga*); третий — тот, при котором «сущность вещи выводится из другой вещи, но не адекватно»; четвертый способ перцепции, наконец, есть перцепция, в которой вещи воспринимаются (1), исключительно через ее собственную сущность (*per solam suam essentiam*) или (2) через познание ее ближайшей причины (*per cognitionem suae proximae causae*). «Только четвертым способом, — прибавляет Спиноза, — постигается адекватная сущность вещи, и притом без опасности заблуждения» (81). Всем этим Спиноза, вслед за Декартом, утверждает два основных вида познания — смутный, имагинативный, неистинный, и «ясный, отчетливый» или адекватный, истинный. Такова, вкратце, теория познания Спинозы.

Профессора истории философии, которым диалектика, кажется, никогда свойственна не была, обычно резко противопоставляют имагинацию адекватному познанию. Они не могут рассмотреть того, что у Спинозы есть *переход* от одного способа к другому. А именно этот переход и рисует Спинозу в новом виде.

Материалист-диалектик не ошибется, если скажет, что Спиноза стоит не только на плечах рационалиста Декарта, но и «первого материалиста нового времени», Бэкона. Куно Фишер видит эту связь в вопросе о производящей природе (ссылку см. выше). Она существует и в теории познания. В своей теории познания Спиноза осуществляет переход от бэконизма к чистому рационализму, почему его собственный рационализм не исключает эмпирии.

А. И. Введенский правильно пишет, что Декарт и Спиноза «вовсе не думают, будто бы истина достижима *только* посредством мышления разума. Напротив, оба они обращаются по временам и к помощи опыта» (XV). Нам не интересны сейчас ссылки автора на отдельные места «Этики», нам важно показать это на самой теории познания Спинозы.

Уже само название гносеологического сочинения Спинозы, как трактата об очищении интеллекта и о пути, ведущем к истинному познанию, формулирует задачу Спинозы в бэконском духе. Именно Бэкон поставил вопрос об «очищении» сознания от разного рода «идолов», именно он подчеркнул впервые проблему методологии, именно он, наконец, заговорил об эксперименте. Но Бэкон искал истинного познания на путях индукции, хотя и не отвергал научную дедукцию. В чем же родство и различие Спинозы и Бэкона?

Спиноза отрицает истинность познания «с чужих слов» или при помощи «некоторого произвольно взятого символа». Но, ведь, это не что иное, как бэконовское учение об идолах, мешающих науке, учение об «идоле площади» («*ex auditu*») и «идоле театра» (произвольные символы). Конечно, Спиноза не тождественен здесь Бэкону, но он идет за ним, усваивает бэконизм.

В том же духе характеризует Спиноза и «второй способ» перцепции. Автор говорит: «Второй способ есть перцепция путем неопределенного (случайного) опыта (*ab experientia vaga*), опыта, который не определяется интеллектом, и носит название опыта (*experientia*) только потому, что случайно возникает как таковой, и мы не имеем другого опыта (*experimentum*), который противоречил бы ему, почему он и остается для нас в качестве необходимого». Всякий сколько-нибудь знакомый с философией Бэкона, конечно, скажет, что это представляет собою почти точное изложение некоторых мыслей этого великого философа. Так в первой книге своего «Нового органа» в афоризме 100 Бэкон пишет: «Or ce n'est pas assez de rassembler un plus grand nombre d'expériences et de les choisir avec plus de soin qu'on ne l'a fait jusqu'ici; il faut encore suivre une tout autre methode, un tout autre ordre, une tout autre marche pour continuer ces observations et les multiplier. Car l'expérience vague, et qui n'a d'autre guide qu'elle-même, n'est qu'un pur tâtonnement, et sert plutôt à étonner les hommes qu'à les éclairer; mais lorsqu'elle ne marchera plus qu'à la lumière d'une methode sûre et fixe, par degrés et pour ainsi dire pas à pas, ce sera alors véritablement qu'on pourra espérer de faire d'utiles découvertes»¹⁾.

Ведь в своей вышеприведенной формулировке Спиноза утверждает, что основываться на случайном опыте, на опыте, «не определяемом интеллектом», нельзя. Он, далее, говорит, что если не производится эксперимент, как опыт, зависящий от нашего интеллекта, то *experientia vaga* «остается для нас в качестве непоколебимого». Обычно эту мысль интерпретируют таким образом, что Спиноза *совсем отказывается* от опыта. Между тем, мысль Спинозы, очевидно, другая, и было бы трудно изображать его как чистого рационалиста, особенно если иметь в виду (см. переписку и биографию), что Спиноза сам много занимался экспериментированием. Спиноза идет за Бэконом, но преодолевает его. Если для второго эксперимента есть последнее указание на истинность или ложность теории, то Спиноза, как видно из предыдущего, признает решающее значение эксперимента («мы не имеем другого опыта, кото-

1) Oeuvres de Bacon. Par M. T. Riaux. Deuxième série. Paris, 1845, p. 59—60.

рый противоречил бы ему»), но отрицает его окончательность. Помещая этот способ познания на второе место и переходя к следующим, Спиноза думает, что при всей своей ценности он не дает еще вполне истины.

Для оценки этой точки зрения весьма характерны следующие обстоятельства.

Бэкон был материалистом-эмпириком. Как материалист, он признавал, что сущностью мира являются атомы Демокрита. Но не на этом Бэкон сосредоточил свое внимание: цель своей «инстаурации наук» он видел в выработке «нового органа» знания, в методологии. Поэтому у многих составилось впечатление, что сущностью мира, да и самой категорией сущности Бэкон не интересовался. Ведь не даром же непосредственный ученик Бэкона, Гоббс, именно на эту сторону обратил свое внимание. Ту же задачу, но по иному ее разрешая, ставит перед собой и Спиноза.

История философии развивается диалектически; если Бэкон был эмпириком, то исходивший из него Спиноза заострил противоположную тенденцию — исследование сущности. Именно поэтому высшими способами познания, по его мнению, являются те, которые дают познание сущности. И нужно сказать, что с марксистской точки зрения Спиноза был отчасти прав в этой своей теории. Наука, как показал нам Энгельс, оперирует понятиями. Отрицание этого и сплошное превознесение фактов за счет теории есть остаток эмпиризма или его возобновление. Даже эксперимент, взятый отдельно, не всегда может окончательно подтвердить или уничтожить теорию: необходим ряд фактов, ряд экспериментов для окончательного утверждения или отрицания. При ближайшем рассмотрении всегда окажется, что Бэкон «*experimentum crucis*» (решающий опыт), взятый сам по себе, еще ничего не решает, ибо он может направляться совершенно не верной теорией и поэтому, естественно, подтвердит лишь ее. Только диалектическая связь фактов и понятий, их взаимодействие, приведенное к единству, как подтверждает теорию, так и делает понятным самый факт.

В дальнейшем мы увидим, был ли Спиноза диалектиком. Но уже и сейчас можно сказать, что он приближается к ней: он не отрицает опыта (эмпирии и эксперимента), но видит в то же время, что ограничиться им нельзя, надо дать методы познания самой сущности¹⁾. В этом отношении характерно, что только при анализе третьего и четвертого способов познания Спиноза заговаривает о сущности вещей и именно это познание считает познанием адекватным. Но мы вскоре увидим, что это привело его и к крупной ошибке.

Таким образом, Спиноза сосредоточивает свое внимание на познании сущности. Тут, с его точки зрения, могут быть два способа. Первый — «есть перцепция, при которой сущность вещи выводится из другой

1) Иллюстрируя в дальнейшем второй способ познания, Спиноза вполне ясно указывает на его ограниченность и на невозможность с помощью его одного проникнуть в сущность вещи.

вещи, но не адекватно». «Это имеет место, — продолжает он, — или (1) в том случае, когда мы, исходя из некоторого следствия (*ab aliquo effectu*), подбираем ему причину или же (2), если сущность вещи выводится на основании некоторого общего понятия (*ab aliquo universali*), которое всегда связано с некоторым свойством (вещи)». Не трудно понять, что Спиноза говорит здесь, по крайней мере, в первом подразделении, кроме всего прочего и об эксперименте, когда исследователь, действительно, «исходя из некоторого следствия», подбирает ему причину. Этим самым Спиноза осуществляет переход к познанию сущности, как таковой. Но нам интересно отметить не столько это, сколько то, что Спиноза, конечно, прав, когда он отмечает неадекватность такого метода познания. Подбором причин к следствиям и по сей час занимаются еще весьма многие, но от этого их теории нисколько не стали истиннее. Даже, наоборот: наука и философия давно уже отметили, что такой способ, если его возводят в принцип, становится источником весьма многих и серьезных ошибок. И правда, один и тот же факт (одно и то же следствие) может быть удовлетворительно объяснен диаметрально-противоположными теориями. Так, например, теория Эйнштейна превозносится в собенности за то, что с ее помощью можно гораздо лучше объяснить принципы Ньютоновской, классической механики.

Но, таким образом, мы попадаем как-будто в тупик, в порочный круг, из которого нет выхода. Однако, выход, конечно, есть, и он лежит на путях диалектико-материалистической методологии. Только диалектика снимает противоречия между теорией и фактами, только она указывает, как отдельные факты ведут к теории и как теория объясняет эти якобы противоречащие ей факты.

Но вернемся к Спинозе. Нельзя не согласиться с ним, что «подбор» причин к вызванным ими следствиям, будучи иногда полезным, не дает все же истинного, адекватного познания.

Спиноза видит необходимость подчеркивать особенно четвертый способ познания, тот, когда «вещь воспринимается (1) исключительно через ее собственную сущность (*per solam suam essentiam*) или (2) через познание ее ближайшей причины (*per cognitionem suae proximae causae*)». Это положение Спинозы нуждается в самом внимательном разборе, так как оно, как в капле воды, отражает все величие и одновременно ряд серьезных ошибок Спинозы.

Плоский эмпиризм берклезанско-махистского направления видит свою задачу в том, чтобы ограничиться отдельным восприятием отдельной вещи. Сущность, с его точки зрения, есть категория схоластическая и как таковая науке не свойственна. Борясь с эмпиризмом, материализм видел всегда свою задачу в том, чтобы подчеркнуть, напротив, важность этой категории. Но сейчас же нужно заметить, что в ней, взятой самостоятельно, конечно, тонут различия между материализмом и идеализмом: решение не этой проблемы является исходным пунктом правильной методологии, а решение проблемы бытия и мышления (см. Энгельс, «Людвиг Фейербах», гл. II). Но если брать вопрос методологически, в категории сущности заложено все же более правильное миро-

понимание, чем в категориях явления, отдельного факта и т. д. И этот зародыш дает нам Спиноза. Он остается зародышем, пока мы не исследовали понимания самой субстанции. Если же мы увидим, что этот последний вопрос решен материалистически, то мы можем говорить о зародышах правильного материалистического миропонимания.

Каждый, сколько-нибудь знакомый с методологией познания диалектического материализма, должен сказать, что этот «четвертый способ перцепции» Спинозы очень близок марксизму. Так, например, диалектический материализм объясняет материальный мир «через его собственную сущность» и совершенно не нуждается в поисках какой-то особой, не «собственной» сущности мира. Точно так же и каждую отдельную вещь он объясняет через ее сущность, т.-е. материю. При этом — важно подчеркнуть для марксизма, как и для Спинозы — дело идет об одном и том же, говорим ли мы о сущности, как таковой, или о «ближайшей причине». Ведь марксизм учит, вслед за Спинозой, что сущность есть причина самой себя и что, кроме материальной сущности нет никаких причин. Для марксизма сущность не есть только бездействующий субстрат, но некоторое активное начало, не нуждающееся ни в каких внешних толчках. Так, например, экономическая структура общества является сущностью общественного развития, но одновременно она есть и его причина. Аналогично этому думает и Спиноза, и русский переводчик его «Трактата», Половцева, напрасно подразделяет четвертый способ познания на две рубрики: так может показаться, что тут по существу заключено два метода — через познание сущности и через познание причины. На деле же Спиноза был большим монистом, чем это обычно представляют.

Я прекрасно понимаю, что все эти мысли могут дать повод нашим механистам, и среди них в особенности Л. А. Аксельрод-Ортодокс, обвинять меня в схоластике, в частности, в схоластическом реализме. Ведь именно схоластики, а среди них реалисты, скажут мне, признавали, что универсалии создавали отдельные вещи. Это последнее, конечно, правильно. Но совершенно не правильно отождествлять на этом основании диалектический материализм со схоластикой¹⁾. Если схоластика со своей точки зрения решала этот же вопрос, а марксизм со своей, при чем их решения *формально* могут даже совпадать, то можно ли отсюда заключать о тождестве диалектического материализма и схоластики? Можно, если... если отказываться от основ марксизма, что наши механисты и делают. Я готов допустить даже большее — то, что Спиноза был в данном случае, как и в некоторых других, наследником схоластики. Но это ничего другого не показывает, как только то, что у схоластов были некоторые правильные мысли. Поэтому мы оставим свое внимание на другом, более интересном и важном вопросе. Мы говорим об ошибках Спинозы, которые наиболее ярко видны как раз на анализе его четвертого, адекватного способа познания. Эти

¹⁾ См. возражения А. М. Деборина в заключительном слове в Институте Научной Философии, напечатанном во II книге «Летописей Марксизма» под названием «Наши разногласия».

ошибки совершенно отчетливо встают сейчас перед нами, но только потому, что мы-то сами стоим на точке зрения диалектического материализма.

История мысли полностью показала ко времени Гегеля всю односторонность и потому неправильность эмпиризма и метафизики, как самостоятельных концепций. Сначала в диалектике Гегеля, а затем в высшей и наиболее правильной форме в диалектике марксизма она объединила эти разрозненные и враждующие моменты знания, объединила в их высшем единстве. Марксизм не сводится ни к эмпиризму явлений, ни к метафизике сущностей. Он признает, напротив, диалектическую связь этих противоположностей.

Что же мы имеем в этом отношении у Спинозы (заранее подчеркиваю, что я говорю пока только о его теории познания)? Насколько позволяют судить формулировки автора, он не видит цели познания в том, чтобы растворить нацело вещи в сущности. Он говорит только, что вещь должна восприниматься через свою сущность. И тем не менее, поскольку он не так уж сильно подчеркивает отдельные вещи, явления, постольку все же создается опасность впасть в метафизику голый сущности, в забвение диалектической связи явления и сущности. Спиноза, конечно, целиком прав, когда думает, что сущность определяет собою явления, причина — следствия. Но он может впасть в ряд ошибок, если не заметит и обратной связи, — того, что сущность только в явлениях находит свое выражение, что вне их она — пустое и бессодержательное понятие. И такая проблема действительно стояла перед Спинозой. На этой почве и вырастает его рационализм.

Сущность мы не воспринимаем и не можем воспринимать при помощи органов чувств. Сущность есть категория рациональная, а не эмпирическая. С точки зрения марксизма, как известно, между этими двумя рядами — рациональным и эмпирическим — нет, конечно, непроходимой пропасти: ощущения приводят к образованию понятий, понятия помогают осмыслить ощущения. Дело происходит аналогично тому, что в объективном мире «вещи в себе» выражаются в явлениях, становятся вещами для нас, а явления заключают в себе сущность. Отрыв одного от другого неизбежно приводит либо к рационализму, либо к эмпиризму. Ведь сущность есть понятие. Если же отдельные вещи (явления) полностью разрешаются в ней, растворяются, тогда логически неизбежно заключить, что в основе действительных связей вещей лежит связь понятий. Отсюда логически вытекает рационализм, как теория и методология познания.

Был ли Спиноза рационалистом? Большинство историков философии, не задумываясь, ответят на этот вопрос утвердительно. Верно ли это? Выше мы уже показали, что Спиноза отнюдь не отвергает эмпирии, хотя и борется против эмпиризма, как искаженной ее теории. Но остается еще вопрос, не признает ли Спиноза опыт так, как это вынуждены делать все, даже самые заядлые идеалисты? На этот вопрос, мне кажется, надо ответить отрицательно. Все дело заключается в том, что, согласно всему смыслу учения Спинозы, адекватное познание вовсе не исключает познания имажинативного, а дополняет его. Последнее не дает

познания сущности. Адекватное же дает. И Спиноза, как мы отметили выше, сам указывает на *переход* от одного к другому. Таким образом, научная постановка вопроса должна быть не та, какую дают обычно: был ли Спиноза рационалистом, при чем отвечают обязательно утвердительно. Постановка должна быть для марксиста другая: правильное ли место отводит Спиноза рациональному моменту в познании? Не превеличил ли он его значения, не впал ли он в настоящий рационализм? Решить эту проблему можно только тогда, когда мы рассмотрим, был ли Спиноза диалектиком.

О диалектике у Спинозы

Из замечаний Гегеля о Спинозе нередко усваивают только то, что «*omnis determinatio est negatio*» (всякое определение есть отрицание). Диалектичность этого положения несомненна. Но столь же несомненно, что взятое само по себе, оно только отчасти вскрывает всю глубину мысли Спинозы. Так же отчасти вскрывает оно и его ошибочность.

В своей «Энциклопедии философских наук», в «Логике» Гегель различает два вида диалектики: отрицательную и положительную (§ 79—82). Первая ограничивается отрицанием, она «содержит простое отрицание, как результат диалектического» (§ 81, приб.). Вторая, напротив, «схватывает единство определений в их противоположности» (§ 82).

Каково же Спинозовское «*negatio*» (отрицание)? У Спинозы нет формулы «*negatio negationis*», отрицание отрицания, в чем видит Гегель и марксизм одну из важных сторон диалектики. По Спинозе, отрицание происходит один раз: отрицательное является его результатом. Это мне кажется очень важным — оно вскрывает всю особенность диалектики Спинозы.

У нас, можно сказать, установилось что-то вроде традиции брать учение Спинозы о субстанции только с одной точки зрения: материалист тут Спиноза, или же схоласт и идеалист? Между тем, здесь заложена очень большая и интересная проблема о диалектике у Спинозы.

Общеизвестно, что мир, по Спинозе, представляет собой совокупность модусов, которые через атрибуты об'емлются одной и единой, бесконечной субстанцией. Нас должно заинтересовать соотношение между этими тремя категориями.

Куно Фишер в заключительных параграфах своего тома о Спинозе пишет: «Субстанция по своему существу бесконечна, безгранична, безусловна, необходима; модусы по своему существу конечны, ограничены, обусловлены, случайны; первые — совершенно не детерминированы, последние — совершенно детерминированы... Между субстанцией и модусом есть пропасть, неравенство, дающее начало новому дуализму, который противоречит принципу истинной имманентности. Субстанция должна быть имманента вещам, в действительности она столь же мало имманентна им, как могущество — бессилию»¹⁾. Этим заявлением Куно Фишер показывает свое полное непонимание спинозизма.

¹⁾ Kuno Fischer, стр. 579—580.

Анализируя проблему субстанция — модусы, Спиноза решал очень старый вопрос об отдельных вещах и их сущности. И не в этом, конечно, заключается ошибка Спинозы. Напротив, тот факт, что он вновь поставил данную проблему и ее решил, является крупным достижением спинозизма. К его достижениям относится также то, что он искал решения, в общем и целом, на путях, неизвестных прежде. Характеристика Куно Фишер применима как раз не к Спинозе. Это прежде и после него вырывали непроходимую пропасть между модусами (вещами, явлениями) и сущностью («вещь в себе»), вырывали для того, чтобы нельзя было перепрыгнуть через нее «на клыче метафизики» (Энгельс). Спиноза в этом не повинен. С помощью атрибутов он соединяет модусы с субстанцией. Модусы для него только *модификация* субстанции. Разрыва, пропасти тут во всяком случае нет и в помине. Одним этим Спиноза становится на диалектическую точку зрения.

Что такое, по Спинозе, субстанция, атрибут и модус? Первая есть универсальная сущность, никем и ничем не сотворенная, но творящая отдельные вещи — модусы. Это общеизвестно. Значительно большие затруднения возбуждает правильное понимание атрибутов. Определение их гласит: «под атрибутом я разумею то, что ум предопределяет в субстанции, как составляющее ее сущность»¹⁾. Это «ум представляет» дает иногда основания интерпретировать Спинозу в субъективистическом смысле: атрибуты не свойственны субстанции, они суть лишь «представления ума». Но такое понимание абсолютно противоречит как букве, так и всему смыслу спинозизма. Принимать его могут либо желающие кантианизировать Спинозу, либо совершенно не понявшие его. Об'ективное существование атрибутов настолько ясно для Спинозы, что вместо доказательства своей 9 теоремы I части «Этики» («чем более какая-либо вещь имеет реальности или сущности, тем более присуще ей атрибуты») он просто указывает: «это ясно из опр. 4» (см. выше). Этим самым Спиноза совершенно отчетливо указывает, что субстанция представляется не сама по себе, а через атрибуты. Последние же суть не только результат аффицирования нас субстанцией, но внутренне *присущи* ей.

Да и не в этом, собственно говоря, наиболее интересный и существенный для марксиста вопрос. Ведь Спиноза определяет атрибут, как «составляющий ее сущность». Не замещает ли собой атрибут субстанции? Не тождественны ли они друг другу? Если же мы примем во внимание, что, согласно Спинозе, существует «бесконечно много атрибутов» или, по крайней мере, два — атрибут мышления и протяжения (из бесконечного числа Спиноза называет только эти два), то тогда вопрос формулируется по другому: не есть ли спинозизм субстанциальный плюрализм или, по меньшей мере, дуализм? И так, действительно, многие хотят его понять. Но сам Спиноза решительнейшим образом протестует против этого. В сходях к теореме 10 (I часть), он пишет: «Хотя два атрибута представляются различными, т.е. один без помощи другого, однако, из этого мы не можем заклю-

¹⁾ «Этика», Определения, опр. 4.

чать, что они составляют два существа или две различные субстанции. Природа субстанции такова, что каждый из ее атрибутов представляется сам через себя, так как все атрибуты, которые она имеет, всегда существовали в ней вместе, и ни один из них не мог быть произведен другим, но каждый выражает реальность или бытие субстанции. Следовательно, далеко не будет нелепым приписывать одной субстанции несколько атрибутов». Атрибуты, мы видим, не суть субстанции. Признание их множественности не есть плюрализм. Субстанция одна и едина. Но она по разному *выражается*, по разному *проявляет* свою сущность. Субстанция Спинозы не есть простая сумма атрибутов, как ее частей. Атрибуты суть объективные формы ее проявления. «Материя,— говорит в другом месте Спиноза (стр. 24),— *повсюду одна и та же*, и... части могут различаться в ней лишь, поскольку мы представляем ее в *различных состояниях*» (курсив мой). Это по идее своей весьма близко к известному замечанию Энгельса в его «Диалектике природы»: «Материя, как таковая, это — чистое создание мысли и абстракции. Подводя вещи, рассматриваемые нами, как телесно существующие, под понятие материи, мы отвлекаемся от всех качественных различий в них. Поэтому материя, как таковая, в отличие от определенных существующих материй, не является чем-то чувственно существующим»¹⁾. Спиноза в терминах своего времени и потому для нас не всегда «ясно и отчетливо» выражает по существу ту же мысль. Есть, понятно, и различия, но мы сможем их отметить только в дальнейшем.

Если теперь поставить в один ряд все три категории — субстанция, атрибуты, модусы, то диалектика Спинозы встанет перед нами во весь свой рост. Не трудно заметить, что это есть прообраз гегелевского учения о диалектике общего, частного и единичного. Взятые попарно: общее — частное, частное — единичное, общее — единичное, они, конечно, противоположны друг другу. Но только метафизик может видеть тут непреходимые противоречия. И мы не можем не привести прекрасных слов Ленина по этому же вопросу: «Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки понятия необходимости, объективной связи природы etc.»²⁾. Эти слова, выражая диалектику общего, частного и единичного, раскрывают нам действительный смысл спинозовского учения о субстанции, атрибутах и модусах. Пусть недостаточно совершенно выраженное: это учение стало исторической основой для полнотно-диалектической теории современности. И эта часть философии

1) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. II, стр. 147.

2) «К вопросу о диалектике».

Спинозы важна тем, что проблема, о которой мы говорим, представляет собою одну из важнейших проблем научной, диалектической методологии.

Однако, не нужно все-таки забывать, что Спиноза не дал, и по условиям времени не мог дать того, что составило вполне заслуженную славу Гегеля. Диалектика Спинозы имеет своеобразные черты. Чтобы прямо перейти к этому своеобразию, мы не будем специально останавливаться на проблеме *natura naturans* (производящая природа) и *natura naturata* (природа произведенная): диалектическое решение этого вопроса Спинозой — единство и тождество противоположностей — достаточно легко заметить и без долгих рассуждений.

Выше мы видели, что спинозовское положение «*omnis determinatio est negatio*», будучи верным, носит в себе элементы недостаточности: оно не приводит, как в диалектике Гегеля и Маркса, через новое отрицание к положительному, оно есть чистое ограничение. Гегель поэтому прав, когда он в своей «Науке логики» пишет: «*Определенность есть отрицание* — это абсолютный принцип спинозовской философии; этот истинный и простой взгляд обосновывает абсолютное единство субстанции. Но Спиноза остается при *отрицании как определенности* или качестве; он не приходит к познанию его как абсолютного, т.-е. самоотрицающего себя отрицания»¹⁾. И это относится не только к вопросу о *determinatio*. Даже беглое знакомство с «Этикой» Спинозы показывает, что автор не знает или не отдает себе отчета во всем значении категории *развития*.

Система его философии есть как бы застывший в своей диалектичности мир. Эту диалектику мира фотографирует Спиноза. Как современный нам фотограф-художник, автор стремится заснять движение в его динамике. Но это движение неизбежно застывает на снимке и превращается в стремящуюся только к движению статику. Философия Спинозы есть поэтому, как удачно выразился Гейне, «*созерцание великой природы в ее оживленнейшем спокойствии*». Соотношение между субстанцией, атрибутами и модусами диалектично — это есть оживленность мира. Но сама эта оживленность взята в спокойствии. Субстанция, как *natura naturans* (производящая природа), производит все конкретные вещи (модусы), и есть поэтому сама *natura naturata*. Но все дело в том, что и *natura naturans*, и *natura naturata*, тождественные в своей противоположности, существуют *от века*, они *вечны*, даны *раз навсегда*. Развития произведенной природы нет и быть не может. Этот внутренний недостаток диалектики Спинозы вынуждает его к ряду других серьезных ошибок.

Говоря о субстанции и модусах, Спиноза никогда не забывает диалектики тождества и различия. Модусы различны, но они становятся тождественными в субстанции и через нее. Субстанция вначале рисуется нам, как абсолютное тождество с собой, но в дальнейшем изложении системы она обретает саморазличение себя в отдельных своих спецификациях — в атрибутах и модусах. И тем не менее, благодаря забвению

1) *Sämtliche Werke*, B. IV. *Wissenschaft der Logik*, II Teil, S. 154.

развития или даже его низшей формы — простого движения, у Спинозы все время проявляется тенденция свести модусы к атрибутам, а последние растворить в субстанции. Поэтому отчасти прав Гегель, когда он по этому поводу говорит, что «атрибут и модус суть лишь исчезающие в том абсолютном, которое есть только неподвижное тождество, но не становящееся»¹⁾. Я говорю «отчасти», потому, что у Спинозы нет абсолютного различия, исключающего тождества, субстанции. Но Гегель верно подмечает, что модусы скорее стремятся исчезнуть в субстанции, чем быть в становлении, в процессе постоянного развития. Эта тенденция спинозовской философии накладывает на нее отпечаток излишнего субстанционализма, метафизики. Читатель никогда не может окончательно отрешиться от чувства, что Спиноза понимает под субстанцией как бы какое-то самостоятельное существо, что субстанция сама живет в своей безжизненности.

Выше мы отметили близость энгельсовского понимания материи к спинозовской субстанции. Но тогда мы намеренно не продолжали цитату. Теперь это сделать весьма уместно: «Естествознание, стремящееся отыскать единую материю, как таковую, стремящееся свести качественные различия к чисто количественным различиям состава тождественных материальных частиц, поступает так, как оно поступало бы, если бы вместо вишен, груш, яблок оно искало плод, как таковой, вместо кошек, собак, овец и т. д. искало млекопитающее, как таковое, газ, как таковой, металл, как таковой, камень, как таковой, химическое соединение, как таковое, движение, как таковое»²⁾. Приводя эту цитату, я отнюдь не хочу сказать, что Спиноза встал на эту целиком метафизическую точку зрения. Я хочу только подчеркнуть, что поскольку он не признает развития, он может скатиться к этой концепции. И характерно, что одна из линий дальнейшего развития спинозизма приводит в конце-концов именно к метафизике, тогда как другая приводит, напротив, к диалектике Гегеля. Что же в этом отношении дает нам система спинозизма, мы увидим в дальнейшем.

Итак, Спиноза в основном стоит на диалектической точке зрения. Но подобно тому, как Гегель, впервые сознательно возвестивший диалектику, ее мистифицировал и даже впадал в частные ошибки (изменение природы только в пространстве, но не во времени), так и Спиноза совершает крупную ошибку, отказываясь от категории развития. Его диалектика есть та своеобразная диалектика, которую можно назвать статической. Это кажется внутренним противоречием, чем-то несовместимым. Однако статическая диалектика Спинозы есть факт, который надо понять, факт, который обуславливает исторический переход от Спинозы к Гегелю и Марксу.

Этот характер спинозовской диалектики мне кажется имеющим важнейшее значение. Он вскрывает не только все величие Спинозы, задолго до Гегеля и Маркса превосхитившего научное понимание мира, но и все его ошибки. В вопросах методологии эти ошибки находятся в границах диалектики, а не за ее пределами.

1) Ibid., S. 155.

2) Ibid., S. 147.

Особенности его диалектики бросают яркий свет на проблему рационализма у Спинозы. Последний, вопреки обычному мнению, не является единственным методом спинозизма. Рациональный метод применим лишь постольку, поскольку мы имеем дело с понятиями, выражающими сущность. Признавая же реальность модусов, Спиноза не может быть чистым рационалистом. Но он отдает предпочтение рациональному, поскольку отдает предпочтение субстанции. И нужно еще доказать, что марксизм не является в этом отношении «родом спинозизма». Конечно, он не превозносит субстанцию превыше всего — это было бы метафизикой. Но марксизм и не отрицает субстанции и тем включает в свой диалектический метод рациональный момент. Даже больше: найти рациональную связь явлений — в этом заключается одна из важных сторон диалектики, достаточно просмотреть Марксов «Капитал». Правда, только сторона диалектики, но не она вся.

Эта характеристика спинозовской диалектики бросает столь же яркий свет на вопрос об его материализме.

О материализме Спинозы.

Самым упрощенным пониманием спинозизма является то, которое именуется его «математическим пантеизмом». Так делает Виндельбандт в своих «Прелюдиях». Система Спинозы изложена в «Этике» *methodo geometrico* (геометрическим способом), следовательно она есть математическая философия¹⁾. Спиноза называет всеобщую и единую субстанцию богом — следовательно, он пантеист... Метод исследования простой, но мало убедительный, хотя даже отдельные марксисты и верят этому на слово.

На иной, неизмеримо более правильной, точке зрения стоит Плеханов. В известном предисловии к книге Деборина «Введение в философию диалектического материализма» он пишет: «Еще в 1843 г. Фейербах высказал совершенно основательное убеждение в том, что учение Спинозы было «выражением материалистических понятий новейшей эпохи». Конечно, и Спиноза не избежал влияния своего времени. Его материализм был, по замечанию Фейербаха, одет в теологический костюм. Но важно было то, что им, во всяком случае, устранялся дуализм духа и природы. Если природа называется у Спинозы богом, то одним из атрибутов его бога является *протяженность*. В этом состоит коренное отличие спинозизма от идеализма». К этому Плеханов делает два примечания. К фразе о «теологическом костюме» он прибавляет: гениальный Дидро понимал это, и оттого он... не хотел смешивать «новых спинозистов» со «старыми». Тезис же о протяженности бога у Спинозы

1) Я не останавливался выше на вопросе о «геометрическом способе» специально, так как не в этом суть методологии спинозизма. Однако, мне кажется, правильным будет признать, что недостатки Спинозы (а не спинозизма) вытекают отчасти из того, что Спиноза, покорный «духу времени», стремился загнать свою, в основе диалектическую, систему в узкие и тесные рамки геометрических теорем, доказательств и т. д. Достаточно сравнить Спинозу с Гегелем и Марксом, чтобы видеть, какое значение имеет для самой системы форма ее изложения.

нозы дает Плеханову повод прибавить: «Беркли говорил, что признание независимого от сознания существования материи неизбежно ведет к признанию протяженности бога, а в этом признании заключается, по его мнению, сущность материализма»¹⁾.

Марксисту нет абсолютно никаких оснований отказываться от этой характеристики Спинозы Фейербахом и Плехановым. Л. Аксельрод-Ортодокс, на правах преемницы Плеханова, думает, однако, иначе. Формально признав, что Спиноза — материалист, автор на деле преподносит его читателю в форме самого рафинированного идеализма. «Закон абсолютной необходимости или, что одно и то же, закономерность проникающего собою все явления, есть в системе Спинозы высший верховный абсолютный закон, управляющий всей вселенной. Вот этот верховный абсолютный закон и есть «субстанция» или, что одно и то же, «бог»²⁾. При этом автор дает в дальнейшем такую характеристику спинозизму, которую Ленин назвал бы с полным правом «дипломированной поповщиной». «Проникнутый до глубины своего существа религиозным чувством, Спиноза окрашивает им, этим религиозным чувством, высший верховный закон *мирового порядка*... Бог теологии — это... противоречивое и нелепейшее существо, которое, если бы существовало в действительности, не должно было внушить ни одному строго мыслящему человеку ни малейшего уважения. Напротив, истинно религиозное чувство и действительно благоговейное преклонение вызывает мировая связь, безусловная необходимость, неумолимый порядок, властвующий над всем и во всем, проникающий собою всю вселенную, все мировые явления без всякого исключения. Тут сила, тут величие, тут бесконечное могущество, и это — истинный бог Спинозы» (14. Все курсивы автора).

В данной связи у нас нет, конечно, возможности останавливаться ни на том, что автор явно проявляет тенденцию к новейшему богостроительству, ни на том, что Л. Аксельрод-Ортодокс взяла на себя обязанность подтвердить всю правоту известных слов Энгельса относительно тождества теории абсолютной необходимости с теологическим взглядом³⁾.

Мы остановимся на приведенной выше интерпретации Спинозы.

Никто не может спорить против того, что отождествление спинозовской субстанции с «верховным абсолютным законом» есть попытка представить Спинозу, как идеалиста. Будем ли мы говорить о какой-нибудь конкретной форме религии или об идеализме либо типа Платона, либо типа Канта — везде и всюду мы увидим одно: «верховный абсолютный закон» оторван от материальной действительности и препод-

1) ГИЗ, 1922 г., стр. 28.

2) Предисловие к «Основным вопросам марксизма» Плеханова, стр. 12. Курсив автора. В примечании автор сам указывает на Гефдингга, как на источник своих убеждений.

3) Вот слова Энгельса: «С необходимостью этого рода (механической) мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это вместе с Августином и Кальвином извечным решением Божиим, или вместе с турками — кismet, или же назовем необходимостью» (Диалектика природы, стр. 193.) Л. Аксельрод наглядно показывает нашим механистам, что Энгельс был прав.

несен в виде некоего «неумолимого порядка», являющегося подлинной субстанцией мирового целого... Равным образом, никто не может спорить против того, что Плеханов стоит на диаметрально-противоположной точке зрения, когда подчеркивает *протяженность* спинозовского бога, интерпретируя тем самым субстанцию материалистически.

Невозможно, конечно, отрицать, что среди определений, которые дает Спиноза субстанции, существует и то, что субстанция есть *causa sui* (причина самой себя) и причина всех модусов (вещей). Но утверждать на этом основании, что субстанция равна «верховному абсолютному закону», что она есть *только это*, значит сильно грешить как против марксизма, так и против исторической очевидности. Даже больше: такой взгляд отнюдь не вскрывает самой сущности дела.

Выше было уже указано, что Спиноза понимает под атрибутами то, что «составляет сущность субстанции». Этим своим определением Спиноза вполне ясно говорит, чем является с его точки зрения субстанция. Она раскрывает свою сущность в бесконечном числе атрибутов, из которых философ считает нужным отметить только два — протяженность и мышление. Тем самым вопрос ставится совсем не так, как это делает Л. Аксельрод-Ортодокс, и на него дается, конечно, другой ответ. Проблема такова: мышление или протяжение, по Спинозе, вскрывает сущность субстанции — бога? Проблема не такова, как это рисуется нашему автору: если взять спинозовскую субстанцию саму по себе, вне атрибутов, то не потому ли она именуется богом, что есть «безусловная необходимость, неумолимый порядок, властвующий над всем и во всем»? Если же при этом стоять на точке зрения юдаизма Спинозы, «религиозного чувства», которым он был «проникнут до глубины» своего существа, то... то ответ в идеалистически-религиозно-мистическом духе напрашивается сам собой.

Итак, для марксиста проблема состоит в определении первичности атрибутов. И мы видели, что Плеханов *именно на этот вопрос* отвечает след за Фейербахом материалистически, именно в этом видит он *материализм* Спинозы. Нам незачем повторять слов Плеханова. Но нам бесполезно сослаться на Л. Аксельрод-Ортодокс, которая, противореча себе, решает вопрос о первичности атрибутов в основе правильно. Она пишет: «Знаменитая 7-ая теорема второй части «Этики»: «Порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей», развертывается.. в чисто материалистическом значении. Параллелизм, отверженный этой теоремой, постоянно испаряется по мере того, как развертывается необходимая зависимость души от тела. Тело оказывается на *первом* месте, душа — на *втором*, при чем душа целиком обуславливается телом» (15—16. Курсив автора). И это действительно так. Однако автор, во-первых, не связал концов с концами, а, во-вторых, дал неверную формулировку насчет параллелизма. Нам необходимо на этом остановиться, поскольку эти два пункта имеют существенное значение для понимания материализма Спинозы.

Тело есть нечто протяженное, материальное. Субстанция, по Спинозе, порождает отдельные тела, является их всеобщей причиной. Если бы эту субстанцию Спинозы понимали так, как делает это

Л. Аксельрод-Ортодокс, то Спиноза не мог бы даже и называться материалистом. Ведь это чисто идеалистическое направление в философии, когда говорят, что «высший верховный закон мирового порядка» порождает отдельные материальные вещи. Таким образом, либо субстанция Спинозы есть «безусловная необходимость», и тогда Спиноза чистейший идеалист и его незачем называть материалистом, как делает это Л. Аксельрод-Ортодокс. Либо же Спиноза материалист не только в решении частного вопроса о душе и теле, но и общего — в решении вопроса о материальности субстанции, — и тогда нельзя понимать под субстанцией только «закон мирового порядка». Решение этой «загадки» состоит в следующем. Душа и тело, по Спинозе, представляют собою модификации двух атрибутов одной и той же субстанции. Это общеизвестно. Но отсюда надлежит сделать тот вывод, что субстанция не есть нечто третье, совершенно отличное от души и тела. Не какая-то идеалистически-абстрактная закономерность путем модификации самой себя порождает модусы — тело и душу. Субстанция есть, напротив, либо тело, либо душа в их общем виде, т.е. либо материя, либо идея. Но поскольку сама Л. Аксельрод-Ортодокс признает первичность тела в отношении души, то это логически неизбежно заставляет нас говорить, что и атрибут протяжения первичен в отношении атрибута мышления. Иными словами, это означает, что атрибут протяжения, и именно он вскрывает самую сущность спинозовской субстанции. Вот почему Спиноза называет свою субстанцию *природой* и отождествляет ее с *материей*. В этом отношении характерно то пояснение (схолия), которое Спиноза дает к теореме 15 первой части. Теорема эта как будто бы обосновывает бытие бога. Она гласит: «Все, что только существует, существует только в боге, и без бога ничто не может ни существовать, ни быть представляемо». В пояснении Спиноза возражает только против одного — против того, «будто бог, подобно человеку, состоит из тела и души и подвержен страстям». Спиноза видит в таком упрощенном понимании субстанции (последняя есть бог) чисто количественную точку зрения и не соглашается с ней. Свою концепцию он формулирует в таких словах: «никаким образом нельзя сказать... что протяженная субстанция недостойна божественной природы» (выше, в той же схолии Спиноза говорил еще прямым: «я не знаю, почему бы *материя* была недостойна божественной природы» (курсив мой)). Думается, что отрицать после этого материализм Спинозы — значит отрицать очевидность, бороться против действительных фактов.

Остается вопрос о «параллелизме» атрибутов, каковой (параллелизм), по мнению Л. Аксельрод-Ортодокс, «утверждается» седьмой теоремой и только «испаряется» в дальнейшем развертывании системы, но не уничтожается совсем. Уже сейчас не трудно видеть, что проблема параллелизма, с которой носятся все буржуазные историки философии, есть результат полного непонимания ими мышления Спинозы.

Если исходить из недиалектической точки зрения, то весь марксизм тоже можно объявить родом параллелизма. Энгельс¹⁾ в примечаниях

¹⁾ Диалектика природы, стр. 137.

к «Анти-Дюрингу» уделяет внимание вопросу о «согласии» между мышлением и бытием, при чем говорит, что уже Гегель доказал «аналогии между процессами мышления и процессами в области природы и истории, и обратно, и господство одинаковых законов для всех этих процессов».

Этому же вопросу посвящает несколько страниц своих «Основных вопросов марксизма» и Плеханов (гл. II). И характерно, что как раз здесь Плеханов сближает спинозизм с марксизмом. Это возможно потому, что ни спинозизм, ни марксизм не является параллелистической теорией: в решении основного для всякой философии вопроса об отношении мышления к бытию оба они стоят на твердых позициях *материализма*. Законы мышления аналогичны законам бытия, но *только* потому, что они *едины*. «Мышление не причина бытия, а его следствие или, точнее, его *свойство*» (Плеханов). То же самое мы имеем и у Спинозы. Модификации атрибутов мышления (идеи) аналогичны модификациям атрибута протяжения (вещам), как аналогична и их связь, вовсе не потому, что мышление и протяжение суть самостоятельные субстанции. Это было бы картезианством, но никак не спинозизмом. Для Спинозы, как мы знаем, атрибуты суть лишь формы выражения субстанции, последняя же есть их *единство*. Тут надо быть диалектиком. Атрибуты противоположны друг другу. Это верно. Но верно и то, что они диалектически объединены в субстанции. Поэтому и нельзя говорить о параллелизме атрибутов.

Мы можем подвести некоторый предварительный итог. Философия Спинозы в решении им основного вопроса об отношении мышления и бытия есть материализм: первичным оказывается протяжение, материя, вторичным — идея, мышление. Но здесь же мы замечаем и одну *особенность* спинозовского материализма, особенность, в подчеркивании которой Спиноза на много десятилетий обгоняет свое время и плотную подходит к диалектическому материализму. Я говорю «подходит», так как именно здесь, в то же время, Спиноза совершает большую ошибку.

Диалектический материализм, как известно, не ограничивается только конкретным определением материи. Материя есть для него «объективная реальность, существующая во времени и пространстве, действующая на наши чувства и в них отражающаяся. В более широком смысле материя есть вся бесконечная конкретная совокупность «опосредствований», т.е. отношений и связей»¹⁾. Такое понимание материи достаточно широко для того, чтобы включить в себя все конкретные данные науки о материи. Но оно в то же время и достаточно узко, чтобы точно определить самую сущность материи. Оно абстрактно и конкретно, оно диалектично.

Если с этой точки зрения посмотреть на тот переворот, который произвел впервые после Декарта Спиноза, то поистине приходится удивляться зрелости его мышления. Декарт определял материю, как протяженность. При всех заслугах этого определения оно является,

¹⁾ Деборин, «Ленин, как мыслитель» ГИЗ, Изд. 2-ое, стр. 34.

однако, односторонним: здесь не подчеркнута объективность материи и потому остается еще неясным, как понимается сама протяженность (след. и материя): в виде ли объективно-существующей или как порождение моих ощущений и сознания. Вместе с тем, подобное понимание, по существу, исключает движение, как атрибут материи, как нечто, внутренне ей присущее. Оно, наконец, ставит, как показала современная физика с ее учением об электричестве, абсолютные грани для исследования конкретных форм материи, тех, в которых протяженность вовсе не является самым существенным свойством (электроны).

Что же нам дает в этом отношении Спиноза? В своем определении субстанции он ничего другого не говорит, как то, что она «существует сама в себе». Субстанция есть *causa sui* (причина самой себя). Под последним же Спиноза понимает то, «сущность чего заключает в себе существование, иными словами то, чья природа может быть представляема не иначе, как существующей» (опр. I). Субстанция есть, следовательно, *объективная реальность*¹⁾. Данное Спинозой определение только словесно не совпадает с определением материи марксизмом (см. выше). В этом важнейшем вопросе Спиноза предвосхищает диалектический материализм.

Далее, подобно марксизму, Спиноза не хочет связать себя с одной только протяженностью и поэтому рассматривает протяжение, как *атрибут* субстанции. Оно вскрывает сущность субстанции, но отнюдь не приравнивается ей, не отождествляется. Именно поэтому Спиноза и может говорить о бесконечном числе атрибутов, раскрывающих субстанцию, но тождественных ей только во всей своей совокупности (не простой сумме). Именно поэтому Спиноза может приравнивать субстанцию природе, как «всей бесконечной конкретной совокупности... отношений и связей» (см. выше определение Деборина). Но Спиноза идет даже дальше. Его постоянные указания во всех определениях не только на существование, но и на представляемость («может быть представляемо»...) при ближайшем рассмотрении оказываются тождественными марксистскому: «действующая на наши чувства и в них отражающаяся».

Мы приходим таким образом к выводу, что спинозовское определение субстанции по всем важнейшим пунктам тождественно марксизму. Нам приходится только сожалеть, что философу не была известна современная нам терминология, чем он и ввел в соблазн, напр., Л. Аксельрод-Ортодокс.

Однако в этом величии Спинозы сказались и обусловленная обстановкой теоретическая его слабость. Если Гольбах, принявший в своей «Системе Природы» все важнейшие пункты спинозизма, считал необходимым оговориться, что в понятиях Природа и Целое (с большой буквы) он «не думает... олицетворять природу, являющуюся абстрактным существом»²⁾, то того же самого нельзя сказать о Спинозе.

¹⁾ Ср. также: «вне ума нет ничего, кроме субстанций и их модусов», Этика, ч. I, теорема 4, доказательство.

²⁾ Стр. 16, русск. изд. ГИЗ, Москва.

И тут мы вплотную подходим к вопросу о том, почему назвал Спиноза субстанцию-природу богом.

Выше было уже сказано, что незнание категории развития заставляет Спинозу стремиться к отрыву субстанции от ее модусов. Но это осуществляется лишь, как тенденция, и потому никогда окончательно не реализуется. Единство субстанции и модусов постоянно побеждает, при чем побеждает в странной для нас форме бога. В этом отношении Спиноза был, можно сказать, фейербахианцем.

Материализм Фейербаха, упершись в антропологию, в природу отдельного человека, пришел к необходимости связать индивидуумов в некоторой высшей связи. Не зная, что сущность человека «есть совокупность общественных отношений» (Маркс), Фейербах приходит к мысли, что «сущность может быть понята только, как «род», как внутренняя, немая общность, устанавливающая *естественную* связь между многими индивидуумами» (Маркс, тезисы о Фейербахе, т. 6). Иными словами, Фейербах исходил из *индивидуальной* сущности. Это заставило его искать *внешней* связи, которую он и нашел в физиологической любви. Поэтому любовь была им отождествлена со старой религией и заместила личного бога. Единство разрозненных индивидуумов было найдено и обожествлено в форме всеисцеляющей и всепрощающей любви. Однако, ни один марксист не додумался, кажется, еще до того, чтобы объявить Фейербаха сплошным идеалистом. Напротив, Фейербах — материалист, но материалист метафизический. И Спинозу на одном том основании, что он называет природу богом, нельзя назвать «глубоко религиозным мыслителем». Подобно Фейербаху, Спиноза — материалист. Но его субстанции, как объективной реальности, не достает той диалектики, которую дает нам в понимании материи марксизм. С точки зрения последнего, материя реальна, но, как таковая, — она есть только понятие. Материя есть абстрактно-конкретное понятие. Она есть совокупность всех отношений и связей, но не существует, как самостоятельное существо. Именно этой, диалектической в своем существе проблемы и не мог полностью решить Спиноза. Как и Фейербах с его невольной субстанциализацией любви, Спиноза не видит другого выхода, как назвать субстанцию богом. Назвав бога «протяженной вещью» (ч. II теорема 2), Спиноза уничтожает, конечно, всякого бога. Но он вынуждается самое протяженность, точнее — субстанцию, возвести в сан бога. В этом последнем понятии он нашел готовую форму для выражения своей мысли об универсальности, единстве и других свойствах субстанции. Но для Спинозы она остается лишь формой, тем «теологическим привеском», без которого вполне может обойтись его система.

Тот же вопрос можно рассмотреть и под другим углом зрения. Когда марксист определяет материю, как это приведено выше, он дает ей качественно-количественную характеристику. Модусы у Спинозы суть конкретные качества. Смотрит ли он на субстанцию только, как на количество? Нет, он всюду подчеркивает ее качественность, правда, более абстрактную, чем качественность модусов. Но даже этих отвлеченных качеств Спиноза насчитывает слишком много, чтобы не

попытаться об'единить их в одном — в боге. Ведь именно он был для того времени —

... пространством бесконечный,
Живый в движенъи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц в трех лицах божества.
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кто все собою наполняет,
Об'емлет, зиждет, сохраняет...

(Державин, ода «Бог»).

И эту многокачественность в ее единстве Спиноза называет богом. С Фейербахом нельзя согласиться, когда он говорит: «Субстанция слишком безразлична и бесстрастна, чтобы она могла воодушевиться чем-нибудь. Не желая быть чем-нибудь, она предпочитает быть ничем»¹⁾. Именно этого и старается избежать Спиноза, когда он величает свою субстанцию богом. Он не хочет представить ее в виде чистого, безразличного и бесстрастного количества. Субстанция не ничто, но нечто. Она живет частью сама, частью в атрибутах и модусах. Однако, Спиноза не сумел правильно связать количества и качества и потому вынужден был говорить о боге, а не только о природе.

Как бы то ни было, ясно во всяком случае одно. Спиноза обожествляет природу не потому, что он вышел из юдаизма и был «проникнут до глубины своего существа религиозным чувством»... «Религиозное чувство», напротив, само могло возникнуть у него лишь потому, что он, решительно настроенный против религии, как и Фейербах, не сумел целиком правильно решить важнейшего вопроса. У Фейербаха это вышло религию любви, у Спинозы — «духовную любовь к богу».

Не понять этой зависимости значит совершенно не понять исторической обусловленности как фейербахианства, так и спинозизма. Только новая эпоха освобождает спинозизм от всех несущественных для него привесок и, продолжая основную струю системы, формулирует диалектический материализм Маркса и Энгельса. Марксизм есть завершение лучших сторон учения Спинозы.

К. Скурер.

І.—СТАТЬИ

ДИАЛЕКТИКА КОЛИЧЕСТВА

(Элементы формальной логики и диалектики в теории статистики)

1. Случайность и необходимость

В своей «Диалектике природы» Энгельс посвящает несколько прекрасных страниц случайности и необходимости и описывает, как ученые разных школ путаются в этом вопросе и как не «случайность объясняется из необходимости, а скорее, наоборот, необходимость низводится до чего-то чисто случайного»¹⁾. Двумя страницами выше он говорит: «Обычный здравый смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность как категории, безусловно исключаящие друг друга. Какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-нибудь процесс либо случайны, либо необходимы, но не могут быть и тем и другим. Таким образом, оба существуют бок о бок в природе. В последней заключаются всякого рода предметы и процессы, из которых одни — случайны, другие — необходимы, причем важно только одно: не смешивать их между собою. Так, например, принимают главные видовые признаки за необходимые, считая остальные различия у индивидов одного и того же вида случайными, и это относится как к кристаллам, так и к растениям и к животным. При этом, в свою очередь, низшая группа рассматривается как случайная по сравнению с высшей... А затем объявляют необходимое единственно достойным научного интереса, а случайное — безразличным для науки»²⁾. С весьма своеобразным пониманием этого необходимого, как единственно достойного внимания, мы встречаемся в теории статистики при трактовке так называемых случайных отклонений. Так, напр., излагая формулу «нормального распределения», проф. Лактин говорит в своем «Курсе теории вероятностей»: «Кроме рассмотренных двух случаев (распределения числа шаров и распределения ошибок), формула 38 нашла широкое применение еще в других случаях, преимущественно в антропологии и биологии. Начало таких применений положено основателем теории массовых явлений, Кетлэ. Рассматривая таблицы распределения при изучении человеческого

¹⁾ «Сущность христианства», Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, сочинения т. II, 1926 г. Гиз, стр. 47. Курсив автора.

¹⁾ Архив Маркса и Энгельса, Гиз. кн. 2, стр., 193.

²⁾ Idem, стр 191.

роста и размеров различных частей человеческого тела, он заметил большое сходство с теми распределениями, которые встречаются в распределении шаров и распределении ошибок. Это привело его к такой мысли: природа в строении человека и других организмов имела в виду определенные образцы, от которых происходят некоторые отклонения только под влиянием случайных причин. Если эта мысль верна, то, конечно, отклонения в росте человека и в размерах частей его тела и в других подобных величинах от нормального образца должны следовать тому же закону, как отклонения результатов измерения от истинной величины измеряемого предмета. Ряд вычислений, произведенных как самим Кетлэ, так и его последователями, дали настолько прочное подтверждение верности его мысли, что формула распределения (38) получила название «нормальная формула распределения» и долгое время была единственно применяемой в теории массовых явлений, хотя уже сам Кетлэ указывал на существование случаев распределения, где кривая асимметрична»¹⁾.

В приведенной цитате проф. Лахтина есть несколько моментов, останавливающих на себе внимание читателей, воспитанных не на формальной логике, а на диалектике. Во-первых, оказывается, что природа, создавая человека и другие организмы, имела в виду определенные образцы, от которых отклонения возможны только случайно. Кстати сказать, в других книгах проф. Лахтина природа, имеющая в виду нормальные образцы, фигурирует уже без ссылки на Кетлэ. Здесь как-будто бы отменяется одним махом не только Энгельс и Гегель, знакомство с которыми не обязательно для проф. Лахтина, но как-будто бы и вся после-дарвиновская биология. Бросается в глаза наивный деизм этого построения. О боге или о божестве говорить в изданиях ГИЗ'а нельзя, но о природе, которая имеет в виду какой-то образец и творит мир согласно этому образцу, говорить можно. Затерянная среди сложных математических формул, завуалированная знаками интеграла, природа продолжает спокойно строить уже в XX веке то, что ей заблагорассудится иметь в виду. Количественные же вариации укладываются в строгую формулу нормального распределения погрешностей и отнюдь не заставляют подумать ученых статистиков о том, что может быть эти вариации указывают не на случайное отклонение от нормального образца, а на некое новообразование: динамику рассматриваемого образца, начало изменения его. И то, что Энгельс называет необходимой связью, здесь совершенно отсутствует. «Что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может объяснить, сводя непонятное ей к сверх'естественным причинам. При этом по существу дела совершенно безразлично, назову ли я причину непонятных явлений случаем или богом — оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к веде-

1) Лахтин, «Курс теории вероятностей», Гиз., стр. 208.

нию науки. Наука перестает существовать там, где теряет силу необходимая связь»¹⁾.

Замечательно, что наивный деизм проф. Лахтина, как и всей той школы, которую он представляет, оказывается не только до-диалектическим, но и до-эволюционным. В его понимании нормальное распределение не подчинено изменению во времени. Его «истинная величина» и «определенные образцы» существуют всегда и при всяких условиях, а не только в данный отрезок времени, или, по терминологии проф. Романовского, мы имеем здесь дело с другим божественным существом, именуемым «логическая константа». Для Романовского «нормальное распределение количественного аргумента объясняется действием многих причин, причем одинаковые отклонения аргумента в ту или другую сторону от его средней вызываются случайными и равновероятными причинами, между тем как значение аргумента, равное его средней арифметической, обусловливается комплексом все время действующих постоянных причин»²⁾. Как это ни странно, но эти современные нам теоретики аргументируют именно так, как те естествоиспытатели, против которых восставал Энгельс. И ответ, который дает Энгельс современным ему философам, сохраняет, пожалуй, свою валидность и для наших теоретиков. «В то время, как естествознание продолжало так думать, что *сделало* оно в лице Дарвина? Дарвин в своем, составившем эпоху, произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности, фактической основы. Именно — незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия которых могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины, которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии, усомниться в понятии вида, в его *прежней метафизической неизменности и постоянстве*» (курсив мой. М. С.³⁾). Итак, случайные отклонения, вызываемые лишь случайными причинами, опрокинули нормальный образец, созданный природой по ее усмотрению, и «случайность уничтожила необходимость, как ее понимали до сих пор. Прежнее представление о необходимости отказывается служить. Сохранять его значит навязать природе в качестве закона противоречащее самому себе и действительности произвольное логическое построение»⁴⁾.

Но, быть может, эти произвольные логические построения и эти нормальные образцы постольку безвредны, поскольку, застряв где-то на страницах учебников между двумя знаками интеграла, они никогда и не выходят на свет дня и не имеют никакого отражения в статистической практике? Быть может, пресловутое истинное значение величины это — только случайный отзвук до-дарвиновских теорий, пережиток, объясняющийся лишь тем, что диалектикам не было времени заниматься такой скромной наукой, как теория статистики? Быть

1) Архив etc, стр. 191.

2) Романовский. «Курс математической статистики», стр. 219.

3) Архив etc, стр. 195.

4) Idem.

может, не стоит ломать копыя из-за этих случайных пережитков, а предложить попросту редакторам ГИЗ'а и Главлита относиться повнимательней к своим задачам и почаще замечать божество, когда оно облакается в костюм природы, имеющей что-нибудь в виду, логической константы и т. п. мифических существ? Быть может, все эти теории являются лишь случайным отклонением не только от современного диалектического материализма, но и от предшествующей ему школы эволюционного материализма? На такую точку зрения вряд ли может стать диалектик, считающий, что «случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя, как случайность, и что, с другой стороны, эта случайность есть скорей абсолютная необходимость»¹⁾. Несомненно, что данные формы сознания определяются еще какими-то пережитками форм бытия и что корней идеологических пережитков приходится искать и в бытии нашей статистической практики если не самых последних лет, то предшествующей эпохи. В настоящую эпоху наше сознание занято наблюдением развития социалистических элементов нашего хозяйства. В предвоенную эпоху наиболее выпуклым моментом статистического сознания было столкновение двух точек зрения при наблюдении развития капиталистических элементов в нашем хозяйстве. Играли ли тогда какую-нибудь роль «определенные образцы» и случайные отклонения? Да, играли. Только определенные образцы назывались особым «типом развития», а случайными отклонениями являлись именно те количественные изменения, которые знаменовали собой необходимые качественные изменения. Именно с этим «типом развития» и именно с «истинной величиной» среднего крестьянина и боролся Ленин, показывая, как необходимое экономическое развитие создает качественные вариации в крестьянской среде. Вместо среднего крестьянина, которым оперировали народники, он получает несколько экономических типов крестьян, пролетария, продающего свою рабочую силу, — на одном полюсе, предпринимателя, покупающего эту рабочую силу, — на другом. «Не очевидно ли, что если мы будем складывать подобные крестьянские хозяйства и делить на число слагаемых, то у нас получится закон средних потребностей, открытый господином Щербиной еще в сборнике по Острогжскому уезду и столь блистательно примененный впоследствии? А затем уже из такого закона не трудно сделать вывод, что крестьянин удовлетворяет не минимальные потребности, а средний уровень их, и что крестьянское хозяйство являет собой особый тип развития... Не ясно ли, что получим особый тип развития, если будем складывать хозяйства батраков и поденщиков с хозяйствами крестьян, нанимающих рабочих, и делить сумму на число слагаемых»²⁾?

В самом деле, в чем состояла политическая контраверза Ленина и народников со статистической точки зрения? Количественные вариации крестьянских хозяйств для Ленина не случайным отклоне-

нием, а необходимым созданием новых типов сельского населения. Возникновение же этих новых типов — прямым результатом проникновения в деревню товарного хозяйства. Для народников же тут имела место лишь чисто количественная вариация — имущественное неравенство, словом, вариации такого же характера, с какими мы имеем дело в физиологии. А раз дело касается только количественных вариаций, недостаточно больших, чтобы перейти в качество, то можно иметь дело и с средними величинами, выводимыми для всей массы в целом; крайний же случай трактовать, как отклонение. Здесь уже природа постаралась и возымела в виду и определенные образцы крестьянских хозяйств. Для всех признаков крестьянского хозяйства выводились средние, в том числе и для данных о так называемых промыслах — термин, который применялся к самым разнообразным занятиям, включавшим и покупку, и продажу рабочей силы. Это, по мнению Ленина, «дикое словоупотребление». Но «подобная терминология держится у нас отчасти и потому, что она замечательно гармонирует с фикцией о среднем крестьянстве», ибо «стоит только пользоваться всегда и исключительно средними данными о крестьянском хозяйстве — и все превратные идеи о разложении крестьянства окажутся раз навсегда изгнанными»¹⁾. По существу дела мы имеем здесь две точки зрения: точку зрения количественных вариаций: имущественных неравенств, группирующихся вокруг среднего крестьянина и среднего уровня его потребности или вокруг того особого типа развития, который народники вскрыли с помощью своей статистики в русском крестьянском хозяйстве. Этой точке зрения Ленин противопоставляет жестокую необходимость экономического развития, с точки зрения которого количественные отклонения суть отражение новых качественных типов. «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой дифференциации процесс отнюдь не исчерпывает. Старое крестьянство не только дифференцируется — оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством»²⁾. Иначе говоря, в первой концепции необходимое деградируется до случайного, а во второй — случайные на первый взгляд количественные отклонения поднимаются до уровня необходимого.

Любопытно самое происхождение термина «случайные отклонения». Два крупнейших теоретика статистики — Лаплас и Кетлэ — были астрономами и брали ряд астрономических наблюдений в основу своих статистических построений. Например, при измерении расстояния какой-нибудь звезды от земли или измерении величины этой звезды приходилось производить повторные наблюдения, так как, при несовершенстве орудий наблюдения, каждое отдельное наблюдение могло включать случайную ошибку наблюдения отклоняющейся от действи-

¹⁾ Архив etc, стр. 195. У автора ссылка на Гегеля — «Логика», книга II. Отдел «Действительность».

²⁾ Ленин, «Развитие капитализма в России». Гиз. 1923 г., стр. 103 и 104.

¹⁾ Idem, стр. 104.

²⁾ Idem, стр. 106.

тельной величины звезды или от действительного расстояния ее от земли. Средняя этих повторных наблюдений принималась за соответствующую действительной величине звезды, при чем право на присвоение средней, звания истинной величины опиралось на математические построения так называемого закона нормального распределения. С аналогичным случаем мы имеем дело в производственной практике, когда требуется, например, определить среднюю затрату времени на производство какой-нибудь определенной технической операции. Инженеры могут вычислить ее теоретически. Но в заводской практике имеются почти всегда отклоняющие обстоятельства, поэтому производится большее или меньшее количество повторных наблюдений, и в основу дальнейших расчетов кладется средняя этих повторных наблюдений. В обоих случаях мы имеем дело с повторными наблюдениями одной и той же величины, и варьирует не сама величина, а условия наблюдения. Отклонение есть в данном случае отклонение от реальной величины. Именно из такого искусственного случая и выводится теория нормального распределения случайных отклонений от средней величины, соответствующей истинному значению. У Романовского находим следующую формулировку этого положения: «Указанное нами применение можно положить в основание утверждения устойчивости средней арифметической относительной частоты какого-либо признака, если считать, что существует истинное значение этой частоты и что отклонения от нее наблюдаемых ее значений случайны и следуют указанному выше правилу»¹⁾. Здесь отчетливая формулировка допущения, на котором построена вся теория: «если считать, что существует истинное значение этой частоты». В этом вся суть, вся теория построена на предположении существования «истинных» значений, устойчивых, задуманных природой определенных образцов и типов развития. Однако на самом деле мы имеем дело в статистическом изменении не с многократным наблюдением одной данной величины, а с наблюдением коллектива величин, в которых одно и то же качество варьирует количественно, при чем, в зависимости от размера количественных вариаций, мы можем или не можем характеризовать данный коллектив с помощью средних величин. При незначительных отклонениях средняя величина есть характеристика данного коллектива, ибо тут еще количественные изменения оказались недостаточно велики, чтобы перейти в качество. При значительных отклонениях количество переходит в качество, и мы имеем дело уже не со случайным отклонением, а с необходимым качественным отличием, и именно с последним случаем мы имели дело в работе Ленина. Так, Щербина вычислял в своих бюджетных работах средний доход крестьянской семьи, средний расход на аренду, средний расход на ремонт инвентаря и скота и т. д. Ленин же приводил такие цифры: доход с земли для безлошадного около 60 руб. на семью, а у богача — около 700 р. Средний расход на аренду у однолошадного — 6 р., у богача — 100—200 рублей. На пополнение и ремонт

¹⁾ Романовский. «Курс математической статистики», стр. 173. Автор приводит однако эту формулировку не как свою.

инвентаря и скота у безлошадного — 8 коп., у богача — 75 рублей. По мнению Ленина, «пользоваться бюджетными данными можно лишь посредством вывода средних для каждой отдельной группы крестьянства» под риском превратить экономический анализ в игру в циферки. Само собою разумеется, что теория случайных отклонений от истинной величины в изучении крестьянских хозяйств, как и всяких других экономических коллективов, совершенно не применима, ибо здесь нельзя «считать, что существует истинное значение этой частоты». Мы не знаем ни истинного крестьянина, ни истинного рабочего, ни истинного дохода, ни истинного промышленного заведения. Мы имеем только экономические коллективы с большими или меньшими отклонениями от той средней величины, которая является условной арифметической характеристикой данного коллектива и которая сохраняет свою способность характеризовать его лишь в данной экономической обстановке. Резкое количественное отклонение есть всегда выражение создавшегося в силу экономической необходимости нового экономического типа.

Любопытно использование теории отклонений у Маркса. «Овеществленный в ценности труд есть труд среднего общественного качества, т. е. проявление средней рабочей силы. Но средняя величина существует всегда только, как средняя из многих различных особей одного и того же рода. В каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочий — Петр или Павел — уклоняется больше или меньше от среднего рабочего. Эти индивидуальные отклонения, которые на математическом языке называются погрешностями, уравниваются и исчезают, как только в счет идет значительное число рабочих». И далее: «Если рабочий тратит значительно больше времени для производства какого-либо товара, чем это общественно необходимо, и, таким образом, необходимо для него индивидуально рабочее время значительно уклоняется от общественно-необходимого или среднего рабочего времени, то его труд не считается за средний труд, его рабочая сила не считается за среднюю рабочую силу. Она или вовсе не будет продана или будет продана ниже средней ценности рабочей силы. Поэтому известный минимум трудовой умелости всегда предполагается, и мы позже увидим, что капиталистическое производство находит средства измерить этот минимум. Тем не менее, и этот минимум уклоняется от средней величины, хотя предпринимателю приходится оплачивать все-таки среднюю рабочую силу»¹⁾. Здесь нет истинной величины, но есть средняя общественно-необходимая величина труда, из которой исходит в своих расчетах предприниматель, нанимающий значительные количества рабочих. Что же называется средним общественно-необходимым рабочим временем? Ответ на этот вопрос находим еще в I главе «Капитала». Это то рабочее время, которое «при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда необходимо для изготовления той или другой полезной вещи. Например: после введения в Англию парового

¹⁾ «Капитал», том I, изд. 1918 г., стр. 219.

ткацкого станка было достаточно, может быть, лишь половины прежнего труда для превращения известного количества пряжи в ткань»¹⁾. Из двух факторов, определяющих если не истинную величину, то среднюю общественную, один состоит в условиях производства, существующих в данном обществе. Второй — средняя умелость рабочего. Как для первого фактора, так и для другого закон ценности создает необходимые предпосылки к тому, чтобы отклонения от средней величины не превосходили те размеры, при которых производство вообще возможно, т.-е. при которых «рабочая сила и продукт труда или вовсе не будут проданы или будут проданы ниже средней ценности рабочей силы». Можно сказать, что в каждый данный отрезок времени мы имеем дело с такой нормой средней общественно-необходимой затраты времени, отклонения от которой экономически необходимо должны быть невелики. Непрерывный же процесс развития производительных сил создает и тут постоянные новообразования, которые постоянно меняют самый уровень средней необходимой затраты времени. Случайные отклонения могут явиться в этом смысле и первыми попытками рационализации и интенсификации труда и первыми опытами его механизации. В период сосуществования выше и ниже организованных промышленных предприятий мы имеем и тут дело с разными качественно типами. Количество труда, затрачиваемое на производство какого-нибудь предмета кустарем или рабочим высоко механизированной фабрики, неодинаково. И здесь, при больших количественных отклонениях, мы имеем зарождение нового качественного типа. Но в пределах каждого такого типа индивидуальная затрата времени не может значительно отклоняться от средней общественно-необходимой для данного периода экономического развития.

И здесь у Маркса так же, как и у Дарвина, при конкретном анализе случайное подымается до необходимого, а не необходимое деградирует до случайного. Сокращение общественно-необходимого времени — не случайное отклонение, а результат необходимого изменения, обусловливаемого динамикой техники, хотя, быть может, в отдельных технических изобретениях и играет роль элемент случайного. И так же, как, по выражению Энгельса, «незаметные и случайные различия... заставили Дарвина усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии», так же, повидимому, и Маркса заставила усомниться в прежней основе закономерности, в экономике его концепция развития производительных сил, хотя в самом понятие «развитие производительных сил» входит так же, как и у Дарвина, «крайне широкая, покоящаяся на случайности, фактическая основа». И здесь так же могло иметь место то, о чем говорил Энгельс: «Случайность уничтожила необходимость, как ее понимали до сих пор; прежнее представление о необходимости отказывается служить, сохранять его — значит навязать природе в качестве закона противоречащее самому себе и действительности произвольное логическое построение».

¹⁾ Idem, стр. 4.

II. Устойчивость и становление

Если взять теорию вероятностей и теорему Бернулли совершенно абстрактно, то можно сказать, что здесь мы имеем дело с попыткой об'ективизации случайного и с поднятием этой случайности до уровня необходимости. В самом деле, то, что при единичных случайных разрозненных наблюдениях представляется совершенно случайным и произвольно варьирующим, при массовом наблюдении или, точнее, при достаточно большом количестве наблюдений, представляется, как необходимый, неизбежный результат реально действующих причин. Отдельные люди умирают в разные возрасты, при массовом же наблюдении выявляется наиболее распространенный возраст смерти, повидимому, определяющийся климатическими и социальными условиями, а не случайными причинами. Отдельный рабочий работает быстрее или медленнее, при массовом же наблюдении выявляется устойчивый уровень средней интенсивности труда. Но несчастье теории вероятностей и закона большого числа состоит в том, что Ленин называет «отрывом от материи». В своем «Материализме и эмпирио-критицизме», говоря о причинах идеалистического направления в физике, он объясняет его тем, что физики оторвались от материи. Ленин приводит здесь длинную и весьма интересную цитату из Рейя, часть которой следует привести здесь: «Кризис в физике состоит в завоевании физики духом математики. Прогресс физики с одной стороны и прогресс математики — с другой привели в XIX веке к тесному сближению этих обеих наук... Теоретическая физика стала математической физикой... Тогда начался период формальной физики, т.-е. математической физики, ставшей чисто математической — математической физики не как отрасли физики, а как отрасли математики. В этой новой фазе математик, привыкший к концептуальным (чисто логическим) элементам, составляющим единственный материал его работы, и чувствуя себя стесненным грубыми материальными элементами, которые он находил недостаточно податливыми, не мог не стремиться к тому, чтобы возможно больше абстрагировать от них, представлять их себе совершенно не материально, чисто логически или даже совсем игнорировать их. Элементы в качестве реальных об'ективных данных, т.-е. в качестве *физических* элементов, исчезли совершенно. Остались только формальные отношения, представляемые дифференциальными уравнениями... Если математик не окажется одураченным этой конструктивной работой своего ума..., то он сумеет найти связь теоретической физики с опытом, но на первый взгляд и для непредупрежденного человека получается, повидимому, произвольное построение теории... Концепт, чистое понятие заменяют реальные элементы... Так объясняется исторически, в силу математической формы, принятой теоретической физикой... недоумение, кризис физики и ее кажущееся удаление от об'ективных фактов».

Комментируя эту цитату, Ленин говорит: «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех, стеснение знания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, по-

рождает забвение материи математиками. Материя исчезла, остаются одни уравнения»¹⁾).

Стоит только вставить в эти две цитаты вместо слова физика слово статистика, и нам станет понятен кризис, переживаемый современной теорией статистики, ее связь с деизмом, ее полный отрыв от живой реальности. В самом деле, на известном периоде развития «теоретическая статистика стала математической статистикой. Тогда начался период формальной статистики, т.-е., математической статистики, ставшей чисто математической — математической статистики не как отрасли статистики, а как отрасли математики». И здесь тоже математик, «чувствуя себя стесненным грубыми материальными элементами, которые он находил недостаточно податливыми, не мог не стремиться к тому, чтобы возможно больше абстрагировать от них, представлять их себе совершенно не материально, чисто логически или даже совсем игнорировать их». Началось «забвение материи». Именно с этим явлением мы и имеем дело в теории статистики. Формально-логические элементы составляют единственный материал работы математика-статистика, и он начинает мыслить совершенно не материально. Материальные массы, реальные коллективы реально существующих единиц перестают существовать, как таковые, и заменяются абстрактными математическими множествами. Разница же между коллективом реально существующих единиц и множеством абстрактно-математических единиц состоит, главным образом, в том, что границы их проводятся совершенно по-разному, в зависимости от того, имеем ли мы дело с материальной массой или множеством абстрактных единиц. В пределах материального коллектива качественная разница отдельных единиц между собой определяет строение этого коллектива и помогает провести его границы. С точки зрения математического множества эти качественные вариации не реальны и их можно свести к случайным отклонениям. Как говорит Романовский на стр. 1 своего учебника: «отдельные совокупности образуются и изучаются для исследования различных отдельных групп явлений или вещей, а общее изучение статистических совокупностей дает нам закономерности, которым подчинены все частные статистические совокупности и методы, при помощи которых мы можем изучать любую статистическую совокупность». Это общее изучение статистических совокупностей и вскрытие с помощью его закономерностей и составляет в понимании теоретиков статистики сущность дела. И с точки зрения этого общего изучения статистическая совокупность может вобрать в себя любое количество людей, любое количество рабочих, любое количество крестьянских хозяйств и других «членов совокупности», совершенно игнорируя реальные качественные различия между ними. Таким образом, если говорить о возрасте смертности для совокупности общей и неопределенной, то полученный результат будет один, а если разбить изучаемую массу по ее социальным признакам и взять отдельно каждую социальную группу, то мы получаем обыкновенно тот же результат, какой получил Ленин, когда откасался трактовать

1) Ленин, «Материализм и Эмпириокритицизм». Гиз. 1920 г., стр. 314.

всю массу крестьянских хозяйств, как статистическую совокупность. Частная совокупность не желает подчиняться общей, а обнаруживает свои собственные закономерности и дает нам совершенно иное представление о действительности. Разница результатов, получаемых при двух способах работы: при изучении общих совокупностей и частных совокупностей, действительно чрезвычайно велика. В первом случае мы получаем нормальный и устойчивый тип развития; задуманный природой, — среднего крестьянина, среднего человека и т. п. утешительные образцы того спокойно-величавого мировоззрения, для которого, как говорит Ленин, «на новой стадии развития и якобы по-новому получается старая кантовская идея: разум предписывает законы природе»¹⁾. А с точки зрения этого разума нет ничего приятнее, как оперируя над общими совокупностями, утверждать, как это делает Романовский, что «в большинстве случаев действительно встречающиеся на практике статистические ряды, основанные на совокупностях с значительными объемами, обнаруживают незначительные изменения относительных частостей, их составляющих. Этот факт носит название устойчивости статистических рядов»²⁾. Тот пафос, с которым обычно говорят теоретики этой школы об устойчивости статистических рядов и средних арифметических, выдает их мировоззрение. Тот метод, на основе которого они утверждают наличие этой устойчивости, выдает их отрыв от материи.

В самом деле, устойчивость тесно связана с двумя моментами: 1) с допущением существования истинных величин, 2) с объемом изучаемых совокупностей. Выше мы уже приводили цитату из Романовского, в которой он связывает «утверждение устойчивости средней арифметической» с допущением «существования истинного значения этой частости и случайности отклонений от нее». Правда, сам Романовский предпочитает строить математическую статистику не на теории ошибок, с которой, собственно, и связано допущение о существовании истинных величин, а на исчислении вероятностей. И он также считает, что теория ошибок «связана с некоторыми специальными предположениями, в огромном большинстве случаев не проверявшимися на статистических совокупностях»³⁾. Но это положение Романовского далеко не является общепризнанным, и его осторожность отнюдь не разделяется сторонниками теории ошибок, по существу же дела разница тут весьма невелика. В основании теории устойчивости для большинства теоретиков лежит все же допущение существования истинных величин. Логическая связь тут очевидна. Истинные величины, конечно, должны быть устойчивыми по самой природе своей; неподвижность присуща им, так сказать, органически. Здесь теоретики устойчивости не дают себе никакого труда что-нибудь и как-нибудь обосновывать; да при наличии их мировоззрения в этом и нет необходимости, ибо раз разум предписывает законы природе, то разум же создает всякие предположения этой самой природы, устанавливает истинные величины, и нет никаких

1) Ленин, «Материализм и Эмпириокритицизм». Гиз., 1920, стр. 314.
2) Романовский, «Курс математической статистики», стр. 325.
3) Idem, стр. 173, 174.

оснований к тому, чтобы разум такого рода умел изучать процессы движения и превращения. Эта глубоко деистическая теория является не только до-диалектической, но и до-эволюционной, до-дарвиновской. Недаром же попы всяких наименований ненавидели дарвинизм. Деизм и теория развития друг друга исключают. И устойчивость, которая объяснялась Зюсмилхем, как «божественный порядок вещей», конечно, является по природе своей теорией до-дарвиновского происхождения. Климентий Тимирязев говорит в одной из своих работ, посвященных «историческому методу в биологии», что дарвиновская работа в биологии имела колоссальное влияние и на много других наук, заставляя и их приступить к изучению явлений в становлении. Но, увы, революция, произведенная Дарвином в научной методологии, не коснулась классической теории статистики. И даже после Октябрьской революции истинные величины, намерения природы, что-то творящей по своему разумению, продолжают благополучно процветать в учебниках, издаваемых ГИЗ'ом. В этой области у грядущих поколений статистиков огромная работа: прежде, чем протянуть руку диалектике, им предстоит разбить стоящий на их пути фетишизм до-дарвиновского происхождения.

Но этот фетишизм двоякого происхождения. Кроме истинных величин, тут еще играют роль и об'ем изучаемых совокупностей, подавление качества частных совокупностей количественными особенностями генеральной совокупности. Первая генеральная совокупность, которой оперировал математик Яков Бернулли и которая все еще фигурирует в теории генеральных совокупностей, была до ужаса проста. Это были карты или кости, разбросанные на игорном столе, опыт которого сумел в своих построениях обобщить тонкий ум Бернулли. Самое слово «азартные игры» по корню происходит от французского слова hazard, что значит случайность. Азартная игра это — тот идеальный математический случай, в котором свойства генеральной совокупности обнаруживаются в своем целом. Позднее для своеобразных опытных наблюдений генеральной совокупностью становятся черные и белые шары, заключенные в своей пресловутой урне. Ясные и четкие схемы Бернулли как нельзя лучше обобщают математическую природу генеральных совокупностей *такого* образца. Это простейшая генеральная совокупность, все члены которой различаются между собой лишь по одному признаку, причем самое различие имеет характер исключительный: либо черный, либо белый, и не включает количественных вариаций — от черного до белого. При этом количественное отношение между черными и белыми шарами *постоянно* и не подвержено ни эволюционным, ни диалектическим процессам изменения. В теореме Бернулли элемент времени не входит. Само собою разумеется, что Бернулли так же мало повинен в распространении его теорем на совокупности совсем иной природы, как Кэтле и в особенности Лаплас, которые действительно имели дело с истинной величиной, повинны в распространении теории истинных величин на тот мир, где они совершенно отсутствуют. Но так или иначе, генеральная совокупность Бернулли в руках математиков, оторвавшихся от материи, сыграла, к сожалению, очень большую роль в построении теории статистики.

С совокупностями типа генеральной совокупности Бернулли мы, несомненно, имеем дело и в конкретной действительности и, в особенности, в области точных наук, изучающих неорганическую природу. Можем мы с ними иметь дело и в отдельных частных случаях и в мире общественных явлений. При чистке партии все члены партии различаются между собой лишь по одному признаку: подлежащие исключению и не подлежащие исключению без всяких промежуточных вариаций от черного к белому. И по мере роста числа проверяемых ячеек мы имеем дело с яркой демонстрацией закона большого числа. В отдельных ячейках отношение черного к белому так же мало характеризует их отношение в генеральной совокупности, т.-е. партии в целом, как и отношение черных и белых шаров при отдельных небольших тиражах из урны характеризует отношения их в урне в целом. По мере роста числа проверяемых ячеек, как и по мере роста тиражей из урны, отношение черного к белому начинает все больше и больше приближаться к реальному отношению элементов в двух генеральных совокупностях: партии и урны с черными и белыми шарами. И, однако, разница огромная. Для урны ее отношение черных и белых шаров есть истинное, раз навсегда данное, а, может-быть, и условно допущенное, но при всяком подходе *постоянное*. Отношение членов партии, подлежащих и не подлежащих исключению в каждый данный момент существования партии, не является ни истинным, ни постоянным, ни кем бы то ни было допущенным и предопределенным. Оно является временным, характеризующим лишь определенную фазу развития, и самое выявление его является стимулом к его изменению. Бернулли после опыта клал сви шары назад в урну независимо от того, были ли они черными или белыми, в партию же, после проверки ее, возвращаются лишь шары одной масти. Правда, можно сказать, что поскольку некоторой временной устойчивостью обладают жизненные условия, определяющие отношение двух элементов в момент чистки, постольку мы через некоторое время после каждой чистки неизменно наблюдаем тенденцию к возвращению некоторого количества выброшенных из партии элементов назад в лоно генеральной совокупности. Но поскольку данная генеральная совокупность отнюдь не стремится к тому, чтобы число черных шаров в ней было *постоянно*, тенденция встречает противотенденцию, и в результате этого столкновения происходят *постоянное* очищение партии и изменение строения ее в сторону роста белых шаров, ибо отсутствие такого роста должно, конечно, создать тенденцию к разложению партии. В живой развивающейся партии процесс выкидывания черных шаров является вполне закономерным.

Но даже и та первая временная и условная аналогия между генеральной совокупностью, которой оперировал Бернулли, и генеральной совокупностью, которую представляет собою партия в момент чистки, является в высокой степени условной. На самом деле ни партия, ни тем более целый ряд социальных коллективов отнюдь не являются столь простыми по своему строению, сколь искусственно простой является генеральная совокупность черных и белых шаров. Тот процесс упрощения, который статистики проделывают над живой действительностью для

того, чтобы получить нечто приближающееся к их понижению генеральной совокупности, есть на самом деле процесс радикального изничтожения из этой действительности всех ее материальных и качественных вариаций. Устойчивость средней арифметической не трудно доказать элементарными алгебраическими приемами для достаточно большого объема совокупности при условии упрощения строения этой совокупности. И, конечно, Щербине было очень легко доказать устойчивость своего среднего крестьянского хозяйства и закон средних потребностей при условии, что масса крестьянских хозяйств мыслилась им, как некая генеральная совокупность, в которой не было постепенных количественных вариаций, создающих переход количества в качество и тем самым новые качественные образования. Чтобы вывести средней возраст смертности или среднюю смертность от каких-либо определенных болезней, нужно игнорировать социальный состав той генеральной совокупности, которая при этом берется на учет, и предположить, что условия смертности и заболеваемости одинаковы для самых различных социальных обществ и зависимость получаемых коэффициентов от характера и границ тех частных совокупностей, для которых на самом деле их приходится выводить. Возьмем такой пример: в Германии по данным предпоследней переписи на каждые 100 человек всего ее населения приходится 29 занятых в сельском хозяйстве. Этот коэффициент, безусловно, устойчив для известного отрезка времени, если мыслить себе всю Германию, как некую генеральную совокупность, игнорируя особенности ее политического строения. Если же не игнорировать их, то на наиболее политически передовую часть Германии — на Саксонию — приходится всего 10% сельско-хозяйственного населения, тогда как на наиболее политически отсталую — Баварию — их приходится 40%. Возможно, конечно, что природа имела в виду именно 29, а что 10 и 40 — это просто лишь случайные отклонения от нормального типа развития и истинной величины. Но нужно сказать, что в практике государственной работы и политической борьбы реальное значение имеют только две вторые цифры двух наиболее определенных политически частных совокупностей Германии. А упрощение всей Германии до некоторой генеральной совокупности, доминирующей над частными совокупностями, не имеют никакой — ни практической, ни познавательной ценности. Здесь так же тщательно изгнана материя политического бытия, как тщательно была изгнана народниками материя экономического бытия при трактовке массы крестьянских хозяйств, как некоей генеральной совокупности. Генеральные совокупности это — совокупности, которые не желают быть «стесненными грубыми материальными элементами, недостаточно податливыми» для абстрактно-математических построений. Это все та же «конструктивная работа ума... концепт, чистое понятие, заменяющее реальные элементы» и все то же «удаление от объективных фактов». Лишь при некоторых конкретных условиях и лишь в порядке частного случая генеральная совокупность может представлять некоторое значение для практических и познавательных целей.

Но даже и при этих условиях роль и значение ее всегда ограничены во времени, и даже и при этих условиях коэффициенты, выводимые на основе ее, могут быть устойчивыми лишь в определенный, более или менее длительный отрезок времени. Длительности же этого отрезка времени, а, следовательно, и временная устойчивость этих коэффициентов определяются условиями, анализ которых лежит за пределами анализа характера генеральных и всяких иных статистических совокупностей. Большая или меньшая устойчивость статистических коэффициентов зависит, таким образом, от двух факторов: 1) от простоты строения совокупности, а, следовательно, от относительной широты ее границ, и 2) от темпа и характера процесса становления, которыми в последнем счете и объясняется бытие и динамика генеральных и частных совокупностей всякого рода. Диалектика выдвигает положение: все течет, все изменяется. Статистика, игнорируя как диалектику, так и эволюционную теорию развития, продолжает упрямо твердить: все устойчиво, все познается через генеральные совокупности простейшего строения, и не замечает того простого факта, что возводимая ею в принцип мироздания пресловутая устойчивость есть не что иное, как частный результат некоторых отдельных периодов становления.

III. Качество и количество

Из мира фетишей истинных величин и логических констант, из храма богини устойчивости, от сонма священнослужителей, которые молятся этим богам и проводят свое время в курении им фимиамов (и для этой цели пользуются удачно или неудачно математической аппаратурой и делают всякого рода эмпирико-математические допущения), — из этого замкнутого и душного мира натяжек, допущений и словословия надо, наконец, вырваться нашей статистической науке. Но сила традиции, сила преклонения перед этой традицией столь велика, что вырваться из этого плена — дело нелегкое. И потребовались, может-быть, такие сильные предпосылки, как Октябрьская революция, чтобы дерзнуть на окончательный разрыв с прошлым. Мы говорим — на окончательный разрыв, ибо отдельные робкие попытки, отдельные робкие голоса встречались, конечно, и раньше и раздавались не только по эту, но и по ту сторону границы, отделяющую наш Союз от капиталистического мира. Внимательный наблюдатель может найти эти попытки и прорывы фронта в работах таких статистиков, как Кейнс, Боули и Жижек, при условии, что он будет очень тщательно вглядываться и вчитываться в их работы. Но никогда он не столкнется с резкой, с решительной, с окончательной переменной фронта. В принципиальной форме со старыми богами и фетишами может порвать наука только той страны, где революция создала соответствующие идеологические предпосылки. И не нужно больше извинять и оправдывать теорию за расхождение с практикой, как это делал Боули и многие другие. Нужно прямо сказать: принципиальная установка теории неверна и должна быть изменена. Далее нужно сделать следующий шаг и вскрыть конкретную природу ошибок, как это сделал, например, Б. С. Ястремский, вскрыв реальные математические заблуждения Пирсона, и, наконец, нужно отважиться

и сделать третий шаг — найти новую идеологическую установку статистической теории. Те отдельные отступления у отдельных вышеназванных авторов, которые до сих пор имели место лишь в отдельных случаях при изложении ими статистической теории, мы так же мало можем признать случайными отклонениями в обычном значении этого слова, как не были для Дарвина случайными отклонениями те «незаметные случайные различия»... внутри отдельных видов, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида». И в науке тоже отдельные случайные отклонения были только проявлениями необходимости пересмотреть теорию. И та же научная школа, которая уничтожила старое противоречие между случайным и необходимым, может дать нам и базу для нового построения статистической теории. Ибо если статистика изучает количественные изменения материального мира, если она не только не отрывается от материи, а, наоборот, служит способом изучения этой самой материи, то она не может игнорировать и тот факт, что диалектика давно уже уничтожила кажущееся различие между количеством и качеством. И будущее статистики есть будущее науки, которая будет изучать переход качества в количество и количества в качество для того, чтобы эти два процесса шли не стихийно, а под сознательным волевым контролем социалистического общества.

Энгельс считает «закон перехода количества в качество и обратно» одним из основных трех законов диалектики, и для него «диалектические законы являются реальными законами развития природы... и были отвлечены из истории природы и человеческого общества». Самый закон он формулирует следующим образом: «В природе могут происходить качественные изменения точно определенным для каждого отдельного случая способом — лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)... Невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнимания материи либо движения, т.-е. без количественного изменения этого тела. В этой форме таинственное Гегелевское положение не только приобретает рациональный вид, но кажется вполне ясным»¹⁾. В дальнейшем развитии своих положений Энгельс говорит: «Открытый Гегелем закон природы празднует свои величайшие триумфы в области химии. Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава»²⁾. А еще далее читаем: «Этот самый закон (Гегелевский закон) подтверждается на каждом шагу в биологии и истории человеческого общества, но мы предпочитаем ограничиваться примерами из области точных наук, ибо здесь количество можно указать и точно измерить. Весьма вероятно, что те самые господа, которые до сих пор ославляли закон перехода количества в качество, как мистицизм и непонятный трансцендентализм, теперь найдут нужным заявить, что это само собой разумеющаяся, банальная и плоская истина, что они ее применяли уже давно и что, таким образом, им не сообщают здесь

¹⁾ Архив etc, стр. 221.

²⁾ Idem, стр. 225.

ничего нового. Но установление впервые всеобщего закона развития природы, общества и мысли в форме общезначимого начала останется навсегда подвигом всемирно-исторического значения. И если эти господа в течение многих лет позволяли количеству переходить в качество, не зная того, что они делали, то им придется искать утешения вместе с мольеровским господином Журданом, который тоже всю свою жизнь говорил прозой, не догадываясь об этом»¹⁾.

И сам Гегель выражается по этому поводу не менее определенно: «Переход от качества к количеству... не встречается в нашем обыденном сознании. Для этого последнего качество и количество — это две независимые формулировки, помещенные одна рядом с другой. А в согласии с таким воззрением и говорят, что вещи требуют не только качественного определения, но также (курсив Гегеля) и количественного. Откуда же берутся эти определения и в каком отношении стоят они друг к другу? Это-то и есть вопрос, которым никто не занимается. А между тем, количество это не что иное, как отмененное качество, а отмену его реализует та самая диалектика качества, которую мы только что рассматривали»²⁾.

Из этих цитат для всякого статистика, их вполне осмыслившего, неизбежно вытекают два вопроса: 1) есть ли его статистическое сознание то «обыденное сознание», для которого качество и количество существуют, как две отдельные независимые инстанции, и для которого при наличии качественных определений существуют «также» и количественные, и 2) прав ли был Энгельс, заявляя, что он предпочитает ограничиться примерами из области точных наук, ибо в них количество можно указать и точно измерить? Ответ на эти два вопроса может быть дан тот или иной в зависимости от того, имеем ли мы в виду прошлое статистики или ее будущее. В прошлом, безусловно, обыденное сознание статистиков так же, как и сознание вульгарных экономистов, мыслило себе качество, а также и количество. И в течение многих лет статистики позволяли количеству переходить в качество, сами не зная, что они делают, и всю свою жизнь говорили прозой, не догадываясь об этом. И в прошлом, конечно, Энгельс предпочитал для подтверждения Гегелевского закона ограничиваться примерами из области точных наук, ибо там количество можно было указать и точно измерить. Должно ли, однако, оставаться это положение и в будущем? И не является ли желательным и необходимым, чтобы связь количества и качества, реально существовавшая в действительном мире, нашла свое отражение в сознании тех, кто в своей повседневной работе именно и занимается ничем иным, как наблюдением перехода качества в количество и количества в качество, и кто постоянно вскрывает количественные вариации, лежащие в основе качественных различий? И не является ли настоятельно необходимым, чтобы те, кто будет продолжать в будущем работу, начатую Гегелем и Энгельсом, не остановились бы только на химии, как на науке, где закон Гегеля празднует свои величайшие триумфы, и чтобы количество можно

¹⁾ Idem, стр. 227.

²⁾ Эта и последующие цитаты по французскому переводу «Логики», сделанному Véra, Париж 1874, стр. 441 2.

было указать и точно измерить и в области социально-экономических процессов, как стихийных, так и протекающих под контролем человека? На этот вопрос мы можем ответить сейчас только в порядке постановки проблемы, реального же и конкретного ответа на него мы ждем от будущих поколений работников социалистической статистики. Несомненно, однако, что из всех наук именно статистика и именно общественная статистика имеет наибольшее право стать на ряду с химией в качестве науки, где Гегелевский закон сможет праздновать свои величайшие триумфы. Недаром же сам Гегель, разбирая вопрос о количестве и качестве, давно уже поставил рядом эти две науки: химию и статистику, как те две науки, в которых легче всего демонстрируется его теория. «Понятие о количестве,— читаем мы у Гегеля,— представляется нам таким образом, как понятие, заключающее в себе противоречие, и именно-то это противоречие создает диалектику количества. Но результатом этой диалектики отнюдь не является простой возврат к качеству, как будто бы качество есть всегда нечто верное, а количество—всегда нечто ложное. Результатом этой диалектики является единство и реальность того и другого, иначе говоря, качество, выраженное в его количественной форме (*la qualité quantitative*) или *мера* (курсив мой. М. С.)... Мы говорим, что мы измеряем, когда мы вскрываем количественные отношения и даем количественные определения... Именно этим способом химия изучает количество в сложных телах. Она изучает количество, чтобы познать меру, как условие химических соединений; иначе говоря,— чтобы познать количества, лежащие в основе определенных качеств. И точно так же числа, которые нам дает статистика, имеют для нас значение лишь потому, что мы связываем их с определенными качественными результатами. Чисто количественные комбинации, производимые вне этой точки зрения, являющейся для нас руководящей, могут удовлетворить лишь праздно любопытство и не имеют никакого ни практического, ни теоретического значения»¹⁾. Таким образом, Гегель предусматривает возможность и для статистиков производить ту же работу, которую производит химик, а это должно, повидимому, открыть для статистики те же огромные познавательные возможности, которыми давно уже овладела химия. Общее этих познавательных возможностей, несмотря на значительные между ними различия, тоже подсказано Гегелем: это диалектика количества, или качество, выраженное в его количественной форме, или, иначе говоря, мера, ибо «когда мы имеем дело с количественным выражением вещей, то на самом деле мы ставим себе целью найти меру их, и именно она-то и является целью наших изысканий... Мы говорим, что мы измеряем, когда мы выявляем количественные отношения и даем количественные определения»²⁾.

В этом заключается сходство, но имеется и весьма существенное различие, ибо химия изучает постоянные количественные отношения, а статистика — переменные.

1) «Logique», 1874, стр. 471.

2) Idem, стр. 471.

Количественные отношения, лежащие в основе качественных различий химического порядка, это — отношения постоянные или приближающиеся к таковым. Отношения атомов элементов в молекуле сложного тела не меняются в процессе такого типа, с каким мы имеем дело в динамике социального развития. Изменение, о котором может идти речь в химии, это резкое изменение, разложение или превращение, совершающееся либо под влиянием воздействия извне с помощью каких-либо реактивов, либо под влиянием более медленных изменений, но все же изменения иного порядка, чем процессы, покоящиеся на основе развития производительных сил. В каждом химическом соединении, пока оно существует, количественный состав каждой молекулы всегда одинаков, и нам нет нужды характеризовать массу молекул с помощью статистических средних или сводных признаков; достаточно установить состав одной молекулы, чтобы знать состав всей массы их. Самый процесс измерения носит здесь, следовательно, совершенно иной характер, чем статистическое измерение. Статистическое измерение есть измерение массы, все элементы которой имеют нечто качественно общее, но количественно отличное, причем самая вариация количества вносит уже, конечно, различие и в измеряемое качество. Поясним это примером. Все крестьянские хозяйства имеют посевную площадь, но величина посевной площади весьма различна, как различно и отношение этой площади к числу работников и едоков хозяйства, а в процессе вариации этих количеств создаются и качественные различия, ибо крестьянское хозяйство при разных отношениях посевной площади к другим признакам его даст и разные социально-экономические типы. Во всяком промышленном заведении имеются основной капитал и рабочие, но отношение двух величин так же, как и абсолютные величины их, варьируют чрезвычайно сильно, при чем сама эта вариация создает новые качественные типы. Здесь нет того постоянного отношения, какое имеется между атомами кислорода и водорода в молекуле химически чистой воды или атомами углерода и кислорода в молекуле углекислоты, ибо в химии иное отношение есть уже иное вещество.

Энгельс поясняет это весьма наглядно: «Возьмем кислород. Если в молекулу здесь соединятся три атома, а не два, как обыкновенно, то мы имеем перед собой озон — тело, определенно отличающееся своим запахом и действием от обыкновенного кислорода. А что сказать о различных пропорциях, в которых кислород соединяется с азотом или серой, и из которых каждая дает тело, качественно отличное от всех других тел»¹⁾. Но в химии никому не придет в голову выводить среднюю для ряда соединений, в каждом из которых элементы, группируясь в разных количественных отношениях, создают новые качества. Здесь различия слишком резки и определены. В статистике же они имеют иной характер. Статистическая совокупность охватывает переходные типы, в ней мы видим постепенное изменение качества, следующее за постепенным изменением количества. И именно в силу этой постепенности мы имеем дело с постоянной трудностью в определении границ

1) Архив etc, стр. 225.

статистической совокупности. При нематериальном анализе, при трактовке генеральных совокупностей задача теоретика состоит в том, чтобы дать кривую распределения количественных вариаций, при чем его очень мало интересует момент перехода этих количественных вариаций в качественные. Отсюда и презрение его к частным совокупностям, отсюда и самая постановка статистики, как науки о «распределении в коллективах» (Чубер). Отсюда «нормальный» закон распределения и т. д. Это та стадия статистики, в которой количество не переходит в качество и абстрактные теоремы которой строятся с полным презрением к качественным характеристикам материи. Здесь количество имеет самодовлеющий характер и, конечно, при таком подходе можно и не заботиться о динамике. Генеральная совокупность построена по закону нормального распределения или, в виде уступки жесткой эмпирической действительности, по одной из кривых распределения Пирсона, но за пределами Пирсоновских типов изменению не подлежит. Гордо парит она над миром презренной материи по праву истинной величины божественного порядка. Она вечна, как и все божественное. Другое дело — частные совокупности. Частная совокупность намечает качественное отличие. При образовании ее, при проведении ее границ мы нащупываем новый качественный тип, начинающийся на какой-то грани количественного ряда, и делаем это потому, что при материальном анализе действительности мы должны получить в первую голову именно качественные различия. Народники оперировали крестьянством, как некой генеральной совокупностью. Ленин разбил эту генеральную совокупность на ряд частных совокупностей, и всякий, кто прорабатывал его группировочные таблицы, знает, с каким мастерством он умел выделять момент превращения качества в количество. Материалы, которыми он располагал, были материалы статического характера, но даже в статическом анализе он сумел выделить все те количественные вариации, которые помогли ему дать качественный анализ экономической действительности. Все позднейшие и в частности современные споры о принципах сельско-хозяйственной группировки именно и сводятся к спорам о нахождении тех количественных граней, которые знаменуют собой изменения качества.

С этой же проблемой мы имеем дело и в динамическом изучении, в прослеживании динамики намеченных групп и изменений количественных отношений между ними. Усложняющаяся экономическая действительность вводит в статистическое обращение все новые и новые качественные признаки, делает все более и более трудную проблему количественного анализа социально-экономической действительности. Сводить качественные различия к количественным это не всегда легко и просто, но именно к этой проблеме и сводится в первую очередь основная проблема статистической методологии. Найти меру и масштаб измерения социально-экономических процессов это значит определить те количественные изменения, которые лежат в основе качественных; иначе говоря, это значит — превратить качество в количество. Далее идет вторая часть процесса: оперируя количественными наблюдениями, обрабатывать их таким образом, чтобы

из массы количественных вариантов выделить качественные новообразования. К этому сводится, по существу говоря, всякий процесс статистической работы. В основе всякого статистического построения лежит триада: качество, количество и снова качество. Материальный анализ измеряемого объекта определяет природу меры, применяемой к количественному его изучению, и в свою очередь в процессе количественного изучения выявляются качественные отличия. Именно этим путем изучается строение социальных коллективов и динамика этого строения. Сложность проблемы состоит в том, что приходится улавливать не только динамику строения отдельных коллективов, но и динамику их в их взаимной связи, трансформацию крестьянских хозяйств в связи с трансформацией строения промышленности, динамикой социального состава населения, динамикой производительности труда, динамикой органического состава капитала и т. д., и т. д. В современной экономике, по мере перехода от частно-хозяйственной точки зрения к общественно-хозяйственной, государственно-хозяйственной и миро-хозяйственной, объем и строение коллективов, с которыми приходится иметь дело статистике, непрерывно возрастает и непрерывно усложняется. И в то же время современная экономическая наука все меньше и меньше может обходиться без количественного анализа, т.-е. без статистики.

Статистическое бытие значительно опередило статистическое сознание. Даже самая скверная статистическая практика всегда имеет дело с переходом качества в количество и обратно. В так называемых статистических признаках статистик всегда пытается воплотить количественные различия, лежащие в основе качественных, хотя он этого и не сознает и тоже «позволяет количеству переходить в качество, не зная того, что он делает». И именно потому, что он этого не знает, вторая часть процесса его работы — намечение тех количественных граней, которые должны выявлять наличие иного качества — часто ему не удается. И получаемые им числа часто, увы, являются «количественными комбинациями», которые могут удовлетворить лишь праздное любопытство и не имеют никакого, ни практического, ни теоретического значения¹⁾. Чем скорее мы покончим с этой диспропорцией бытия и сознания, тем скорее решим мы две задачи: 1) построения такой статистической теории, которая необходима для нужд статистической практики, и 2) организации такой статистической практики, которая явится одним из важнейших орудий сознательного контроля человека над стихией социально-экономических процессов.

М. Смит.

¹⁾ Hegel, «Logique», стр. 471.

ТЕОРИЯ КУРНО

(Окончание) *

{ 10

Основное положение Курно о том, что монополярная цена устанавливается в той точке, которая обеспечивает максимум прибыли монополисту, получило широкое распространение среди различных экономистов математической и американской школы. Новейшие теоретики монополярных цен ограничиваются введением лишь некоторых поправок и коррективов. Так, Эджевортс доказывает, что вывод Курно правилен лишь для того случая, когда имеется один монополист в данной сфере производства. Если же предположить наличие двух или трех монополистов, то цена должна быть признана неопределенной¹⁾. К этому выводу присоединяются и другие представители математической школы, напр., Пигу²⁾.

Курно исходил из того положения, что на рынке существует одна определенная цена для всех товаров данного вида. Позднейшие экономисты (прежде всего, Дюпюи) указали, что монополист может варьировать цены для различных категорий покупателей (путем, напр., незначительного изменения качества товаров или путем последовательных продаж по постепенно убывающим ценам). Одним из частных случаев такого варьирования цен является политика dumping или бросового экспорта. Подробную классификацию различных методов варьирования монополярных цен дает Чепман³⁾. Интересный теоретический анализ различных случаев варьирования цен дает Пигу⁴⁾.

Высота монополярной цены, по Курно, определяется характером кривой спроса, или уравнением $D = F(p)$; позднейшие экономисты попытались дать более детальный анализ различных свойств кривой спроса. Наиболее интересным выводом в этой области является положение о зависимости между уравнением монополярных цен и эластичностью спроса. Чем выше эластичность спроса, тем ниже уровень монополярных цен (ибо всякое повышение цены вызывает значительное

* См. «В. К. А.», кн. 19.

1) «The pure theory of monopoly», статья в собрании сочинений Эджевортса «Papers relating to Political economy», vol. I, стр. 111—142.

2) Pigo u «Wealth and Welfare», стр. 193—194.

3) Charman, «Outlines of Political economy», стр. 279—280.

4) Цитир. сочин., стр. 202—211.

уменьшение спроса). Это положение можно встретить в целом ряде американских курсов (напр., у Тауссига, «Principles of economics», vol. I, стр. 200; Ely, «Outlines of economics», 4 edition, стр. 193 и др.). За недостатком места мы на поправках, внесенных в теорию монополярных цен позднейшими экономистами, не будем останавливаться.

В связи с рассмотрением теории Курно, встает вопрос о том, должна ли быть совершенно отброшена эта теория, нельзя ли освободить последнюю от шелухи и выделить правильное ядро? Могут ли быть из теории Курно позаимствованы некоторые элементы, которые послужили бы отправным пунктом для построения теории монополярных цен. Нам представляется, что таким отправным пунктом должна быть идея о доминирующей роли закона спроса. Курно избрал совершенно ошибочный путь анализа, когда он в основу последнего положил случай монополии. Курно затем неправильно определил монополярную цену, когда он во главу угла поставил принцип максимума. Но он верно отметил, что при объяснении монополярных цен нужно учесть, прежде всего, характер спроса на данный товар.

Если формулу Курно для случая монополии признать лишь весьма приближенным выражением планового принципа, ограничивающего действие стихийных законов конкуренции (если, следовательно, отвлечься от утопической идеи, что каждый монополист знает законы спроса и умеет отыскивать условия максимума прибыли), то основное содержание этой формулы сведется к тому, что высота монополярных цен не определяется непосредственно и исключительно ценами производства, а находится в зависимости от соотношения спроса и предложения.

В признании регулирующей роли закона спроса и предложения заключается основная идея теории монополярных цен. Необходимо отметить, что Курно рассматривает случай искусственной монополии. С другой стороны, отдельные замечания, касающиеся монополярных цен, которые встречаются у классиков, Маркса и т. д., имеют в виду, главным образом, естественную монополию.

Между этими двумя случаями, несомненно, имеется значительное различие. В условиях естественной монополии размер предложения является фиксированным. Всякое повышение спроса неизбежно вызывает увеличение цены. В виду того, что в данном случае отсутствуют противодействующие тенденции повышению цен, в виде дальнейшего расширения предложения, цена монополярных товаров отрывается от цен производства и может занимать различный уровень, в зависимости от характера спроса. Закон спроса приобретает доминирующее значение для объяснения цен в этих условиях, поскольку предложение этих товаров совершенно не зависит от цены (предложение может измениться лишь в случае значительного сокращения спроса и понижения цены). Цены таких монополярных товаров, предложение которых ограничено, в силу естественных причин, могут колебаться в очень широких пределах. Цены перестают регулировать размеры производства, поскольку само производство не поддается расширению. Отклонение рыночных цен от нормального уровня или цен производства приобретает максимальный характер.

В условиях искусственной монополии, законы, определяющие высоту рыночных цен, приобретают несколько иной характер. Основное отличие от естественной монополии заключается в том, что предложение не является фиксированным. Искусственная монополия не означает полной невозможности свободного воспроизводства; она означает лишь наличие искусственных препятствий. Повышение спроса, в данных условиях, вызывает повышение цены, а последнее, в свою очередь, может послужить стимулом для расширения производства и предложения, т. е., в конечном счете, вызвать понижение цены. Тенденции, противодействующие длительному повышению цены, в случае повышения спроса, здесь не отсутствуют. Точно так же нельзя говорить, в этих условиях, о полной независимости предложения от рыночных регуляторов — цен. Тем не менее имеется значительная аналогия между искусственной и естественной монополией. Во втором случае совершенно отсутствует зависимость между предложением и ценами, в первом случае существует лишь *частичная* и *неполная* зависимость. Благодаря сосредоточению всего производства в руках одного объединения капиталистов, последнее получает значительную возможность ограничения размеров производства, сознательного регулирования предложения. На сцену выступает плановый элемент, который получил столь яркое и одностороннее выражение у Курно.

Амплитуда колебаний рыночных цен, в условиях искусственной монополии, не столь велика, как для естественной монополии. Но все же эта амплитуда значительно большая, чем для свободно воспроизводимых товаров. Поэтому рыночные цены «всерьез и надолго» отрываются от цен производства и начинают подчиняться другим законам.

Теорию цен для случаев искусственной и естественной монополии можно объединить в общую теорию монопольных цен.

Существенным условием для действия закона монопольных цен является не отсутствие конкуренции, а отсутствие свободного воспроизводства. Все факторы, задерживающие свободное воспроизводство, какой бы характер они ни имели, напр.: технические препятствия для расширения производства, инерция производства, препятствующая мгновенному расширению, искусственные препятствия в виде капиталистических объединений — все они имеют монополистическую природу и вызывают различные виды монополии — естественную, временную, искусственную. Гильфердинг, по нашему мнению (в «Финансовом капитале», гл. 15), слишком резко разграничивает между теорией картельных цен и теорией монопольных цен, понимая под последней, очевидно, теорию естественной монополии. В действительности, между обеими теориями имеется глубокая органическая связь; обе теории выражают одни и те же общие законы.

В новейшей литературе наиболее оригинальное определение монополии и конкуренции дал Лифман в своей теории меновых конstellаций (Tauschkonstellationen). Лифман подчеркивает, что решающее значение для определения этих понятий имеет не количество продавцов (Anbieter) и покупателей (Abnehmer), а соотношение между спросом и предложением. «Решающим для экономических результатов,

пишет он, является не абсолютное число продавцов или покупателей, но соотношение предложения и спроса. Экономический результат сказывается на ценах и на вытекающих из них доходах, и если и можно обозначить наличие лишь одного продавца, как монополию, то все же монопольные цены и монопольные доходы — следовательно, влияние монополии — можно определить лишь по отношению к спросу»¹⁾. Монополию Лифман определяет следующим образом: «Монополия есть такое отношение предложения и спроса, при котором, по крайней мере, часть покупателей может быть удовлетворена лишь одним продавцом»²⁾. С точки зрения Лифмана, искусственную и естественную монополию можно объединить в один класс. Наш автор дает лишь другие обозначения этим терминам. Искусственную монополию он называет абсолютной, а естественную монополию — относительной. Абсолютная монополия характеризуется наличием одного продавца. При этом спрос всегда должен превышать предложение; в противном случае, по Лифману, отсутствует основной элемент, конституирующий монополию. В случае абсолютной монополии цены на данные товары могут быть одинаковы или различны (для разных категорий покупателей).

Относительная монополия, по Лифману, существует в двух формах — качественной монополии (Qualitätsmonopol) и относительной конкуренции. Качественная монополия характеризуется тем, что некоторые продавцы, в силу выдающихся качеств своих товаров или в силу особых благоприятных условий (напр., место расположения), ограждены от конкуренции других продавцов. В качестве примера Лифман приводит знаменитого врача, адвоката и т. д., которые получают значительно более высокую плату за свой труд, несмотря на наличие в данном районе врачей, адвокатов и т. д. Качественная монополия, по существу, представляет из себя особую форму абсолютной монополии. Усложняющим моментом является лишь то обстоятельство, что товары данного монополиста, по своей форме, приближаются к товарам, которые продаются другими конкурентами (напр., скрипки Паганини и обычные скрипки). Но фактически это — товары различного рода. Поэтому нет особой необходимости, по нашему мнению, в установлении различия между качественной и абсолютной монополией. Наибольший интерес представляет тот случай, который Лифман обозначает термином «относительная конкуренция». Последний характеризуется тем, что имеется много продавцов. Но спрос превышает предложение. В чем же может лежать причина длительного превышения спроса над предложением? «В каком же случае они, спрашивает Лифман, несмотря на наличие многих продавцов, достигают цен и доходов, превышающих цены, обычные при конкуренции?»³⁾. И на этот вопрос наш автор отвечает: «Лишь в том случае, когда предложение не может быть увеличено». Иными словами, так называемая относительная конкуренция

1) „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre“, 2 Band, стр. 76.

2) Ibidem.

3) Ibid, стр. 80.

Лифмана (2 случая относительной монополии) есть не что иное, как естественная монополия¹⁾.

Преимущество определения Лифмана заключается в том, что последний сконцентрировал свое внимание на анализе спроса-предложения. В теорию нашего автора нужно внести ту поправку, что решающее значение имеет не само соотношение спроса и предложения, а — характер законов изменения этих категорий. Монополия имеет место всюду, где предложение не может приспособиться к спросу и где вследствие этого равновесие между спросом и предложением может установиться лишь на основе изменения цен и соответствующего изменения спроса. Иными словами, для характеристики монополии важно определить не соотношение между спросом и предложением, а особенности последнего. Монополия имеет место всюду, где существует абсолютная или относительная фиксация предложения. Классификация отдельных видов монополии должна быть основана на изучении причин фиксации предложения.

11

Теория монопольных цен отличается от теории конкурентных цен тем, что спрос в первой области играет значительно большую роль, чем во второй. На это обратил внимание еще Рикардо. Последний, как известно, в самом начале своих «Начал» («Сочинения», пер. Зибер, 1888 г., стр. 2) делит все товары на две категории — редкие (напр., древние статуи) и свободно воспроизводимые. Ценность первых, по Рикардо, определяется соотношением спроса и предложения, а при данном предложении — величиной спроса. Редкие блага, вернее не свободно воспроизводимые (поскольку все товары, с известным правом, могут быть названы редкими), являются объектом естественной монополии и имеют, следовательно, монопольную цену. Маркс, рассматривая случай чистого монопольного продукта, тоже подчеркивает доминирующую роль спроса.

«Говоря о монопольной цене, пишет он («Капитал», том III²⁾, стр. 311), мы вообще имеем в виду цену, которая определяется только стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо как от общей цены производства, так и от цены, определяемой стоимостью продуктов. Виноградник, производящий вино, совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, дает монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стоимостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль».

Роль закона спроса, таким образом, меняется коренным образом. В нормальных условиях капиталистического производства, т.е. в усло-

¹⁾ Из других новейших авторов, которые сближают понятия искусственной и естественной монополии, можно указать на Опленгеймера, смотри его *Theorie der reinen und politischen Oekonomie*“, стр. 235 и ниже.

виях свободной конкуренции и свободного воспроизводства, закон спроса и предложения объясняет лишь отклонения цен от ценностей. Нарушения общего правила; следовательно, этот закон имеет вспомогательное значение; при объяснении ценности товаров можно и нужно абстрагироваться от возможных несовпадений спроса и предложения. В условиях монополии, закон спроса и предложения превращается в основной закон, объясняющий высоту установившихся монопольных цен. Эту эволюцию объяснить очень легко. Ценность есть закон равновесия товарного производства. Для того, чтобы этот закон действовал и проявлял себя в наиболее чистом виде, необходима идеальная подвижность труда и неограниченная возможность мгновенного расширения производства. При этих идеальных условиях ценность совпадала бы с рыночными ценами и получала бы, тем самым, непосредственное выражение. Ценность отражает, таким образом, нормальное распределение труда, имеющее место в идеальном товарном обществе, лишенном всяких элементов хотя бы временной, или мгновенной монополии. Реальное капиталистическое производство, конечно, весьма далеко отстоит от той идеальной, абстрактной картины, которую дает нам теория ценности. Перелив труда из одной сферы производства в другую, расширение и сокращение отдельных сфер требуют известного времени. Инерция, присущая производству, создает препятствия для непосредственного проявления закона ценности, и на этой почве возникают отклонения цен от ценности; на этой почве действует закон спроса и предложения. Последний действует, таким образом, не потому, что существует свободное производство, а несмотря на то, что последнее имеет место. Закон спроса и предложения действует потому, что имеются временные монополии, затрудняющие проявление закона ценности. Очевидно, что когда берется случай идеального свободного воспроизводства, или случай непосредственного проявления закона ценности, роль спроса сводится к нулю: величина ценности совершенно не зависит от спроса.

В условиях естественной или искусственной монополии, временные нарушения свободного воспроизводства и закона ценности превращаются в общее правило. Поскольку монопольные цены суть цены, которые не тяготеют к ценности, они могут быть объяснены, главным образом, на основании закона спроса. Для объяснения рыночных цен монопольных товаров необходимо учесть два момента — высоту нормального уровня цен или ценности и отклонение цены от этого нормального уровня, благодаря действию закона спроса и предложения. При объяснении монопольных цен решающее значение имеет второй момент. Особенность этих цен заключается в том, что они не тяготеют к ценности, или, иными словами, в том, что закон цен отделяется от закона ценности, что последний совершенно не отражается в ценах. Фактически, в случае монопольных цен, закон ценности перестает действовать. Из реального закона или, вернее, тенденции товарного производства, ценность превращается в абстрактную идею, которая может объяснить лишь перераспределение прибавочной ценности или прибыли. Если обратимся к капиталистическому выражению ценности или к це-

нам производства, то необходимо будет признать, что монопольные цены не совпадают, даже на протяжении весьма длительного периода, с ценами производства. Последние всегда равны издержкам производства, плюс средняя прибыль, которая является весьма определенной величиной и обуславливается общественными факторами. Монопольные цены определяются издержками производства плюс прибыль монополиста. Последняя для каждого монополиста имеет особую величину и зависит от целого ряда факторов, связанных со спросом и предложением.

Можно было бы наметить целый ряд благ, расположенных в определенном порядке, по степени увеличения возможности свободного воспроизводства.

Блага можно было бы разделить на следующие классы (мы воздерживаемся от термина «товар», поскольку Маркс товарами считал лишь продукты человеческого труда):

а) блага, не являющиеся вообще продуктами труда, напр., земля, всевозможные дары природы;

б) блага, произведенные трудом, но невозпроизводимые, напр., античные статуи или вазы;

в) блага, которые могут воспроизводиться, но лишь в ограниченном размере, при всяких формах организации производства, наприм., редкие вина;

г) блага, которые вообще могут воспроизводиться в любых размерах, но, при данных социальных условиях, воспроизводятся в ограниченных размерах, т.-е., собственно, монопольные продукты (искусственные монополия);

д) блага, которые могут воспроизводиться в любых размерах, но с возрастающими издержками, наприм., в случае действия закона убывающего плодородия¹⁾, и

е) блага, которые могут воспроизводиться в любом количестве и при неизменных, или во всяком случае, не обязывающих возрастающих издержках, т.-е. нормальные конкурентные товары.

Почему же в условиях монополии (как естественной, так и искусственной) не действует закон ценности? Ценность имеет место в товарном производстве. Но монопольные товары также являются товарами, поскольку они производятся для обмена, для сбыта. Ценность товаров отражает определенный тип производственных отношений между автономными самостоятельными производителями. Но, ведь, этот тип производственных отношений сохраняется вполне в условиях монополии. Монополист не может принудительно навязать покупателю своих товаров. Монополист и покупатель противостоят друг другу, как два юридических независимых участника обмена. Форма производственных отношений остается неизменной для всякого обмена. В связи

¹⁾ Свообразие этой категории товаров заключается в том, что в данном случае устанавливается рента. Мы здесь отвлекаемся от рассмотрения вопроса о правильности закона убывающего плодородия (этот вопрос рассмотрен в главе, посвященной Маршаллю).

с этим встает вопрос, представляющий большой теоретический интерес — происходят ли в условиях монополии процессы трансформации общественной связи и зависимости между отдельными товаропроизводителями?

Если мы обратимся к рассмотрению монопольного производства, то мы должны будем констатировать наличие взаимодействия лишь между двумя группами — производителей и покупателей данного товара. Производители последнего ориентируются на рынок. Увеличение или уменьшение спроса на данный товар должно неизбежно отразиться на ценах последнего. Между продавцом и покупателем устанавливается определенное взаимодействие, которое характерно для всякого обмена, начиная с наиболее примитивных форм последнего. Это взаимодействие выражается в том, что цена не может быть установлена лишь одной стороной, участвующей в обмене. Высота цены зависит от соотношения экономических сил покупателей и продавцов. На рыночном языке это соотношение получает выражение в форме соотношения спроса и предложения. В условиях искусственной монополии происходит взаимодействие лишь между данным производителем и всей группой покупателей. В условиях естественной монополии процесс взаимодействия усложняется, ибо на сцену выступают две группы — производителей и покупателей. Но все же борьба происходит лишь между двумя ограниченными группами. Общество в целом не может оказать непосредственного давления на данную группу производителей иным путем, как при помощи изменения спроса. Правда, последний находится в косвенной зависимости от цен других товаров и, следовательно, от давления других производителей. Но это влияние — косвенное. Непосредственно данная группа монополистов или данный монополист чувствует на себе лишь давление непосредственных антагонистов-покупателей. В связи с этим, высота цены непосредственно зависит от борьбы этих двух групп, т.е. от целого ряда факторов, которые влияют на спрос отдельного покупателя и на предложение отдельного производителя.

Уничтожение монополии (естественной и искусственной), связано с глубокой трансформацией общественной взаимозависимости и взаимодействия между отдельными производителями. В условиях свободного воспроизводства также сохраняется непосредственное взаимодействие между покупателями и продавцами каждого товара. В связи с этим рыночные цены, прежде всего, определяются соотношением спроса и предложения. Но наряду с этим появляется новый дополнительный элемент, имеющий огромное значение — взаимодействие между производителями различных товаров. Данный производитель испытывает на себе давление всего товарного общества в целом. Всякое повышение цены над ценностью вызовет дополнительный приток труда (или капитала) в данную сферу производства. Это новое взаимодействие, это новое давление на производителя значительно сильнее, чем то давление, которое оказывают покупатели. Поэтому изменения цен на основе изменившегося соотношения спроса и предложения имеют лишь временный характер. Благодаря непрерывному взаимодействию, которое существует между всеми производственными сферами, всякие отклонения

нения цены на основе спроса и предложения быстро аннулируются и изменившиеся цены возвращаются к прежнему уровню.

Таким образом, устранение монополий связано со значительным усилением общественных связей между отдельными товаропроизводителями. Если в условиях монополии цены находятся в зависимости от двух групп и, следовательно, от совокупности целого ряда факторов, отражающихся на положении обеих групп, то при наличии свободного воспроизводства средний уровень цен находится в зависимости лишь от условий общественного производства. Влияние всех индивидуальных факторов (в области потребления и производства) сведено к нулю. Вся данная товарная масса выступает на рынке, как масса, произведенная при одинаковых общественно-нормальных условиях техники.

Закон ценности характеризует закономерность, присущую товарному производству, как единой, цельной системе, в которой существует теснейшее взаимодействие между всеми элементами. Закон ценности отражает это взаимодействие и конечные результаты последнего, которые независимы от желания, воли, интересов, планов отдельных производителей. Закон ценности отражает факт стихийного приспособления общественного производства к общественной потребности, которая выражается в форме платежеспособного спроса. В условиях монополии увеличение спроса вызывает повышение цен. Это свидетельствует о том, что производство не в достаточной степени приспособилось к изменившимся общественным потребностям, что равновесие между спросом и предложением устанавливается благодаря сокращению спроса на основе повысившихся цен. Независимость ценности от спроса указывает на то, что в условиях свободного воспроизводства происходит более совершенное приспособление общественного производства к общественной потребности. Это — продукт того, что только при наличии свободного воспроизводства все общественные связи между товаропроизводителями и все закономерности товарного производства выступают в своем чистом виде.

В условиях монополии мы имеем неразвитое, деформированное товарное производство с неразвитой системой взаимодействия лишь между отдельными группами производителей. Этот факт особенно ярко проявляется в условиях искусственной монополии, когда отдельные капиталисты занимают командующие позиции и когда они пытаются предопределить и направить в нужное русло движение цен. Монополист пытается подчинить себе целые отрасли производства, имеющие большой вес в экономической жизни. Зависимость (косвенная) монополиста от всего товарного общества, конечно, сохраняется, но она принимает весьма своеобразные формы, свидетельствующие о глубокой трансформации экономической структуры товарного производства.

«Капитализм в его империалистической стадии, пишет Ленин («Империализм, как новейший этап капитализма». Изд. 1917 г., стр. 15), вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от

полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немощных монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее».

12

Анализ монопольных цен приводит к весьма интересному историческому выводу — начальная и конечная стадии товарного производства подчиняются формально аналогичным законам. Закон спроса и предложения имеет очень важное значение для объяснения цен или, правильнее, меновых пропорций (поскольку существование цен всегда предполагает существование денег; между тем, в указанную эпоху деньги не всегда существуют) в обществе, где происходит обмен излишками. Необходимо различать два типа таких обществ — а) где обмен излишками имеет место случайно, не систематически, эпизодически и б) где обмен этот происходит систематически и поэтому само производство приспособляется, в известных пределах, к рынку. В первом случае, меновые пропорции исключительно объясняются соотношением спроса и предложения, вернее — спросом, поскольку предложение обычно является фиксированным (оно равно излишкам). В этом случае меновые пропорции не оказывают влияния на дальнейшее развитие производства. Но даже во втором случае, где обмен становится обычным явлением, отсутствуют необходимые условия для действия закона ценности — свободное передвижение труда и возможность расширения производства. В силу того, что обмениваются лишь излишки, остающиеся после потребления данным производителем своих продуктов, предложение этих излишков или производство последних находится в зависимости от общего производственного плана. Последний определяется, главным образом, интересами индивидуального потребления. Производитель, сбывающий излишки, не может перейти к производству новых товаров, которых он до сих пор не потреблял. Ибо в этом случае речь шла б не о производстве излишков, а о таком производстве, которое всецело ориентируется на рынок, т.-е. о товарном хозяйстве, в собственном смысле этого слова.

В силу этого, переход от менее рентабельного к более рентабельному производству исключается в тех случаях, где продукты более рентабельного производства не входят в потребление производителя. Возможность перенесения труда из одной сферы в другую, таким образом, сковывается благодаря тому, что производство ориентируется на удовлетворение собственных потребностей. Благодаря последнему обстоятельству сковывается также возможность расширения производства.

В случае превышения спроса над предложением данное хозяйство может лишь в незначительной степени расширить свое производство; в противном случае, излишки могли б превысить, по своей величине,

ту часть продуктов, которая непосредственно потребляется в пределах данного хозяйства, и мы имели дело с товарным хозяйством.

Таким образом, в условиях неразвитого обмена, предложение не может быстро поспевать за спросом, и поэтому всякие сильные изменения спроса вызывают длительное изменение цены. Для этого случая, как и для монополистических объединений, закон спроса является решающим моментом при объяснении цен. Эволюция закона цен напоминает известную схему Гегеля о тезисе, антитезисе и синтезе. Последняя фаза капитализма является отрицанием отрицания, отрицанием товарного производства, как самостоятельной и цельной экономической системы, управляемой всецело своими стихийными законами ценности. Правда, капитализму никогда не удастся установить неограниченной монополии, т. е. превратить стихийное производство в организованное и окончательно устранить анархию производства. Задачу окончательной и полной ликвидации товарного хозяйства может выполнить лишь пролетариат, руководящий социалистической революцией. Но в рамках капиталистического способа производства происходит уже постепенный отход от классических форм товарного хозяйства. «Развитие капитализма, пишет Ленин, дошло до того, что хотя товарное производство попрежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничества лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшийся до этого обобществления, идет на пользу спекулянтам»¹⁾. Поэтому начальная и конечная стадии товарного хозяйства имеют нечто общее, выражающееся в том, что обе стадии носят переходный характер. Этот переходный характер в одном случае вытекает из вставания элементов товарного хозяйства в натуральное; в другом случае, наоборот — из вставания организованного и планового хозяйства (монополии) в товарное хозяйство. На почве этой общности начальной и конечной стадии возникает общий характер закона цен.

Конечно, не следует преувеличивать аналогии между первой и последней фазой закона цен. Различие между этими фазами столь же велико, как между примитивным хозяйством и капитализмом в его последней стадии развития. Первая фаза характеризуется тем, что товарная форма продукта имеет случайный и эпизодический характер; для последней фазы характерно диаметрально противоположное явление — господство товарной формы, которая становится всеобщей. Та аналогия, о которой говорилось выше, вытекает из того, что 1 и 3 фазы закона цен являются переходными периодами, когда собственные законы товарного хозяйства, т. е. стихийные законы равновесия или ценности, не могут проявиться в чистом виде. Для первой фазы характерно постепенное вставание элементов товарного хозяйства в натуральное производство; последняя фаза капитализма характеризуется постепенным разложением товарного хозяйства, его деформацией, ослаблением роли стихийных регуляторов, ослаблением зависимости предложения монополиста от рыночных цен.

¹⁾ «Империализм», стр. 16.

Эпоха монополистического капитализма может быть названа переходной не только потому, что она связана с значительной концентрацией средств производства, углублением классовых конфликтов, громадным ростом рабочего движения. Если бы процесс усиления монополистических элементов происходил беспрепятственно и достиг бы своего логического завершения, т. е. если бы единая монополистическая организация охватила и подчинила своему контролю все мировое производство, то мы имели бы ликвидацию капиталистического способа производства. Ведь, последний характеризуется производством прибавочной ценности. Между тем, в данных условиях отсутствовали бы всякие элементы товарного хозяйства, следовательно, нельзя было бы говорить о ценности и о прибавочной ценности. В таком организованном антагонистическом обществе производился бы прибавочный продукт, а не прибавочная ценность. И психология капиталистов-руководителей этого всемирного треста должна была бы носить другой характер. Вопросы о накоплении ценностей, об увеличении прибыли в этом обществе тоже потеряли бы свое значение.

В реальной экономике обычно монополистические организации не охватывают всего производства. Поэтому при определении цен в конкретных условиях необходимо учесть наличность аутсайдеров. Но при разрешении общей теоретической проблемы о монопольных ценах, по нашему мнению, необходимо абстрагироваться от влияния аутсайдеров. Поэтому нам представляется неудачной, с методологической точки зрения, попытка Нахимсона-Спектатора «объяснить определение картельных цен в условиях борьбы с аутсайдерами. Теоретически, указывает Спектатор, здесь нельзя, за исключением очень немногих отдельных отраслей промышленности, исходить из полной монополизации рынка, ибо внутреннее противоречие, заключенное в капиталистическом производстве, подготовляемое накоплением капитала и усиливающееся благодаря этому стремлению к его использованию, толкает капитал на все новые предприятия, пробивающие бреши в монополии. Во всяком случае, нам не нужно исследовать, как устанавливаются цены при полной монополизации различных отраслей промышленности, а лишь то, как она устанавливается при фактически имеющих место обстоятельствах, в условиях борьбы картелей с аутсайдерами»¹⁾. На этом основании Спектатор считает возможным говорить о картельной ренте. «Она (картельная цена. И. Б.) определяется издержками производства, но не при средних, а при наихудших условиях, при чем последние имеют место, главн. обр., у внешних конкурентов (аутсайдеров. И. Б.). Таким образом, создается и в картеллированной промышленности дифференциальная рента, которую мы можем назвать картельной рентой». «Мы уже указывали, продолжает Спектатор, что в промышленности всегда имеется известная разница между издержками производства отдельных предприятий, что хорошо оборудованные предприятия могут достичь большей прибыли по сравнению с плохо оборудованными, но что в условиях

¹⁾ «Мировое хозяйство до и после войны», стр. 74.

нормальной конкурентной борьбы эта разница более или менее выравнивается и что нормально она длительно существовать не может. Картели вносят здесь нечто новое в том отношении, что они не только дают предпринимателю на относительно длительный промежуток времени сверхприбыль, но что эта сверхприбыль также выше, чем при нормальных условиях, когда хорошо оборудованное предприятие может получить прибыль выше средней, в то время, как излишек прибыли, полученной картелями, представляет собой разницу между издержками производства предприятий, работающих при наилучших условиях, и издержками производства всех прочих предприятий¹⁾.

С точки зрения Спектатора, картельная рента представляет из себя форму дифференциальной ренты. Но последняя, в свою очередь, предполагает, что товары продаются по ценам производства. Следовательно, с точки зрения Спектатора, рост монополий не подрывает общего закона ценности, регулирующего цены производства. Модификацию претерпевают лишь законы определения общественно-необходимого труда в области индустрии. При этом предполагается, что аутсайдеры получают среднюю прибыль на затраченный капитал, ибо только при этом условии может действовать закон цен производства. Но эта предпосылка является совершенно произвольной. Установление средней прибыли предполагает возможность свободной конкуренции; но последняя, в условиях интенсивного роста капиталистических монополий, претерпевает значительные ограничения. Обычно аутсайдеры являются экономически более слабыми производителями и получают более низкую прибыль. Нам представляется, что теория картельной ренты, подводя картельные цены под общую рубрику цен производства, слишком упрощает проблему.

Дуализм первой и последней фаз закона цен выражается в том, что, с одной стороны, цены являются выражением определенного типа производственных отношений, а именно — отношений товаропроизводителей. Эти производственные отношения возникают в связи с обменом, который накладывает особый отпечаток на отношения производителей, участвующих в обмене. Существование цен, следовательно, говорит об определенной структуре производственных отношений, о наличии новых связей, об определенной характеристике данного общества. Но, с другой стороны, первая и последняя фаза закона цен характеризуются тем, что цена не выступает в роли единственного и основного регулятора производства, расширение и сужение отдельных производственных сфер обуславливается не стихийной тенденцией к установлению равновесия, а политикой отдельных монополистических организаций. Таким образом, из двух элементов, составляющих содержание ценности (или цен производства) — а) вещного выражения производственных отношений товаропроизводителей и б) стихийного регулятора товарного производства и распределения общественного труда — сохраняется лишь первый элемент. Отсутствие второго элемента выражается в том, что цены отрываются от ценности, теряют свою количественную определенность и устойчивость.

¹⁾ Ibidem, стр. 77.

Дуализм первой и последней фазы закона цен выражается также в наличии монополистических элементов, затрудняющих свободное воспроизводство и тем самым задерживающих проявление закона ценности. Для первой фазы характерно наличие своеобразной естественной монополии. Правда, в данном случае отсутствуют технические препятствия для расширения производства. Но, поскольку производство ориентируется, главным образом, на собственное удовлетворение потребностей, постольку предложение товаров колеблется в весьма узких пределах. Для последней фазы характерно наличие искусственных монополий.

Между тем, закон ценности выражает стихийную пропорциональность между отдельными сферами производства, которая устанавливается в идеальном товарном производстве, т.-е. в таком производстве, где совершенно отсутствуют элементы монополии и где, следовательно, свободное воспроизводство проявляется в своем чистом виде.

Эволюцию роли ценности можно было бы проиллюстрировать диаграммой (см. стр. 110). Своей вершины закон ценности достигает в эпоху классического капитализма. Затем начинается постепенный подрыв этого закона, связанный с умалением роли стихийных регуляторов производства. Ординаты, показывающие роль закона ценности, начинают уменьшаться и приближаются к тем ординатам, которые характерны для первой фазы товарного хозяйства.

13

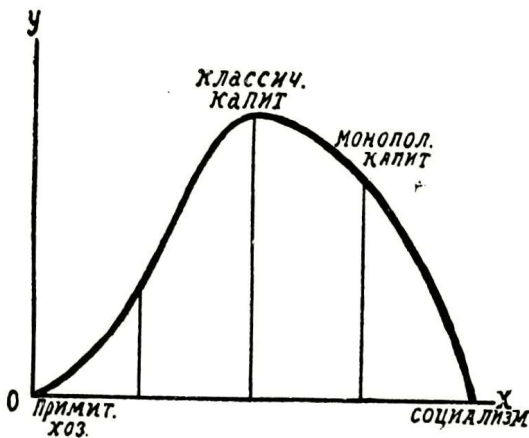
В связи с этим положением получает разрешение вопрос об исторических рамках закона ценности. Имеет ли последний место исключительно в эпоху капитализма или же можно говорить о законе ценности в докапиталистическую эпоху? Насколько правильны слова Энгельса (в его последней статье «Закон ценности и уровень прибыли», в журнале «Новое Слово», 1897, сентябрь) о том, что закон ценности действовал в весьма раннюю эпоху? Необходимо всегда отличать закон цен от закона ценности. Закон цен имеет место всюду, где происходит обмен, ибо последний может происходить лишь в определенных меновых пропорциях. Закон цен появляется с возникновением обмена и сойдет в могилу в тот момент, когда отомрет обмен. Всякая цена, в свою очередь, предполагает соответствие спроса и предложения, а поэтому закон цен сопровождается всегда законом спроса и предложения. Но лишь на определенной ступени развития закон цен становится выражением закона ценности, и закон спроса и предложения становится в подчиненное положение. Для этого необходимо, чтобы реальная экономика возможно ближе соответствовала бы идеальному товарному производству, т. е. чтобы было свободное передвижение капитала и труда, отсутствие всяких монополий, кроме временных; возможность расширения производства. Все эти условия имеют место лишь в эпоху развитого капитализма до того момента, как монополии не получают решающего значения.

Понятие цены, таким образом, значительно шире, чем понятие ценности. Отсюда следует, что определение цены, как денежного выраже-

ния ценности, правильно лишь для эпохи развитого товарного производства.

Цена имеет место всюду, где происходит обмен, поскольку обмен устанавливает особый тип социальных отношений, а, с другой стороны, всякий обмен предполагает существование определенных меновых пропорций обмениваемых товаров. На этом основании возможно не только количественное, но и качественное несовпадение между ценой и ценностью, о котором Маркс говорит в 3 главе I тома «Капитала».

«Форма цены, пишет Маркс («Капитал», том I, стр. 70), не только допускает возможность количественного несовпадения между величиной стоимости и ценой, т. е. между величиной стоимости и ее собственным денежным выражением,— она может, кроме того, скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют лишь форму стоимости товаров.

Вещи, которые сами по себе не являются товарами, напр., совесть, честь и т. д., могут стать продажными для своих владельцев и, таким образом, при посредстве цены приобретают товарную форму.

Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены, напр. цена некультивированной земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд, может скрывать в себе действительное отношение стоимости или некоторое производное от него отношение».

Цена находит себе место всюду, где встречается обмен и соответствующий тип социальных отношений. Но под маской этой единой формы обмена могут скрываться глубочайшие различия. Законы обмена носят различный характер для свободно воспроизводимых товаров и невоспроизводимых благ. В одних случаях действует закон ценности, в других случаях — нет. Закон ценности является таким образом видовым понятием по отношению к родовому понятию — закону цен.

Можно было бы сказать, что всякое объяснение цены путем ссылки на закон спроса и предложения есть никуда негодное объяснение, поскольку всякое такое объяснение заключает заколдованный круг:

с одной стороны, цена зависит от спроса и предложения; с другой стороны, последние зависят от цены. Поэтому положение, что монопольные цены определяются преимущественно спросом и предложением, есть как будто бы признание невозможности научного объяснения монопольных цен, косвенная капитуляция.

Такой вывод был бы неверным. Не всякое объяснение цены с помощью спроса и предложения представляет из себя заколдованный круг. Достаточно указать, что, по Марксу, высота процента определяется спросом и предложением ссудных капиталов. «Что касается распада на процент и предпринимательский доход, то пределы их обоих, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она дает ту определенную сумму стоимости, в границах которой это разделение должно произойти и в границах которой оно только и может произойти. Прогорция, в которой происходит разделение, здесь носит случайный характер, т. е. определяется исключительно условиями конкуренции. В то время, как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, т. е. уничтожает влияние конкуренции, здесь оно является единственно определяющим»¹⁾.

Ссылка на закон спроса и предложения только в том случае будет заключать порочный круг, если спрос и предложение всецело определяются ценой, или один из этих факторов, напр., предложение. Но это условие не всегда является обязательным. Напр., в области ссудного капитала повышение процента не всегда вызывает соответствующие увеличения предложения. Предложение ссудных капиталов подчиняется своим особым законам. Частично предложение этих капиталов изменяется вместе с изменением процента (в противном случае, дисконтная политика не имела бы никакого смысла); частично предложение капиталов изменяется по самостоятельным причинам, не связанным с высотой процента. В этом случае приходится говорить о взаимодействии двух частично зависимых, частично независимых факторов.

Аналогичное положение мы имеем в области монопольных цен. В условиях естественной монополии, предложение или вовсе не зависит от цены, или частично приспособляется к изменившейся цене, в результате изменения спроса. Точно также и в условиях искусственной монополии существует лишь частичная зависимость предложения от цены. Монополист может сократить предложение, или препятствовать слишком быстрому увеличению предложения для того, чтобы поддержать цену на более высоком уровне. Выше мы установили, что независимость ценности от влияния спроса предполагает, что темп расширения или сужения предложения соответствует темпу изменения спроса. Давление товарного общества настолько велико, что всякие колебания цены вследствие несовпадения темпа изменения спроса и предложения имеют временный характер. Влияние всего общества товаропроизводителей (которое проявляется, конечно, стихийным путем) настолько велико, что индивидуальные величины спроса и предложения не оказывают никакого влияния на средний уровень цен. Взаимодействие отдельных по-

¹⁾ «Капитал», том III, стр. 400.

купателей и продавцов и даже целых групп покупателей и продавцов одного товара отстает на задний план по сравнению с основным фактом — взаимодействием всех товаропроизводителей. В условиях монополии сохраняется лишь первый тип взаимодействия, выражающийся в форме борьбы покупателей и продавцов; результаты этой борьбы — рыночные цены — определяются соотношением спроса и предложения. Тот факт, что спрос и предложение оказывают длительное воздействие на цены и что соответствующие изменения цены не вызывают противодействующих тенденций, свидетельствуют о недостаточности давления товарного общества на данную группу производителей, о слабости общественной связи между отдельными производителями, о недостаточности и неразвитости общественного взаимодействия в пределах данного товарного хозяйства.

С особенной яркостью этот факт проявляет себя в условиях искусственной монополии.

Отдельный производитель не может непосредственно влиять на величину спроса путем искусственного сокращения предложения. В другом положении находится монополист, который устанавливает определенный контингент предложения. Тем самым через установление размеров предложения монополист определяет цены. В этом случае не предложение определяется ценой, а наоборот — рынок ставится в зависимость от монополиста. Конечно, на ряду с этим существует зависимость монополиста от рынка. Эту зависимость Курно совершенно игнорирует. Согласно его концепции, монополист фиксирует определенный размер предложения и цены. Все зависит от монополиста. Это положение было бы правильным при одном условии — если функция спроса остается неизменной. В действительности, эта функция спроса подвержена непрерывным колебаниям под влиянием целого ряда факторов, которые независимы от монополиста, напр., от цен других товаров. С одной стороны, спрос на монополичный товар зависит от цены последнего, установленной монополистом, и в этом отношении монополист влияет на спрос; с другой стороны, спрос на монополичный товар зависит от цен других товаров, и в этой области проявляется влияние стихийных, рыночных факторов, ограничивающих автономию монополиста. Последний не является исключительно зависимым лицом от рынка, частично он диктует свою волю рынку. Изменения спроса не вызывают автоматически и механически изменения предложения. Предприниматель-монополист и рынок находятся в иных отношениях друг к другу, чем предприниматель и рынок в условиях свободного производства. В последнем случае, предприниматель всецело зависит от рынка, и поэтому всякая попытка вывести цену из соотношения спроса и предложения будет таить в себе порочный круг. В первом случае монополист и рынок взаимно зависят друг от друга; между ними устанавливается взаимодействие; рынок через посредство изменения других цен, монополист при помощи регулирования предложения влияют на установление цен. Зависимость цен от спроса и предложения и наоборот есть отражение взаимодействия двух элементов в народном хозяйстве — монополистического и стихийно-рыночного.

Можно было бы возразить, что ссылка на спрос и предложение не в состоянии объяснить, почему на данном уровне, а не на каком-либо другом, установилось соответствие между этими обоими факторами. Иными словами, закон спроса и предложения не дает возможности определить уровень установившихся цен. Поэтому, этот закон недостаточен для определения монопольных цен. В связи с этим, необходимо отметить, что своеобразие монопольных цен заключается в том, что они не имеют количественной устойчивости. Конкурентные цены тяготеют к одной устойчивой точке, к данному центру равновесия, к данной ценности. Поэтому колебания рыночных цен, в условиях свободной конкуренции, возможны лишь в достаточно узких рамках и пределах. Амплитуда колебаний конкурентных цен обычно невелика. Всякое сильное отклонение цены от ценности в одну сторону вызывает противодействующую тенденцию и обратное движение. В другом положении находятся монопольные цены. Амплитуда их колебаний значительно шире. У них отсутствует единая точка, к которой тяготеют эти цены. Отклонение цен в каком-либо направлении не вызывает противодействующих тенденций. При этих условиях монопольные цены могут устанавливаться на различном уровне, который теоретически трудно установить. Достаточно сравнить цены производства немонопольных товаров с монопольными ценами. Предположим, что издержки производства имеют совершенно определенную величину. Тогда цена производства является определенной, поскольку оба ее составных элемента — издержки производства и средняя прибыль — имеют совершенно определенную величину. Но этого нельзя сказать о монопольной прибыли, которая может принимать всевозможные величины (в известных, конечно, пределах). Поэтому, величина монопольной цены тоже остается постоянно неопределенной. Ошибка Курно заключается в том, что он представляет монопольную цену, как количественно определенную, поскольку он рассматривает ее с точки зрения достижения максимума прибыли. На самом деле, максимум прибыли представляет из себя идеал, неосуществимый в условиях наличия рынка и анархии производства, которая никогда не может быть полностью устранена в эпоху капитализма. Объявляя монопольные цены количественно определенными, Курно тем самым стирает важнейшую грань между монопольными и конкурентными ценами.

Теория монопольных цен отличается от обычной теории цен, таким образом, усилением роли закона спроса, отсутствием количественной определенности. Тем не менее, колебания монопольных цен должны происходить в определенных пределах. Эти пределы, в условиях развитого товарного производства, находятся в значительной зависимости от общих законов ценности (при этом, конечно, предполагается, что закон ценности действует в рамках всего товарного хозяйства). Поэтому при рассмотрении этих пределов следует исходить из общей теории ценности. Теория монопольных цен, с известным правом, может быть названа логическим продолжением теории цен производства. Можно установить такую иерархию — а) теория ценности, б) теория цен производства и в) теория монопольных цен. Теория ценности отражает

распределение в идеальном товарном производстве, которое является наиболее абстрагированной формой капиталистического общества. При этом происходит абстрагирование от различий органического состава капитала и продолжительности периода оборота; правильнее, происходит абстрагирование от закона равной или средней нормы прибыли. Согласно теории ценности, всякий товар продается (если взять более продолжительный период) по своей ценности, рыночные цены определяются ценностью.

Теория цен производства вводит значительную модификацию, поскольку рыночные цены перестают тяготеть к ценности. Прибавочная ценность переливается из областей производства с низким органическим составом в сферы с высоким органическим составом. Закон ценности проявляет себя лишь в пределах всего общественного производства, поскольку вся масса прибавочной ценности совпадает с совокупной прибылью. Частично ценность совпадает с ценой производства лишь для очень ограниченной группы товаров, производимых капиталом среднего состава. И то здесь необходимо ввести ряд ограничений, поскольку а) само понятие среднего органического состава является искусственным, б) издержки производства могут не совпасть с ценностью, в) период оборота может быть больше или меньше нормального. Закон спроса и предложения играет весьма важную роль при выработке цен производства. Средняя норма прибыли устанавливается потому, что в областях с низким органическим составом устанавливается слишком широкий спрос и предложение (по сравнению с нормальным распределением труда), а в областях с высоким составом — искусственно ограничивается предложение (тоже по сравнению с нормальным). Тем не менее, между ценностью и ценой здесь сохраняется более глубокая связь. На основании теории ценности можно вывести цену производства отдельных товаров. Для этого достаточно к издержкам производства прибавить среднюю прибыль. Последняя определяется на основании средней нормы прибыли, которая, в свою очередь, выводится из сопоставления общей массы прибавочной ценности и величины общественного капитала, т.е. двух ценностей. Теория ценности определяет таким образом величину общего фонда прибыли и ту пропорцию, в которой происходит распределение этого фонда между отдельными капиталистами. Поэтому величина цен производства является количественно определенной.

Теория монопольных цен тоже основана на процессе переливания прибавочной ценности из одних сфер производства в другую. Но в условиях свободной конкуренции этот процесс переливания заканчивается установлением средней прибыли. В условиях монополии процесс переливания прибавочной ценности идет дальше, поскольку монополист получает более высокую норму прибыли, чем обычно установленная. Норма прибыли монополиста повышается за счет понижения средней нормы прибыли. В этом случае теория ценности объясняет лишь общий фонд прибавочной ценности, но не ту пропорцию, в которой происходит распределение ценности между монополистами и немонополистами. Эта пропорция зависит от соотношения сил обеих сторон, которое на рыночном языке выражается в соотношении спроса и пред-

ложения. Поэтому монопольная цена, в отличие от обычных цен производства, не имеет количественной определенности. В этом проявляется значительная роль закона спроса и предложения.

Различие между ценами производства и монопольными ценами может быть выведено также из рассмотрения основной формулы цен производства: $c = k + kr'$ (где k — капиталистические издержки производства, а r' — средняя норма прибыли). Для случая свободной конкуренции величины k и r' являются совершенно определенными, и наше уравнение имеет единственное решение. В случае монополии величина r' тоже должна быть признана неопределенной, поскольку норма прибыли имеет различную высоту для разных монополистов и зависит от цены. В результате получается одно уравнение с 2 неизвестными, т.е. неопределенное уравнение. При данных технических условиях возможно существование целого ряда цен данного монопольного товара.

Колебания монопольных цен имеют свои пределы. Закон спроса и предложения не господствует безраздельно. Он действует в определенных границах. Монополист может производить или средства производства, или средства потребления. Последние могут быть разделены на предметы массового потребления и предметы роскоши. В виду того, что последняя группа имеет незначительный удельный вес (предметы роскоши) и обычно не является объектом монополии, можно отвлечься от рассмотрения этой группы. Для простоты предположим чистое капиталистическое общество, состоящее лишь из капиталистов и рабочих.

Монополист может повысить цену средств производства лишь до определенного уровня, который гарантировал бы покупателю известный минимум прибыли. Всякое повышение цен монопольных средств производства повлечет за собой понижение нормы прибыли капиталистов, покупающих средства производства, поскольку сокращается общая масса прибыли и увеличивается размер капиталов. Очевидно, что этот процесс не может развиваться до бесконечности. Этот процесс должен приостановиться еще до того момента, когда норма прибыли немонополистических производителей станет равной 0. Слишком низкая норма прибыли делает невозможным капиталистическое производство. Норма прибыли должна быть, во всяком случае, не ниже среднего процента.

Что касается средств потребления, то необходимо учесть, что последние являются объектами потребления рабочего класса. Всякое повышение цен предметов потребления должно, в конечном счете, вызвать повышение заработной платы и тем самым отразиться на норме прибыли. Сохранение заработной платы на прежнем уровне при повысившихся ценах возможно лишь в ограниченных пределах, поскольку заработная плата значительно превышает физиологический минимум. Таким образом, в обоих случаях устанавливаются известные пределы для повышения цен, которые являются выражением общественного взаимодействия. В условиях конкуренции это взаимодействие проявляется в том, что труд или капитал свободно переливается из одной сферы производства в другую и поэтому более рентабельные отрасли расширяются, а менее рентабельные — сокращаются. В условиях монополии общественное взаимодействие отдельных производителей проявляется более слабо. Оно выражается в том, что некоторые

сферы производства, при определенных ценах, перестают расширяться и даже вовсе не могут существовать, что нарушает равновесие и приводит к разрыву всей производственной системы.

Маркс отметил связь между теорией цен производства и монопольных цен, а также характерные особенности последних в следующих словах: «Наконец, если бы уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий и, в частности, в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монополия цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, то даже и в этом случае не были бы уничтожены границы, определяемые стоимостью товаров. Монополия цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монополия ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение той пропорции, в которой распределяется между различными сферами производства прибавочная стоимость, но граница самой этой прибавочной стоимости осталась бы неизменной. Если товар с такой монополия ценой входит в число предметов необходимого потребления рабочих, то должна повыситься заработная плата, и, следовательно, понизится прибавочная стоимость, раз рабочему попрежнему выплачивают всю стоимость его рабочей силы. В этом случае возможно также понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, но последнее лишь при том условии, если заработная плата превышает границу ее физического минимума. Здесь монополия цена уплачивается при помощи вычета из реальной заработной платы (т.е. из суммы потребительских стоимостей, получаемых рабочим путем данного количества труда) и из прибыли других капиталистов. Таким образом границы, в пределах которых монополия цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, поддаются строгому определению и точному учету»¹⁾.

Эта цитата Маркса представляет из себя ключ к пониманию теории монопольных цен. Дальнейшее уточнение теории должно заключаться в установлении пределов колебаний монопольных цен. Эта заслуга принадлежит Гильфердингу. В своем «Финансовом капитале» Гильфердинг указывает, что «картельная (или монополия цена И. Б.) цена повысится над ценой производства картеллированных отраслей на всю величину, на какую цена некартеллированных отраслей упадет ниже цены производства. Поскольку в некартеллированных отраслях промышленности существуют акционерные общества, цена не может упасть ниже $k+z$, издержек производства плюс процент: иначе здесь оказалось бы совершенно невозможным применение капитала. Следовательно, повышение нормальной цены находит свою границу в том, насколько возможно понижение нормы прибыли в некартеллированных отраслях»²⁾. Таким образом, пределом понижения нормы прибыли в некартеллированных отраслях является достижение уровня процента.

Таким образом, монополия цена колеблется между двумя преде-

¹⁾ «Капитал», том III^a, стр. 399.

²⁾ Изд. 1918 г., стр. 341.

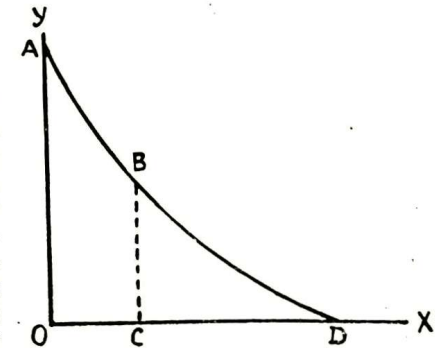
лами. Нижшим пределом является цена производства, т.е. цена, которая установилась бы при существовании свободной конкуренции и обеспечила бы всем капиталистам среднюю норму прибыли. Верхним пределом является монополия цена, которая обеспечивает некартеллированному производителю лишь средней процент. Амплитуда колебаний здесь весьма широкая, и высота монополия ценой будет определяться в этих пределах соотношением спроса и предложения.

Мы рассмотрели выше пределы колебаний цен монопольных средств производства и предметов потребления рабочего класса. Встает вопрос о пределах колебаний монопольных цен предметов роскоши. Частично мы этот вопрос затронули выше. Пределы колебаний цен предметов роскоши значительно шире, чем средства производства, ибо цена первых не оказывает влияния на норму прибыли. Поскольку раздвигаются пределы колебаний, постольку расширяется территория, на которой действует закон спроса. Но, конечно, нельзя утверждать, что пределы колебания монопольных цен предметов роскоши совершенно отсутствуют. Эти пределы зависят от целого ряда факторов—а) прежде всего, от цен конкурентных товаров; если цена последних значительно ниже монопольных цен, то становится невыгодным дальнейшее потребление монопольных товаров; б) от покупательной способности богатых потребителей, которая не является безграничной и которая, следовательно, ограничивает возможность роста цен; и в) от цен других товаров, которые ограничивают денежные суммы, могущие быть израсходованными на покупку данных монопольных товаров. Закон ценности оказывает косвенное воздействие, регулируя пределы колебаний.

Для того, чтобы убедиться в наличии этих пределов, достаточно обратиться к кривой спроса—АД. Пределы колебаний цен, в данном случае, следующие: нижним пределом является цена производства; предположим, что она выражается абсциссой ОС; верхним пределом колебаний является цена ОД, которая исключает возможность существования спроса. Положение этой точки зависит от покупательной способности потребителей и от цен целого ряда товаров Теоретически можно представить (как это делает, напр., Вальрас), что кривая спроса есть функция цен всех товаров, т.е., что общая совокупность цен, совпадающая с общей совокупностью ценностей, оказывает влияние и регулирует пределы колебаний данной монополия ценой.

15.

Может встать вопрос о том, как будет определяться монополия цена в тех условиях, когда все сферы производства будут монополизированы. Этот случай нужно отличать от случая абсолютной монополии,

сферы производства, при определенных ценах, перестают расширяться и даже вовсе не могут существовать, что нарушает равновесие и приводит к разрыву всей производственной системы.

Маркс отметил связь между теорией цен производства и монопольных цен, а также характерные особенности последних в следующих словах: «Наконец, если бы уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий и, в частности, в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монополия цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, то даже и в этом случае не были бы уничтожены границы, определяемые стоимостью товаров. Монополия цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монополия ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение той пропорции, в которой распределяется между различными сферами производства прибавочная стоимость, но граница самой этой прибавочной стоимости осталась бы неизменной. Если товар с такой монополия ценой входит в число предметов необходимого потребления рабочих, то должна повыситься заработная плата, и, следовательно, понизиться прибавочная стоимость, раз рабочему попрежнему выплачивают всю стоимость его рабочей силы. В этом случае возможно также понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, но последнее лишь при том условии, если заработная плата превышает границу ее физического минимума. Здесь монополия цена уплачивается при помощи вычета из реальной заработной платы (т.-е. из суммы потребительских стоимостей, получаемых рабочим путем данного количества труда), и из прибыли других капиталистов. Таким образом границы, в пределах которых монополия цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, поддаются строгому определению и точному учету»¹⁾.

Эта цитата Маркса представляет из себя ключ к пониманию теории монопольных цен. Дальнейшее уточнение теории должно заключаться в установлении пределов колебаний монопольных цен. Эта заслуга принадлежит Гильфердингу. В своем «Финансовом капитале» Гильфердинг указывает, что «картельная (или монополия цена) цена повышается над ценой производства картелированных отраслей на всю величину, на какую цена некартелированных отраслей упадет ниже цены производства. Поскольку в некартелированных отраслях промышленности существуют акционерные общества, цена не может упасть ниже $k+z$, издержек производства плюс процент: иначе здесь оказалось бы совершенно невозможным применение капитала. Следовательно, повышение нормальной цены находит свою границу в том, насколько возможно понижение нормы прибыли в некартелированных отраслях»²⁾. Таким образом, пределом понижения нормы прибыли в некартелированных отраслях является достижение уровня процента.

Таким образом, монополия цена колеблется между двумя преде-

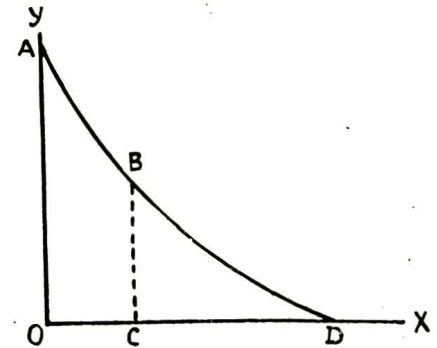
¹⁾ «Капитал», том III, стр. 399.

²⁾ Изд. 1918 г., стр. 341.

лами. Низшим пределом является цена производства, т.-е. цена, которая установилась бы при существовании свободной конкуренции и обеспечила бы всем капиталистам среднюю норму прибыли. Верхним пределом является монополия цена, которая обеспечивает некартелированному производителю лишь средний процент. Амплитуда колебаний здесь весьма широкая, и высота монополия цены будет определяться в этих пределах соотношением спроса и предложения.

Мы рассмотрели выше пределы колебаний цен монопольных средств производства и предметов потребления рабочего класса. Встает вопрос о пределах колебаний монопольных цен предметов роскоши. Частично мы этот вопрос затронули выше. Пределы колебаний цен предметов роскоши значительно шире, чем средства производства, ибо цена первых не оказывает влияния на норму прибыли. Поскольку раздвигаются пределы колебаний, постольку расширяется территория, на которой действует закон спроса. Но, конечно, нельзя утверждать, что пределы колебания монопольных цен предметов роскоши совершенно отсутствуют. Эти пределы зависят от целого ряда факторов—а) прежде всего, от цен конкурентных товаров; если цена последних значительно ниже монопольных цен, то становится невыгодным дальнейшее потребление монопольных товаров; б) от покупательной способности богатых потребителей, которая не является безграничной и которая, следовательно, ограничивает возможность роста цен; и в) от цен других товаров, которые ограничивают денежные суммы, могущие быть израсходованными на покупку данных монопольных товаров. Закон ценности оказывает косвенное воздействие, регулируя пределы колебаний.

Для того, чтобы убедиться в наличии этих пределов, достаточно обратиться к кривой спроса—АД. Пределы колебаний цен, в данном случае, следующие: нижним пределом является цена производства; предположим, что она выражается абсциссой ОС; верхним пределом колебаний является цена ОД, которая исключает возможность существования спроса. Положение этой точки зависит от покупательной способности потребителей и от цен целого ряда товаров. Теоретически можно представить (как это делает, напр., Вальрас), что кривая спроса есть функция цен всех товаров, т.-е., что общая совокупность цен, совпадающая с общей совокупностью ценностей, оказывает влияние и регулирует пределы колебаний данной монополия цены.

15.

Может встать вопрос о том, как будет определяться монополия цена в тех условиях, когда все сферы производства будут монополизированы. Этот случай нужно отличать от случая абсолютной монополии,

когда все мировое производство или хотя бы национальное (если рассматривать его изолированно) подчиняется единому руководящему центру. В данном случае каждая сфера производства может подчиняться своему монополисту. Режим такой монополии не отрицает, следовательно, существования конкуренции между отдельными сферами производства. Устраняется лишь деление отраслей производства на картеллированные и некартеллированные. Гильфердинг рассматривает случай конкуренции картеллированных и некартеллированных отраслей. Но, в связи с этим, встает вопрос, как быть в том случае, если все производства картеллированы? Конечно, практически такой случай не может иметь места. Существует ряд отраслей производства, в которых имеются весьма неблагоприятные условия для картеллирования, синдицирования и трестирования. Но с чисто теоретической точки зрения этот вопрос представляет весьма большой интерес.

Предположим, что имеются два монополиста, А и В. Один выступает в качестве покупателя; другой — в качестве продавца; борьба может иметь различные результаты; цена может устанавливаться на различном уровне. Здесь амплитуда колебаний будет еще более широкая, чем в случае столкновения монополиста с немонаполистом. Границами колебаний цен будут условия, делающие невозможной или нерентабельной ту или другую сферу производства. Верхним пределом колебаний цен будет установление такой цены, при которой монополист-покупатель получит не больше среднего процента на свой капитал. Нижним пределом будет установление такой цены, которая, наоборот, монополисту-продавцу обеспечивает прибыль, не превышающую среднего процента. В этих пределах цены будут колебаться в зависимости от соотношения спроса и предложения. Еще более раздвинуты границы, если монополисту А приходится продавать свой товар нескольким монополистам, например, нескольким сферам производства. Верхний предел в этом случае будет равен той цене, которая обеспечивает уровень процента наиболее конкурентноспособному покупателю. Нижний предел остается тот же самый. Усиление элементов монополии должно, таким образом, проявляться в расширении амплитуды колебаний монопольных цен, в раздвижении их пределов.

Норма процента не случайно является пределом колебаний монопольных цен. Роль нормы процента, как фактора, ограничивающего колебания цен, связана с общей ролью кредита. Монополия закрывает доступ чужим капиталам в данную сферу производства. Расширение последней ставится в зависимость исключительно от монополиста. На этой почве происходит отрицание закона ценности. Тем не менее, известное взаимодействие между отдельными сферами и переливание капиталов сохраняется. Но это переливание капиталов происходит не в форме движения капиталов, ищущих самостоятельного производственного применения, а в форме передвижки ссудных капиталов. Монополист не может базироваться исключительно на своих капиталах; с другой стороны, у него периодически скопляются свободные денежные средства, которые не могут быть приложены в собственном предприятии монополиста. На этой почве, через посредство банков, происходит передвижка свободных средств из одной сферы в другую.

На ряду с рынком товаров существует рынок ссудных капиталов. Трансформация законов, господствующих в первой области, замена цен производства монопольными ценами не отражается сколько-нибудь существенным образом на законах рынка капиталов. Последний сохраняет ту форму, которую он имел в эпоху классического капитализма. Норма процента попрежнему определяется спросом и предложением. Попытки банков регулировать эту норму % являются более слабыми, чем попытки монополиста влиять на цены.

Во всяком случае, рынок ссудных капиталов является единственной, в тех абстрактных условиях, о которых говорим, цитаделью, где сохраняется свободная конкуренция. И через этот канал проникают всевозможные влияния конкуренции на монопольные цены. Поэтому ограничивающие колебание монопольных цен факторы должны быть неизбежно связаны с кредитом.

Вопрос о пределах колебаний цен является одним из основных для теории монопольных цен. Наличие пределов колебаний цен является своеобразным выражением взаимодействия между отдельными сферами производства. В условиях свободной конкуренции взаимодействие между отдельными сферами производства выражается в тенденции к установлению стихийного равновесия, к достижению равной рентабельности отдельных производственных сфер. Возникновение сверхприбылей в отдельных случаях нарушает установившееся равновесие и вызывает новые движения капитала, которые соответствующим образом отражаются на рентабельности всех отраслей. В отраслях с повышенной рентабельностью наблюдается, благодаря этим процессам передвижения капитала, понижение цен, и наоборот. Каждая сфера чувствует над собой давление всех других сфер в виде дамского меча, угрожающего всяким сверхприбылям и повышенным ценам.

В условиях монополии, зависимость монополистического производства от других отраслей значительно ослабевает, хотя и не исчезает совершенно. Отныне сверхприбыли из временного явления превращаются в перманентный факт, имеющий длительное существование. Следовательно, отсутствует то непрерывное взаимодействие между отдельными производственными отраслями, которое выражается в непрерывных движениях капитала и которое находит свое наиболее полное выражение в законе ценности. Зависимость между отдельными производствами заключается, в данных условиях, лишь в том, что монопольные цены не должны делать невозможным существование немонапольных производств. В противном случае, данная монополистическая организация подрывает тот сук, на котором она держится, и делает невозможным свое собственное существование, подрывает собственную базу. Верхний предел колебаний монопольных цен указывает на то, что монопольное производство нельзя рассматривать совершенно изолированно от всего общественного производства, что последнее всегда находит пути оказать давление на отдельные производственные сферы, как бы последние ни охраняли себя.

Если, таким образом, наличие широкой амплитуды колебаний монопольных цен указывает на отсутствие соответствующего воздействия рыночных регуляторов, на ослабление общественной связи данного про-

изводства, то пределы колебаний монопольных цен, наоборот, свидетельствуют о том, что связь между отдельными производственными сферами никогда не прерывается. Поэтому, чем шире выражен монополистический элемент в народном хозяйстве, тем большей является амплитуда колебаний цен. Эту связь можно вывести из сопоставления конкуренции двух монополистических производственных сфер и двух сфер, из которых одна является монополистической, а другая — немонополистической. В первом случае нижний предел колебаний цен может упасть значительно больше, чем во втором случае. С другой стороны, в тех случаях, где имеется несколько конкурирующих товаров (например, уголь и нефть), разность между пределами колебаний монопольных цен может значительно сузиться. Верхним пределом колебаний будет цена, при которой становится более выгодным замена данного монопольного товара другим товаром, который может удовлетворить той же потребности. В этих условиях отсутствует прямая конкуренция, поскольку все данное производство регулируется одной организацией, но сохраняется косвенная конкуренция в форме давления конкурентных товаров.

Поэтому в отдельных случаях пределы колебаний монопольных цен могут носить различный характер. Подробную теорию монопольных цен, в отличие от теории ценности и цен производства, можно построить лишь на основании подробного анализа *конкретных* условий отдельных монополистических производств. Ибо само существование монопольных цен указывает на недостаточную связь с общественным производством. Там, где монопольные цены становятся обычным явлением, мы имеем перед собой разложение, деформацию товарного производства. На ряду с изучением всего товарного хозяйства, для понимания отдельных процессов изменения цен становится необходимым изучение отдельных монополистических производств. При изучении переходной эпохи монополистического капитализма, абстрактный теоретический анализ нуждается в дополнениях и поправках, которые он может получить от описательной экономики.

В частности, пределы колебаний цен неодинаковы для 3 типов монопольных товаров: а) объектов искусственной монополии, которые сами по себе могут быть воспроизводимы в каком угодно количестве; б) невоспроизводимых товаров; здесь предполагается, с одной стороны, возможность воспроизводства, а, с другой стороны — возможность воспроизводства лишь в ограниченных размерах; и в) невоспроизводимых товаров, например, картин Рафаэля. Последняя категория товаров не может входить в состав элементов постоянного или переменного капиталов, ибо она имеется в строго определенном количестве. Следовательно, в эту категорию входят лишь предметы роскоши. Поэтому амплитуда колебаний цен таких товаров является максимальной. Чем более эти пределы колебаний отстоят друг от друга, тем более количественная неопределенность цен, тем менее устойчив уровень цен за данный период времени. Величина амплитуды колебаний цен возрастает также потому, что запас таких товаров имеет фиксированную величину. Следовательно, в случае сокращения спроса отсутствует возможность оказать противодействие падению цен при помощи сокращения предложения.

На другом полюсе находятся объекты искусственной монополии. Количество таких товаров технически может быть увеличено в каких угодно размерах. Монополист обычно стремится достигнуть верхнего уровня цен или оптимальной цены. В связи с этим, амплитуда пределов фактического колебания таких цен обычно меньше амплитуды пределов возможных колебаний. В этом отношении количественная определенность цен объектов искусственной монополии значительно выше, чем невоспроизводимых, или несвободно воспроизводимых товаров. Этот факт, с одной стороны, послужил базой для теории Курно, которая пытается установить строго определенную (в количественном отношении) монопольную цену (в условиях искусственной монополии). Это различие, с другой стороны, послужило поводом Гильфердингу для проведения слишком резкой грани между монопольными ценами (под которыми Гильфердинг понимает цены невоспроизводимых или редких благ) и картельными ценами (т.е. объектов искусственной монополии). На самом деле различие между этими категориями скорее имеет количественный, чем качественный характер. Стоит лишь ввести промежуточное звено несвободно воспроизводимых товаров, как мы получим градацию различных видов фиксации производства и, в связи с этим, постепенное изменение пределов колебаний и усиление или ослабление количественной неопределенности или неустойчивости монопольных цен.

Теория монопольных цен, к сожалению, не получила дальнейшей разработки в марксистской литературе. Между тем, она представляет выдающийся теоретический и практический интерес. Эта теория должна осветить целый ряд сторон капиталистического производства, которые имеются еще в эпоху классического капитализма. Достаточно указать на теорию ренты. С другой стороны, теория монопольных цен приобретает большое актуальное значение для объяснения советской экономики. Капиталистическая и социалистическая монополия глубоко отличны по своему содержанию и по своим целям. Но в области влияния на цены обе формы монополии имеют много общего. Обе формы пытаются подчинить себе рынок, обуздать рыночную стихию, установить свою систему цен. При этом борьба с рынком происходит рыночными методами, путем соответствующего изменения предложения. Поэтому, теоретический анализ советских цен должен базироваться, прежде всего, на общей теории монопольных цен (в которую, конечно, нужно внести ряд дополнений, вытекающих из своеобразия советской экономики).

16.

Разработка марксистской теории монопольных цен принадлежит будущему. Пока важно установить общий принцип методологии Маркса в данном вопросе — монопольные цены могут быть объяснены лишь на основе общей теории ценности, выведенной для идеального, так сказать, стопроцентного товарного производства. Теория ценности рассматривает предельный случай производства, когда все отклоняющие и пертурбационные факторы, имеющие монополистическое происхождение, становятся равными нулю. Поэтому влияние спроса на ценность

совершенно игнорируется. Стоит лишь ввести в наш анализ эти пертурбационные факторы, как мы получаем переход от неограниченной конкуренции к монополии. Можно наметить целый ряд промежуточных звеньев и переходных форм, которые связывают конкуренцию и монополию. Экономическая теория должна начать объяснение цен с наивысшего момента конкуренции и затем постепенно вводить в свой анализ различные усложняющие факторы, постепенно переходить в области, где монополия играет решающую роль. В теории Маркса можно наметить несколько таких промежуточных звеньев.

Теория ренты представляет из себя любопытный пример сочетания принципов монополии и свободной конкуренции. Теория ренты поэтому является необходимым введением в теорию монопольных цен. Теоретическое значение тех случаев, в которых получается рента, заключается в том, что они представляют из себя первую ступень к монополии. С известным правом можно было бы назвать теорию ренты эмбриологией монопольных цен. Своеобразие тех производств, которые дают ренту, заключается в том, что в этих случаях господствует свободная конкуренция между предпринимателями-арендаторами, и существует свободное воспроизводство. Поэтому Маркс всегда предостерегал от смешения хлебных цен с непосредственно монопольными ценами. «Необходимо различать, — писал Маркс, — вытекает ли рента из монопольной цены потому, что независимо от нее установилась монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене потому, что установилась рента»¹⁾. Первому случаю, так называемой монопольной ренте, Маркс приписывал очень небольшое значение²⁾. Монопольная цена хлебных продуктов, в собственном смысле этого слова, т.е. цена, которая превысила бы их ценность, может иметь место, по Марксу, лишь при исключительных, во всяком случае при случайных и нетипических обстоятельствах. «На небольшом острове, где нет внешней торговли хлебом, хлеб, вообще продукты питания, как всякий другой товар, безусловно могли бы продаваться по монопольной цене, т.е. по цене, которая определяется лишь данным спросом, т.е. платежеспособным спросом; этот платежеспособный спрос обладает различной величиной и протяжением, в зависимости от цены доставленного продукта. О таких исключениях и речи не может быть в европейских странах»³⁾.

Но, вместе с тем, Маркс категорически подчеркивает, что рента (главным образом, абсолютная рента), предполагает известные элементы монополии. В главе, посвященной разбору теории ренты А. Смита, он пишет: «Смит определенно подчеркивает, что «ренты требуют» земельная собственность, землевладелец, как таковой. Как результат исключительно землевладения, рента является монопольной ценой, что совершенно верно, так как вследствие вмешательства землевладения

¹⁾ «Капитал», том III, стр. 311.

²⁾ Берзтыс вместо термина «монопольная рента» вводит термин «абсолютная рента II рода». («Теория земельной ренты», стр. 110). Правильно указание Берзтыс, что роль монопольной или абсолютной ренты в эпоху новейшего капитализма значительно усилилась.

³⁾ «Теории прибавочной ценности», том II, стр. 71—72.

продукт платит больше цены производства, продается по своей ценности»¹⁾. Очевидно, что земельная рента является совершенно своеобразным выражением монопольных цен. Последние получают различное отражение в области дифференциальной и абсолютной ренты.

Дифференциальная рента, в качестве необходимого условия своего существования, требует наличия дифференциальных условий производства (различия отдельных участков по плодородию, местоположению и т. д.). Но одного этого условия еще мало. Это условие является необходимым, но не достаточным, ибо дифференциальные условия производства имеют место во всех областях народного производства, в частности — в индустрии. Если бы одно это условие было бы достаточно для возникновения ренты, то можно было бы признать правильной теорию Шеффле и Мангольда, которые ренту считают универсальным фактом. Решающее значение имеет другой факт. — фиксация дифференциальных условий производства. «Существование различных прибавочных прибылей, или различных земельных рент на земельных участках различной плодородности, не отличает земледелия от промышленности. Что отличает их, так это фиксирование этих прибавочных прибылей, потому что они покоятся здесь на естественном базисе, который, правда, может быть более или менее уравнен, тогда как в промышленности — при одинаковой средней прибыли — прибавочные прибыли всегда появляются только мимоходом и всегда выступают только потому, что капиталисты хватаются за более производительные машины и улучшения труда»²⁾. Фиксированный характер существующих различий между отдельными земельными участками модифицирует конкуренцию между производителями хлеба. Производители, работающие на худших участках, не в состоянии нивелировать этих различий. Свободная конкуренция, несомненно, имеет место, но она протекает в особых формах. Специфическая особенность этих форм заключается в том, что некоторые производители (или, правильнее, собственники, поскольку они получают ренту) находятся в привилегированном положении. Это привилегированное положение ставит их в положение, близкое к монополистам. Положение владельцев лучших участков двойственное: с одной стороны, они зависят от своих конкурентов, поскольку они не могут взвинчивать цен до уровня монопольных цен; с другой стороны, они частично не зависят от конкурентов, поскольку они эксплуатируют лучшие участки, и не боятся того, что худшие участки станут лучшими. Элемент монополии проникает в экономическую систему, хотя и в весьма своеобразной форме.

В чем проявляется наличие монопольного элемента в области дифференциальной ренты? В том, что ценность хлеба и вообще товаров, дающих ренту, определяется несколько иначе, чем ценность других товаров. «Рыночная стоимость, или общественная стоимость массы товаров — содержащееся в этих последних необходимое рабочее время — определяется стоимостью преобладающей средней массы то-

¹⁾ «Теории прибавочной ценности», том II, стр. 80.

²⁾ Ibid., том II, стр. 187.

варов»¹⁾. Ценность какого-нибудь товара определяется наихудшими условиями производства лишь в том случае, если преобладающая масса данных товаров производится при наихудших условиях. Между тем, ценность хлеба *при всяких условиях* определяется условиями производства на наихудшем участке. Монополия, таким образом, в данном случае, не аннулирует закона ценности, а лишь модифицирует его, вводит известные коррективы в области определения рыночной ценности и общественно-необходимого труда.

По верному замечанию Ленина, «эта монополия вытекает из ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всяком капиталистическом обществе. Ведет эта монополия к тому, что цену хлеба определяют условия производства на худшей земле, а избыточная, прибавочная прибыль, приносимая затратай капитала на лучшей земле, или более производительной затратай капитала, образует дифференциальную ренту»²⁾.

Своеобразие этой формы определения закона ценности заключается в том, что между последним и спросом устанавливается более тесное взаимодействие, чем обычно. Спрос может влиять лишь на цены, и определяет таким образом лишь отклонения цен от ценности. Это общее правило претерпевает изменение в тех случаях, где получается дифференциальная рента. В этих случаях не только величина цены, но и ценности находится в совершенно определенной (правда, более отдаленной, в косвенной, а не в непосредственной) зависимости от спроса. Последний определяет выбор наихудшего участка, а производственные условия на этом наихудшем участке, в свою очередь, определяют величину ценности³⁾. Если вспомнить, что, с другой стороны, спрос зависит от цены и, значит, от ценности, то у нас получится следующий заколдованный круг: выбор наихудшего участка зависит от спроса, последний — от цены, цена — от ценности, ценность — от условий производства на наихудшем участке; эти производственные условия в свою очередь — от выбора наихудшего участка. Можно начать с любого звена этой цепи, и мы всегда придем к исходному пункту. Чем объяснить эти заколдованные круги? Не доказывают ли они ошибочность теории дифференциальной ренты? По нашему мнению, источник этих кажущихся кругов лежит в том, что в области рентных производств (т.-е. приносящих ренту) обратное воздействие спроса на ценность (через влияние на производительность труда), которое может иметь место в различных производствах, представляется значительно сильнее, чем всюду. На почве этого взаимодействия возникает иллюзия о существовании заколдованных кругов.

Дифференциальная рента представляет из себя, таким образом, первый зародыш монополярной цены, который сказывается в модификации закона ценности. Еще более оригинальным является проявление монополярной цены в области абсолютной ренты. Там монополярная цена обнаруживается самым парадоксальным образом — монополярный ха-

рактик земледелия проявляется в том, что в земледелии действует закон ценности, что сельскохозяйственные продукты продаются по своим ценностям, а не по ценам производства. Разбирая Рикардовскую критику Бьюкенена, Маркс замечает: «Основой, на которой Бьюкенен строит свою аргументацию, служит не то, что весь хлеб дает ренту, а то, что весь хлеб, который дает ренту, продается по монополярной цене и что монополярная цена в том смысле, в каком ее понимает А. Смит, а также Рикардо, «является самой высокой ценой, по которой потребители согласны купить». Это именно неверно. Хлеб, который дает ренту (не говоря о дифференциальной ренте), продан не по монополярной цене, как ее понимает Бьюкенен. Он продан по монополярной цене лишь постольку, поскольку он продан выше своей цены производства, по своей ценности»¹⁾. Благодаря существованию земельной собственности, затрудняется процесс выравнивания нормы прибыли в земледелии и сельском хозяйстве. Избыточная прибавочная ценность, возникшая благодаря более низкому органическому составу в земледелии, попадает не в общий котел капиталистов, а землевладельцу. Земельная собственность выступает здесь, как совершенно определенный монополистический фактор, задерживающий свободное передвижение капиталов в сельское хозяйство и тем самым затрудняющий, ограничивающий свободную конкуренцию. Закон спроса получает большое значение для определения абсолютной ренты и цен, по которым должны продаваться сельскохозяйственные продукты. Эти цены не должны обязательно тяготеть к ценности, ибо землевладельцу не всегда удастся получить разность между ценностью и ценой производства. Оба эти момента представляют из себя лишь верхний и нижний предел абсолютной ренты; если рыночные цены равны или тяготеют к ценам производства, то получится лишь дифференциальная рента; если рыночные цены превысят ценность, то получится уже монополярная рента, абсолютная рента превратится в монополярную ренту; абсолютная рента может колебаться лишь между этими двумя крайними точками, но внутри этих пределов абсолютная рента может установиться на какой угодно высоте, принять любую величину. Высота абсолютной ренты, для данного случая, будет определяться в зависимости от спроса. «Равна ли рента, — писал Маркс, — всей разности между стоимостью и ценой производства или только большей или меньшей части этой разности, всецело зависит от соотношения между спросом и предложением, и от размера площади, вновь привлеченной к возделыванию»²⁾.

Здесь аналогия с монополярными ценами проявляется не только в том, что закон спроса получает очень крупное значение, но и в том, что цены сельскохозяйственных товаров тяготеют не к одной определенной точке, к единому устойчивому центру равновесия, а колеблются между двумя пределами (ценностью и ценой производства). В связи с этим, ценность приобретает в данном случае особый характер; она уже не может рассматриваться, как центр равновесия.

¹⁾ «Капитал», том III, стр. 161.

²⁾ «Собрание сочинений», том IX, о Булгакове, стр. 61.

³⁾ См. главу о Маршалле.

¹⁾ «Теории прибавочной ценности», том II, стр. 104.

²⁾ «Капитал», том III, стр. 298.

Понятно, почему большинство теоретиков ренты, защищающих закон убывающего плодородия, отрицают существование абсолютной ренты (Рикардо, Диль; у нас — Маслов, Суханов и т. д.). Закон убывающего плодородия основан на той неверной предпосылке, что при неизменной технике возможно бесконечное приложение капитала и труда на одном и том же участке земли. Иными словами, при неизменной технике, экономисты, защищающие этот закон, признают возможность неограниченного расширения производства, которое будет сопровождаться лишь вздорожанием продуктов. Поэтому землевладелец не в состоянии оказать никакого влияния на размеры сельскохозяйственного производства.

При этих условиях цена хлеба определяется последними, наиболее производительными затратами капитала, которые никакой ренты не приносят. Рента же, получаемая с предыдущих затрат капитала на наихудшем участке земли, будет дифференциальной рентой.

Все эти возражения отпадают, если признать, что при данных технических условиях расширение сельскохозяйственного производства возможно лишь в ограниченных пределах. Этим самым создаются условия для монополии и для ограничивающего влияния земельной собственности.

С другой стороны, эта предпосылка ведет к тому выводу, что при данных технических условиях должен существовать известный минимум вложения капитала в отдельные участки. Арендатор, который вкладывает капитала больше, чем требуется установившимся минимумом, применяет тем самым более совершенные технические методы (поскольку, по словам Ленина, «самое понятие «добавочные» (или последовательные) вложения труда и капитала» предполагает изменение способов производства, преобразование техники»¹⁾). Поэтому он должен получить добавочную прибыль. «Настоящие капиталисты-фермеры имеют возможность присваивать себе часть добавочной прибыли»²⁾, пока их норма вложения капиталов не станет общественно-необходимой или нормальной. Наконец, поскольку каждый размер вложения капиталов предполагает совершенно определенный уровень техники, постольку должна быть признана неверной сама идея о том, что ценность хлеба может определяться производительностью одной какой-нибудь доли капитала, напр., последней, наименее производительной частью капитала. При данных размерах вложения капитала и труда, т.-е. при данном техническом уровне (а ценность определяется в статических условиях), ценность хлеба определяется общими затратами труда и капитала на данном наихудшем участке, а не какой-либо частью этих затрат. «Результаты различных затрат капитала на регулирующей земле А изглаживаются, и продукт, получаемый с этой земли, представляется теперь просто нормальным средним продуктом, получаемым с акра»³⁾.

1) Собрание сочинений, том IX, стр. 74.

2) «Капитал», том III, стр. 217.

3) «Капитал», том III, стр. 245.

Теория ренты представляет из себя, таким образом, первый мостик от цен, определяемых на основе строгого соответствия с теорией ценности, к монопольным ценам. Можно, следовательно, наметить целый ряд переходных форм, которые связывают случаи свободной конкуренции со случаями монополии. Анализ монопольных цен может быть дан лишь на основе общей теории ценности. Последняя дает ключ к пониманию того, как количественные различия, постепенно усиливаясь и развиваясь, превращаются в качественные различия. Но, можно было бы возразить, что основная идея Курно носила тот же самый характер. Курно пытался дать монистическую формулу цен. Он пытался охватить всевозможные случаи, всевозможные формы рыночного оборота в единой формуле. Поэтому главное внимание он обратил на переходные формы обмена (от монополии к конкуренции).

На этом основании можно было бы утверждать, что Курно не совершил никакой методологической ошибки, когда он своей важнейшей задачей поставил привести к единству различные формы обмена. Различие между теорией монопольных цен Курно и Марксистской теорией можно было бы видеть лишь в том, что обе теории подходят к объяснению данного факта с двух концов — Курно исходит из монополии; Марксистская теория исходила и должна будет исходить из свободной конкуренции; различие, как будто, заключается лишь в направлении, но не в том пути, который проходит теоретическая мысль. И в том, и в другом случае основная задача заключается в том, чтобы перебросить мостик от одного полюса обмена к другому.

В действительности же между обеими теориями лежит глубочайшее различие. Исходная точка анализа Курно не принадлежит к области полной, абсолютной монополии. Наоборот, Курно предполагает, что продукты монополиста продаются на рынке каким-то другим самостоятельным производителям или потребителям; следовательно, он предполагает наличие рынка, цен, т.-е. тех категорий, которые, в свою очередь, предполагают свободную конкуренцию. Рынка нет там, где имеется организованное распределение. Рынок может иметь место лишь там, где имеются независимые производители, т.-е. где происходит борьба между отдельными сферами производства. Существование монопольных цен, следовательно, предполагает, что рыночная конкуренция имеет место хотя бы в ограниченных рамках. Таким образом, тот случай, который Курно выбрал в качестве исходного пункта, носит переходный характер; но вследствие этого он не может служить основой экономической теории, ибо величина монопольных цен зависит от цены других товаров, которые должны быть каким-то образом объяснены. Если признать, что цены других товаров тоже являются монопольными, то у нас получится фактическое отсылание от Понтия к Пилату. Если признать, что цены других товаров не являются монопольными, то это значит признать, что теория монополии может быть объяснена лишь на основе свободной конкуренции, т.-е. отвергнуть основной методологический прием нашего автора. В основу теории монопольных цен может быть положен или случай неограниченной конкуренции, или неограниченной

монополии. Только при этих условиях может быть построена последовательная экономическая теория.

Очевидно, что на основе неограниченной монополии нельзя построить никакой теории цены, ибо эта монополия отрицает существование всяких цен. Следовательно, научная последовательность в этом случае означала бы отказ от всякой научной теории, теоретическую капитуляцию. Остается другой выход — принять за основу объяснения свободное воспроизводство. Анализ свободного воспроизводства дает общую теорию цен. Дальнейший анализ должен заключаться в переходе к более сложным обстоятельствам, в учете тех факторов, которые приводят к постепенному отрицанию законов товарного производства. Экономическая теория должна выяснить, как модифицируется первоначально закон ценности, благодаря влиянию монополистических факторов; как затем закон цен постепенно отрывается от закона ценности (первоначально оба закона совпадают; мы здесь отвлекаемся от различий между ценностью и ценой производства) и ценность перестает проявляться в колебаниях рыночных цен; как, наконец, закон ценности оказывает лишь косвенное влияние на монопольные цены в том отношении, что он определяет рамки действия спроса и предложения — колебания монопольных цен вводятся в известные, довольно устойчивые пределы, определяемые действием общественных факторов. Таким образом, экономист должен исследовать различные фазы постепенного отрицания законов товарного производства. Но эти переходные моменты могут быть объяснены лишь на основании анализа товарного производства в чистом виде. Иными словами, теория монопольных цен должна вытекать из общей теории цен. Между тем, у Курно — путь анализа диаметрально противоположный. И в этом отношении он стоит рядом с австрийцами, математиками. Все они фактически дают теорию монопольных цен.

Можно отсюда сделать вывод, что Курно фактически является духовным отцом психологической школы, ибо Курно первый в основу экономической теории положил принцип организованного хозяйства — принцип монополии¹⁾. Метод Курно — изучение стихийного, анархического, неорганизованного хозяйства на основе выводов, полученных для рационального, организованного, управляемого по определенному плану хозяйства — есть метод всей психологической школы. От планового к бесплановому хозяйству — так вкратце можно было бы назвать этот метод. Совершенно не случайно у Курно, как и у позднейших экономистов-математиков, все важнейшие формулы получены на основании отыскания максимума.

Курно искал максимальной прибыли для монополиста; математики ищут максимальной полезности для потребителя. Как ни различны с первого взгляда обе формы применения принципа максимума, в основе их лежит нечто общее. Максимальная полезность есть своеобразная

¹⁾ Залесский («Учение о происхождении прибыли на капитал». Отдел I. Учение о ценности; стр. 28) правильно указал, что Курно был «первым, высказавшим мнение, заключающее в себе зародыш этой теории» (пред. полезности. И. Б.).

психологическая перефразировка максимальной прибыли. В том и другом случае, принцип максимума выражает плановое, сознательно регулирующее, организующее начало. Отсюда понятна огромная роль, приписываемая потреблению, точка зрения примата потребления.

Потребление представляет из себя ту сферу хозяйственной деятельности, где элементы риска, стихийных влияний играют наименьшую роль. На основе существующих цен и своего дохода, каждый устанавливает определенный план, при выработке которого он руководствуется лишь своими потребностями.

Теория Курно характерна для психологической школы не только по своей методологии, но и по отсутствию методологической выдержанности и последовательности. Экономический анализ начинается с монопольного хозяйства, работающего на рынок. Таким образом, с первых шагов анализа, мы попадаем в сферу переходных отношений, где элементы монополии и конкуренции причудливо переплетаются друг с другом. Психологическая школа не в состоянии дать совершенно последовательного изображения ни натурального, ни товарного хозяйства в их чистом виде. Поэтому она лишена возможности понять природу переходной формации, связанной с наступлением монополистического капитализма.

В основе всех этих ошибок лежит недостаточная способность к абстрактному мышлению, обусловленная целым рядом историко-социальных причин. Единственно последовательное и наиболее полное применение абстрактный метод нашел у Маркса. И именно потому, что у Маркса абстрактный метод сочетался с глубочайшим знанием исторического процесса развития капитализма.

И. Блюмин

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВА

(в германской литературе о социализации)

1. Что такое социализация?

Один немецкий автор, посвятивший свою работу специально разбору и определению понятия «социализация», попытался исследовать также вопрос о происхождении этого термина¹⁾. Результаты, к которым приводят его изыскания, заключаются в следующем. Как известно, у основоположников научного социализма, у Маркса и Энгельса, мы ни разу не найдем упоминания слова «социализация». Вообще, в период до германской революции 1918 г. этот термин употребляется редко и случайно²⁾, при чем в зависимости от контекста авторы воплощали в нем то или иное содержание, придавали ему тот или иной оттенок. Оказывается, в английской литературе выражение «социализация» употреблялось уже в первых документах фабианского движения: в обращении под заголовком «Что такое социализм», относящемся к 80-м годам, а также в предисловии *Б. Шоу* к первому изданию *Fabian Essays*, написанном в декабре 1889 г.³⁾ Встречается это выражение и во французской социалистической литературе. Что касается Германии, то здесь о социализации говорил еще в 1875 г. *Евгений Дюринг*⁴⁾. Далее, *Бebel* пишет о «социализированном обществе» в своей книге «Женщина и социализм», относящейся к 1879 г. На Эрфуртском партийном съезде 1891 г. *Бebel* опять употребляет выражение «социализация» в полемике против тогдашней левой оппозиции. По этому поводу архивариус соц.-дем. партии Германии *Эрнст Дран* высказался таким образом: «По моему убеждению, слово *Бebel* на Эрфуртском съезде являлось случайностью... Это слово никогда не

1) См. *Felix Weil. Sozialisierung. Versuch einer begrifflichen Grundlegung usw.* Berlin 1921.

2) За исключением русской социалистической литературы, где проблема «социализации земли» стояла в центре многих программных и тактических споров. Понятно, однако, что в этом случае понятие «социализации» имело гораздо более специальный характер, нежели то, что составляет предмет нашего исследования.

3) Эти сведения сообщены *К. Коршем*; см. брошюру *Weil'a*, S. 14—15.

4) Там же, стр. 17.

было популярно и не имело, прежде всего, современного ограниченного смысла¹⁾.

Точно так же без «современного ограниченного смысла» это выражение употреблялось *Эд. Бернштейном* в 1899 г. в его сделавшейся знаменитой книжке о «Предпосылках социализма». В своей полемике против *Бернштейна Роза Люксембург* также говорит о «социализации» (в брошюре «Социальная реформа или революция»). Автор нашего изыскания добросовестно приводит еще пару случаев, когда в социалистической литературе говорилось о «социализации».

Ясно, однако, что все эти изыскания имеют в лучшем случае лишь некоторый, если можно так выразиться, «историко-филологический» интерес. Выражение это употреблялось до революции крайне редко, и притом в отдельных случаях представителями самых различных мировоззрений и направлений. Отсюда неизбежно вытекает чрезвычайно расплывчатое и неопределенное значение этого термина в тот период; он употреблялся, в сущности, для обозначения того или иного отношения к социализму вообще. Отсюда же и различие в смысле, вкладываемом в этот редко употребляемый термин в каждом отдельном случае.

Гораздо любопытнее терминологические изыскания нашего автора, поскольку они относятся к периоду после ноября 1918 г. Он устанавливает, как это ни курьезно может показаться, что слово «социализация» впервые появляется в печати на страницах «Форвертс'а», и, что забавнее всего, принадлежит оно в этом случае никому иному, как редакции этого органа. 17 ноября 1918 г. в «Форвертс'е» была напечатана статья профессора *Р. Вильбрандта*, названная им: «Основы возможно более мирного и успешного разрешения вопроса о собственности»; редакция, которой этот заголовок, повидимому, показался слишком длинным, дала статье, со своей стороны, еще одно заглавие, короткое и ясное: «Социализация».

Главный редактор «Форвертс'а» *Фридрих Штампфер* (заметим в скобках, один из виднейших деятелей социалдемократии современного периода, который сравнительно мало известен, несмотря на огромное влияние, которое он имел в социалдемократической политике последней эпохи, начиная, примерно, с начала войны), запрошенный по сему поводу автором этого историко-терминологического исследования отвечал ему не без известной доли юмора насильника: «Слово социализация ни в коем случае не происходит от меня. Если бы я его избрал — я не мог бы себе этого простить. Если я и поставил это слово над статьей профессора *Вильбрандта*, то оно, повидимому, уже тогда вошло во всеобщее обращение (*Marktkurs gehabt*). Во всяком случае оно не ново»²⁾.

1) Там же, стр. 25.

2) *F. Weil. Sozialisierung... S. 17.* — Благодаря любезности д-ра *Ф. Вайля* автор настоящих строк имел возможность ознакомиться с оригиналами как цитируемого здесь письма *Штампфера*, так и ряда других чрезвычайно любопытных документов.

Таким образом, вывод, к которому мы приходим в полном единении с редактором центрального социалдемократического органа, сводится к тому, что «во всяком случае не новое» слово «социализация» уже в первые дни после ноябрьской революции получило такое всеобщее распространение, что нет возможности точно установить, при каких обстоятельствах оно выплыло. Этот факт чрезвычайно знаменателен.

Широкое распространение термина «социализация» с самого начала революции неизбежно приводит к тому, что в это слово начинают вкладывать чрезвычайно разнообразное содержание.

Простой перечень того, что в различных случаях понималось под социализацией, представил бы чрезвычайно пеструю картину. Переход частных предприятий в руки государства, выпуск мелких акций, сохранение военного регулирования цен и внешней торговли, участие рабочих в прибылях, равно, как антиплутократическая налоговая политика, закон о фабзавкоммах и кооперативное движение, общественное признание и восьмичасовой рабочий день, предпринимательские союзы и отмена денег, поголовный раздел всего имущества Германской империи и санитарные условия на предприятиях — все эти мероприятия самой разнообразной степени радикализма, самого различного охвата и значения, фигурируют под флагом социализации.

Естественно поэтому, что очень скоро начинаются жалобы на неопределенность и расплывчатость термина «социализация», под которым различные авторы в разных случаях понимают совершенно различные вещи. Более всего жалуются на эту терминологическую неопределенность представители экономической науки, вообще говоря, малоизбалованные по части точных и бесспорных определений. Все же, видимо, противоречивость различных представлений о социализации оказалась невмочь даже ученым экономистам, имеющим немалый стаж терминологических споров о ценности, капитале и т. п.

«Слово о социализации у всех на языке. Если двое говорят об этом, то обнаруживается чаще всего три различных представления», — иронизирует по этому поводу один публицист¹⁾.

Экономист Леопольд фон-Визе следующим образом жалуется на неопределенность представлений о социализации в докладной записке, представленной годовичному собранию «Союза социальной политики» в 1919 г., занимавшемуся проблемой социализации: «Отдельные практические попытки и бесчисленные разработанные на бумаге проекты полного или частичного осуществления социализма и радикальной социальной реформы всякого рода получают бесцветное и неопределенное собирательное имя «социализации»²⁾.

Немецкий профессор привык в случае научных сомнений обращать свои взоры на государство, следуя, очевидно, афоризму Пруткова на-

счет того, что «только на государственной службе познаешь истину». Однако, в данном случае и этот источник истины иссяк. «В настоящее время следует каждую статью и речь о социализации начинать словами: «социализация, как я ее понимаю». Ибо, несмотря на «Закон о социализации» (или, вероятно, как раз *вследствие* этого закона), можно встретить мнения, разноречивые в самом основном»¹⁾.

Намек на то, что не последнюю роль в терминологической путанице сыграло законодательство того периода, чрезвычайно характерен. Еще определеннее высказывается насчет истинных причин этой путаницы и противоречивости определений одного и того же, казалось бы, понятия профессор Шумпетер, буржуазный экономист и один из теоретических вождей нынешней школы предельной полезности, ставящий ряд проблем экономического осуществления социализма несравненно глубже, продуманнее и реалистичнее, чем многие социалдемократические вульгаризаторы и искажатели марксизма.

«Вполне понятно, — говорит он, — что ныне, когда все говорит о социализации, понятие социализации потеряло всякую определенность. Это понятно потому, что самые различные люди пользуются популярным словечком и хотят все что угодно представить рабочим массам, как социализм»²⁾.

Нас несколько не должно удивлять, следовательно, что в ожесточенной борьбе, которая развернулась в послереволюционной Германии вокруг требования социализации хозяйства, различные стороны и лица по разному понимают самое слово социализация. Естественно, что здесь мы имеем дело не только с различными определениями по форме, но и с разным пониманием вопроса по существу. Вполне понятно, что представители различных классовых групп хотя и видят (и поэтому видят) в социализации самые разные вещи. Касаясь теории денег, Гильфердинг в предисловии к «Финансовому Капиталу» справедливо замечает, что, когда дело заходит о деньгах, кончается не только благодушие, но зачастую и теоретическое понимание. «Увы, вопросы социализации еще более скверно влияют как на благодушие, так и на теоретическое понимание: опыт германской истории последних лет дает этому утверждению бесчисленное множество доказательств.

**

С точки зрения последовательного марксизма понятие социализации хозяйства имеет вполне ясное и четкое значение; никакой расплывчатости и неопределенности смысла здесь не остается места. Мы здесь сознательно употребили выражение «социализация хозяйства», ибо следует с самого же начала исключить из поля зрения всякого рода случаи, когда о социализации говорится больше в фигуральном смысле слова (от «социализации духа» до пресловутой «социализации жен-

¹⁾ Erich Schairer, в газетной статье о социализации. Цит. по F. Weil, Sozialistische ung. S. 7—8.

²⁾ Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik, B. 159 „Gutachten“, S. 47.

¹⁾ Oswald Riedel. Das Sozialisierungsproblem, Berliner Tageblatt v. 27. März 1919. Цит. по F. Weil, Sozialisierung, S. 8.

²⁾ Joseph Schumpeter. Sozialistische Möglichkeiten von heute. «Archiv für Sozialwirtschaft u. Sozialpolitik», B. 48, S. 308.

щин», которой обессмертил себя Каутский последнего периода), и сосредоточиться на том виде социализации, который составляет предмет нашего исследования. В тех требованиях социализации, которые столь стихийно выплыли в первые же дни ноябрьской революции, речь шла, разумеется, о социализации хозяйства, и исключительно об этой последней мы будем говорить в дальнейшем.

Одной из самых опасных форм опошления марксизма является его фаталистическое извращение. Научное обоснование социализма, утверждение, что социализм не продукт конструктивных измышлений и деятельности социалистических реформаторов-утопистов, а результат общественного развития, стараются представить в таком виде, будто социализм должен притти «сам собой». Исторический детерминизм, служащий исходным пунктом Марксова учения, превращается в умелых руках фаталистических вульгаризаторов в философию пассивности, в своеобразную идеологию скрещенных рук. Разумеется, нет ничего произвольнее, чем подобная карикатура на марксизм. На самом деле, марксистский детерминизм, как небо от земли, далек от фатализма. Он не только оставляет место сознательной деятельности общественного человека; он обеспечивает ей почетнейшее место, вставляя ее в общую цепь причинных зависимостей, господствующих в природе и обществе. Открывая общественному человеку возможность проникнуть в дотолу скрытую от его взора механику общественного развития, открывая перед его глазами причинную обусловленность социальной жизни, марксизм впервые придает сознательной деятельности человека высший смысл. Надо ли еще указывать, что и законы общественного развития, раскрываемые марксизмом, менее всего говорят о развитии общества «самого по себе», помимо человеческой деятельности. Напротив, они говорят лишь о социальном развитии, являющемся конечным результатом бесчисленного количества человеческих действий, воли и мыслей; но эти мысли, воли, действия не остаются висеть в воздухе по ту сторону каузальной обусловленности, которую человеческий разум раскрывает во всех областях существующего мира, а, напротив, включаются в эту причинную цепь.

Объективный процесс социального развития все более и более настойчиво ставит на историческую повестку дня задачу социалистического преобразования общества. Этот процесс создает все, как принято говорить, предпосылки для осуществления социализма. Но само это осуществление нового строя в обществе должно явиться результатом определенной человеческой деятельности, и в этом заключается субъективная сторона дела. Именно в данном случае эта субъективная сторона дела особенно любопытна, ибо здесь, в отличие от подавляющего большинства прежних событий человеческой истории, речь идет о сознательной, целенаправленной деятельности общественного класса, познавшего объективную закономерность социального развития. Разумеется, историческая миссия этого восходящего класса также составляет одно из звеньев общей цепи причинной обусловленности; но ведь «свобода — это познанная необходимость».

Вот эту субъективную сторону социалистического перерождения общества, вот эту сознательную деятельность рабочего класса по социалистическому преобразованию общества и подразумевал германский пролетариат в революции 1918 г., выставляя лаконичный лозунг «социализации». Как этот лозунг был фальсифицирован классовыми врагами пролетариата, какое содержание в этот лозунг было угодно вложить идеологам классового мира и гармонии классовых интересов — все это оказало, разумеется, свое влияние на ход борьбы за социализацию. Однако, если хотят дать *правильное определение* понятия социализации, — все это следует сознательно исключить из поля зрения.

Таким образом, под социализацией следует понимать осуществление социалистического преобразования хозяйственной жизни современного общества; эта переустройство производится пролетариатом, выполняющим таким образом свою историческую миссию.

Всегда ли возможна социализация, понимаемая как социалистическая трансформация хозяйственной жизни? Предыдущее изложение дает нам ясный ответ: не всегда. Ее непременной предпосылкой является наличие тех объективных условий, о которых говорилось выше. Таким образом мы приходим к вопросу о «предпосылках» социализации, или о «зрелости» для социализма.

Путаница понятий, свирепствующая в области этой проблемы, едва ли меньше, чем путаница с определением «социализации». И надо сказать, причины этой путаницы, как и той, точно так же лежат не столько в области логических непреодолимых трудностей, сколько в области более или менее сознательной, искусной, открытой или замаскированной вульгаризации или прямой фальсификации марксизма.

Не в редкость можно встретить такой перечень «предпосылок» социализации, в котором, что называется, с кожей и костями содержится уже готовенький социализм. Такая, с позволения сказать, концепция находится в полной идейной гармонии с представлением о том, что социализм приходит «сам собой» и что он «незаметно» вырастает из «самого обыкновенного» капитализма. Далее, встречаются в виде перечня «предпосылок» социализма подробные списки условий, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть осуществлены на нашей грешной планете, во всяком случае, в сколько-нибудь мыслимом будущем. Всего курьезнее, что умственные упражнения подобного сорта неизбежно подкрепляются ссылкой на научный социализм, на авторитет Маркса и т. п., а всякие сомнения и возражения клеймятся, как отход от научного марксизма к утопическому социализму и т. д.

Ныне, в свете исторической перспективы, представляется совершенно ясным и бесспорным, что более или менее фаталистические представления об осуществлении социалистического «государства будущего» и соответствующие представления о предпосылках этого события были чрезвычайно широко распространены в рядах социал-демократии эпохи II Интернационала, в том числе и в тех кругах, которые официально считались оплотом ортодоксального марксизма. Это обстоятельство лишней раз обнаруживает ту пропасть, которая фактически лежала между революционным марксизмом и официальным марксизмом II Интер-

национала. Во всяком случае, вопрос о программе действий, которые пролетариат должен осуществить в целях социалистического переустройства хозяйственных отношений, неизменно отвергался марксизмом II Интернационала как вопрос совершенно праздный. Вполне справедливые соображения о необходимости отпора идеалистическим и утопическим подменам научного социализма как-то незаметно переходили в фаталистическую вульгаризацию Марксова учения, а совершенно правильный аргумент о том, что программа действий пролетариата будет целиком определяться той обстановкой и условиями, при которых он достигнет власти, также незаметно переходил в отодвигание «конечной цели» в бесконечную даль. Иной раз ныне поневоле удивляешься, каким образом в эпоху II Интернационала оставалось незамеченным, что позиция социалдемократии в вопросе о программе действий «на другой день» была полной противоположностью той позиции, которую занимали Маркс и Энгельс. Если этот пункт на первый взгляд может показаться малозначительным, интересующим лишь историка-педанта, то ныне нельзя не видеть, что за разногласием по формальному поводу здесь скрывалась пропасть между двумя в корне различными мировоззрениями.

Подробное исследование той программы осуществления социалистического переустройства хозяйства, которая имела у Маркса и Энгельса и которая нашла свое выражение в целом ряде замечаний и рассуждений, рассыпанных почти по всем произведениям основоположников научного коммунизма, вывело бы нас далеко за пределы нашей работы¹⁾. Мы в состоянии здесь лишь отметить те основные черты, которые на наш взгляд характеризуют представления Маркса и Энгельса о путях осуществления социализма. Эти характернейшие черты могут быть сгруппированы в следующие четыре пункта:

1. *Диктатура пролетариата*, завоевание пролетариатом государственной власти, происходящее путем разрушения государственного аппарата буржуазии и постройки собственного государственного аппарата пролетариата, в руках которого государственная власть из орудия господства буржуазии превращается в орудие господства пролетариата — является первейшим условием осуществления социализма, социалистической переустройства общества. Это воззрение является естественным и логическим следствием Марксова воззрения на государство, как на инструмент господства определенных классов, с одной стороны, и Марксова учения о классовой борьбе, составляющей «всю предшествующую историю человечества», являющейся также двигателем современной человеческой истории — с другой. Как классовая борьба, так и государство, как орудие классового господства и порабощения, прекращают свое существование лишь по ликвидации экономических предпосылок разделения общества на классы, лишь по смене современного антагонистического способа производства высшим гармоническим способом производства — социализмом. Но путем и средством осуществления социализма

¹⁾ См. интересную попытку подобного исследования, предпринятую тов. Е. А. Преображенским — «Вестник Комм. Академии», № 12, стр. 19—75.

является классовая борьба пролетариата, утверждающего после победы свое господство и властной рукой ведущего общество по пути осуществления социализма, подавляя все попытки прежних господствующих классов к сопротивлению.

2. *Зрелость* для осуществления социалистической трансформации хозяйства не рассматривалась Марксом и Энгельсом отдельно от зрелости для установления пролетарской диктатуры. Положение о том, что ни одна общественная форма не покидает исторической арены, пока она не исчерпала всех заложенных в ней возможностей общественного развития, никогда не трактовалась Марксом и Энгельсом в том мистическом смысле, какой оно получило в руках эпигонов. Именно взрыв социальной революции, именно победа пролетарской диктатуры, которой Маркс и Энгельс ожидали то в одной, то в другой стране неоднократно и за которую они боролись непрестанно, и должны выдать капиталистическому обществу свидетельство о том, что оно уже себя исчерпало. Аттестат зрелости капитализм получает из рук восстающего пролетариата, а не от своих ученых слуг. Карикатурное изображение марксистского положения о «созревании» капитализма для социалистической революции в виде своеобразной теории ожидания до тех пор, пока исчезнет последний ремесленник и самостоятельный простой товаропроизводитель, принадлежит к числу наиболее вульгарных фальсификаций марксизма. Далее, положение о том, что элементы социализма вызревают в недрах старого общества, Маркс менее всего понимал в том смысле, что в рамках капитализма постепенно, «медленным шагом, робким зигзагом» вырастает полнехонький социализм. Вызревание элементов нового общества происходит, напротив, в форме крайнего обострения противоречий, взрывающихся в конце концов общественную оболочку и освобождающих таким образом путь для свободного развития новой системы.

3. *Долгий переходный период* лежит между капитализмом и социализмом — период пролетарской диктатуры. Неизбежность этой переходной эпохи с последовательностью вытекает из Марксова убеждения, что пролетариат в момент своей победы вовсе не получит «готовенького социализма», который придется лишь украсить парой незначительных деталей. Напротив, пролетариат побеждает в момент смертельной болезни прежнего производственного строя, он получает в наследство капиталистическую мерзость запустения. Этот переходный период заполняют, с одной стороны, годы и десятилетия ожесточенной классовой борьбы, когда буржуазия пытается средствами гражданской войны вернуть себе утерянное господство. С другой стороны, это — годы медленного продвижения к социализму в хозяйственной области, это годы молекулярного перерождения экономических тканей общественного организма. Уже после решающих мероприятий, проведенных пролетарской диктатурой в первый же период ее существования и направленных к ликвидации самых основ капиталистического господства в хозяйственной жизни, наступает долгий процесс эволюции отдельных сторон и клеток хозяйственного организма в сторону социализма. Уж после заложения фундамента социалистического строительства, уже после пере-

хода решающих позиций хозяйственной жизни в руки пролетарской диктатуры наступает эпоха эволюции отдельных элементов производства и воспроизводства, хозяйственных стимулов, методов хозяйственного управления и руководства в социалистическом направлении.

4. *Овладение решающими пунктами* хозяйственного целого должно явиться ближайшей задачей пролетарской диктатуры, осуществляемой ею уже «на другой день» после революции, т. е. в самом начале переходной эпохи. Как известно, уже «Коммунистический Манифест» содержит довольно подробный перечень тех мероприятий хозяйственного характера, которые пролетариат должен провести тотчас после своей победы; в основном эти мероприятия сводятся к завладению командными высотами, узловыми пунктами народно-хозяйственного целого. Обладание этими хозяйственно-стратегическими позициями должно дать пролетариату возможность повести дальнейшее, более медленное наступление на частно-хозяйственную стихию. В своем предисловии к «Коммунистическому Манифесту», написанном в 1872 г., творцы научного коммунизма замечают, что конкретная программа действий, намеченная в «манифесте», уже отчасти устарела. Разумеется, от конкретных условий времени и места зависит, как и что пролетариат должен взять в свои руки в качестве командных высот для предстоящей хозяйственной борьбы. Самая идея овладения решающими пунктами сразу после революции остается, разумеется, в силе, как бы ни менялись конкретные условия и определяемая ими конкретная программа действий пролетарской диктатуры. Идея овладения командными высотами тесно связана с Марксовыми взглядами на пролетарскую диктатуру и на переходный от капитализма к социализму период.

В таком виде представляются основные воззрения основоположников научного коммунизма по поводу пути социалистического преобразования общества. Если попытаться проследить дальнейшую судьбу этих представлений в довоенном западно-европейском социалистическом движении, и прежде всего — в его теоретически наиболее выдающемся и в то же время наиболее тесно сплетенном с марксизмом отряде — в германской социал-демократии, — то мы придем к целому ряду заключений, которые в нынешний период, правда, никого уж не поражают, но которые тем не менее имеют большое значение.

Было бы, разумеется, несправедливым ожидать, что марксистские представления о путях осуществления социализма будут разделяться тем флангом германской социал-демократии, который три десятка лет тому назад сделал своим знаменем критику и ревизию марксизма. Естественно, что ревизионизм выбросил Марксовы представления об осуществлении социализма целиком. Можно сказать с уверенностью, что и наиболее общие и, казалось бы на первый взгляд, совершенно академические части марксистской системы, как диалектика, теория ценности и т. п., подверглись столь яростной атаке со стороны ревизионизма именно потому, что они служат теоретическим основанием той практической программы классовой борьбы за осуществление социализма, которая в основных чертах охарактеризована нами выше. Понятно, что этой революционной программе осуществления социализма ревизионизм

резко противопоставил свое воззрение, исключая все революционные моменты и ожидающее наступления тысячелетнего царства социалистического исключительно на путях мирной эволюции.

Гораздо сложнее и любопытнее обстоит дело в отношении «ортодоксальных» теоретиков II Интернационала и германской социал-демократии. «Ортодоксальный марксизм», являвшийся официальным учением довоенной социал-демократии, праздновавший одну победу за другой над ревизионистской критикой, в важнейшем вопросе о путях осуществления социализма оказывается в вопиющем противоречии с настоящим революционным марксизмом, как это в настоящее время доказано совершенно бесспорно. Марксова теория классовой борьбы, учение о государстве и революции оказались фальсифицированными официальными теоретиками II Интернационала. Пропасть, отделявшая, казалось бы, ортодоксов от ревизионистов, оказалась удобной для перехода и примирения. Послереволюционная германская социал-демократия являет эту трогательную и поистине «возвышающую» картину полного примирения вчерашних противников для совместной борьбы против общего врага — против революционного марксизма в теории и в политике.

Внимательный анализ обнаруживает по каждому отдельному вопросу корни вульгаризации марксизма теоретиками II Интернационала в более или менее отдаленном прошлом. Точно так же обстоит дело и в отношении разбираемой нами проблемы. По отдельным пунктам Марксовой теории осуществления социализма социал-демократические теоретики и партии неуклонно сползали с почвы революционного марксизма.

1. Что касается диктатуры пролетариата, то это требование было включено в социал-демократическую программу. Однако, уж довольно скоро оно начинает комментироваться многими «ортодоксами» таким способом, что на нем поистине живого места не остается. Незаметная ревизия Марксова учения о государстве идет в ногу с сеянием демократических иллюзий, пока не приводит к полной замене пролетарской диктатуры надклассовой и внеклассовой демократией, являющейся единственным и притом чрезвычайно спокойным и мирным путем к социализму.

2. Вопрос о зрелости все более ставится в метафизическом смысле, и в конце концов «зрелость» трактуется таким порядком, что найти ее можно, пожалуй, лишь в обществе, где уже полностью осуществлен социализм.

3. Воззрение Маркса насчет неизбежности переходного периода, являющегося не только периодом строительства социалистического хозяйства, но и периодом непрерывных боев за социализм, ревизируется в том отношении, что последняя часть исторического содержания этого периода куда-то бесследно исчезает. Так, например, уже в 1902 г. К. Каутский в своей работе о социальной революции высказывает убеждение, что ужасы гражданской войны, неизбежные для буржуазной революции, окажутся ненужными для революции пролетарской. Более высокие формы классовой борьбы в условиях современной демократии дают, мол, возможность обойтись и без разрушений и разорений, не-

избежных при насильственных переворотах и при гражданской войне.

4. Вместо широко разработанной системы конкретных мероприятий, приведенной уже в «Манифесте Коммунистической Партии», программы социал-демократических партий эпохи II Интернационала и в первую голову, конечно, Эрфуртская программа 1891 г. германской социал-демократии содержат лаконичное требование обобществления средств производства. В различного рода комментариях к программе действий после социальной революции (см. в первую очередь брошюру К. Каутского «На другой день») вследствие неясности основного вопроса о классово-борьбе и классовом характере государства сильно завуалированы и искажены также и основные проблемы экономической политики пролетарской диктатуры (ср., напр., вопрос о выкупе).

Таким образом, не только ревизионизм, но и официальный марксизм II Интернационала не мог дать германскому пролетариату пригодного оружия в тот момент, когда вопрос об осуществлении социализма продвинулся, казалось, из области теории в область практической политики.

2. Стихийный процесс и сознательное начало

Мы переходим теперь к анализу воззрений, мыслей и теоретических построений, рассыпанных в немецкой литературе о социализации и касающихся либо характеристики *переходного хозяйства* в целом, либо анализа отдельных его сторон.

Почти все без исключения лица, которым приходилось высказываться по вопросам социалистической трансформации хозяйства, исходили из предпосылки — открыто провозглашаемой или молчаливо признаваемой, — что между капиталистической и социалистической хозяйственными системами лежит определенный промежуточный период, в течение которого происходит — теми или иными путями и способами — замена и смена одних производственных отношений другими. Но если самая идея о неизбежности определенного переходного от капитализма к социализму периода как будто обща всем (далее мы увидим, что даже решительнейшие сторонники так называемой «полной социализации» не составляют в этом отношении исключения), то в области конкретных представлений об этом переходном хозяйстве, об его особенностях, законах, тенденциях и т. д. мы встречаем чрезвычайную пестроту мнений¹⁾.

Естественно, что многие авторы пытаются получить представление о предстоящем периоде возникновения и распространения социалистического хозяйства при помощи аналогии с историческим периодом возникновения и распространения капиталистических отношений. Как известно, капитализму понадобился значительный срок, чтобы распространиться по лицу земли, вытесняя и разрушая прежние хозяйственные формы. Некоторые авторы прибегают к этому сравнению с той целью,

¹⁾ Некоторые из авторов пытались найти подходящее название для хозяйства переходного типа. Так, Герман Бекк предложил называть это хозяйство «социал-капиталистическим» («Sozial-kapitalistisch...») — *Wege und Ziele der Sozialisierung*, S. 12.

чтобы подчеркнуть *сходство* между обоими переходными периодами (1. к капитализму и 2. к социализму), иные же, напротив, чтобы лучше оттенить различие между ними.

В качестве примера первого рода сравнения может служить следующая формулировка:

«Подобно тому как развивающийся капитализм не смог устранить одним ударом ремесленно-товарное производство, точно так же нельзя себе представить внезапную и быструю замену частно-капиталистического товарного производства социалистическим»¹⁾.

Приведенное положение чрезвычайно красноречиво. Здесь ставится полный *знак равенства* между двумя «процессами становления». Выводы, которые логически следуют из подобного постулата, идут значительно дальше того утверждения, которое содержится во второй половине фразы. Вся концепция реформистского «врастания в социализм», согласно которой осуществление социализма является «постепенным процессом, уже давно совершающимся в рамках капитализма»²⁾, покоится на предположении полного качественного тождества процессов возникновения и распространения капитализма и социализма. Действительно, если капитализм мог развиваться «в рамках» ремесленно-товарного строя, постепенно вытесняя и заменяя его, то почему социализм не может расти и крепнуть «в рамках» капитализма? И если капитализм чрезвычайно постепенно и незаметно побеждает отсталые хозяйственные формы в каждой отдельной стране, то почему та же история не может повториться с социализмом? Почему он не может постепенно заменять капиталистические отношения до тех пор, пока он совершенно незаметно не вытеснит их окончательно и не окажется победителем? Именно таков ход мыслей реформизма, если его последовательно довести до конца.

Целый ряд авторов отмечает, однако, с большей или меньшей отчетливостью, то *своеобразие*, с которым связана социалистическая перестройка хозяйства и которое в корне *отличает* этот процесс от процесса капиталистической перестройки экономики.

Шумпетер следующим образом отмечает это своеобразие. Если говорить о социализации, как о перестройке современного частно-капиталистического хозяйства в социалистическое, т.-е. в такое народное хозяйство, «в котором центральный орган общества распоряжается всеми средствами производства, вырабатывает и осуществляет общественный хозяйственный план вплоть до распределения готовых предметов потребления между отдельными гражданами», то слово социализация, по мнению Шумпетера, «может при этом обозначать как медленный исторический процесс, так и направленное к этой цели сознательное политическое действие»³⁾.

Шумпетер далее отмечает, что, с одной стороны, это «политическое сознательное действие» может привести к успеху лишь тогда, когда

¹⁾ «Sozialistische Monatshefte», 1919. S. 495. — Эти строки принадлежат перу Конрада Шмидта.

²⁾ «Soz. Monatshefte» 1919, S. 39–40, статья Эдм. Фишера.

³⁾ J. Schumpeter, цит. сочинение. Стр. 308–309.

«медленный процесс» общественного развития сам по себе совершается именно в направлении к социализму, с другой же стороны — и здесь Шумпетер оказывается несравненно прозорливее многих из социал-демократических «марксистов», — что «совершенно безразлично для существа дела, происходит ли это политическое действие (Sozialisierung-aktion) на нормальном законном и конституционном пути... или же само это действие или предшествующее ему овладение политической властью совершается при помощи применения силы, незаконной с точки зрения данного правового порядка. Результат в обоих случаях одинаков, и выбор того или иного пути зависит от принципиально неважных случайностей»¹⁾.

То, что для социал-демократических фетишистов демократии является решающим, то, что они ставят выше социализма, расценивается трезвым буржуазным профессором как нечто незначительное, зависящее от второстепенных случайностей момента. Насчет значения «сознательного политического действия» для осуществления социализма этот автор высказывается в другом месте еще определеннее: «Социализм в полной чистоте, в качестве сознательной систематически построенной организационной формы общества может быть реализован лишь при помощи направленного к этому политического, законодательного и исполнительного действия, а именно — «социализации». Даже в «глубине веков», когда вся и все будут к нему подготовлены, потребуются еще перевод (eine Ueberführung) в социализм, социализация; без нее рыночное хозяйство (Konkurrenzwirtschaft) «само собой» не исчезнет»²⁾.

Внимательный читатель заметит терминологическую невыдержанность в употреблении слова «социализация». В одной из вышеприведенных цитат Шумпетер считает, что под «социализацией» можно понимать как процесс стихийного развития к социализму, так и, с другой стороны сознательное действие с целью осуществления социализма; здесь социализации придается лишь значение последнего. Само собою разумеется, что употребление термина в последнем случае гораздо закономернее.

Обозначение одним термином двух значительно разнородных понятий не может привести ни к чему хорошему: единственным результатом может явиться лишь смешение этих понятий, смазывание разницы между ними. Этот результат должен оказаться весьма желательным защитникам полной аналогии между капиталистическим и социалистическим преобразованием хозяйства; ведь именно необходимости «сознательного действия» для осуществления социализма они и не признают, ведь вся «социализация» в их представлении исчерпывается стихийным историческим процессом развития в социалистическом направлении, вполне подобном процессу капиталистического преобразования хозяйства. Если же согласиться с Шумпетером, что «сознательное политическое действие» будет необходимо для осуществления социализма даже тогда, когда «все и вся будут к нему подготовлены», тогда в целях теоретической ясности целесообразнее именно это вполне не-

¹⁾ Там же, стр. 309.

²⁾ Там же, стр. 322—323.

обходимое сознательное действие выделить особо и придать ему достаточную отчетливость, обозначив лишь это «действие» словом социализация в отличие от того стихийного процесса развития, которым это действие, разумеется, подготавливается.

Этот действенный, активный и сознательный оттенок самого термина «социализация» подчеркивается также проф. Э. Ледерером. То обстоятельство, что именно это слово выплыло и распространилось сразу же после революции, Ледерер считает вовсе не случайным; оно показывает, что этим словом массы хотели выразить свою уверенность, что «социализм *хотят и могут осуществить*»¹⁾.

Таким образом и Ледерер подчеркивает момент сознательности и активности в деле социалистического преобразования хозяйства, в отличие от бессознательно-стихийного процесса победного шествия капитализма. Еще резче подчеркнута эта принципиальная разница у Гильфердинга (в тот период, разумеется, когда он не дошел еще до «конструктивного социализма»): «В то время как капитализм добился своего (sich durchgesetzt) в слепой борьбе чисто-экономических законов, социализм осуществится при помощи *общественного сознания*. Поэтому мы вправе ожидать, что переход от капитализма к социализму будет длиться сравнительно гораздо меньше, чем, например, переход от феодальной системы к капитализму»²⁾.

Здесь основное различие между возникновением капитализма и социализма выступает уже достаточно четко: там — слепая борьба чисто экономических законов, здесь, напротив — общественное сознание играет первенствующую роль.

**

Вопрос о роли сознательного общественного действия в деле осуществления социализма ставится целым рядом авторов. Реформистская вульгаризация марксизма, провозглашающая более или менее открыто, что социализм должен притти «сам собой» и что детерминизм Маркса клеймит как утопию всякую попытку активно содействовать осуществлению социализма, вызвала естественную реакцию, в особенности у людей, пришедших к вопросу о социализме не через знакомство с марксистской теорией и не через участие в рабочем движении. Такие лица легко приняли реформистскую карикатуру на марксизм за подлинное учение Маркса, а социал-демократическое кунктаторство и философию квиетизма за выполнение заветов Маркса. Подобно тому как Маркс в схожих случаях заявлял о том, что он не марксист, эти авторы также обычно начинают с целого ряда оговорок насчет того, что они несогласны с Марксом по многим пунктам. Более внимательный взор может однако, обнаружить без труда, что в большинстве случаев это «несогласие» основано на недоразумении: «несогласны» наши авторы с вульгаризаторской пародией на марксизм, культивируемой социал-демократией. Во многих случаях, разумеется, иной автор с водой выкидывает

¹⁾ Schriften des Vereins für Sozialpolitik, B. 159, S. 99. ff. (Курсив автора).

²⁾ „Zur Sozialisierungsfrage“, S. 36.

и ребенка: по внутренней логике реакции, по своеобразной критической инерции он заходит в своей борьбе против фатализма и квиетизма так далеко, что легко скатывается к индетерминизму, к отрицанию всякой закономерности общественного развития, к восхвалению утопии. К этой группе авторов, о которой идет здесь речь, относятся в первую очередь *Отто Нейрат, Германн Бек и Карл Баллод*. Несмотря на весьма значительные различия, существующие между ними в разрешении важнейших вопросов хозяйственного строительства социализма, их всех роднит весьма сходное отношение к вопросу о роли сознательного и активного момента в деле осуществления социализма. Все они более или менее склонны не столько переоценивать значение этого момента (что им обычно ставит в вину социал-демократическая критика), сколько игнорировать причинную обусловленность сознательных и активных моментов в осуществлении социализма. Это игнорирование детерминистической природы этих моментов жестоко мстит нашим авторам в том отношении, что все их предложения остаются висеть в воздухе; наши авторы со всеми своими рецептами, как облагодетельствовать человечество, неизменно остаются «в стороне от схватки», а действительная жизнь, действительная борьба идет мимо них своим чередом.

У Отто Нейрата прежде всего поражает какая-то почти религиозная вера во всемогущество идеи, теории: стоит только иметь хорошую теорию социализации — конкретнее говоря, стоит только человечеству принять *его* теорию, — как дело социализации будет, что называется, на мази. В его лице мы имеем любопытный рецидив той философии истории, согласно которой «идеи управляют миром». Впрочем, он подчас признает довольно открыто, что именно фаталистическая вульгаризация марксизма толкнула его к столь высокой оценке роли теории, плана, сознательного момента вообще. «Учение об исторической необходимости для многих превратилось в квиетизм; то, что Маркс учил об участии в перестройке, было позабыто. Как будто сознательная работа над общественным устройством при наличии ясной цели находится в противоречии с тем воззрением, согласно которого предмет желания, равно как и само желание являются необходимыми элементами развития!»¹⁾

Против подобной постановки вопроса ничего нельзя было бы возразить; она совпадает с общепризнанным воззрением революционного марксизма; Нейрат еще в иных случаях замечает, что он стоит на почве закономерности исторического развития: «Спокойный мыслитель (ruhig Denkende) не может черпать доверие к будущему исключительно из своего страстного желания (Sehnsucht), он хочет приветствовать наступающее как результат прошлого, как результат общественного развития, бесчисленных приготовлений и стремлений; он хочет видеть, что речь идет о всеобщем возведении (angekündigte) фазе исторического развития»²⁾.

¹⁾ Otto Neurath. Ein System der Sozialisierung, Archiv für Sozialv. u. s. w. B. 48, S. 45.

²⁾ Otto Neurath. Vollsozialisierung. S. 6—7.

Нейрат, однако, чрезвычайно непоследователен в этом отношении: все снова и снова он скатывается к философии просвещенского рационализма, все снова и снова он отступает от научной точки зрения и превозносит утопию и, как он выражается, «утопистику», долженствующую занять место науки. Достаточно привести пару примеров для характеристики этой его точки зрения. «Лишь при помощи создания теории, то-есть учения, охватывающего всю действительность (alle Wirklichkeiten) и практические возможности, будет обеспечено спокойное развитие, которое затем сможет опираться на общее сокровище упорядоченного опыта. Чем скорее мы придем к исторически- и общественно-технической теории полной социализации, тем скорее беспорядочное, зачастую полное противоречий, насильственное революционное движение (Umsturbewegung) станет принимать целосознательные формы»¹⁾.

Осуществление социализма рассматривается Нейратом (и в большей или меньшей степени другими представителями «общественно-технического» направления) не как задача исторически обусловленной ожесточенной классовой борьбы, а исключительно как техническая проблема наилучшей конструкции общества и хозяйства. Отсутствие подобной конструкции является единственным объяснением всех неудач социализационного движения в прошлом, настоящем и, надо полагать, будущем. В самом деле: «Ноябрьская революция дала фабрично-заводскому пролетариату и его друзьям много политической власти в руки. Отсутствие вала, однако, хозяйственная картина будущего (Zukunftsbild), которая могла бы направлять волю. Глухой мятеж, беспорядочное разрушение служили выражением неудовлетворенности и ожесточения пролетариата. Эти огромные силы лишь тогда превращаются в созидательную мощь, когда социализация, сознательное осуществление нового жизненного уклада покоится на определенности понятий, когда утопистика начинает действовать как наука, как общественная техника»²⁾.

То же самое рационалистическое направление характерно для *Баллода и Бека*. Совершенно справедливо отмечено в одной статье, посвященной критике нейратовских построений, что авторов этого направления мало интересует политическая и конкретно-экономическая обстановка. Подобно тому как инженер при постройке дома заботится лишь об определенном плане, точно так же они считают дело социализации разрешенным, поскольку ему удастся предложить наилучше разработанный план»³⁾.

Инженер Германн Бек⁴⁾ рассматривает задачу социализации под углом зрения организационной проблемы. Правда, сплошь и рядом у него можно встретить замечания, касающиеся общих политических вопро-

¹⁾ «Vollsozialisierung», S. 8.

²⁾ Статья в «Archiv» B. 48, S. 45.—Подобные же «сентенции» рассыпаны повсюду в бесчисленных статьях и брошюрах Нейрата.

³⁾ См. Käthe Pick, Wissenschaftlicher Sozialismus u. Utopistik, Der Kampf. 1920, S. 195.

⁴⁾ Dr. Hermann Beck. Sozialisierung als organisatorische Aufgabe, Berlin, 1919.

сов и свидетельствующие о лучшем понимании общественных проблем (вопроса о демократии и социализме, о значении государственной власти и аппарата и т. п.), чем у многих социал-демократических теоретиков. Однако, несмотря на отдельные меткие замечания по поводу государства, классовой борьбы и т. д., автор берет проблему осуществления социализма главным образом как вопрос организационной техники. Свободное творчество организационных форм — вот к чему сводится по его мнению главнейшая задача. И определенный налет рационализаторского утопизма лежит на всей работе, хотя отдельные предложения автора представляют бесспорный интерес, как мы увидим ниже.

Что касается Баллода ¹⁾, то его симпатии к «общественной технике» в меньшей мере, чем у Нейрата, обусловлены реакцией против псевдомарксистского фатализма ²⁾. Как известно, при появлении его статистико-экономической работы о «Государстве будущего» в 90-х годах лишь один Каутский оказал ему известную поддержку; преобладающее же большинство партийной верхушки отнеслось скептически вообще к идее какого-либо исследования вопроса о «государстве будущего». В том скептическом приеме, который был оказан работе Атлантикуса-Баллода, бесспорно, играло известную роль вульгарное представление о марксистской научной системе, представление о том, что раз социализм является продуктом исторического развития, то он придет сам собою, и нечего себе голову ломать насчет картин будущего хозяйственного и общественного строя.

3. Полная или частичная социализация

В безрадостной истории германской дискуссии о социализации спор относительно полной или частичной социализации представляет, пожалуй, одну из наиболее скверных страниц. Путаница понятий здесь особенно интенсивно использовывалась для того, чтобы под модным словечком социализации протаскивать совершенно враждебные социализму воззрения и планы.

Совершенно ошибочно распространенное мнение о том, что различие между программами полной и частичной социализации совпадает с различием между немедленным осуществлением полного социализма и постепенным социалистическим переустройством хозяйства. Мы уже выше замечали, что почти нельзя найти автора, который стал бы утверждать всерьез, что социалистическая перестройка хозяйства возможна, что называется, с сегодня на завтра, что можно при этом обойтись без более или менее продолжительного переходного периода. С другой стороны, признание неизбежности постепенного хозяйственного перехода к социализму отнюдь не заставляет солидаризиро-

¹⁾ Prof. Dr. Karl Ballod (Atlantikus). Der Zukunftsstaat, 3. Aufl, Stuttgart. 1920.

²⁾ Другой автор, солидаризирующийся с Баллодом в этом отношении, предлагает даже в качестве противоядия от фаталистической вульгаризации марксизма особую теорию, которую он обозначает как «марксистский идеализм». — См. Eberhard Zschimmer. Die Ueberwindung des Kapitalismus, 1921, Jena.

ваться со всеми теми. более или менее реформистски окрашенными программами, которые подавались под флагом «частичной социализации». Повидимому, различие здесь несравненно сложнее и запутаннее, чем в споре насчет немедленного или постепенного осуществления полного социализма. Попытаемся разобраться в этом вопросе подробнее.

Знамя «полной социализации» развевалось обычно представителями того направления, которое подходило к социализации, как к задаче общественной техники и свободного организационного творчества. В критике «полной социализации» чаще всего имеется в виду программа Отто Нейрата и его друзей. Выше мы отмечали основной порок общественно-технического подхода к задачам социализации — его рационалистический, ненаучный, склоняющийся к утопизму характер. Та же печать лежит на планах «полной социализации», исходящих от представителей этого направления.

Было бы несправедливо утверждать, что это направление не признает необходимости переходного периода. Отто Нейрат и его друзья неоднократно подчеркивают, что под требованием «немедленной социализации» они понимают лишь требование немедленного *приступа* к осуществлению социализма, и что они в то же время убеждены в необходимости продолжительного периода времени для основательной подготовки всей той организации хозяйства, которую они предлагают для социалистического общества. Один из предшественников Нейрата в области, если можно так выразиться, нео-утопической школы, которого Нейрат называет в числе своих учителей ¹⁾, опубликовавший еще в 1912 г. обширный труд, дающий разработанный план «разрешения социального вопроса», считает, что период перехода к новому предлагаемому им своеобразному социализму будет длиться больше человеческого поколения ²⁾.

Что будет собой представлять, однако, этот переходный период, каково будет его историческое содержание? — Представления «нео-утопистов» на сей счет чрезвычайно наивны: они целиком определяются «общественно-техническим» и «гармоническим» подходом к вопросу, который может быть разрешен лишь с точки зрения исторического детерминизма и классовой борьбы.

По представлениям Нейрата и его друзей период этот должен быть посвящен *подготовке* социалистической организации хозяйства. Подготовка эта мыслится ими, однако, исключительно как научная, статистико-экономическая работа. Переходный период — это прежде всего период собирания подробных статистических сведений насчет потребностей населения, с одной стороны, производительных возможностей народного хозяйства — с другой; в последнем направлении выясняются количества наличного оборудования, сырья, рабочей силы, далее — производительная способность предприятий, производящих как средства производства, так и предметы потребления. Разработка этих стати-

¹⁾ Otto Neurath. Vollsozialisierung. S. 4.

²⁾ Joseph Popper-Lynceus. Die allgemeine Nährpflicht als Lösung der sozialen Frage. Dresden. 1912, S. 684.

стико-экономических данных служит, по мнению Нейрата, основой для составления единого народно-хозяйственного плана. При сложности современного народно-хозяйственного целого, выполнение этих работ должно, естественно, потребовать довольно много сил, средств и, прежде всего, времени. С окончательным изготовлением народно-хозяйственного плана и его утверждением в надлежащих инстанциях заканчивается период подготовки, переходный период, и открывается период непосредственного осуществления социализма; вся хозяйственная жизнь сверху донизу организуется по этому плану, и полный социализм на-лицо.

Аналогичные представления о переходном хозяйстве мы находим и у *Поппер-Линкеуса*. Переходную эпоху, занимающую, по его мнению, больше человеческого поколения, он делит на две части. Первая часть — это период изучения; его содержание составляет разработка статистических подсчетов и выработка строительных планов; оно, стало-быть, почти вполне совпадает с содержанием подготовительного периода Нейрата. Что же касается до второго периода, день начала которого объявляется всему населению и продолжительность которого наш автор принимает равной 30—40 годам, то он представляет для нас значительно больший интерес. Здесь автор, несмотря на свой общий утопический подход, довольно близко подходит к задачам переходного периода в том виде, как мы его ныне понимаем, то-есть в качестве периода трансформации общественных отношений, периода перерождения социально-экономических тканей. Характерными в этом отношении являются два момента в плане Поппер-Линкеуса. Во-первых, второй период переходной эпохи является у него периодом своеобразного «первоначального социалистического накопления»: население должно в течение этого времени уделять обязательному труду гораздо больше времени, чем это окажется необходимым впоследствии, при переходе к полному социализму. Этот труд направляется прежде всего в сторону удовлетворения наиболее насущных потребностей всего населения в пище, одежде, жилище; повидимому, именно накопления и технические улучшения, производимые в течение этого периода, обуславливают возможность достижения тех же результатов с гораздо меньшими затратами общественного труда в следующую эпоху. Во-вторых, Поппер-Линкеус предполагает для этого второго периода два варианта, из которых один предусматривает временное сохранение денежно-капиталистической формы хозяйства при условии все растущего налогового обложения капиталистического дохода (50—70% и выше), а другой, более приемлемый, по мнению автора, вариант требует немедленной отмены денежного хозяйства. Этот пункт его плана представляется нам любопытным в том отношении, что, повидимому, автор здесь, несмотря на свой общий утопический подход, все же смутно сознавал трудность задачи трансформации веками сложившихся производственных отношений в обществе.

Таким образом, мы видим, что сторонникам идеи «полной социализации» отнюдь не чуждо представление о переходном периоде, хотя их взгляды на задачи и характер этого периода отличаются, бесспорно,

от наших представлений на сей счет. Что же касается до проповедников идеи «частичной социализации», то они представляют собою довольно пеструю картину. Всем им обща, однако, мысль о том, что раз о немедленном осуществлении полного социализма не может быть и речи, раз переходный период неизбежен, то задача осуществления социализма может быть проведена в жизнь лишь на стезе частичной или постепенной социализации. Представления насчет того, что именно следует понимать под «частичной социализацией», довольно основательно расходятся у различных авторов, и, как в таких случаях бывает нередко, сама по себе справедливая предпосылка используется в качестве логического трамплина для совершенно несостоятельных выводов.

Целый ряд авторов указывает, что «частичный» характер социализации может обнаружиться в двух направлениях. Если полная социализация невозможна, — рассуждают они, — то, «повидимому, к социализму ведут два пути: либо создают для всей промышленности переходной строй (*Zwischenzustand*) между капитализмом и социализмом — паритетные хозяйственные советы, Висселевское плановое хозяйство, — или социализируют некоторые особенно зрелые и легко поддающиеся руководству отрасли промышленности. Какой из этих путей лучше, — добавляет наш автор, — весьма спорно даже среди лучших знатоков германского народного хозяйства»¹⁾.

Другие авторы при этом подчеркивают, что между этими двумя путями нет никакого противоречия, что вовсе не стоит вопрос о необходимости выбора между ними, что, напротив, они счастливо дополняют друг друга. Так, Ледерер называет две группы мероприятий, ведущих к осуществлению социализма: 1) *генеральные*, касающиеся всего народного хозяйства в целом, и 2) *специальные*, распространяющиеся лишь на отдельные отрасли или даже на отдельные предприятия. В качестве примеров мероприятий первой категории Ледерер называет: 1) систему фабричных советов (*Betriebsräte*); 2) поимущественное обложение (дискутировавшееся в Германии под термином *Vermögensabgabe*); под специальными мерами подразумевается знаменитая «социализация зрелых отраслей» народного хозяйства²⁾.

Тот же, примерно, ход мыслей мы встречаем в работе *Карла Корша*. Он видит два пути обобществления производства, а именно: 1) передача средств производства в общественную собственность и 2) постепенное обобществление управления производством³⁾.

Другие авторы не столь беспристрастны, чтобы признать полное равноправие обоих путей. Их симпатии определенно склоняются ко второму пути, к постепенному проникновению социалистических элементов в совокупную хозяйственную жизнь общества. Так как это проникновение мыслится, разумеется, в исключительно мирных, постепенных

1) «Glocke vom 19 Juli 1919, Die Gegendenschrift R. Schmidts gegen Wissel, von E. H. (повидимому, Ernst Heilmann).

2) Schriften des Vereins für Sozialpolitik, B. 159. S. 108 ff.

3) Karl Korsch, Was ist Sozialisierung. S. 12—13.

и вообще «благонадежных» формах, то схема частичной социализации в данном случае служит лишь новой ипостасью, в которой мы встречаем давно знакомую нам реформистскую теорию незаметного вступления в социализм. Именно таким образом, например, разъясняет схему частичной социализации Эд. Бернштейн. Подобно Ледереру, Коршу и другим, он также признает, что мыслимы два пути социализации, а именно: 1) обобществление предприятий и 2) проникновение общества в хозяйственную жизнь; ему больше нравится, естественно, второй путь, и в своем докладе от 28 декабря 1918 г. Бернштейн повторяет фразу из своего первого ревизионистского труда, написанного за два десятка лет перед тем: в фабричном законе может, мол, заключаться больше социализма, чем в огосударствлении нескольких сотен предприятий¹⁾; под последним Бернштейн подразумевал требование Эрфуртской программы насчет «обобществления средств производства».

Этот пример показывает, насколько буржуазный профессор Шумпетер оказался проницательнее многих социал-демократических марксистов, когда он предупреждал: «Там, где речь идет не о полной социализации, всегда требуется очень основательное исследование (ist es immer Sache einer sehr heiklen Untersuchung), имеем ли мы вообще перед собой что-либо специфически-социалистическое, идет ли вообще речь о шаге к социализму в объективном смысле или нет»²⁾.

Мы видим, таким образом, что если игнорирование классовой структуры общества характеризует на одном полюсе планы «полной социализации», исходящие от «общественно-технического» направления, то с другой стороны то же самое игнорирование классовых противоречий и классовой борьбы характерно для крайних представителей идеи «частичной социализации» в духе Бернштейна, Эдм. Фишера, К. Шмидта и др. На одной стороне утопический подход к задачам осуществления социализма дает известного рода теоретический максимализм (сплошь и рядом, вследствие отказа от классовой борьбы, прекрасно сочетающийся с практическим реформизмом); на другом полюсе та же идеология классового мира, классовой гармонии ведет к утопическому минимализму, к отказу от социализма вообще, к замене социализма слегка реформированным капитализмом. Мы обнаруживаем, стало быть, что две крайности, на первый взгляд резко противоположные, имеют гораздо больше общего между собой, чем можно было предполагать. Непримируемое, с первого взгляда, противоречие между «полной социализацией» и «частичной социализацией» оказывается несуществующим.

Общепринятое разделение социализационных планов и предложений на два класса: «полные» или «частичные», приводит к несообразностям даже в словоупотреблении. Так, например, предложения *Висселя-Меллендорфа* насчет планового хозяйства часто обозначаются, как «частичная социализация всего народного хозяйства». Напротив, предложения Комиссии по социализации, поддержанные большинством социал-демократических марксистов, фигурируют зачастую под звуч-

1) E. Bernstein. Was ist Sozialismus. S. 18.

2) Статья в «Archiv»e, B. 48, S. 334.

ным названием: «полная социализация отдельных отраслей промышленности». Нетрудно заметить, что как первое, так и второе обозначение совершенно невозможны с чисто логической точки зрения, содержат в себе *contradictio in adjecto*, представляют собою своего рода «горячий лед»¹⁾.

Эти обстоятельства показывают, что вопрос о полной или частичной социализации должен быть поставлен в совершенно иную плоскость. Всякая социализация, понимаемая в смысле социалистической трансформации хозяйственных отношений, представляет собой достаточно продолжительный процесс постепенного перерождения экономических тканей, постепенной замены одних производственных отношений другими. В этом смысле всякая социализация может быть названа частичной (если понимать в данном случае лишь мероприятия, осуществляемые в данный период времени); совершенно ясно, однако, что эта «частичность» ничего общего не должна иметь ни с бернштейновской схемой социалистически-подкрашенного капитализма, ни с предложениями Ледерера, Корша, Отто Бауэра и прочих представителей социал-демократического «марксизма», подготовляющими почву для пышного расцвета бернштейновских схем.

Ибо всякая социализация должна, с другой стороны, быть полной социализацией, если только она не является простой мистификацией. Ибо при осуществлении социализма речь идет не только о смене одних производственных отношений другими, а о смене одной системы отношений другой. Поэтому, если только не мыслить себе социализацию, как эволюционный процесс, развивающийся сам собою, вполне стихийно и бессознательно, мы должны понимать под социализацией определенную систему мер и действий, объединенную одной общей целью, одним общим принципом, обладающую известным единством, *тоталитетом*.

Довольно здраво рассматривает этот вопрос *Шумпетер*. Выше мы уже видели, как скептически он относится к проектам так называемой частичной социализации; мы убедились также, что его скептицизм вполне оправдан обстоятельствами. Теперь посмотрим, как у него преломляется идея о необходимости тотального, единого характера для всякой подлинной социализации: «Полную социализацию также нельзя себе представить таким образом, что вся хозяйственная жизнь сразу целиком берется государством в свои руки. Можно в лучшем случае рассчитывать сначала на социализацию крупных промышленных, сельскохозяйственных и торговых предприятий. Но без сомнения полная социализация должна в качестве цели быть налицо, если мероприятие должно иметь какое-либо принципиальное значение. Лишь о различиях в темпе могут спорить социалисты»²⁾.

Противники социализации в большинстве случаев отлично сознавали, что если речь идет о действительной, серьезной социализации, то это неминуемо означает полную социализацию, и единственно вопрос о порядке и темпе социализации может еще подвергаться обсуждению.

1) См. также F. Weil, *Sozialisierung*. S. 77.

2) Цитир. статья в «Archiv»e, B. 48, S. 333—334.

Так, в передовице первого же номера специального журнала, основанного для борьбы против социализации, мы читаем: «Если мы вступим на путь социализации в широком смысле, то остановить этот процесс будет невозможно. В России также хотели огосударствить только «зрелые» предприятия, однако на этом пути скоро нельзя было удержаться»¹⁾.

Даже знаменитый призрак России выступает на сцену с целью более успешного запугивания филистеров от социализма.

Таким образом, утопизм проектов «полной социализации», исходящих от представителей «общественно-технического» направления, заключается в том, что переходный период они рассматривают исключительно как период своего рода научной подготовки. Поскольку эта научная подготовка проведена и генеральный план выработан, столбовая дорога к немедленному и полному осуществлению социализма открыта. Это направление — и в первую очередь это относится к Нейрату — не видит, что действительное содержание переходного периода должно оказаться куда менее идилличным, что его основное содержание будет заключаться в борьбе двух противоположных начал и тенденций: капитализма и социализма. Ибо после политической революции, предоставляющей в распоряжение социализма основной плацдарм для открытия военных действий на хозяйственном фронте, начинается ожесточенная борьба этих двух начал, и каждая пядь социалистически-завоеванной земли берется у капитализма с бою. И чрезвычайно характерно как раз то обстоятельство, что планы «полной социализации» предусматривают немедленную ликвидацию рынка, товарно-ценностных и денежных отношений, немедленное проведение натурализации общественного хозяйства. Этот пункт — в концепциях Отто Нейрата занимающий центральное место — характерен по той причине, что именно рынок, область денежных и товарных отношений служит тем главнейшим полем сражений, на котором развертывается борьба двух сил в переходный период.

С другой стороны, это же самое игнорирование неизбежности ожесточенной борьбы двух тенденций в течение переходного периода накладывает вполне явственный отпечаток на проекты частичной социализации. Как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд, и в этом, наиболее существенном отношении, вместо ожидаемой противоположности между направлениями «полной» и «частичной» социализации, мы при более внимательном рассмотрении обнаруживаем поистине замечательное идейное родство, и притом весьма близкое.

Планы так называемой частичной социализации разрабатывались главным образом представителями марксистского центра; именно представители этого направления выступают авторами, теоретическими обоснователями и верными защитниками этих планов. Гильфердинг, Каутский, Отто Бауэр выступают глашатаями этих планов. Ряд профессоров, во время революции близко подошедших к этому направлению — назовем Баллода и Ледерера, Шумпетера и Вильбрандта —

¹⁾ „Freie Wirtschaft“, № 1 von 1. März 1919.

выступает в качестве их более или менее кратковременных союзников. Несмотря на естественные различия по целому ряду конкретных пунктов, эти программы и проекты частичной социализации, исходящие в той или иной мере от марксистского центра и носящие на себе печать этой теоретической и политической концепции, в основном чрезвычайно схожи между собой. Авторы этих программ постоянно сочувственно ссылаются один на другого. Можно поэтому вначале говорить об этой группе, об этом направлении в целом, оставляя анализ расхождений по конкретным вопросам до того времени, когда мы к рассмотрению этих вопросов подойдем. В дальнейшем мы называем это направление в целом направлением частичной социализации.

При формальном подходе к вопросу можно, разумеется, утверждать, что планы частичной социализации вовсе не лишены определенного единства, что они обладают той тотальностью, которая необходима для каждого проекта социализации, если только она заслуживает этого названия. В самом деле, путь к социализму, набросанный Отто Бауэром в его известной брошюре под этим названием, разработан не без тщательности и на первый взгляд обладает большой стройностью и внутренним единством. Он набрасывает целый ряд мер, которые при своем последовательном проведении приближают нас все более и более к социализму, пока наконец желанная цель не оказывается достигнутой. Отдельные меры, следующие одна за другой, довольно стройно уложены в определенную продуманную схему. С проведением каждой из этих мер капиталистический характер хозяйства изменяется в социалистическом направлении, мы поднимаемся с низших ступенек переходной лестницы на все более высокие, все более близкие к следующему, социалистическому этажу.

Единство это, однако, носит исключительно формальный характер; механическое объединение ряда мероприятий еще не дает внутренне целостной системы — хозяйственного строительства для переходного к социализму периода.

Рассматриваемые нами планы частичной социализации, как чрезвычайно охотно признают их авторы и защитники, по своему общему духу и направлению (речь идет, разумеется, лишь об экономической стороне дела) чрезвычайно родственны идеям гильдейского социализма в Англии. Часто эти планы даже прямо обозначаются как перенесение идей гильдейского социализма на континент. И вот, отличительной чертой как проектов частичной социализации, так и построений гильдейского социализма является, по справедливому замечанию одного автора, «включение социализированной отрасли хозяйства в общую связь капиталистической системы»¹⁾.

Действительно, подобно тому как в политической области это направление (мы имеем здесь в виду, разумеется, австро-марксизм, а не английских гильдейцев) рассчитывает на победу социализма на почве существующей буржуазно-демократической государственности,

¹⁾ Eduard Heimann. Mehrwert u. Gemeinwirtschaft, Berlin 1923, S. 126.

точно так же в области экономической оно избирает путь, не порывающий принципиально с капитализмом; планы частичной социализации остаются целиком на почве существующего экономического порядка. В сущности говоря, они так же, как открытый реформизм бернштейновской марки, стремятся «один скачок» растворить в «бесчисленном множестве незаметных переходов»; словесный радикализм этих планов призван лишь служить прикрытием для совершенно нерадикального содержания.

Борьба двух непримиримых тенденций, которая может вестись разумеется в чрезвычайно разнообразных формах, не теряя, однако, при этом своего основного характера, отличает экономику переходного типа. В концепциях частичной социализации эта борьба превращается в гораздо более уютный процесс вытеснения и замены капиталистических отношений социалистическими. Как мы увидим далее, сплошь и рядом у сторонников частичной социализации, в особенности, в моменты их политического радикализма, проскальзывают отдельные замечания насчет того, что это вытеснение неизбежно должно сопровождаться борьбой, что эта замена не может совершаться в идиллических формах, что вопросы силы, политической и экономической, все снова должны будут выступать на первый план. Но эти неудобные мысли скоро рассеиваются, и наши «частичные социализаторы» возвращаются к своим чинным проектам. Если эти проекты и упоминают о борьбе между социализированными и несоциализированными хозяйственными единицами, то они имеют при этом в виду обыкновенную конкурентную борьбу того типа, который является характерным и для соперничества среди капиталистических предприятий. Та особенность, что под старой подчас формой экономической конкуренции сейчас происходит борьба совершенно иного порядка, борьба между двумя в корне различными и непримиримыми типами хозяйственной организации, остается совершенно незамеченной.

Отсюда утопизм, отличающий проекты частичной социализации, несмотря на их кажущуюся крайнюю практическую, в меньшей степени, чем проекты полной социализации типа Нейрата, с одной стороны, и проекты незаметного вращивания в социализм а la Бернштейн, с другой. В наиболее тщательно разработанном проекте Отто Бауэра этот минималистский утопизм выпирает с особенной силой. Основная идея этого проекта заключается в том, что общество сначала берет в свои руки лишь «зрелые» предприятия и отрасли, то-есть, лишь те, которые в руках общественной организации будут успешнее работать, чем до сих пор. Вся же остальная масса хозяйственных единиц остается, так сказать, временно в руках капиталистов, при чем последние получают нечто в роде задания от социалистического государства: подготовить их в возможно кратчайший срок к социализации. С этой целью остающиеся в руках капиталистов предприятия подвергаются принудительному синдицированию и пр. Один реформистский автор замечает по этому поводу вполне резонно, что «предприниматель, который сможет или захочет вести предприя-

тие на собственный страх и риск после такого ограждения его хозяйственной деятельности колючей проволокой, еще должен сперва родиться»¹⁾.

Игнорирование момента борьбы двух начал и тенденций, как основной характеристики переходного хозяйства, приводит к полному затушевыванию проблемы выхода из капитализма, как проблемы создания основного плацдарма для концентрации социалистических элементов хозяйственного развития. Социализированные единицы «включаются» в общую капиталистическую систему. Дальнейшее развитие протекает плавно; без всяких «скачков» общество пристает к социалистическим берегам; в отличие от всяких других видов путешествия, момент отплытия здесь совершенно незаметен.

4. Вопрос о зрелости

Совершенно особенную роль в дискуссии вокруг социализации играл вопрос о зрелости. С одной стороны, противники социализации сплошь и рядом ссылались на «незрелость» германской экономики для социалистической трансформации. В теоретических рассуждениях подобного рода постоянно встречаются ссылки на научный характер марксистского социализма, цитаты из Маркса, в которых говорится о вызревании новых отношений в недрах старого общества. Давно известно, что «ссылаться может чорт на доводы священного писания»; эти цитаты, разумеется, менее всего свидетельствуют о марксистском характере подобных размышлений. С другой стороны, при постановке вопроса о частичной социализации проблема зрелости имеет уже не только принципиальное, но и непосредственно практическое значение. В самом деле, ведь смысл частичной социализации в том и заключается, что предполагается начать социализацию с наиболее зрелых отраслей хозяйства, предоставивши остальным отраслям «дозреть» в той или иной форме и на тех или иных условиях.

Споры о зрелости обычно вертятся вокруг двух вопросов достаточно разнородного характера и значения. Это, с одной стороны, вопрос об *общей зрелости*, то-есть вопрос о том, достигло ли народное хозяйство такой ступени своего развития, при которой проведение социалистического переустройства хозяйственной жизни может быть предпринято и осуществлено с успехом или, во всяком случае, с достаточными шансами на успех. С другой стороны, стоит вопрос о *частичной зрелости*, то-есть вопрос о том, достаточно ли развиты те или иные конкретные отдельные отрасли хозяйства для перестройки на новых началах в порядке частичной социализации.

Противники социализации часто возражают против самой постановки вопроса о частичной зрелости, считая, что им выгоднее дать бой по вопросу о зрелости в общем масштабе. Теоретики частичной социализации, в свою очередь, чаще всего не принимают боя на этом

¹⁾ W. A. Wilhelm. Wirtschaftsdemokratie der Zukunft, S. 69, примечание.

участке и предпочитают укрыться за соображения о зрелости отдельных высоко-развитых отраслей хозяйства.

Наиболее типичные для буржуазной науки рассуждения по вопросу о зрелости мы встречаем у профессора *Оппенгеймера*¹⁾; его соображения по своему глубокомыслию вполне заслуживают более подробного изложения. Тот способ, которым он побеждает марксистскую теорию и революционную практику, до-нельзя показателен для буржуазной науки эпохи упадка.

Если целью марксизма, как и всех предшествовавших социалистических учений, является безрыночное хозяйство, в котором исключена всякая эксплуатация, то во всяком случае Марксу, по мнению проф. Оппенгеймера, совершенно чужда была мысль о том, чтобы «это безрыночное общество каким-либо образом *конструировать*». По его (Маркса) мнению, оно не может явиться продуктом умного механика,— оно означает для него *общественный процесс* созревания социалистического общества в недрах капиталистического; процесс роста, который, подобно процессу беременности, не может быть ни ускорен, ни завершен при помощи произвольного вмешательства людей. Если нетерпеливый человек попытается сделать невозможное, то на свет появится не жизнеспособное существо, а мертворожденный. Лишь когда молодое общество созрело, насилие и революция могут служить повивальной бабкой»²⁾.

В чем же заключается, по марксистской теории в изложении Оппенгеймера, процесс созревания социализма? — В том, что производство постепенно объединяется и упрощается. Огромной массе пролетариев противостоит небольшая кучка капиталистов, которую крайне легко отстранить безо всякого ущерба для хозяйственной жизни. «Когда дело зашло так далеко, то *обобществление средств производства уже фактически совершилось!*...» — восклицает наш профессор в умилении по поводу своей собственной догадливости. — «Социалистическое общество уже созрело, и оно может родиться (*entbunden werden*), то-есть, фактическое обобществление должно быть лишь признано формально, новым правом»³⁾.

Марксово сравнение процесса смены общественных форм с процессом беременности и родов служит Оппенгеймеру прекрасным аргументом против разговоров о частичной социализации. Ныне со всех сторон требуют, — говорит он — огосударствления отдельных хозяйственных отраслей, созревших для социализации. Не возражая против огосударствления — ведь железные дороги, почта и прочее уже давно находятся в руках государства,—Оппенгеймер утверждает, что это огосударствление ничего общего не имеет с социализмом; разговоры о частичной социализации ведутся при этом лишь для надувательства негодных масс. Разговор о частичной зрелости, «с точки зрения

Маркса, является, с позволения сказать, чепухой (*puget Unfug*). Для него (т.-е. Маркса) социалистическое общество лишь как целое может быть зрело. Отдельные предприятия или отрасли могут в его смысле «столь же легко быть «зрелыми», как отдельные органы зародыша в четвертом месяце беременности могут быть зрелыми и способными к рождению и самостоятельному существованию».

Протест против постановки вопроса о частичной социализации служит Оппенгеймеру лишь для того, чтобы с победным видом провозгласить: «Научный социалист Марксовой школы может лишь поставить вопрос таким образом: созрело ли уже социалистическое общество, *как целое*. И всякий разумный человек должен ответить на этот вопрос отрицательно»¹⁾.

Понятно без дальнейших слов, *почему* ответ должен быть отрицательным. В самом деле, совершенно бесспорно, что существует еще целая масса мелких предприятий, кроме пролетариата и буржуазии существуют еще обширные слои среднего сословия, мелкой буржуазии, крестьянства и т. д., производство отнюдь еще не «обобществлено» до последнего гвоздя и т. д., и т. п. Вся старая заваль ревизионистской критической мудрости мобилизуется для того, чтобы еще раз (в который уже раз?) посрамить Маркса. А срамить есть за что. Маркс еще пятьдесят лет тому назад ожидал «рождения молодого социалистического общества», а оно еще до сих пор не созрело, нарушив все сроки беременности. Причина такого пассажа заключается, разумеется, в том, что первая же фраза Эрфуртской программы, провозглашающая, что «экономическое развитие буржуазного общества с естественной необходимостью ведет к гибели мелкого производства», *неверна*. По мнению Оппенгеймера, это неверное положение служит причиной всех бед. И высокопатетический конец всех рассуждений гласит: «От одного этого положения (*an diesen einen Satz*) умерла Россия; моим долгом было сделать все, чтобы Германия также не погибла от этого»²⁾.

Старания Оппенгеймера и его единомышленников в одном отношении увенчались бесспорным успехом: ненавистная фраза исчезла из социал-демократической программы; в Герлицкой программе вообще не содержится никакого намека на это положение; в Гейдельбергской же оно «обновлено» до полной неузнаваемости: «Экономическое развитие привело с внутренней закономерностью к усилению крупно-капиталистических предприятий» и т. д.

Критика, подобная оппенгеймерской, обладает тем бесспорным преимуществом для автора, что она не требует от него никакого умственного напряжения. Повидимому, именно этим объясняется ее чрезвычайная распространенность. Методы такого уничтожения марксизма до-нельзя просты и несложны; надо лишь изобразить марксистскую теорию в виде анекдотической пародии, а затем торжествовать духовную

1) *Weg und Ziele*, статья «Zur Theorie der Vergesellschaftung» von Prof. Franz Oppenheimer.

2) S. 15.

3) S. 16—Курсив везде автора.

1) S. 17.

2) S. 18.

победу над таким поистине по образу и подобию своему созданным марксизмом чрезвычайно легко.

Из ученых исследователей вопроса о социализации, применяющих тот же метод посрамления марксизма, упомянем еще А. Аммона. По его мнению, социализация может увенчаться успехом лишь при наличии определенных предпосылок, которые он делит на три группы: экономико-технические, социально-психологические и политические. Мы не имеем здесь возможности останавливаться на курьезах профессорского глубокомыслия в отношении предпосылок последних двух категорий; достаточно упомянуть, что «нейтралитет заграницы» служит одним из основных условий политического характера, при которых наш автор соглашается на социализацию! Что же касается экономико-технических предпосылок, то они заключаются прежде всего в «концентрации предприятий, в том, что научный социализм называет *обобществлением средств производства*»¹⁾.

И в другом месте, совершенно справедливо подчеркивая сознательный и активный характер социализации, как процесса осуществления социализма, Аммон еще раз подчеркивает свое довольно своеобразное понимание обобществления средств производства. Научный социализм, по его мнению, считает, что развитие хозяйственной жизни в социалистическом направлении совершается «само собой», что с естественной необходимостью протекает процесс обобществления средств производства. Представление о социализации, как об активном действии в связи с этим пониманием «обобществления средств производства» сводится так же, как у Оппенгеймера, к чисто формальному, юридическому моменту²⁾.

Справедливость требует, однако, отметить, что в этом вопросе, как и во многих других, вульгарная буржуазная критика марксизма имела возможность целиком базироваться на той вульгаризации марксизма, которая служила ходячей монетой социал-демократической теории. Представление о том, что капитализм может созреть и доразвиться до такой степени, что полное осуществление социализма явится актом чисто формального значения, было далеко не чуждо социал-демократической вульгаризации марксизма. Напротив, тот факт, что в нынешнюю эпоху осуществление социализма немисливо без определенного, достаточно продолжительного переходного периода, они зачастую объясняли недостаточной зрелостью капитализма. Приведем довольно типичное выражение подобной теоретической мудрости. «Немыслимо перевести капиталистический способ производства в социалистический одним ударом (mit einem Schläge), — пишет один социал-демократ, — ибо еще отсутствуют хозяйственные предпосылки, которых было бы достаточно для осуществления этой огромной задачи»³⁾.

Стало быть, необходимость переходной эпохи признается лишь в качестве неизбежного зла, вызванного недостаточным «созреванием»

1) Alfred Ammon. Die Hauptprobleme der Sozialisierung. S. 21.

2) Ibidem, S. 7—8 ff.

3) Ad. Braun. Die Sozialisierung.

социализма в недрах капиталистического хозяйства. Если бы дать социализму «дозреть» в рамках капиталистической экономики, то наступит время, когда перевести хозяйство из одного состояния в другое можно будет при помощи «одного удара».

Полезно противопоставить этой безнадёжной вульгаризации, общей социал-демократической теории и ее буржуазным критикам, рассуждения умного противника марксизма, несравненно лучше понимающего суть дела. «Дело обстоит таким образом, — говорит Шумпетер по вопросу о зрелости, — что момент, который по крайней мере теоретически можно будет считать самым подходящим, никогда не наступит. Ибо принципиально социализация возможна уже с того момента, когда появляются крупные и крупнейшие предприятия, когда процесс рационализации народного хозяйства очевидно для всех распространяется, когда машина и калькуляция начинают переделывать психологию. Правда, начало этой эпохи также трудно установить, но все же ясно, что оно лежит далеко в прошлом».

Разумеется, Шумпетер не был бы буржуазным экономистом, если бы он это ценное признание не сопроводил многозначительной оговоркой: «Все же никогда не наступит момент, когда можно будет сказать с уверенностью, что дальнейшее ожидание уже не даст никакого выигрыша, ибо вещи и люди уже вполне готовы, либо же способности капиталистической частной инициативы исчерпаны. Решающий шаг или каждый из решающих шагов будет поэтому делом случая или решимости; поэтому понятна точка зрения, которая свойственна истинным приверженцам всякой веры и согласно которой следует со всей силой во всякое время бороться и пытаться, пока наконец не будет достигнут успех»¹⁾.

Идея частичной социализации заключается в том, что лишь отдельные предприятия или промышленные отрасли вырываются из капиталистической системы и подвергаются организации на новых началах. Естественно, большую роль играет вопрос о том критерии, который будет положен в основу отбора и выбора. Все сходится на том, что выбирать следует «наиболее зрелые» части хозяйственного целого. Однако, представления о зрелости могут быть чрезвычайно различными. Таким образом, мы приходим к вопросу о частичной зрелости и ее критериях.

Если последовательно стоять на точке зрения частичной социализации, то вопрос о зрелости следовало бы ставить следующим образом: какие предприятия, какие отрасли обещают более всего выиграть от реорганизации на социалистических началах. Однако, большинство теоретиков частичной социализации ставит вопрос иным образом: какие отрасли и предприятия дошли до того, что их дальнейшее существование на капиталистической основе представляется опасным для народного хозяйства и интересов трудящихся масс. По сути дела такая постановка вопроса является незаметным отступлением с позиций частичной социализации. Вопросы борьбы, вопросы соотношения сил, вообще совершенно игнорируемые теоретиками частичной социализации

1) «Archiv», В. 48, S. 331—332, статья Шумпетера.

тии, в этом пункте прорываются на первое место. В результате такого прорыва наиболее зрелыми оказываются те отрасли, в которых монополистическая организация, господство безличного капитала, гегемония банков достигли наивысшего развития.

Некоторые авторы отмечают, что подобный критерий далеко не всегда совпадает с критерием узко понимаемой чисто экономической целесообразности. Один из авторов выражает эту мысль следующим образом. Социализировать все кирпичные заводы Германии, — говорит он, — легче, чем одно лишь предприятие Сименс-Шуккерта, хотя на первый взгляд может показаться наоборот ¹⁾. Точку зрения узкоэкономической целесообразности пытается провести и Ледерер, который, впрочем, подходит к этому вопросу с совершенно иной стороны, чем Браун. Он возражает против обычной точки зрения, считающей, что решающими моментами пригодности той или иной хозяйственной отрасли для социализации является техническое состояние отрасли, возможность управления ею бюрократическим порядком и т. п. По его мнению решающим является вопрос: сможет ли данная социализированная отрасль коммерчески работать и уживаться с несоциалистическими частями хозяйственного целого, т. е. сможет ли она получать кредит, обеспечит свой сбыт, покупать необходимые материалы и т. п. ²⁾.

При обсуждении вопроса, с чего следует начать социализацию, сплошь и рядом у сторонников частичной социализации проскальзывает правильная точка зрения, точка зрения соотношения сил и борьбы между двумя кардинально-различными хозяйственными укладами. Как мы видели выше, вся специфическая теория частичной социализации построена на игнорировании этой борьбы; наиболее характерным для этой теории является как раз представление о возможности постепенной, мирной реорганизации капитализма в социализм, исключаящей необходимость непримиримой борьбы. Тем любопытнее отметить, что иногда точка зрения борьбы и соотношения сил в этой борьбе проскальзывает и у авторов проектов частичной социализации.

Мы уже выше видели, как Гильфердинг несколько раз замечает, что, мол, социализация является в первую очередь проблемой силы (eine Machtfrage), замечает, чтобы тотчас же об этом забыть. Разумеется, так же тщетно мы стали бы ожидать и от других сторонников частичной социализации, чтобы они делали соответствующие выводы из тех своих замечаний, в которых социализация признается проблемой силы и власти. Любопытно, тем не менее, отметить, как правильная точка зрения командных высот появляется иной раз в совершенно неожиданных местах.

Если рассматривать процесс социализации хозяйства, как процесс непримиримой борьбы двух противоположных хозяйственных систем, то момент начала этого процесса должен заключаться в появлении на свет одного из противников. В самом деле, один из противников, и притом

¹⁾ Adolf Braun. Die Sozialisierung.

²⁾ Veröffentlichungen des Vereins für Sozialpolitik, B. 159.

старый, обреченный на гибель, существует уже давно: капитализм. Иначе обстоит дело в отношении другого противника, которому принадлежит будущее, — социализма. Если мы рассматриваем социализацию, как борьбу, и начало социализации, как момент начала этой борьбы, то совершенно ясно, что появление социалистического контрагента этой борьбы на свет может совершиться не в виде появления социалистической теории в голове теоретика и не в виде появления социалистических требований в партийной программе, а исключительно лишь в виде появления социализма в конкретной хозяйственной действительности. Социализм должен занять определенное «место под солнцем», выражаясь в стиле «политики силы», чтобы иметь возможность открыть борьбу и вступить в состязание со старым хозяйственным укладом. Социализм должен овладеть определенными стратегическими пунктами, чтобы быть в состоянии эту борьбу вести, и привести к победе, он должен завладеть командными пунктами. Как сказано, нечаянно, в порядке оговорки, можно найти и у сторонников частичной социализации намеки на подобную постановку вопроса.

Так, Ледерер в своем докладе, уже неоднократно цитированном нами, говорит о необходимости социализации Schlüsselindustrien (т. е. основных отраслей промышленности). Таковыми «ключами» ко всей хозяйственной жизни он считает в первую очередь тяжелую промышленность. Другой автор, занимавшийся детальным исследованием проектов частичной социализации, Эд. Гайман, говорит о «главных артериях» хозяйственной жизни, которыми социализм должен овладеть в первую очередь ¹⁾.

Можно также встретить указания на необходимость социализации тех пунктов, которые служат опорными для власти буржуазии, при чем иногда ставится даже вопрос о связи между экономическим господством и политической властью буржуазии. Так, Гильфердинг эпохи 1919—1920 г.г. часто указывал, что для прочного завладения политической властью социалистам необходимо лишить буржуазию экономических основ ее владычества. Таким способом он надеялся подогреть остывший у социал-демократов интерес к социализации; попытка подобного рода была заранее обречена на полный неуспех, ибо менее всего социал-демократы, осуществлявшие политическое представительство капитализма, были заинтересованы в подрыве его экономических основ.

Представления о связи между политическим господством и экономической мощью капитализма у реформистов отличаются чрезвычайной наивностью. Этот существенный для осуществления социализма вопрос игнорировался в одинаковой степени в обоих направлениях: 1) как вопрос о необходимости разрушения политического господства буржуазии в качестве предпосылки для экономического строительства социализма, и 2) как вопрос о необходимости разрушения экономической мощи капитализма для устранения опасности политической реставрации буржуазного государства. В тех немногих случаях, когда один

¹⁾ Статья о социализации в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». B. 46.

из этих вопросов ставится, это происходит зачастую в совершенно анекдотической форме. Так, в теоретическом органе германской социал-демократии мы вскоре после ноябрьской революции встречаем статью под многозначительным заголовком: «Хозяйственная власть, как основа демократии»¹⁾. «Хозяйственная власть — фундамент политической власти», — провозглашает автор. — «Эту истину ныне надо особенно подчеркнуть, ибо народ уже формально завоевал политическую власть. Ныне должно сделать все, чтобы и хозяйственная власть была завоевана народом».

Начало, казалось бы, весьма многообещающее. Далее автор пытается это положение конкретизировать. — Хозяйственная власть, по его мнению, это власть над рабочей силой и капиталом. Он находит, что власть над рабочей силой уже сейчас находится в руках рабочего класса. Профсоюзы осуществляют эту власть. Остается еще такая мелочь, как власть над капиталом. Оказывается, нет ничего легче, чем разрешить этот пустяковый вопрос. Автор имеет готовый рецепт в кармане: «Другая сторона хозяйственной власти, это — капитал. И над капиталом трудящийся народ может получить все возрастающее непосредственное господство и тем самым одновременно укреплять свою политическую власть. Средством к этому служит потребительская кооперация».

Вот и все. Коротко и ясно, как говорится в подобных случаях.

5. С чего начать?

В концепциях частичной социализации значительную роль играет вопрос о последовательности мероприятий, которые должны постепенно преобразовать хозяйственную структуру общества. Особое значение имеет вопрос о том, какая из функциональных областей народно-хозяйственного целого должна быть захвачена социализацией в первую очередь: производство, обращение, распределение или кредит. Между сторонниками частичной социализации нет единодушия на этот счет. Отсутствие теоретической четкости в определении взаимосвязи и зависимости, существующих между этими функциональными сторонами народно-хозяйственного организма, сделало возможной довольно переструю разногласию в разрешении этого вопроса. Если под оппортунизмом понимать совершенно беспринципное приспособленчество к меняющимся обстоятельствам, то разрешение сторонниками частичной социализации этого вопроса о том, с чего начать, может послужить классическим образцом оппортунизма, пригодным, что называется, для хрестоматии.

Известный теоретик кооперативного движения *Штаудингер* рисует себе осуществление социализма на путях растущего кооперирования и роста кооперативных начал в народном хозяйстве. Пути социализации ему представляются в следующем виде: 1) создание демократического общественно-менового строя (*innerlich demokratische Tauschgemein-*

1) „Die Neue Zeit“, 1918—1919. S. 184 ff.—Wirtschaftliche Macht als Fundament der Demokratie, Von H. Peus.

schaft; имеется в виду, разумеется, кооперирование в области обращения); 2) присоединение к нему производства и 3) обобществление земли и ее естественных богатств. И чтобы рассеять последние сомнения в том, что этот трехэтажный путь является единственно мыслимым, на сцену появляется знаменитая аналогия; применение которой мы уже встречали выше, в другом случае. «В свое время торговля (имеется в виду торговый капитал. *А. Л.*) в этой же последовательности преобразовала старое господское хозяйство, при чем она сперва выступила с готовыми продуктами на рынке, затем постепенно присоединила к себе производство и, наконец, превратила и землю в товар¹⁾».

Таким образом, представитель кооперативного социализма предлагает начать процесс социализации с области обращения и лишь затем присоединять производство, при чем он ссылается на тот бесспорный исторический факт, что капитализм завоевал хозяйство в том же порядке.

Как известно, старое социалдемократическое представление об осуществлении социализма путем «обобществления средств производства» исходило из иной последовательности; во всяком случае, начать социализацию предполагалось именно с области производства, а не обращения. В тот же период, к которому относится предложение Штаудингера, *К. Каутский* выступил с прямо противоположным мнением:

«Основное среди всех средств производства, это — земля. Ее огосударствление связано с наименьшими трудностями... Можно землю, обрабатываемую крупными предприятиями, без дальнейшего огосударствить»²⁾.

Наряду с огосударствлением земли, Каутский предлагает обобществить горное дело, монополистические отрасли индустрии и т. д.

В общем, в первые годы революции большинство сторонников частичной социализации склонялось к тому, что социализация должна быть начата в области производства, точнее — в области зрелых, высокоразвитых отраслей промышленности. Вряд ли можно было бы возражать против такой постановки вопроса. Действительно, крупная промышленность является одним из тех командных участков в народно-хозяйственном целом, без овладения которым о каких-либо действительных шагах к социализму нечего и думать.

Чрезвычайно любопытна судьба вопроса о кредитной системе. Какое место в процессе осуществления социалистического переустройства хозяйства должны занимать банки? — Этот вопрос привлекал внимание теоретиков еще в довоенный период. Изучение экономической структуры новейшей эпохи капитализма сделало очевидным огромное и все возрастающее значение банков в общей системе народного хозяйства. На этой почве возникли сильно преувеличенные надежды на тот результат, который может быть достигнут при помощи овладения банками. Эти преувеличенные надежды, общие большинству социалдемократических теоретиков довоенной эпохи, получили свою

1) *Wege und Ziele der Sozialisierung*. S. 85.

2) *K. Kautsky, Richtlinien usw.* S. 7.

наиболее известную формулировку в «Финансовом Капитале» Гильфердинга. Достаточно завладеть шестью крупнейшими банками, чтобы получить в свои руки всю промышленность и хозяйственную жизнь Германии. Это воззрение теоретически основывалось на переоценке Гильфердингом значения и влияния специфически банковского капитала в общей системе финансово-монополистического капитализма; с другой стороны — столь упрощенное представление о крайне трудном и сложном процессе овладения пролетариатом хозяйственной системой могло вести лишь к оппортунизму в области практической политики.

После войны и революции позиция социалдемократических теоретиков социализации в вопросе о социализации банков меняется коренным образом. Теперь в качестве очередной задачи выдвигается социализация отдельных отраслей (и даже отдельных предприятий) промышленности. В отношении же кредитной системы они, как бы испугавшись своего собственного бывшего куража, бьют отбой по всей линии. Гильфердинг вспоминает о своем требовании социализации банков почти как о грехе молодости. Если это требование имело смысл до войны, то ныне — находит он — о немедленной социализации банков нечего и думать: банки в результате войны превратились почти исключительно в кредиторов государства, близкого к банкротству; овладение банками не даст ничего, кроме неприятностей ¹⁾. Отто Бауэр приводит еще иной, чрезвычайно характерный аргумент. По его мнению, банковская система должна быть на первых порах пощажена от социализации, ибо банки должны в ближайший период служить каналом, по которому в обескровленный хозяйственный организм Австрии будут притекать средства из-за границы, со стороны; эта задача также не может быть выполнена социализированным кредитным аппаратом ²⁾. Если соображения подобного рода отнюдь не лишены на первый взгляд, практического основания, то все же крайне характерно, что здесь совершенно отсутствует точка зрения *борьбы* двух систем; совершенно затушеван вопрос о том, в какой мере кредитный аппарат в руках буржуазии будет служить средством борьбы против социализма, и, с другой стороны, в какой мере этот же кредитный аппарат, включенный в социализированный сектор хозяйства, смог бы служить опорой в борьбе против капиталистических элементов экономики.

Попытки частичной социализации зрелых отраслей промышленности потерпели крах; много было теорий, планов, проектов, а в действительности не случилось решительно ничего. Этот печальный исход послужил поводом для новой ревизии вопроса о том, с чего следует социализацию начать. Новый пересмотр берет на себя *Карл Реннер* ³⁾, концепция которого — с соответствующими изменениями и различиями — представляет своеобразную амальгаму из вышеприведенной фи-

лософии Штаудингера и первоначального Гильфердинговского плана о социализации банков. Круг идей, таким образом, завершен.

Марксистская школа, по мнению Реннера, слишком мало внимания обращала до настоящего времени на процесс обращения. Обычно весь интерес привлекался процессом производства. Упущалось из виду, что в капиталистическом хозяйстве процесс обращения играет совершенно исключительную и крайне важную роль. «Очевидно, самый процесс обращения является высшим законодателем и судьей капиталистического общества; он составляет собственную проблему социализации; он реализует ценность и прибавочную ценность, он распределяет их между хозяйствующими лицами, он является последней инстанцией хозяйственной судьбы всех» ¹⁾.

Производство, в сущности говоря, уже обобществлено, — считает Реннер. Но продукт общественного производства поступает в капиталистическое обращение, и от него все качества. Поэтому всякая социализация должна начинаться именно с процесса обращения. При новейшем капитализме процесс обращения играет совершенно исключительную роль. В этом процессе происходит непрерывная экспроприация одних и обогащение других, бесконечная флуктуация ценностей и собственности. Предпосылки для социализации процесса обращения также имеются налицо. Новейшее развитие приводит к распространению и господству безличной формы предпринимательства, к господству ценных бумаг, являющихся титулами собственности. Достаточно государству взять на себя управление этими фиктивными ценностями, и наиболее легкий путь к осуществлению социализма будет открыт. Преимущество этого метода заключается в том, что все полезные предпринимательские силы, все техники и специалисты спокойно останутся на своих местах, процесс производства не потерпит ни малейшего ущерба, и в то же время цель социализма будет достигнута: прибавочная ценность будет притекать не в карманы капиталистов, а в кассы государства, в руках которого находятся ценные бумаги, представляющие права собственности на промышленные предприятия ²⁾.

К сожалению, Реннер подробнее не останавливается на существенном вопросе о том, каким путем и способом произойдет сей замечательный переворот. Категорическое требование нарушения производственного процесса говорит о многом; повидимому, мирные и спокойные пути социализации, вроде развития кооперативного движения и создания рабочих банков, должны играть решающую роль в этой «социализации процесса обращения». Таким образом, в практическом отношении весь план вполне свободно умещается в рамках давно знакомого реформистского рецепта. Что же касается теорети-

¹⁾ Ibid., S. 338.

²⁾ Справедливость требует отметить, что еще раньше подобные соображения о завладении монополистическим аппаратом капитализма через огосударствление фондов были развиты Парвусом. — Parvus, Die Verstaatlichung der Banken und der Sozialismus, а также „Der Staat, die Industrie und der Sozialismus“, Berlin, 1919.

¹⁾ Allgemeiner Kongress der Arbeiter und Soldaten-Räte. Доклад Гильфердинга о социализации.

²⁾ Der Weg zum Sozialismus. S. 25.

³⁾ Karl Renner. Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung. См. нашу рецензию на русский перевод этой работы — «Вестник Комм. Академии» № 17.

ческой обосновки этого плана, то ее недостатки очевидны. Все открытие Реннера покоится на безнадежной путанице и смешении понятий.

Следует различать технический процесс производства от «производства в широком смысле», которое в своем определении включает известную характеристику остальных функциональных сторон хозяйства—обращения, распределения, потребления¹⁾. Производство в широком смысле является приматом в хозяйственной жизни; та или иная его форма определяет собой те или иные формы обмена, распределения и т. д. Лишь вульгарное наблюдение поверхностных явлений может привести к утверждению, что весь капитализм гнездится лишь в сфере обращения, в то время как сфера производства от него почти что освобождена и очищена. Если здесь имеется в виду технический процесс производства, то это означает бегство из области социальных отношений в область, служащую лишь в конечном счете основой для развития этих отношений, но непосредственно с ними не совпадающей. Если же иметь в виду «производство в широком смысле слова», производство, как социально-экономический процесс, то это утверждение попросту неверно. Ибо только на поверхности явлений можно получить представление, что продукт становится товаром, а труд — ценностью лишь в процессе обращения. На самом деле, товарный характер производства, ценностная форма проявления трудового регулятора, прибавочная ценность, как форма прибавочного труда и т. д.— все это предопределено и обусловлено социальными отношениями производства, имеющимися в наличии еще задолго до наступления периода обращения в каждом отдельном случае, а именно: характером общественного производства, как производства самостоятельных товаропроизводителей, превращением рабочей силы в товар и т. д.

Капиталистическое хозяйство следует рассматривать не как технический процес производства — в этом качестве оно теряет все свои специфические, социальные и исторические особенности,—а как «производство в широком смысле». При таком подходе обнаруживается коренная ошибка, которую делает большинство теоретиков частичной социализации в своих попытках разрешения вопроса: с чего начать?— Они искусственно разрывают единый хозяйственный процесс²⁾ на такие части, которые *раздельно* существовать и развиваться могут лишь в абстрактном анализе теоретика, а не в хозяйственной действительности. В жизни капиталистическое производство, распределение, обращение составляют единое и неразрывное целое. Разрыв с принципами капиталистической системы в одном пункте неминуемо влечет за собой далеко идущие отзвуки во всех остальных функциональных сферах хозяйства. Социализация индустрии (производство) поэтому

¹⁾ См. К. Маркс. Введение к критике политической экономии. Далее, как бы специально для Реннера, написана фраза: «Процесс капиталистического производства, рассматриваемый в целом, представляет единство процесса производства и обращения» («Капитал», т. III, стр. 10).

²⁾ Разве не звучит насмешкой, что Реннер догадался озаглавить свою работу: «Хозяйство, как единый процесс»?

немыслима в сколько-нибудь серьезном виде без социализации банков (кредит), той или иной степени социализации торговли (обращение). Это обстоятельство приобретает тем большее значение, если не упустить из виду основной характеристики переходной экономики, заключающейся в борьбе и состязании, взаимных попытках вытеснения и замены, непрерывно развертывающихся на поле борьбы двух противоположных хозяйственных структур, систем, принципов.

Отсутствие точки зрения тоталитета хозяйственной жизни и сознания неизбежности борьбы двух начал осуждает на полную бесплодность рассуждения теоретиков частичной социализации по вопросу: с чего начать?

А. Леонтьев.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

I. Экономика Китая в европейской науке

«Экономическая история китайского народа в сущности неизвестна». Так прямо заявляет г-жа Ли (Mabel Ping-Hua Lee) в введении к своей *Экономической истории Китая*¹⁾, появившейся в 1921 г. Полнейшей неосведомленностью европейско-американских ученых во всех вопросах, относящихся к развитию китайского хозяйства, объясняется, по мнению г-жи Ли, то обстоятельство, что современные хозяйственные условия Китая представляются западным экономистам какой-то загадкой, чем-то таким, что в исследованиях о законах и развитии хозяйства нередко изображается, как странное исключение.

Права ли г-жа Ли в своем утверждении? Не всякий специалист-синолог подпишет под ним без оговорки. Ведь существуют, как никак, классические сочинения о Китае старых французских иезуитов — напр., *Description de la Chine du Halde*²⁾, или 15-томные *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs et les usages des Chinois*³⁾, заключающие в себе, помимо многого другого, и богатый материал по экономическим вопросам. Мы имеем, далее, описания, составленные географами и другими исследователями второй половины прошлого века (Ф. фон-Рихтгофеном⁴⁾, участниками австро-венгерской экспедиции в Восточную Азию в 1868 и следующих годах⁵⁾, Э. Реклю⁶⁾ и др.; в этих сочинениях мы тоже находим ряд экономических сведений о новом Китае (у Рихтгофена не только о новом, но также о старом и древнем).

С конца XIX века началось, кроме того, серьезное обсуждение экономических вопросов Дальнего Востока в публицистике, которая до того подходила к Восточной Азии преимущественно с точки зре-

1) The Economic History of China. With special Reference to Agriculture studies in history, economics and public law, edited by the faculty of political science of Columbia University. Vol. XCIX 1921. 461 стр.

2) Из переводов иезуитов отметим только de Mailla's, *Histoire générale de la Chine*, 15 томов, Париж, 1777 — 83 гг. — гигантский свод китайской историографии, воспроизводящий китайские летописи до 1708 г.

3) *China*, 5 томов, Берлин, 1877 — 1922.

4) Отчет об этой экспедиции был издан К. V. Scherzer'ом в 1872 г.

5) *Nouvelle Géographie universelle*, Vol. VII, 1882, стр. 1 — 647.

ния собрания занимательных курьезов. Расширение круга хозяйственных интересов европейско-американского капитала нашло себе выражение в изменении всего строя европейской и американской публицистики. Хозяйственники, купцы, инженеры и банкиры¹⁾, представители дипломатического ведомства²⁾, журналисты³⁾ и миссионеры⁴⁾ — все они, если только они работают или работали в Китае, пишут о китайских делах, и часто именно об экономическом положении Китая. Хозяйственной жизни Китая посвящаются специальные руководства⁵⁾ и периодические сборники, тем более обширные, чем ближе к нашему времени. И даже официальная университетская наука о Китае упоминает иногда при случае о фактах экономического порядка.

Но правда, научно разработанной экономической истории Китая мы до сих пор все-таки еще не имеем. Практические деятели капиталистически-империалистического «проникновения» в Китай большей частью не имеют ни малейшего представления о методических предпосылках, необходимых для научно плодотворных наблюдений над китайским хозяйством в целом, но зато всем им в высшей степени свойственна узость кругозора, порождаемая практической заинтересованностью. Иностранцы купцы, банкиры и промышленники, равно как и их технические, дипломатические и церковные представители, дают обыкновенно описание внешних явлений товарного и денежного обращения, а в последнее время и обзоры возникающей крупной фабричной промышленности. Но они даже не пытаются объяснить эти явления динамическими законами хозяйственного строя Китая (а это, в главном, все еще означает — законами сельскохозяйственного производства⁶⁾). Отдельные технические⁷⁾ или юридические описа-

1) Англичане и французы, по понятным причинам, вступили на этот путь раньше немцев. Из немцев назовем А. Н. Ехпег'а: *China*, 1889 (Экснер посетил Китай в качестве представителя Германского Банка в германском железнодорожном консорциуме по эксплуатации Китая). Далее отметим коллективный сборник *Hellaueg'a—China. Wirtschaft und Wirtschaftsgrundlagen*, 1921. Авторы вошедших в этот сборник статей — купцы, инженеры, видные банковские служащие и т. д.

2) Eugène Simon, *La cité chinoise*, 1885; Max V. Brandt, *33 Jahre in Ostasien*, 1901, и др. работы; Arthur Rosthorn, *Geschichte Chinas*, 1923, и *Das soziale Leben der Chinesen*, 1919.

3) *Navaarra—China u. die Chinesen*, 1921, 2 тома (автор был долгое время сотрудником и редактором шанхайского «Ostasiatischer Lloyd»); Gilbert Reid и множество других.

4) Arthur H. Smith, *Village Life in China*, 1900. Совсем недавно появилась книга W. Oehler'a, *Chinas Erwachen* (в 1925 г.).

5) J. Arnold, *Commercial Handbook of China*, Washington; *The China Year-Book*, Tsientsin and London, выходит периодически.

6) Образец такого чисто внешнего, вульгарного описания хозяйства дал в самое последнее время Georges Dubarbier, *La Chine contemporaine, politique et économique*, 1926.

7) Технические описания можно найти, кроме уже названных работ, у Klauke, *Nutzpflanzen u. Nutztiere Chinas*, 1922. Новейший европейский труд о китайском сельском хозяйстве — W. Wagner, *Die chinesische Landwirtschaft* (1926, 668 страниц) — тоже почти не выходит из рамок чисто технического описания.

ния¹⁾ нисколько не меняют дела. В общем господствует точка зрения вульгарной экономии. Требования научности, если только вообще над ними задумываются, считаются вполне удовлетворенными, если удастся «перевести (свои) обыденные представления на ученый язык» (К. Маркс, *Theorien über den Mehrwert*, III, стр. 575²⁾).

Труды иезуитов и географов тоже дают нам только материал или, в лучшем случае, частичные поперечные разрезы для построения хозяйственной истории Китая, но ни в коем случае не самую эту историю. Хуже всего, правда, обстоит дело со специальной синологией, с китаеведением в узком смысле слова. Такие люди, как Био³⁾, Плат⁴⁾ и, в последнее время, Эркес⁵⁾, уделяющие больше внимания экономическому фактору, являющиеся в этом отношении одиночками; сколько-нибудь широкого круга подражателей они во всяком случае не нашли. Приведем небольшую статистическую сводку, весьма показательную для общего характера европейской синологии (кроме русской). Большой англо-немецкий журнал «*Asia Major*» дает в специальном отделе обзор новейших работ отдельных ученых. За 1924 год в обзоре по синологии⁶⁾ мы находим названия 36 работ, которые распределяются следующим образом по различным областям: история — 10; история религии — 8; философия — 6; искусство — 4; история литературы — 13; хозяйство — 0.

Мы не будем здесь останавливаться на общественных причинах этого примечательного явления⁷⁾. Приведенных фактов во всяком случае достаточно, чтобы дать определенный ответ на поставленный

1) Из юридических работ лучшей является до сих пор книга О. Франке, *Rechtsverhältnisse am Grundeigentum in China*, 1903. Формы земельной собственности и их изменения классифицируются автором очень тщательно, в духе Линнеевой систематики растений. Но свести данные формы собственности к соответствующим формам производства автор даже и не пытается. — Большой заслугой Франке является его перевод и издание Кен-Чи-т'у (*Ackerbau u. Seidengewinnung*, 1913), китайского правительственного учебника по агрономии. Книга дает хорошее представление о постановке производства в двух важнейших отраслях китайского хозяйства — производства риса и шелка.

2) К немногим счастливым исключениям принадлежит произведенная в 1889 г. Британским Королевским Азиатским Обществом аграрная анкета, которая заставила многих миссионеров в различных китайских провинциях дать элементарные сведения о производстве, а также о своеобразных имущественных и арендных условиях и об условиях труда. Смотри об этом: *Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, 1889, стр. 59—174.

3) Статьи об истории денежной системы и сельского хозяйства в Китае, см. *Journal Asiatique*, III серия, III том (1847) и VI том (1838).

4) См. особенно его *Landwirtschaft der Chinesen u. Japaner im Vergleich zu der europäischen (Sitzungsberichte der Academie der Wissenschaften zu München, 3 т. 1873, стр. 275—348)*.

5) *China*, и далее *Chinesische Literatur*, 1922.

6) *Asia Major*, 1924, стр. 749.

7) В своей работе *Die Wissenschaft der bürgerlichen Gesellschaft*, 1922, стр. 32, автор настоящей статьи указал на плачевное состояние синологии в германских университетах и на причины этого явления. Сказанное там нуждается в дополнениях и поправках. Анализ причин резко неравномерного развития синологии в Германии, Франции, Англии, России и Америке требует обстоятельного социально-экономического исследования.

выше вопрос. Права ли г-жа Ли в своем упреке западной экономической науке, что она не имеет связанного и достаточно полного представления о китайском хозяйстве, т.-е. следовательно о таком комплексе фактов, который охватывает около четверти всего населения земного шара? Да, она бесспорно права. Отдельные гениальные замечания Маркса и Энгельса об основных законах «азиатских» хозяйственных укладов нисколько не колеблют этого положения, как не колеблет его и широко задуманный опыт Макса Вебера по социально-экономическому анализу Китая¹⁾. Самый гениальный намек никак не может заменить систему; в лучшем случае он может лишь оказать неопределимые услуги при ее построении. Что же касается работы Макса Вебера, то она, по словам самого автора, не дает истории китайского хозяйства. Прибавим от себя, что анализ М. Вебера, в силу методологических оснований, неизбежно остался фрагментом, приступом, правда, наиболее значительным приступом, сделанным буржуазной социологией в области изучения Китая.

Таким образом, экономическая история Китая еще должна быть написана. Г-жа Ли, очевидно, полагает, что ей удалось это сделать. Она без ложной скромности называет свой труд «первым современным обзором экономической истории Китая»²⁾. Такая аттестация вызывает большие ожидания. Ведь ясно, что хорошая экономическая история Китая, помимо вытекающего из нее расширения общего исторического кругозора, должна еще дать ответ на ряд вопросов, которые поставлены и каждый день ставятся вновь событиями последнего времени. Г-жа Ли сама говорит: «Китай стоит перед экономической революцией». Развитие капиталистических отношений в Китае окажет самое глубокое влияние на весь его хозяйственный уклад, между прочим и на его сельское хозяйство. «Никто не может предсказать будущее, потому что никто не может знать, как фактически поведут себя китайские массы. Но все-таки будущее есть плод сегодняшнего и вчерашнего дня, и наиболее правдоподобный прогноз может быть основан только на исследовании того, как реагировали китайские массы на различные обстоятельства в прошлом»³⁾.

Это выражено очень расплывчато и недостаточно научно.

Чтобы уточнить мысль китайской писательницы, мы скажем: если удастся вскрыть динамические законы, образовавшие и поддерживавшие прежний социально-экономический уклад Китая, то тем самым будет создана единственная подлинно-научная основа для теоретического анализа «нового» Китая, вырастающего ныне из своих старых хозяйственных форм. А теоретический анализ преобразующегося Китая имеет двойное значение: «местное» и международное. Что касается первого, то мы видим, как в последнее время в политической жизни Китая появляются новые классы — современная буржуазия и современный пролетариат⁴⁾. Вместе с тем и старые классы Китая —

1) *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, I том, 1920.

2) Стр. 14.

3) Стр. 23.

4) См. об этом Wittfogel, *Das erwachende China*, 1926.

«мандарины», ремесленники и крестьяне — при вполне очевидно начавшемся среди них классовом разложении, продолжают играть роль в социальных и экономических движениях современности. Спрашивается: каков характер и каков закон социальной динамики новых классов Китая? Какова природа современных движений в китайском крестьянстве? Имеем ли мы здесь дело с крестьянскими движениями старого типа, как они периодически повторялись в Китае уже в течение тысячелетий? Или же нынешний аграрный кризис являет существенно новые черты?

На все эти вопросы может дать научно-состоятельный ответ только хорошая экономическая история Китая. Но такая история может в то же время пролить свет и на другой комплекс вопросов. Еще в пятидесятых годах прошлого столетия Маркс указал на то *обратное воздействие*, которое экономическое революционизирование Китая окажет на социальное движение Запада¹⁾. Энгельс продолжил эту мысль и заострил ее в 1894 г. в письме к Зорге в утверждение, что «завоевание Китая капитализмом даст вместе с тем толчок к падению капитализма в Европе и Америке»²⁾. В подробностях многое сложилось, конечно, не так, как Маркс и Энгельс предсказывали в прошлом веке, но сущность высказанной ими мысли оправдалась целиком. Экономически-социальные процессы в Европе за последнее время (мы имеем в виду хозяйственный кризис Европы, начавшийся со времени под'ема индустриализации в больших азиатских колониях и полуколониях — хотя, конечно, не по одной этой причине — и очевидно связанный с ростом освободительного движения в этих странах) доказывают, что события в Китае имеют, помимо «местного», еще и мировое значение. В социальную историю Европы, а сейчас это значит в историю европейского рабочего движения, рабочие, буржуа, крестьяне и ремесленники Китая (а также, разумеется, Индии и Египта) вписывают не мало важных страниц. Поэтому каждый исследователь экономического и социального развития Европы должен отнестись с величайшим вниманием к обещанному г-жей Ли «первому современному обзору экономической истории Китая».

II. Методологические основы экономической истории г-жи Ли

Каким методологическим требованиям должна удовлетворять научная экономическая история Китая? Задача, которую ставит себе г-жа Ли, так обширна и вместе с тем так необыкновенно трудна, что можно было бы подумать, что она, так сказать, вооружилась в методологическом отношении до зубов, прежде чем приступила

¹⁾ См. об этом изданные Д. Рязановым статьи и замечания Маркса о Китае и Индии в журнале «Под знаменем марксизма», год 1-й, 2 книга, стр. 370 сл. Важнейшее место, пожалуй, следующее: «При таких условиях можно с уверенностью предсказать, что китайская революция бросит искру в пороховой порох современного промышленного строя и вызовет взрыв давно уже подготавливающегося общего кризиса» (стр. 383. Из статьи Маркса от 1853 г.).

²⁾ Переписка с Зорге, в нем. изд. (Штуттгарт, 1921), стр. 416.

к выполнению своей работы. К сожалению, однако, это далеко не так. Под влиянием своих американских учителей китайская писательница относится крайне пренебрежительно к вопросам научной методологии. В своем предисловии она заявляет (и в этом заявлении ясно слышна гордость автора выражаемой им точкой зрения): «Настоящая работа имеет чисто индуктивный характер. В уме автора не было никаких предвзятых мнений (по *pre-conceptions whatever*), кроме сознания той разительной противоположности, какую представляют китайские условия (по сравнению с условиями в странах древнего Востока, в Риме и в до-индустриальной Англии. Э. В.). Тут приходится сказать, что выражение «никаких предвзятых мнений» чрезвычайно растяжимо. Если оно означает требование свободы от недопустимых в науке предрассудков, то против него, разумеется, решительно ничего нельзя возразить. У Карла Маркса, т.-е. именно у того мыслителя, который с особенной яркостью вскрыл объективную обусловленность всякого научного познания общественной позицией познающего, мы находим замечание, точно раз'ясняющее, в чем тут дело. «Человека,— говорит Маркс,— который старается приспособить науку к точке зрения, почерпнутой не из самой науки, пусть даже ошибочной, а взятой извне, из области чуждых и внешних для науки интересов, я называю *пошлым*» (Theorien über den Mehrwert, II, стр. 312 сл.).

К сожалению, однако, г-жа Ли, как это явствует из ее предисловия и из всего ее изложения и подхода к источникам, имеет в виду вовсе не отказ от такого рода «предвзятых мнений». Нет, под отвергаемыми ею «*pre-conceptions*» она разумеет *всякую методологию вообще*. Ее лозунг: чисто «фактическое» исследование, разработка источников и больше ничего. Такова, в самом деле, методологическая программа китайской исследовательницы. И уж не ее вина, а вина того пути, на который она вступила, если в действительности вышло не совсем так.

Мы не будем останавливаться на том, что необходимость исходить из фактов, из «материала» есть нечто самоочевидное и для марксизма, который далеко не является «чисто индуктивной» теорией. «Исследование,— говорит Маркс,— должно детально усваивать материал, исследовать различные формы его развития и разыскивать их внутреннюю связь». Еще более заостренную формулировку дает интересующему нас вопросу Энгельс в старом предисловии к «Антидюрингу»: «В том мы все согласны, что во всяком научном исследовании как природы, так и истории исходить надобно из данных *фактов*» (Архив Маркса и Энгельса, кн. 2, стр. 130).

Г-жа Ли явно переоценивает, таким образом, оригинальность своего «индуктивного» метода. Но в такой же мере недооценивает она значение *дедуктивного* элемента во всякой научной работе¹⁾. Дело в том, что овладение фактами совершается не «само собой»,

¹⁾ О бессмысленности «чисто индуктивной» точки зрения см. замечания Энгельса, сделанные им в связи с исследованиями о диалектике в природе (Архив М. Э., кн. 2, стр. 68, 120, 124 и др.).

как вслед за американскими эмпиристами полагает наша китайская исследовательница, но требует сложного познавательного процесса, который отделяет существенное от несущественного и тем впервые открывает путь к пониманию «действительных» фактов, т.-е. фактов, составляющих природу изучаемого предмета. Отказ от мыслительных категорий, выработанных человечеством в течение тысячелетий его умственного развития, отбросил бы вставшего на этот путь мыслителя к начальным стадиям всякого познания, в состояние интеллектуальной первобытности, если бы такой отказ вообще был возможен. Но в том-то и дело, что он *невозможен*, потому что никто не может действительно *вырваться* из окружающей его атмосферы исторически создавшихся культурных благ. Человек может только, отбросив высоко развитые, испытанные категории мысли, вернуться к категориям устарелым и пользоваться ими безотчетно, наивно воображая, что он обходится без всяких вспомогательных методологических средств. Энгельс с этой точки зрения издевался над теми натур-философами, которые «думают, что они освободились от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячих взглядов так наз. образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательного университетского курса по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо из не критического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгарных остатков самых скверных философских систем» (Архив М. Э., кн. 2, стр. 36).

В этих словах Энгельса содержится точнейшее описание того, что должно фактически случиться с такой исследовательницей хозяйства, как г-жа Ли. Вместо того, чтобы опереться на единственный действительно плодотворный метод исторического мышления, на марксизм, она опирается наивно и, очевидно, совершенно не осознавая характера своего метода, на «самые скверные, вульгарные остатки самых скверных философских систем», на отбросы самых жалких буржуазных историков хозяйства.

Приведем для иллюстрации два-три примера. Подобно всякому историку, желающему, чтобы с ним серьезно считались, г-жа Ли старается опереться на тщательно собранный документальный материал. «При исследовании источников, — пишет она, — я старалась использовать все возможное для освещения изучаемого предмета, и собранные мною данные являются исчерпывающими». До сих пор ничего не возразишь с самой критической точки зрения. Но далее наш автор продолжает: «... исчерпывающими в такой мере, что они

воспроизводят всякое сведение о сельском хозяйстве и экономической политике, встречающееся в китайской энциклопедии» (курсив наш). Это сообщение уже наводит критического читателя на размышления. Во-первых, ведь существует не одна единственная китайская энциклопедия—The Chinese Encyclopaedia, как весьма небрежно выражается г-жа Ли. Китайская история знает целый ряд энциклопедий (В. Грубе говорит в своей *Истории китайской литературы* о «многочисленных энциклопедиях» Китая). И если даже из датировки приводимых г-жею Ли источников, из которых позднейший (стр. 420) относится к 1743 г., можно заключить, что речь идет об энциклопедии из манчжурской эпохи, то это еще далеко не разрешает наших сомнений. Ибо ясно, что таким образом исследованию поставлена внешняя граница; все, что составителями использованной энциклопедии было пропущено, как маловажное, не могло быть принято во внимание и г-жею Ли. Так, чтобы ограничиться одним примером, она ни словом не упоминает о «бамбуковой летописи», которая, по Легге¹⁾, в своей древнейшей части была составлена около 769 г. до нашей эры, а между тем в этой летописи, на ряду с сухими хронологическими перечнями сменяющих друг друга властителей, попадаются и отдельные ценные данные по истории хозяйства. Эти данные не были использованы г-жею Ли, очевидно, потому, что она пользовалась таким собранием источников, в котором бамбуковой летописи не отведено надлежащего места.

К этим границам, которые г-жа Ли сама поставила себе своим «индуктивным», т.-е. некритичным, подходом к источникам, присоединяется еще один момент, ограничивающий познавательную ценность использованных ею материалов (при чем и это ограничение опять-таки обусловлено беспредельной методологической наивностью китайской исследовательницы). Г-жа Ли дает экономические характеристики определенных эпох на основании сочинений, написанных через 1000—1500 лет после характеризуемой эпохи. Так сведения о раннем чжоуском периоде (1122—400 гг. до нашей эры) даются по Чо-Ю-Тун-Дин, составленному около 780 г. нашей эры, при чем ни единым словом не объясняется, почему не могли быть привлечены современные источники или почему был выбран именно такой способ изложения. «Чистая индукция» здесь явным образом сама себя приводит к абсурду, потому что «источником», исторически пригодным «фактом» считается всякое сведение, случайно попавшее под руку индуктивному исследователю. Если мы к этому еще добавим, что иногда близкие по содержанию документальные цитаты просто сшиваются вместе без всякого указания на принадлежность отдельных частей цитируемого текста к различным источникам (только в заглавии отмечается, что произведена подобная «комбинация»), то можно будет составить себе приблизительное представление о том, как оправдал себя на собирании и разработке источников по истории хозяйства «чисто индуктивный»

¹⁾ The Chinese Classics, т. III, ч. 1, стр. 178 (1865).

метод, не связанный «никакими предвзятыми мнениями» также и насчет способа использования источников.

Скрытое привнесение негодных, устарелых точек зрения обнаруживается, конечно, на каждом шагу и в самом изложении (которое предшествует выпискам из источников). Так, на стр. 25—26 специфическая форма китайского поля (не вытянутого в полосу, как в европейской деревенских общинах, а имеющего вид шахматной доски) выводится не из материальных условий китайского сельскохозяйственного производства, а, на идеалистический лад, из способа размежевания полей («the almost standard measurement of Chinese fields»). Так, упоминая о направлениях в китайской политической экономии, наш автор говорит, молчаливо предполагая однородность обстоятельств и идей на протяжении тысячелетий, о двух постоянных направлениях, «классическом» и «практическом» (стр. 15). Это благополучно избавляет ее от необходимости дать конкретную характеристику различных направлений, школ и систем, ибо по рубрикам «отсталости» и «прогрессивности» можно, конечно, в любой исторический момент распределить кое-как всех наличных мыслителей. Реальные вопросы истории китайских экономических теорий, безусловно заслуживающих внимательного изучения, при таком подходе к делу не только не разрешаются, но даже и не ставятся.

В одном только месте автор откровенно выставляет некоторый методологический принцип (некоторую «pre-conception»). «Вопрос об истощении почвы оказывается решающим при изучении истории Европы, его влияние явно обнаруживается повсюду» — такой фразой начинает китайская исследовательница свой труд (стр. 13), и на всем его протяжении она старается, следуя своему учителю Симковичу, доказать, что факт истощения почвы имеет подобное же значение и для Китая (стр. 32). К сожалению, дело не идет дальше благого намерения. Только в очень редких случаях удается ей найти в источниках такие места, *буквальный смысл* которых мог бы еще, пожалуй, быть истолкован в духе ее (т.-е. Симковича) теории (см., напр., стр. 265 и 266). Понятие истощения почвы нигде не подвергается анализу. Если бы этот анализ был проделан, то выяснилось бы, что «естественное» понятие Симковича должно быть выражено в экономически-социальных терминах, чтобы вообще иметь какой-нибудь исторический смысл; оказалось бы, что за мнимо «естественным» явлением истощения почвы скрываются совершенно другие, именно экономические категории. О подобном анализе г-жа Ли, как сказано, не позаботилась. Ее представление об истощении почвы поневоле остается поэтому мертвым придатком к ее изложению, ни в малейшей мере не проникая его изнутри, как то, очевидно, входило в намерения автора.

К отмеченным явным недостаткам книги г-жи Ли присоединяется, еще тот, что книга отнюдь не является, как обещано в заглавии, *общей* историей китайского хозяйства, а только историей сельского хозяйства Китая. Из положенной в основу книги энциклопедии данные о ремеслах, торговле, денежной системе и т. д. привлекаются

только мимоходом и только там, где это было совершенно необходимо. Это можно было бы еще извинить (хотя *заглавие* книги во всяком случае остается неправильным), если бы составительница при собирании материалов и при изложении своего предмета хотя бы только представляла себе общую экономическую картину. Но именно этого-то и нет. И в результате г-жа Ли не сумела дать не только историю хозяйства вообще, но даже и историю сельского хозяйства; она дала только богатый *материал* (при пользовании которым следует быть весьма осторожным, потому что он собран самым наивным образом) по экономической истории Китая. В дальнейшем этот материал будет подвергнут критическому разбору. При этом выяснится, в какой мере г-жа Ли использовала в своем изложении собранные ею данные и не придется ли, при другой методологической установке, сделать из этих данных такие выводы, которых она не сделала.

Как уже упоминалось, книга г-жи Ли распадается на две главные части: на *изложение* (стр. 21—133) и на *выписки из источников* (вторая часть, стр. 137—421, гораздо обширнее первой). В конце книги приложены еще весьма тщательно составленные обзоры китайских мер и весов в различные эпохи (стр. 426 сл.), краткие сведения о количестве народонаселения и о размерах посевной площади, данные о величине земельных владений и о сборе урожая (стр. 436—451). В дальнейшем мы будем пользоваться всеми тремя частями книги, оговаривая там, где нужно, идет ли речь об *изложении* составительницы, или лишь о приводимых ею свидетельствах *источников*.

III. Древнекитайский аграрный коммунизм

Г-жа Ли называет первый большой период аграрной истории Китая «классическим». В центр этого периода она ставит историю системы *цин-тиси*, следуя в этом отношении общепринятому взгляду китайской и не-китайской науки. Так и новейшая германская синология, правда, как мы увидим, без подробного рассмотрения предмета, единогласно признает существование и важность названной системы¹⁾. К сожалению, однако, то, что мы узнаем от г-жи Ли об этом важном предмете, не свидетельствует об ее сколько-нибудь глубоком подходе к усвоенной ею точке зрения; наоборот, она часто явным образом ниспадает с уже достигнутого научного уровня, все равно, считать ли его высоким или низким. Прежде всего, это следует сказать об ее обращении с источниками. «Источником» для изучения древнейшего исторического периода (Хуан-Ти, 2698—2599 гг. до нашей эры) является у нее *Ан-Кун* и *До-Ю-Тун-Дин*, два исторических сочинения, составленных в XI и VIII веке нашей эры, при чем выпи-

1) См. Franke, Rechtsverhältnisse, стр. 8 сл.; A. Conrady, China, Pflugk-Hartung'sche Weltgeschichte, том о Востоке, стр. 517, 534; Erkes, China, 1919, стр. 66 сл.; R. Wilhelm, Mong Dsi, 1916, стр. 53; F. E. A. Krause, Geschichte Ostasiens, 1925, I, стр. 77; и т. д.

ски из обеих книг она соединяет в *один* текст, ничем не отмечая их принадлежность к двум разным источникам.

Основположная работа Конради (вошедшая во *Всемирную Историю* Пфлугк-Гартунга) появилась в 1910 г., стало быть, на целых десять лет до составления книги г-жи Ли. Едва ли допустимо трактовать, как *quantité négligeable*, достигнутые Конради результаты, которые подверглись обсуждению в международном масштабе. Труд Конради является образцовым не только со стороны использования старейших *не-литературных* памятников культуры (древнейших письменных знаков и первобытных пережитков в религиозных и светских обычаях старого Китая), но и со стороны привлечения древнейших *литературных* источников: Шу-ки, Ши-ки, Чу-ли, со стороны анализа и реконструкции древнейших экономических и социальных порядков Китая. Соображения Конради о древнейшем хозяйственном укладе китайцев (охота и плодосборное хозяйство, затем земледелие и скотоводство) должны бы быть использованы в качестве исходного пункта каждым будущим историком Китая, какие бы отдельные поправки он ни счел необходимым внести в них. Для «первого современного обзора» г-жи Ли всех этих подготовительных работ современной синологии вообще не существует. Научных сведений о древнейшей истории китайского хозяйства мы поэтому не встречаем у нее вовсе.

Она начинает с системы *цин-тиен*. Что представляет собою эта система? *Цин-тиен* означает «колодезное поле». По указаниям китайских источников, под системой «колодезных полей» разумеется аграрно-коммунистическая община. Традиционный взгляд, повторяемый г-жею Ли (стр. 33), изображает это общинное устройство следующим образом: большой квадрат — для эпохи чжоуской династии он определяется в 900 китайских моргенов («му») — делится на девять равных квадратов, при чем восемь внешних квадратов предоставляются восьми крестьянским семьям, входящим в данную общину, а девятое поле, расположенное в середине, является господской землей, которую эти восемь семей должны совместно обрабатывать в пользу государства или феодала. В среднем поле находится колодец, от которого вся система и получила свое название.

Когда и в силу каких причин возникла эта «колодезная система» (если предварительно допустить, что она действительно существовала в таком виде)? Для выяснения этого вопроса г-жа Ли могла бы обратиться, кроме древнейших литературных и не-литературных китайских источников, к этнологии или к сравнительной истории аграрных отношений. Она предпочла искать ответа собственными силами. *Цин-тиен* не является, по ее мнению, исходным пунктом развития. В период перехода к оседлому состоянию аграрно-коммунистической земельной общины еще не было и в помине (стр. 36 сл.). Лишь в следующий период, известный под названием *Хуан-Ти*, было организовано, по изложению г-жи Ли, девятипольное землеустройство. Почему? Земля начала становиться «ценной», что, конечно, равносильно тому, что в ней начал ощущаться недостаток. «Начались ссоры и

споры из-за полевых межей, и не естественно ли, что правящая власть (the governing authority) предложила свою систему землеустройства в административных целях?» (стр. 37).

Не подымая пока дальнейшего вопроса о том, действительно ли система девяти полей является древнейшей известной нам формой китайского землеустройства (позднее выяснится, что это не так), рассмотрим здесь вкратце, насколько состоятельна с научной точки зрения аргументация г-жи Ли.¹⁾ На первый взгляд она кажется приемлемой. В аграрной истории Запада мы находим аналогичные явления. Так, по поводу древнего периода германской истории Макс Вебер говорит, что для непредвзятого взгляда «строго *уравнительное* распределение земли» а priori является выражением того обстоятельства, что «в земле стал ощущаться недостаток»²⁾. И тем не менее мы имеем здесь дело с явно ошибочным умозаключением. Почему же, имея в виду земельные нужды, одни лица не могли захватить больше земли, чем другие? Ведь осуществление коммунистического распределения уже предполагает наличие того *уравнительного* принципа, который г-жа Ли старается вывести из начавшейся земельной нужды. Значит, объяснения и требует как раз факт существования и даже господства первобытно-коммунистической тенденции. Если бы даже «правительство»²⁾ действительно оказалось, как полагает г-жа Ли, достаточно сильным, чтобы сверху декретировать (и, что труднее, провести в жизнь) систему аграрного коммунизма, то и это было бы только новым доказательством, что высокие законодатели успели убедиться на опыте в целесообразности *уравнительного* начала. Но в силу какой причины коммунистический принцип представлялся целесообразным и может быть даже необходимым? Боязнь раздоров, конечно, не могла быть единственной тому причиной. «Ссоры и споры» не прекращались со времени возникновения частной собственности и разделения людей на богатых и бедных, но медленного перехода к коммунистическому строю отсюда еще не получалось. В области права и морали, куда перенесла вопрос г-жа Ли, мы не найдем удовлетворительного ответа. А между тем г-жа Ли сама наводит нас на правильное решение вопроса, когда говорит о тех преимуществах, которые представляла по данным старых китайских авторов система аграрного коммунизма. Эти преимущества заключались, между прочим, в улучшении *производства*, в облегчении обмена продуктами (не «товарами»), наконец, «во всеобщем сотрудничестве» (стр. 34). Г-же Ли оставалось только спросить себя, не были ли как раз эти потребности производства той причиной,

¹⁾ „Gesammelte Aufsätze zur Sozial u. Wirtschaftsgeschichte“, 1924, стр. 549.

²⁾ О характере этого «правительства» г-жа Ли ничего не говорит. Здесь было бы совершенно необходимо остановиться на возникновении древне-китайского классового общества. Richthofen (China, стр. 343) ясно говорит о «господствующем классе», который он представляет себе вторгшимся извне. В последнее время G. Haloun, в большом специальном исследовании о древнейшей истории китайских кланов, подтвердил и углубил эту мысль Richthofen'a (Asia Major, 1924, Contributions to the history of clan settlement, стр. 80 сл.).

которая заставила китайцев, именно древнейших обитателей Китая, еще не знавших над собою никакого «правлящего» класса, с самого начала принять кооперативную аграрно-коммунистическую форму общежития. Но г-жа Ли только констатирует названные преимущества и притом на основании источника, который она даже не считает нужным указать. А затем наша исследовательница сообщает нам, в качестве своего собственного оригинального мнения, не смущаемого никакими *pre-conceptions*, что колодезная система возникла, вероятно, вследствие ссор из-за полевых межей. Так прикованность взгляда к юридической поверхности явлений мешает китайской писательнице вывести социальный уклад древнего Китая из основных потребностей трудового процесса. Буржуазные классовые предрассудки, бессознательно возведенные на степень методологического принципа, не позволяют ей обратиться к единственно плодотворному методу. Насколько содержательнее по сравнению с этим то немногое, что говорит Карл Каутский в своей книге «Этика и материалистическое понимание истории» (стр., 113 нем. изд.) о выросшей из условий производства необходимости пришедшей к коллективистической организации общества на берегах Нила, Евфрата и Хуан-хэ!

В качестве источника по истории раннего периода чжоуской династии (с 1122 г. до нашей эры) г-жа Ли пользуется, главным образом, книгой Чжоу-Ли (стр. 141 и след.). Прекрасно. Но г-жа Ли могла бы или, во всяком случае, *должна бы* знать, что значение Чжоу-Ли, как исторического источника, вызывает очень большие сомнения. Мы лично думаем вместе с г-жей Ли, что названная книга восходит действительно к началу чжоуской династии, что она не является подделкой позднейшего времени. Но эту точку зрения следовало как-то обосновать, ибо, в противном случае, читатель совершенно лишен возможности составить себе собственное мнение о действительном достоинстве преподносимых ему источников¹⁾.

Кроме данных о системе *цин-тиен*, которые мы сейчас рассмотрим подробнее, г-жа Ли сообщает кое-что о техническом развитии земледелия в «классический» период. Но каковы были действительные размеры этих технических успехов, при этом не выясняется. К III тысячелетию относится упоминание о системе плосменного полеводства (чередование высоких и низких «рядов» на полях с целью дать почве годовой отдых). Впрочем, подробности, а следовательно и конкретные преимущества этой системы, по словам г-жи Ли, неизвестны. В общей форме много говорится об усовершенствованиях в деле орошения. Далее, г-жа Ли сообщает еще о новой системе земледелия, рассчитанной на сохранение влажности почвы. Введение этой так называемой «системы полос» относится к началу шанской династии, т.-е.

¹⁾ По вопросу о подлинности Чжоу-Ли сравни Erkes, Literaturgeschichte, стр. 15 сл.; Grube, Geschichte der chinesischen Literatur, стр. 108, и особенно Richtofen, China, I, стр. 410. Richtofen приводит все существенные аргументы противников и опровергает их пункт за пунктом; его собственные аргументы сохраняют до сих пор всю свою силу. Изложение Erkes'a подтверждает и подкрепляет точку зрения Richtofen'a.

к XVIII веку до нашей эры (стр. 40). Очень серьезным нововведением было, наконец, использование буйволов для запряжки плуга (стр. 144). Но тут мы уже подошли к концу «классического» периода, вместе с которым заканчивается и эпоха системы *цин-тиен*.

О самой этой системе мы узнаем следующее. В эпоху древнейшей из трех исторически доступных нам «первых» династий (Ся, 2205—1766 гг.) квадратный участок земли, обрабатывавшийся одной крестьянской семьей, был величиной в 50 му, при шанской династии (1766—1122 гг.)—в 70 му, при чжоуской (1122—249 гг.)—в 199 му (стр. 41). По этому поводу г-жа Ли замечает: «Это не значит непременно, что произошло изменение в величине земельных участков, могли меняться и единицы измерения». Жаль, что эта довольно важная мысль не получила дальнейшего развития.

Если до конца шанской династии исторические источники действительно очень скудны (хотя и не настолько, как это могло бы показаться по изложению г-жи Ли и по приводимому ею документальному материалу¹⁾, то с чжоуской династией мы уже вступаем в яркий свет истории; и этому не мешает то обстоятельство, что хронологические данные становятся вполне достоверными только с 841 г. К этому времени относится указание Чжоу-Ли, что при «колодезной системе» земля делилась не механически на вполне равные части, а в соответствии с определенными обстоятельствами, повышавшими или понижавшими достоинство земли. При этом руководствовались тремя признаками: 1) расположением участка относительно ближайшего города, 2) величиной семьи, имевшей право на надел, и 3) качеством почвы.

«Поблизости от городов каждая семья получала 100 му закрепленной за ней земли, которую можно было возделывать каждый год; или 200 му земли второго сорта, которая возделывалась через год; или 300 му земли третьего сорта, которая возделывалась через два года в третий». Но и помимо этих различий не каждая семья получала участок с одинаково хорошей почвой. «Большой семье в семь человек, из них трое взрослых, предоставлялась лучшая земля; нормальной семье в шесть человек, из них двое-трое взрослых, предоставлялась земля среднего достоинства; небольшой семье в пять человек, из них двое взрослых, предоставлялась земля худшего качества» (стр. 141).

¹⁾ Совершенно неиспользованной осталась, как уже замечено выше, «бамбуковая летопись». Очень слабо использован также Шу-Кин, составленный Конфуцием сборник старых исторических свидетельств, речей и постановлений. Книга Ю-Кун, о которой Richtofen говорит, что это «самое древнее географическое и статистическое сочинение, какое вообще дошло до нас», что в нем «содержится больше сведений об истории культуры, государственном строе, способах сношений, торговле и ремеслах того времени, чем в исторических источниках какого-либо другого народа, относящихся к столь отдаленному прошлому, и чем во всех остальных китайских источниках, за все последующее тысячелетие»,—эта книга, на которую г-жа Ли ссылается только в одном месте на стр. 138 сл., очевидно, оценена ею далеко не по достоинству.

Эти указания Чжоу-Ли вносят значительную гибкость в обычное чисто-схематическое представление о системе *цин-тиен*. Здесь мы не можем останавливаться на этом вопросе. Несомненно только, что в виду приведенных мест из Чжоу-Ли нельзя уже поддерживать тот взгляд, будто вся территория древнего Китая, именно Китая времен чжоуской династии, была разделена на геометрически равные квадраты. Заметим еще, что и помимо всех отмеченных выше дифференцирующих моментов уже одни естественные свойства почвы не могли допустить математического деления древне-китайской земельной марки. Мысль о том, напр., что колодец всегда находился в девятом поле, ведь попросту нелепа. В формуле «девяти» полей сказывается все та же своеобразная склонность к схематизированию, столь свойственная древне-китайской бюрократии и проявляющаяся и в других сходных обозначениях (напомним о «девяти» горах, «девяти» реках, «девяти» озерах Ю-Куна). Как раз четвертая часть книги Ю-Кун дает в этом отношении интересный материал. Мы находим там описание тогдашнего Китая, производящее такое впечатление, будто все китайское государство было построено на точных математических принципах. Это описание долго принимали за чистую монету, но в последнее время стал все больше укрепляться взгляд, что мы имеем здесь дело с «изложением совершенно химерического, идеального плана об организации государства на математических началах». «Эта математическая схема столь несбыточно теоретична, что о ее практическом осуществлении, конечно, никогда не могло быть и речи» (Richthofen, China, I, стр. 278 и 279).

Приводимые г-жею Ли данные из Чжоу-Ли о факторах дифференциации еще далеко не решают вопроса о системе *цин-тиен*. Но они во всяком случае дают важный материал для преодоления господствующего до сих пор представления о числовой формуле «девяти» полей. Эта формула принята без комментариев такими выдающимися синологами, как Конради, Франке и Вильгельм. Мы находим ее также у Эркса и Краузе (у всех этих авторов в уже цитированных нами местах). Но если, напр., Конради не только без оговорок принимает «колодезную» систему, но и считает ее «древнейшей» (он говорит о ней в отделе о «первобытном периоде», т.-е. о времени до императоров Яо, Шун и Ю и, значит, задолго до династии Ся), то другие авторы, тоже, правда, не подвергающие сомнению формулу девяти полей, все же отмечают, что во всяком случае при императорах из династии Ся сбор урожая с 5 му (стало быть, одна десятая всего урожая) сдавался в виде налога государству¹⁾. Это обстоятельство

1) E. Biot, — «Mémoire sur la condition de la propriété territoriale en Chine depuis les temps anciens. Journal Asiatique», serie III, т. 6. 1838. Работа Biot, опирающаяся главным образом на Ма-Туан-Лина, послужила одним из главных источников для упоминаемой выше работы Макса Вебера. См. далее Kiong-Shi-Yi, Essai sur les doctrines socialistes en Chine, Paris, 1925, стр. 18, сл. и Wen-Hsien-Liu, Die Verteilungsverhältnisse des ländlichen Grund und Boden und dessen Betriebsweise in China. Paris, Frankfurter Dissertation, Berlin 1919 г., стр. 19.

отнюдь не противоречит представлению о коммунистической организации древне-китайской сельской общины; но оно, конечно, свидетельствует об эволюции этой организации. О том, что система «девяти» полей была «древнейшей», как принимает еще Конради, едва ли можно теперь говорить.

Наши немногие беглые замечания о системе *цин-тиен*, быть может, дали читателю хотя бы самое приблизительное представление о тех трудностях, с которыми связан научный анализ китайских аграрных отношений. Некоторых сторон вопроса (каковы, напр., проблема организации труда, проблема обмена услугами, проблема влияния феодализма на аграрную общину) мы при этом не коснулись вовсе. Изложение г-жи Ли не дает для решения всех этих важных вопросов ничего нового, наоборот, она не поднимается даже до достигнутого уже уровня научного познания. Но приведенные ею места из Чжоу-Ли о дифференциации земельных наделов заслуживают самого пристального внимания.

IV. Китайский феодализм

Экономическая история «классического» периода Китая отнюдь не исчерпывается темой об аграрных отношениях, как ни велико значение последних. Книга г-жи Ли, по крайней мере, в своей документальной части, показывает, что составительница хотя и смутно сама это чувствует. В первой части книги она не раз высказывается о феодализме и его проявлениях; в обеих частях сообщается кое-что о не-аграрных отраслях хозяйства.

Начнем со второго пункта. Мы узнаем, по цитатам из книги До-Ю-Тун-Дин, что в первое время чжоуской династии семьи «ученых, рабочих и купцов» получали только 20% того количества земли, которое приходилось на долю крестьянских семей (стр. 142). В тексте рассказывается о девяти профессиях, по которым регистрировалось население. «Почти все были, повидимому, отнесены в разряд сельского хозяйства». Если отдельные лица и были рабочими (laborers), ремесленниками или купцами, то они все-таки были вместе с тем и крестьянами; каждый должен был в большей или меньшей мере работать в сельском хозяйстве и каждый входил, таким образом, в систему *цин-тиен* (стр. 44).

Из этих замечаний с полной ясностью вытекает, что (как мы, впрочем, это знаем и из многих других источников) в Китае классического периода уже существовал дифференцированный хозяйственный порядок. Выше, отмечая сообщения о различной величине земельных наделов в зависимости от их положения, мы уже убедились в существовании *городов* (о том, когда в истории Китая города возникли впервые, мы здесь не можем говорить). Теперь мы узнаем о ремесленниках и даже о рабочих. Эти группы не были оторваны от крестьянской земли и, тем более, от своих родичей¹⁾.

1) Неправильностью методологических предпосылок г-жи Ли объясняется то, что она в своем изложении и подборе материалов совершенно игнорирует

Но сокращение их земельного надела до одной пятой обычного размера все же показывает, что принадлежность этих элементов к крестьянству в общем и целом стала уже второстепенным моментом, а для некоторых из них, в первую очередь, вероятно, для богатых купцов, она была чисто формальной.

К сожалению, г-жа Ли не отнеслась к этому факту с достаточным вниманием. Ни данные из книги Шу-Кин, ни весьма содержательные указания Чжоу-Ли о развитии торговли и ремесел не использованы ею. О форме обмена — о том, напр., с каких пор, в каких размерах и в каком виде существовало денежное обращение — в ее «экономической истории» не упоминается ни одним словом.

То, что г-жа Ли сообщает о древне-китайском феодализме, не многим содержательнее. Сказанное ею об этом предмете (стр. 37, 40, 46 сл.) не выходит из рамок тех трафаретных суждений, которые читатель найдет в соответствующем отделе большинства историй Китая. Почти непонятное со стороны образованной китайской писательницы упущение заключается в том, что она оставляет без упоминания взгляды крупнейшего политико-философского авторитета того времени, Менция (Мен-Це), на систему *цин-тиен* и на феодальные отношения.

Что касается городов, то достаточно вспомнить, какую роль сыграло появление самостоятельных городов в Европе в истории возникновения современного капитализма, чтобы оценить все значение городской жизни и для хозяйственной истории Китая. Когда мы видим, как в Китае феодальная аристократия владеет собственными городами, с помощью которых она пытается вести самостоятельную политику против центральной власти, то это явственно напоминает ранние формы европейско-средневековой социальной системы. Если, напр., в книге Шу-Кин рассказывается о том, что высокие сановники Хе и Хо (во время династии Ся), борясь против императора, удалились в свои города и что для их подчинения пришлось прибегнуть к военной силе¹⁾, если из того же источника мы узнаем о суровых мероприятиях центральной власти против городов («владыка Ся... покорила города Ся»), если наконец во времена Конфуция²⁾ и Менция³⁾ знатные феодальные семьи, опираясь на свои города, то и дело выступают с разными притязаниями, — то ведь все это имеет вполне определенную подоплеку, вполне ясное социальное значение. К сожалению, наша составительница «первого современного обзора экономической истории Китая» не разбирается в этих вопросах совершенно.

Если г-жа Ли не сумела объяснить нам происхождение и структуру китайского феодализма (для выполнения этой задачи она, во всяком случае, обладала солидной научной подготовкой), то, разумеется, и ее

трудоу и социальную организацию вообще и, в частности, ни слова не говорит о *роде* и его хозяйственном значении.

¹⁾ Издание Legge, The Chinese Classics, III, т. I, стр. 162 сл.

²⁾ См. Wittfogel, Geschichte der bürgerlichen Gesellschaft, 1924, стр. 106; R. Wilhelm, Kung-Futse Gespräche (Lun-Yü), 1914, введение, стр. XVI.

³⁾ Издание Legge, The Chinese Classics, II. 1895, кн. I, ч. I, гл. I.

соображения об упадке этого строя тоже должны были оказаться мало удовлетворительными. Мы узнаем от нее только, что система *цин-тиен* пришла в упадок. Почему? Потому что она «перестала гармонировать с условиями» (стр. 51). Это, без сомнения, верно; но было бы чрезвычайно интересно узнать, почему именно и в каком смысле старая аграрно-коммунистическая система перестала гармонировать с условиями. Да и с какими условиями? С условиями старой коммунально-хозяйственной эпохи Ю-Куна, или, может быть, с *новыми*, уже изменившимися условиями, среди которых важную роль играло развитие ирригационного дела, ремесел, товарного и денежного обращения, а с другой стороны — преобразование правящей власти из преимущественно феодальной в преимущественно бюрократическую? На этот вопрос, без рассмотрения которого все речи о гармонии или дисгармонии с «условиями» остаются пустой болтовней, г-жа Ли так и не дает ответа.

Впрочем, это не совсем верно: по крайней мере в собранных ею *документальных материалах* есть намек на решение вопроса. Если искусственное орошение составляло основу производственной жизни Китая, то техническое усовершенствование ирригационного дела должно было интенсифицировать трудовой процесс, повышать его производительность. Частная собственность на землю должна была поэтому стать требованием самого рационализирующегося сельского хозяйства, и ее введение должно было, в конце концов, произойти просто в порядке обычного права. Неравномерная производительность и политические беспорядки (о которых речь впереди) привели затем к тому, что одни расширили свои земельные владения, а другие обеднели и продали свои участки. Феодальные порядки с их опустошительными войнами и разорительными налогами согнали неплатежеспособного крестьянина с земли, а у оставшегося на земле усилили стремление к новому земельному правопорядку. Хозяйственно-крепкий крестьянин захотел стать и юридическим собственником той земли, которую фактически отдал в его руки повышенная производительность его полей и отчаяние его обнищавших соседей. Но и бедный крестьянин, облагавшийся налогом не по своему доходу, а на основании старой схемы девяти полей, проклинал этот старый правопорядок, который взваливал на него непосильное и уже ничем не оправданное податное бремя. Мы узнаем, что часть обедневших крестьян была вынуждена забросить свои пашни и сделаться бездомными бродягами. Кто из этих несчастных людей не мог найти других занятий, тот должен был, по словам Хан-Фей-Це, «продавать свой труд другим, работая на их полях» (стр. 51), а это, конечно, предполагает, что существовали землевладельцы, у которых было достаточно земли, чтобы нанять на ней наемную рабочую силу, и достаточно средств, чтобы эту силу оплатить. В прошедшем социальном перевороте обнаруживаются, таким образом, все противоречия, сопровождавшие рост производительности и дифференциации китайского хозяйства. С этими *новыми* условиями (которые еще обострял распад феодализма) старая система *цин-тиен* действительно не гармонировала.

Главными защитниками старых порядков были феодальные помещики. Их ленные поместья, которые первоначально давались им на время несения службы, превратились в наследственные вотчины¹⁾. Возник тип чисто паразитических господ, которые вместо того, чтобы повышать сельскохозяйственное производство, вели его к гибели и своими постоянными распрями (нередко они сознательно портили при этом хрупкую ирригационную систему), и своими тупоумно-непомерными сборами податей. «Если отец своих подданных доводит дело до того, что его люди трудятся круглый год в поте лица и все-таки не могут заработать столько, чтобы прокормить своих родителей, но вынуждены брать взаймы для покрытия нехваток, и в результате старики и младенцы валяются в дорожных рвах, то можно ли назвать его отцом своих подданных?»²⁾

От этого слоя феодальных господ нельзя было ждать серьезных шагов для преодоления аграрного кризиса. В противовес им те вельможи, которые не «феодализировались», но сделали крупными чиновниками и, в качестве таковых, поддерживали крестьян своей хозяйственной политикой, считали нужным все резче подчеркивать свой характер чиновников, тот характер, который с самого начала придал китайскому правящему классу столь своеобразный облик. Таким образом, растущая дифференциация крестьянства и все более отчетливое выделение двух разных типов — «чиновника» и «воина», а также вызываемые распрями воинственных феодалов нарушения всей хозяйственной жизни привели, в конце-концов, к тем кризисам и волнениям, которыми заполнены последние столетия чжоуской династии³⁾. Умиротворение и объединение империи явилось делом государства Ц'ин, того государства, которое впервые уничтожило старые «межи» в крестьянской общине, заменив их новым порядком, соответствовавшим требованиям времени. Канцлер Шан-Ян «уничтожил (старые) полевые межи и создал новый земельный порядок. Следствием этого было восстановление правильной податной системы (земельного налога)». Это сообщение, взятое г-жей Ли (стр. 144) из книги великого китайского историка Се-Ма-Циена (100 г. до нашей эры), вскрывает тайну успеха той политики, которую вело государство Ц'ин. Создание нового аграрного строя шло рука об руку с разрушением старых феодальных порядков⁴⁾.

Наброшенной нами схемой должна была бы руководиться г-жа Ли как при подборе источников для позднего периода чжоуской династии, так и при попытке анализа и изложения событий. Она не руководилась ею, однако, ни в том, ни в другом случае. Правильно понята ею, хотя и в самых грубых чертах, только роль государства Ц'ин (стр. 51 сл., 144—146). Отдельные бессвязные замечания о значении ирригационной системы (стр. 44, 46, 48, 50) и чиновников иррига-

¹⁾ Meng Tse, немецкий перевод R. Wilhelm'a, стр. 150.

²⁾ Meng Tse, там же, стр. 52.

³⁾ См. Wittfogel, Das erwachende China, 1926, стр. 23.

⁴⁾ Там же, стр. 21—24.

ционного ведомства (стр. 44 и др.) и о попытках дальнейшей интенсификации земледелия (стр. 50) не могут возместить этого недостатка. Для того, кто нашел динамический закон переходного периода, приводимые ею подробности весьма поучительны. Но именно этот динамический закон г-жа Ли и не сумела найти.

V. Две тысячи лет крестьянского и чиновничьего государства

Мы уделили в нашем отчете сравнительно много места проблемам «классического» периода Китая. И это не случайно. Процессы, происходившие в это время, и те причины, которые превратили древнекитайское феодальное государство в позднейший крестьянско-чиновничий Китай, объясняют и характер «среднего» периода китайской истории. Этот период начался, исторически выявился и сообщил жизнь Китая ее характерный облик после падения чжоуской династии в III веке до нашей эры. И лишь с возникновением в XIX столетии современного капитализма в недрах крестьянского и чиновничьего общества зародились элементы новой хозяйственной системы, третьей по счету (или четвертой, если считать отдельно бесклассовое общество первобытного аграрного коммунизма). «Среднему» периоду посвящено наибольшее количество страниц в книге г-жи Ли.

1. Застой или развитие?

В течение рассматриваемых двух тысячелетий Китай видел, как известно, много исторических событий: частую смену династий, бесчисленные войны, религиозные нововведения (распространение буддизма, появление христианских миссионеров). Но Китай жил интенсивной жизнью не только в политическом отношении. Книга Ли, дающая в этой своей части очень богатый материал, показывает, что хозяйственная и социальная история Китая была в этот период тоже крайне оживленной. Мы узнаем о самых разнообразных улучшениях, в сельском хозяйстве, о периодических аграрных кризисах, о прямых катастрофах, о крестьянской нужде и крестьянских революциях, о действиях политической власти, направленных к успокоению крестьянских масс и к поднятию уровня их жизни. Возникает вопрос (правда, г-жа Ли его себе не ставит): находится ли Китай в течение этих двух тысячелетий в состоянии «застоя» или же он продолжал развиваться (в материальном, политическом и культурном отношениях)?

Собранные г-жею Ли документальные материалы позволяют дать на этот вопрос более прочно обоснованный, но по существу уже и раньше известный ответ. Хотя события и перемены, имевшие место за этот огромный промежуток времени, значительно видоизменили, усложнили и углубили экономический принцип, введенный в жизнь Китая цинской революцией, но все же никакой существенно *новой* хозяйственной системы в Китае не возникло до XIX столетия, до проникновения в Китай европейского капитализма. О производствен-

ных отношениях этого «азиатского типа» Маркс сказал, что они «воспроизводятся с неизменностью естественных условий». И тем не менее было бы ошибочно говорить о застое, даже если бы в этом слове не было неизбежного оттенка порицания. Внутреннее созревание раз установившегося производственного и общественного порядка сообщало на протяжении почти всего этого периода движение (и развитие) как хозяйственной, так и духовной жизни Китая. Этому отнюдь не противоречит то обстоятельство, что теперь уже не было тех особых интеллектуальных достижений, которые возможны только в эпохи великих кризисов. «Классический» период в тесном смысле слова, т.-е. период Конфуция и ряда других великих мыслителей, уже не мог повториться. Ибо он являлся лишь духовным выражением великого исторического перелома, перехода от одной эпохи к другой, принципиально новой. А в течение двух тысячелетий крестьянско-чиновничьего государства именно этого и не было: только в самое последнее время создались объективные предпосылки для нового «классического» периода в Китае.

Каких-либо соображений, которые объясняли бы экономическую «неизменность» Китая от цинской династии почти до конца манчжурской эпохи, г-жа Ли в своем «первом современном обзоре» не дает. Когда вспоминаешь великолепную, несмотря на все ее недостатки, попытку Макса Вебера выяснить причины, не давшие возникнуть самостоятельному капитализму в Китае, тогда особенно ясно чувствуешь всю недостаточность работы г-жи Ли, проявляющуюся не только в ее изложении, но, пожалуй, еще больше в неудачном — вследствие неудачной постановки вопросов — подборе материалов. Внутренняя неподвижность крестьянско-мандаринского общественного строя принимается ею просто как факт. Здесь мы снова видим, как «чисто индуктивный» метод приводит к усвоению самых плоских и трафаретных вульгарно-исторических предрассудков.

Вопрос, который Макс Вебер поставил в центре своего экономического исследования, вводит нас в целый лабиринт проблем. Эти проблемы требуют самого тщательного и подробного изучения. Но здесь мы не можем этим заниматься.

2. Успехи сельского хозяйства

Вместо этого мы вкратце перечислим те данные об улучшении сельскохозяйственного производства, которые содержатся в книге г-жи Ли. Мы не будем при этом специально останавливаться на вопросе о том, насколько полны сообщаемые ею сведения (отметим только, что ее данные не являются исчерпывающими). Для опровержения теории «застоя» во всяком случае достаточно и того, что она приводит.

Волом стали пользоваться для запряжки плуга уже к концу чжоуского периода. О дальнейшем усовершенствовании самого плуга мы имеем сведения, относящиеся к временам ханской династии; в по-

следнем веке до нашей эры плуг был снабжен приспособлением, благодаря которому он мог одновременно служить и для распахивания и для засева (стр. 59, 164). К тому же времени (династия Хан царствовала в двух линиях от 202 г. до нашей эры до 220 г. нашей эры) «относятся попытки повысить доходность урожаев с помощью особых мер при обработке земли: появляется система *чу-тиен* (система полос), при которой поле делится на узкие длинные полосы и прокладываются многочисленные тропинки для облегчения доступа ко всем разводимым растениям: рису, просу, пшенице, бобам и т. д.» (стр. 151). Далее упоминается о системе «замещающих друг друга» или «переменных» полей. Эта система заключалась в том, что на смежных полосах разводились растения различной высоты, что давало отдых почве одной полосы и в то же время защиту растениям другой (при частой смене ролей) (стр. 163 сл.). В этот же период высокий чиновник сельскохозяйственного ведомства, Чжоу-Гор, созывает (в 89 г. до нашей эры) своего рода сельскохозяйственный съезд для совещания с опытными крестьянами о возможности технического улучшения сельскохозяйственных орудий и методов работы (стр. 164). Изобретение плуга, служащего одновременно для распахивания и для засева, равно как и введение «переменных полей», состоявшееся, как указывает и г-жа Ли, по инициативе Чжоу-Гора, стоят, вероятно, в связи с происходившим на этом съезде обменом мнений.

Из дальнейших усовершенствований к периоду ханской династии относится создание «колодезных водных путей», т.-е., очевидно, каналов, которые снабжались водой не издалека или не только издалека, но и из находящихся тут же (специально поставленных?) колодцев (стр. 166). О развитии водных путей, о количественном росте оросительной сети мы имеем в сущности сведения из эпохи любой династии. Поэтому мы не будем входить здесь в подробности: они имели бы смысл только в подробной истории отдельных эпох.

Развитие путей сообщения: постройка дороги в Кохинхину (стр. 62), распространение внешней торговли на западе до парфянского царства и даже до Италии (стр. 64), постройка канала при династии Сун (стр. 64 сл.) в 600 г. н. э. в целях облегчения хлебного экспорта — все эти факты не имеют непосредственного отношения к сельскохозяйственной технике; но в качестве показателей хозяйственной мощи Китая и в своем обратном влиянии на внутренний рынок и на экономическую политику правительства они представляют интерес и с точки зрения «чисто» аграрной истории. Обсуждение земледельческих вопросов породило обширную сельскохозяйственную литературу, из которой, после каталога манчжурской династии, книга Чи-Мин-Хо-Шур (составлена в период династии Вей от 368 до 534 гг.) является лучшей до сих пор китайской книгой по сельскохозяйственным вопросам.

После введения бумажных денег при танской династии (617—907 гг.) неограниченный выпуск государственных бумаг не раз оказывал сильное влияние на положение крестьян (стр. 84 сл., 316 и в др. местах). О водяных мельницах и о машинах, приводимых

в движение гидравлическими колесами, мы узнаем впервые со времени танской династии. Обзаводиться подобным оборудованием могли, разумеется, только богатые люди. Злоупотребление водой в целях получения механической энергии, наносящее вред ирригационной системе, повело к ожесточенным спорам, в результате которых употребление гидравлических колес было правительством запрещено (стр. 246). При Сунах (960—1276 гг.) и утвердившихся в Сев. Китае кинских правителях (1115—1234 гг.) тоже велась борьба против такого использования водяной энергии, как вредного для оросительной сети (стр. 286 и 324). Иначе обстояло дело с гидравлическими колесами, служившими для целей орошения. Во времена династии Юан (1237—1367 гг.) был изобретен бесконечный цепной насос, приводимый в движение ногами (он и сейчас употребляется в Китае). Распространение этого прибора, поднимающего воду из низко расположенных рвов на поля (стр. 94), встретило со стороны правительства определенное поощрение. Бедные крестьяне, бывшие не в состоянии приобрести подобное орудие на собственные средства, получали от правительства специальное пособие (стр. 337).

На этом заканчиваются сообщения г-жи Ли об усовершенствованиях в сельском хозяйстве.

3. Аграрные кризисы и их причины

Однако в центре собранных и переведенных г-жею Ли документальных материалов стоит не развитие китайской сельскохозяйственной техники, а нечто совсем другое. Наша писательница собрала почти чрезмерно богатый материал об *аграрных кризисах* за рассматриваемый период китайской истории. Получается такое впечатление, что китайская деревня находилась в непрерывном экономическом и социальном брожении. От той аграрной идиллии, которую мы находим в писаниях многочисленных новых и новейших писателей о Китае, не остается и следа.

Отвратительны *формы проявления* китайского кризиса: голод, людоедство, продажа жен и детей в рабство и, наконец, уход с мест, превращение наиболее энергичных элементов обнищавшего крестьянства в бродяг (или разбойников). Не будем приводить соответствующих цитат из книги г-жи Ли. Относящихся сюда мест так много в ее книге, что пороку хотелось бы, чтобы составительница дала меньше материалов по этому вопросу, но зато больше по другим. Но этим нагромождением ужасных подробностей она во всяком случае достигла одного — разрушения всех идиллических иллюзий о характере китайской истории, о райском житии при старом, крестьянско-чиновничьем строе. Становится ясно, что «двухтысячелетний» Китай бывал жертвой тяжких и даже тяжчайших аграрных кризисов, которые к тому же обрушивались на него с жуткой периодичностью. Остается объяснить, *почему* эти кризисы наступали и какими способами они ликвидировались.

Над решением этого вопроса г-жа Ли не очень ломает себе голову. «Мы знаем,— заявляет она,— что все голодовки в Китае приписываются следующим причинам: наводнению, засухе, появлению саранчи¹⁾ и восстаниям. Но о саранче и восстаниях упоминается лишь в редких случаях, а наводнение и засуха отмечаются очень часто. Стало быть, в Китае голод обычно вызывается наводнением или засухой, т.-е. избытком или недостатком воды» (стр. 40 сл., примечание). Итак, г-жа Ли считается в своем объяснении только с так называемыми «естественными» причинами. Не будем здесь говорить о том, что и «естественные» причины всегда должны рассматриваться с общественной стороны. Для племени рыбаков и охотников и для такой промышленной страны, как, напр., Англия, вопрос об избытке или недостатке речной и дождевой воды имеет, конечно, совсем не одинаковое значение. Только *вполне определенные* хозяйственные уклады реагируют на чрезмерный или недостаточный приток воды немедленным хозяйственным кризисом. При этом и в пределах одного и того же уклада отдельные типы проявляют далеко не одинаковую чувствительность. И верно то, что из всех аграрных стран именно Китай реагирует с наибольшей чувствительностью на все нарушения в области «естественно-обусловленных производительных сил труда» (Маркс).

Тем не менее было бы совершенно неправильно ограничиваться, как это делает г-жа Ли, упомянутыми естественными причинами кризиса. Для материалиста-диалектика именно здесь и возникает вопрос: не содержатся ли в самой природе хозяйственного строя Китая определенные моменты, которые препятствуют свободному развертыванию наличных производительных сил, которые, следовательно, уже сами по себе, в качестве факторов *общественной* жизни, нарушают процесс сельскохозяйственного производства, а временами приводят его даже к прямым кризисам? Другими словами, не имеются ли, наряду с упомянутыми естественными причинами, также и *социальные* причины кризисов? И если да, то каково отношение между причинами того и другого порядка?

В полном соответствии с методологическим уровнем всей своей работы г-жа Ли даже не затрагивает этих вопросов; более того, она решительно отбрасывает, как нечто маловажное, отмеченные другими авторами социальные факторы кризисов (восстания). Не вдаваясь в подробное обсуждение относящихся сюда проблем, мы постараемся все-таки наметить, опираясь на собранный г-жею Ли материал, в каком направлении следует искать те социальные причины аграрных кризисов, которые, несомненно, были внутренне присущи крестьянско-чиновничьему общественному строю Китая. Хотя материалы г-жи Ли собраны под другим углом зрения, но в них можно найти кое-что интересное и с этой стороны.

¹⁾ Г-жа Ли пишет «черви» (worms). Мы установили с помощью г-на Liang-Hui-Lo, что это неверный перевод, и что следует читать не «черви», а «саранча». Китайский иероглиф, который она переводит словом «черви», читается houang и означает «саранча».

Социальные причины кризисов за рассматриваемый период можно разделить на две группы: на причины, имеющие государственный характер, и на причины частного порядка. Рассмотрим сначала вторую группу. Вредную для хозяйства роль играют как раз хозяйственно наиболее крепкие элементы деревни (отчасти и города). В этой роли обыкновенно выступают деревенские богатеи, купцы, чиновники, а иногда и члены царствующей династии. Важным фактором в процессе обнищания населения было при этом *ростовщичество*, опустошительное действие которого нам так хорошо знакомо из аграрной истории Греции и из истории Индии. Если г-жа Ли приводит, напр. (стр. 273), из времен сунской династии правительственный указ, воспрещающий богатым «взимать больше ста процентов по ссудам пшеницей, рисом или деньгами», то это лишь один пример из многих (добросовестно сообщаемых и г-жею Ли), по которым можно судить, какова была фактическая высота процентных ставок. Ростовщичество (к которому присоединялся еще тяжкий гнет налогов) влекло за собою скупку обремененных долгами полей; при этом, наряду с применением крайних мер экономического давления, нередко пускалась в ход и открытая сила (стр. 159 сл., 238, 240, 280, 314 сл., 352 сл.). Временами момент насилия до такой степени выступает на первый план, что г-жа Ли даже прямо употребляет выражение «enclosures» (стр. 309, 340 и др.). Типично китайской формой этих «enclosures» является присвоение себе (богатыми землевладельцами) оросительных каналов (стр. 69, 234, 244, 246, 353) и осушение жизненно-важных водовместилищ (прудов, озер) с последующим захватом осушенной площади (стр. 298, 304, 310, 311). «В результате бедные крестьяне (the poor) не имеют риса, просят подаяния и идут работать на чужих полях» (стр. 240). В конце-концов разражается кризис. Найдя таким образом, на основании сообщаемого г-жею Ли материала, социальных виновников кризисов в лице богатых ростовщиков и землевладельцев, мы должны были бы, разумеется, попытаться затем вскрыть тот экономический закон, который делает возможным самое существование этих «богатеев». Откуда берется в крестьянско-чиновничьем обществе накопление земельных и денежных богатств? На этот счет мы не находим ни малейших указаний не только в изложении г-жи Ли, но и в собранных ею материалах. А потому и мы, с своей стороны, вынуждены оставить здесь открытым этот вопрос, находящийся в теснейшей связи с проблемами, поставленными Максом Вебером.

К другой группе социальных причин китайских аграрных кризисов мы отнесем причины политического характера. Если только что рассмотренные явления (разорение крестьян хозяйственно-крепкими частными лицами) вызывали, как нечто противоестественное, неудовольствие, а иногда даже и прямой отпор со стороны государства, то, переходя к политическим причинам аграрных кризисов, мы сталкиваемся с такими явлениями, которые раскрывают перед нами глубочайший жизненный закон всего исследуемого общественного строя. Мы подходим к основному внутреннему противоречию

между крестьянским обществом и его своеобразной политической формой.

Г-жа Ли с завидной безмятежностью прошла и мимо этой проблемы. Но в собранных ею материалах можно найти ценные указания. Центральным политическим фактором, вызывающим кризисы, является *война*. Военные выступления власти далеко не одинаково легко совместимы с различными хозяйственными формами. Охотник и кочевник может, вообще говоря, без труда соединить военные действия со своими трудами по добыванию средств к жизни. Крестьянин, будучи в буквальном смысле прикреплен к земле (glebae adscriptus), гораздо тяжелее на под'ем; и, пожалуй, тяжелее всех других именно крестьянин, возделывающий рис. Вот где реальные корни так часто и всегда в таких мистических тонах изображавшегося китайского пацифизма. Для китайца, производящего рис, потрясения войны должны быть гораздо страшнее, чем для европейского производителя ржи и пшеницы или для африканского производителя проса, потому что китайский крестьянин «сильнее ощущает свою зависимость от сложных и хрупких приспособлений для орошения и возделывания полей»¹⁾. Это в особенности относится к войне, введущейся внутри собственной страны. Но и войны в чужих землях ненавистны крестьянину. Война отнимает у него — там, где существует воинская повинность — его лучшие рабочие силы; она везде и всюду выжимает из него повышенные *налоги*. Об этом, обусловленном военными потребностями, налоговом гнете (как, впрочем, и о «нормальном») г-жа Ли говорит в стольких местах своей книги, что мы находим излишним приводить здесь отдельные страницы.

Маркс часто указывал на то, какую роль играют в жизни крестьянина налоги. «Наполеон говорил на острове св. Елены, что восстановление винного налога больше способствовало его падению, чем все остальное, потому что оно оттолкнуло от него южно-французских крестьян... Когда во Францию шествовала реставрация, впереди нее мчались не только казаки, но и обещания отменить винный налог». О значении налогов в «азиатских» общественных укладах Маркс тоже высказал принципиальные соображения. Здесь, по его словам, «рента и налоги совпадают, или, вернее, здесь не существует налогов, отличных от земельной ренты». Путем налоговых сборов с крестьянина взимается таким образом земельная рента. При этом она может выжиматься из него «и посредством вне-экономического давления». В заостренной формулировке мы можем выразить это так: классовая борьба между господствующим слоем и крестьянством ведется здесь в форме налоговой борьбы. В «спокойные» времена, когда правительство кое-как справляется со своими задачами по верховному руководству сельскохозяйственным производственным процессом (установление календарных дат, регулирование ирригации) и с задачей обеспечения общественно-политических предпосылок

¹⁾ Karl Haushofer, Südasiens Wiederaufstieg zur Selbstbestimmung, 1923, стр. 114.

хозяйственной деятельности (обеспечение мира, обуздание бандитов и ростовщиков, борьба с взяточничеством чиновников), крестьянин хоть и неохотно, но все же без особого ропота идет на уплату нормальных налогов. В такие времена правительство может совладать даже со стихийными кризисами, если только они не обрушиваются сразу же в громадных размерах, и может предупредить вспышку социальных волнений. Но стоит только этой неустойчивой системе поколебаться — от внутреннего ли или от внешнего толчка, или от обоих вместе, иногда еще сопровождаемых какой-нибудь стихийной катастрофой, — и неизбежным следствием является открытая гражданская война, нередко заканчивающаяся свержением династии.

Одно из внутренних противоречий рассматриваемого общественного уклада заключается в том, что тут «внешние» поводы кризисов, войны, являются не случайными обстоятельствами, которые могут возникнуть или не возникнуть, но чем-то таким, что с необходимостью периодически повторяется в силу особенностей данной социальной формы. Для того, чтобы воевать, требуются две стороны. Если одна из них явно лишена воинственности и в то же время богата, то другая сторона, особенно, когда она вообще склонна воевать («не по расовым» своим свойствам, а в силу своего социального уклада), будет пользоваться каждым поводом, чтобы броситься в бой. Когда такая ситуация становится постоянной, тогда и война должна сделаться регулярным явлением.

Именно таково было положение в Китае. Правительства крестьянско-чиновничьего государства, вообще говоря, не были воинственны. Если какая-нибудь новая династия и приносила с собой из азиатских степей «воинские доблести», то они всегда и неизбежно должны были уступать место «пацифистскому» настроению. Хозяйственной этике оросительных канав и рисовых пашен соответствовала — должна была в конце концов соответствовать — адекватная государственная этика. Это вело к сравнительно низкой оценке «воинских доблестей». В Китае того времени солдат был в общем презренной фигурой. Но такое отсутствие воинственности, в соединении с относительно громадными материальными богатствами, должно было возбуждать до крайности вождения соседних «варварских» кочевников и повышать их и без того воинственное настроение. Отсюда *постоянные* военные столкновения со степными кочевниками на северных и западных границах. Отсюда столь характерный для истории Китая факт, что его то-и-дело покоряли воинственные кочевые племена. Отсюда то своеобразное явление, что три великие китайские династии — чжоуская, юанская и маньчжурская — были «чужеземными» в указанном смысле:

Помимо этих *удавшихся* завоеваний, подчинивших Китай на 1.400 лет владычеству кочевников (впрочем, всегда очень быстро ассимилировавшихся), шли бесконечные пограничные войны, в которых «варвары» успеха не имели или имели только частичный успех (гунны во времена чжоуской династии, кинь в сунский период).

Таков, следовательно, основной динамический закон новой истории Китая. Только уяснив себе этот закон, выражающий своеобразие

экономической структуры китайского государства, историк сумеет дать вместо простого хронологического перечня разрозненных фактов подлинно научное изображение смены китайских династий. Но и «чисто» аграрная история не может обойтись без рассмотрения отмеченных выше основных фактов. Действительно «современная» история хозяйства должна была бы исследовать налоговую политику правительства и периодические аграрные кризисы в связи с внешней политикой и ее нарушающими равновесие моментами. Г-жа Ли этого, разумеется, не сделала. Но за ней остается та бесспорная заслуга, что она собрала соответствующие материалы и таким образом проделала подготовительную работу, которая окажется полезной для будущих историков.

Действительно, а не мнимо «современная», т.-е. марксистская экономическая история Китая могла бы также установить, в какой мере большие аграрные и политические кризисы в Китае (большие крестьянские восстания) должны быть сведены к стихийным и в какой мере — к *общественным* причинам.

4. Способы преодоления аграрных кризисов

Попытки преодоления кризисов имеют двоякий характер. Одни идут «сверху», от правительства; это разные формы *государственной* помощи и мероприятия правительственной аграрной политики. Другие исходят от низов: тут мы имеем дело с актами самопомощи, с легальными или нелегальными попытками самих страдающих крестьянских масс устранить причины кризиса и таким образом выйти из него. Г-жа Ли сообщает нам об обеих формах борьбы — гораздо подробнее, конечно, о мерах государственной помощи, но все же по ее данным можно составить себе представление и о мерах самопомощи, применявшихся крестьянскими массами.

Об одной из форм крестьянской взаимопомощи, о кредитных организациях китайской деревни, г-жа Ли, к сожалению, совсем не упоминает. Зато она приводит много данных о более отчаянных мерах борьбы с аграрной нуждой — об отказе от уплаты налогов и о временном бродяжничестве. Еще более активную форму отчаяния представляет собою бродяжничество, связанное с грабежом, — переход к бандитизму. Но наиболее активной и массовой формой крестьянской самозащиты, в случае безвыходного аграрного кризиса, является открытое вооруженное восстание. Крестьянские восстания, сами по себе или в соединении с другими факторами, были почти всегда причинами падения царствующей династии. Более подробное рассмотрение этого факта выходит из рамок настоящей статьи. Отметим только, опираясь на данные, приводимые г-жею Ли, что на протяжении рассматриваемого нами двухтысячелетнего периода *все* «великие» династии пали в результате аграрной революции, или во всяком случае в связи с таковой: ханская (стр. 186), танская (стр. 69, 71, 248, 249), сунская (стр. 88, 267), юанская (стр. 95) и минская (стр. 107);

о более мелких династиях, вроде Ву в III веке нашей эры (стр. 191), и говорить не приходится.

На ряду с этим революционным разрешением кризисов или, вернее, в рамках этих революций, разворачивались государственные мероприятия по смягчению вызванных кризисами бедствий, а также по предупреждению или ослаблению самих кризисов. Эта сторона хозяйственной политики китайских правительств часто излагалась и нашла много восторженных поклонников и в Европе. Правда, при трезвом подходе к делу ясно, что против настоящих больших кризисов меры государственной помощи были бессильны. Когда соединялись вместе все перечисленные выше причины, восстание разражалось неизбежно. Но с этой оговоркой следует признать, что, на ряду с множеством половинчатых и неудачных мероприятий, мы наблюдаем в Китае и целый ряд широко поставленных государственных мер по охране и поддержке крестьян.

В этом отношении обыкновенно наиболее замечательна деятельность первых правителей династии, приведенной к власти крестьянской революцией. Пагубные последствия плохой хозяйственной политики в это время у всех еще в памяти. Перечислим вкратце, следуя изложению г-жи Ли, типичные формы государственной помощи.

Когда разражается кризис, нередко издается указ о частичном или полном освобождении от уплаты налогов (стр. 231, 245, 254 и др.). Правительственные хлебные амбары, наполненные в хорошие годы, используются для борьбы с голодом и для поддержания хлебных цен на сносном уровне, что, конечно, при очень больших катастрофах никогда не дает вполне удовлетворительных результатов (стр. 264, 335 и др.). Население снабжается семенными запасами и инвентарем (стр. 181, 183, 186, 337), и эта мера, естественно, дополняется наделением крестьян государственной землей и параллельно ограничением и раздроблением слишком крупного частного землевладения. Все те мероприятия, которые объединяются под названием «попыток к восстановлению системы цин-тиен», практически сводятся к более или менее длительной и более или менее успешной политике ограничения крупного землевладения. Здесь вскрываются глубокие противоречия всего общественного строя страны. Правительство, отдельные чиновники которого сами заинтересованы в накоплении богатства, должно в принципе бороться против этого накопления, под страхом собственной гибели. Если оно тут недостаточно решительно, его подталкивают массы. Многочисленные данные, которыми г-жа Ли иллюстрирует это явление, показывают, что отмеченное фундаментальное противоречие должно было служить постоянным источником социальных волнений (стр. 67, 69, 76 сл., 83, 85, 86, 88, 209, 213, 214, 222, 233, 274, 279, 283 сл., 293, 297, 317, 332 и т. д.). Несомненно, что при этом, по крайней мере в первом тысячелетии нашей эры, время от времени являлись даже попытки произвести раздел земель, приближающийся к старинному аграрному коммунизму. Но так как избытка свободных земель не было, то эти попытки очень быстро разбивались о сопротивление крупных землевладельцев.

Об одной правительственной попытке оказать населению широкую помощь г-жа Ли рассказывает более подробно. Мы имеем в виду хозяйственно-политическую деятельность министра Ван-Ан-Ши в XI веке, которая очень оживленно обсуждалась и обсуждается до сих пор многими авторами. Гаусгофер считает Вана чем-то вроде большевика и его работу называет «одним из самых смелых социологических экспериментов в мировой истории»¹⁾. Ф. Э. Краузе говорит, что Ван «стремился играть роль социального реформатора и благодетеля народа»²⁾, что в устах Краузе отнюдь не является похвалой. Под явным влиянием своих реакционных пристрастий Краузе дал такое изображение деятельности Вана, которое может быть и согласуется с партийной программой автора, но уже никак не с фактами. Новым в деятельности Вана был даже не предпринятый им уравнильный передел земли — хотя и эту реформу следует считать весьма замечательной, особенно по той энергии, с какой она была проведена; но попытки этого рода предпринимались и разными другими государственными деятелями до Вана. Совершенной новостью была введенная Ваном в интересах крестьян кредитная система. Крестьянину была предоставлена возможность получать ссуду под свои посевы в государственных кредитных учреждениях. Цель этого мероприятия очевидна: сломить деревенского ростовщика. Краузе пишет, что после сбора урожая крестьянин «должен был вернуть эту ссуду государству с большими процентами». Это, вежливо выражаясь, не вполне соответствует фактам. Выше нам пришлось упомянуть о высоте тогдашних процентных ставок, иногда значительно превышавших 100%. По цитируемым г-жею Ли современным свидетельствам, ставка, установленная Ваном, не превышала 20—30%; стало быть, при данных условиях, ее приходится признать *определенно низкой*³⁾. Мероприятия Вана напоминают Краузе «коммунистическую попытку маздакитов при слабоумном царе Кобаде в эпоху Сассанидов (около 500 г.)» (стр. 161 указ. соч.). Посрамив в такой замаскированной форме деятельность Вана, Краузе заявляет далее, что его реформа «должна была потерпеть крушение на здравом смысле китайского народа». Страницей выше Краузе характеризует этот «здравый смысл китайского народа», как непонятливость китайских масс.

Нетрудно сообразить, кому пошла на пользу прославляемая Краузе «здравая» глупость масс: конечно, всем тем, кто извлекал выгоду из крестьянской нужды, крупным землевладельцам и богачам, которые, по словам г-жи Ли, в своей алчности «снижали цены, когда крестьянину приходилось продавать свой урожай, а потом сильно их взвинчивали» (стр. 79). Ростовщики, ссужавшие крестьян деньгами под неимоверно высокие проценты, тоже, конечно, стремились усилить

1) Предисловие к немецкому изданию книги Бертрана Ресселя «Китай и проблема Дальнего Востока» (Мюнхен, 1925).

2) Geschichte Ostasiens, I, стр. 159.

3) Ту же цифру (20—30%) указывает А. Rosthorn в своей «Истории Китая» (стр. 129). Léon Gaubert (Un Essai de Socialisme en Chine au XI Siècle, 1895, стр. 9) указывает еще более низкий процент.

«здравую» непонятливость крестьян. Для разоблачения грубо тенденциозных фальсификаций в стиле Краузе книга г-жи Ли дает вполне достаточный материал. Но ее собственное объяснение неудачи принятой Ваном реформы (чрезмерное «истощение» почвы, неспособность и коррупция чиновников, отчасти также недостаток развития самих крестьян) не удовлетворит никого, кто знает, что активнейший саботаж подобных попыток со стороны крупных собственников является историческим законом. Настоящая история реформаторской деятельности Ван-Ан-Ши еще ждет своего автора.

5. Тенденции образования крупной земельной собственности

Мы не можем, да и не считаем нужным останавливаться здесь на многочисленных подробностях и оттенках правительственной аграрной политики, о которых сообщает г-жа Ли. Но, в заключение, мы должны еще рассмотреть один вопрос, которого мы мимоходом уж несколько раз касались выше,— вопрос о существовании и характере *крупного* землевладения в Китае.

Элементарной предпосылкой для сколько-нибудь плодотворного исследования этой проблемы является отчетливое разграничение понятий владения и хозяйства. Это различие весьма важно и при изучении истории Китая. В начале своей работы г-жа Ли сама это как будто сознает. Она описывает (на стр. 31) китайские «латифундии», которые могут похвалиться своей «почтенной древностью» не только в качестве обширных владений, но и в качестве крупных хозяйств. «Правда, большинство крестьян еще сохраняет свои индивидуальные мелкие участки, но тут же рядом с ними расположены крупные имения, которые обрабатываются наемными рабочими и владельцы которых обычно живут в соседнем городе». В этих словах как нельзя более точно описаны настоящие крупные сельские *хозяйства*. К сожалению, однако, в дальнейшем ходе своей работы г-жа Ли не выполнила того, что обещает это начало. Она без конца говорит о тенденциях образования крупных земельных владений, но вопрос о способах ведения хозяйства в этих крупных владениях уже больше не ставится ею в отчетливой форме. Самое большее она упоминает, говоря об обнищании крестьян, что последние были вынуждены продавать свою рабочую силу или самих себя (в рабство). О рабстве мы имеем очень много свидетельств и, в сущности, из всех периодов (стр. 171, 173, 214, 215, 225, 251). Владельцами крупных латифундий источники очень часто называют купцов (стр. 159, 160, 171, 216, 240, 246, 353) и чиновников (стр. 244, 257, 416, 379, 412), а нередко и членов царствующей династии (последних особенно в минский период). Кто такие «люди», «богатые люди» и «простые люди», о которых некоторые источники говорят, как о крупных землевладельцах, из контекста не видно. Неясно, прежде всего, относятся ли к этим рубрикам и богатые крестьяне.

Без конца идет речь об аренде, арендованной земле и арендных ставках. Но не выясняется, были ли арендаторы в большинстве своем

крестьяне, или принадлежали к другим общественным слоям. Откуда эти другие слои брали средства для покупки земли, для читателя книги остается загадкой. Методологическая наивность г-жи Ли, задумавшей написать аграрную историю без упоминания о неаграрных отраслях хозяйства, мстит здесь за себя самым очевидным образом.

Несмотря на этот большой и грубый промах, книга г-жи Ли, благодаря собраным в ней свидетельствам источников, достигает во всяком случае одной цели: она помогает разрушить легенду о сплошь мелкой форме китайского землевладения. На эту легенду поддались и очень серьезные исследователи. Если, например, Э. Эркес полагает¹⁾, что при более поздних династиях, и уже окончательно с минского периода, не допускалось владение крупными имениями (свыше 1000 морг.), то он явно заблуждается. Данные г-жи Ли показывают, что как раз в минскую эпоху крупное землевладение было особенно сосредоточено в немногих руках (стр. 370—390); что при маньчжурской династии до самого последнего времени встречались и были узаконены крупнейшие земельные владения, об этом г-жа Ли ничего не сообщает, но это нам известно из других источников²⁾.

И если тем не менее до сих пор повсеместно продолжают говорить о «мелкокрестьянской культуре» Китая, то это потому, что имеют в виду форму *хозяйства*, которое и при наличии крупного *землевладения* тяготеет к форме интенсивного мелкого хозяйства огороднического типа³⁾. Отсюда, при постоянно вновь нарастающем имущественном неравенстве,—те периодически повторяющиеся противоречия, напряжения и кризисы, о которых говорилось выше. В какой мере великим крестьянским революциям, сметавшим подгнившие династии, удавалось добиться передела земли, об этом у нас нет определенных свидетельств. Но собранные г-жею Ли материалы показывают, что тенденция в этом направлении, несомненно, существовала.

1) China, стр. 45.

2) См. аграрную анкету Британского Королевского Азиатского Общества от 1888 г. А. Ивин в своей статье в журнале «Большевик» (№ 6 от 31 марта 1926 г.) тоже отмечает, что при минской и маньчжурской династиях существовало крупное землевладение. Правда, владельцы латифундий в 10.000 му и выше было, по Ивину, очень мало, но зато число лиц, имевших свыше 1000 му, достигало 30.000. Норма землевладения, лежит, по тому же автору, между 50 и 100 му. При таких условиях особый интерес приобретает то обстоятельство, что в опубликованном сообщении, выше которого крестьянин начинает эксплуатировать чужую рабочую силу, охватывающем, впрочем, не все провинции, мы читаем, что в 1917 г. в обследованных провинциях число земельных владений в 100 му и выше составляло 2.835.464.

3) Полеводство огороднического типа встречается по Вагнеру всюду, где возделывается рис (Die chinesische Landwirtschaft, стр. 631). У Вагнера собраны также интересные данные о распределении землевладения. По его словам, половина всей земли «обрабатывается крестьянами, которые в какой-либо форме хозяйственно более или менее зависели от других лиц» (стр. 132).

VI. Заключение

Свидетельствами об «enclosures» в минскую эпоху заканчивается, в главном, книга г-жи Ли. Источник, которым она руководилась, манчжурская энциклопедия, ведет немногим дальше. Таким образом, собранные ею материалы обрываются на нескольких цитатах, относящихся к самому началу манчжурского периода. То, что она говорит от себя в тексте и в введении о конце этого периода и о современном положении Китая, совершенно бессодержательно¹⁾. Подводя теперь итоги нашему обзору, мы в некоторых существенных пунктах дополним и конкретизируем уже высказанное нами выше суждение о достоинствах и недостатках работы г-жи Ли.

Г-жа Ли не дала общей экономической истории Китая, не дала и его аграрной истории. Сделать это помешал ей не только ее наивный подход к исследованию источников, но в такой же мере, если не больше, ее неспособность понять и исследовать общественный организм, как внутренне связанное целое. Не постигнув фактов хозяйственного процесса (аграрного и не-аграрного) в их необходимом единстве, не проанализировав внутренней связи между явлениями материального производства и социально-политической жизнью, она не могла нам дать ничего, кроме кучи механически подобранных отрывочных материалов, которые не становятся осмысленней ни от того, что они механически нанизаны друг на друга в хронологическом порядке, ни от того, что им предшествует вульгарно либеральный текст составительницы. Но если подойти к этим материалам со всей необходимой критической осторожностью, не как к научной экономической истории Китая, а именно лишь как к сырому материалу для таковой, тогда безусловно следует признать, что собранные г-жею Ли в таком большом количестве документальные тексты содержат много ценных указаний, особенно по крестьянско-чиновничьему периоду китайской истории. Помимо того, книга г-жи Ли именно своими очевидными недостатками заставляет еще раз осознать те этапы и проблемы, по которым должна строиться действительно научная экономическая и социальная история Китая. Не претендуя на полноту нижеследующего перечня, отметим важнейшие пункты.

Общее введение: вопрос о своеобразных производственных условиях, в которых развивалось китайское хозяйство.

Далее идут в хронологическом порядке:

1. Вопрос о характере китайского аграрного коммунизма.
2. Вопрос о происхождении, характере и упадке китайского феодализма.
3. Экономически-социальные проблемы крестьянско-чиновничьего государства.

¹⁾ Если г-жа Ли указывает, что единственный выход из нынешнего аграрного кризиса (сущность которого она никак не определяет) заключается в искусственном удобрении, то это едва ли удовлетворит хотя бы одного читателя, несмотря на ее интересные замечания об успехах искусственного удобрения в Корее и Японии (стр. 29 след.).

- а) «Застой» или развитие?
 - б) Почему в Китае не возник самостоятельный промышленный капитализм? (Характер и границы развития ремесл и торгового капитала. Критический разбор взглядов Макса Вебера).
 - в) Формы хозяйства и формы землевладения в китайском сельском хозяйстве.
 - г) Причины и формы аграрных кризисов.
 - д) Формы борьбы с кризисами: государственная помощь и самопомощь населения.
 - е) Общая экономическая политика чиновничьего государства.
4. Причины и формы проникновения современного капитализма в Китай и вызванные им изменения в структуре китайского хозяйства:
- а) Возникновение промышленного капитализма.
 - б) Возникновение современного пролетариата.
 - в) Разложение ремесел.
 - г) Специфический характер нынешнего аграрного кризиса в Китае (кризис «старого» типа или кризис с существенно новыми чертами?).

Таковы вопросы, которые должна рассмотреть действительно «современная» экономическая история Китая с тем, чтобы дать на них ответ или же показать, в какой мере пока еще на них нельзя ответить, и в каком направлении нужно работать, чтобы это стало возможно в будущем. Поставить вопрос еще не значит ответить на него; но правильно поставленный вопрос *в зародыше* уже содержит в себе и ответ.

К. Витфогель

От Редакции. Статья печатается в порядке обсуждения.

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

(По письмам из Астрахани ¹⁾)

Письма Н. Г. Чернышевского из Астрахани еще не изданы. Они охватывают период времени с 1883 г. по 1889 г. Как источник для изучения философских и социологических воззрений Н. Г. Чернышевского эти письма не заключают в себе того богатства материала для суждения о его миросозерцании, какое мы встречаем в письмах из Сибири. В сибирских письмах Н. Г. Чернышевского еще чувствовалась глубокая вера в возможность возврата к прежней напряженной литературной работе и революционной деятельности. Не то уже в письмах астраханского периода. Здесь этот гигант мысли и великий революционер начал надламываться. И вполне понятно. Двадцать лет каторги и ссылка в сибирской глуши не могли не оставить глубокого следа в настроениях и переживаниях Н. Г. Чернышевского. «Во всей истории русской литературы нет ничего трагичнее судьбы Н. Г. Чернышевского, — пишет Г. В. Плеханов. — Трудно даже представить, сколько тяжелых страданий гордо вынес этот литературный Прометей в течение того длинного времени, когда его так методически терзал полицейский коршун» ²⁾. А после Сибири не менее легкой была жизнь и в Астрахани. Надзор полиции, периодически повторяющиеся обыски, почти полное запрещение заниматься литературной работой — все это не могло не породить мучительных переживаний в душе Н. Г. Чернышевского. Не напрасно О. С. Чернышевская в одном из своих писем от 10 марта 1884 года жаловалась на то, что Н. Г. «хандрит, а иногда плачет» ³⁾. Да и сам Н. Г. Чернышевский в письме к А. Н. Пыпину от 1884 года писал о своих переживаниях следующее: «Видишь ли, мой милый. У меня были кое-какие мысли о том, как и что я буду писать. Весной я еще держался за них. Но пора уж было увидеть то, что следовало понимать и прошлой зимой — эти мысли не осуществимы. Не нравилось бросать их. Теперь бросил» ⁴⁾. То же настроение оказывается в одном

¹⁾ Письма хранятся в Музее Н. Г. Чернышевского в г. Саратове.

²⁾ Г. В. Плеханов. Сочинения т. VI, 376.

³⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1884 г., № 1361 (17 писем).

⁴⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1884 г., № 1361.

из писем 1888 года. 19 августа 1888 года Н. Г. Чернышевский в письме к А. Н. Пыпину подчеркивал, что он «холоден к русской литературе и всяким текущим делам» ¹⁾. Конечно, эта холодность к современной Н. Г. Чернышевскому русской жизни вынужденная. Полицейская опека, тяготившая постоянно и неотступно над головой великого революционера и мыслителя, делала свое позорное дело. Голова напряженно работала, воля рвалась к деятельности, но на пути стоял «жандармский кулак». «Иное дело, — писал Н. Г. Чернышевский в 1888 году, за год до своей смерти, — было бы, если бы я жил в литературном мире; я разделял бы чувства честных литераторов: но я — житель того самого острова, на котором некогда благодушествовал Робинзон Крузо со своим Пятницей. Я не лишен нежных приятностей дружбы; но все здешние друзья мои — Пятницы, благодаря тому мое душевное спокойствие не возмущается никакими литературными пошлостями, делами ли хуже пошлостей» ²⁾. В этом письме, конечно, звучит ирония. Но и здесь он не выдерживает взятого тона, прорывается. На вопрос А. Н. Пыпина об отношении Н. Г. Чернышевского к Суворину и его газете он в категорической форме отвечает, что он «не читал и не имел желания пополнить этот пробел литературных впечатлений, держась того же правила, которым руководился Чацкий: «Я глупостей не чтец, а пуше образцовых». Если ты скажешь, — продолжает в том же письме Н. Г., — в этой цитате слово глупость надобно заменить словом мерзость — не противоречу; по отзывам частных газет и журналов я знаю достаточно милых качеств газеты Суворина» ³⁾. Пошлость — вот оценка, которую Н. Г. Чернышевский дает всей деятельности Суворина и его компании. «Какое нам дело, — с иронией замечает он, — до пошлости Суворина или хотя бы тех трактирщиков, половыми у которых служит Суворин и компания» ⁴⁾.

В этих строках чувствуется верный своим революционным воззрениям человек. И когда мы говорим о надломе Н. Г. Чернышевского, то не в смысле отхода его от революционных воззрений, а исключительно подчеркиваем вынужденное молчание этого великого революционера и мыслителя. К чему писать и говорить, когда все это застрянет в полицейских застенках? Этим и объясняется необычайная сдержанность в письмах там, где дело касается философских и социологических проблем. Но все же и в письмах астраханского периода мы встречаем материал, правда, меньший в объеме, чем в сибирских письмах, но достаточно в той мере, в какой нам необходимо шире и глубже вскрыть миросозерцание Н. Г. Чернышевского.

Остановимся, прежде всего, на письмах, характеризующих философские воззрения Н. Г. Чернышевского. Уже из статей астраханского периода, опубликованных в полном собрании сочинении Н. Г. Чернышевского, мы знаем, что Н. Г. и в восьмидесятых годах оставался после-

¹⁾ Там же. Папка писем 1888 г. за № 1365.

²⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем Н. Г. Чернышевского за № 1365, 1888 г. А. Н. Пыпину и Ю. П. Пыпиной (16 писем).

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

довательным философским материалистом. И его статья «Характер человеческих знаний» и предисловие к предполагавшемуся третьему изданию его «Эстетических отношений искусства к природе» ясно говорят о верности Н. Г. материалистическим воззрениям и в астраханский период.

В астраханской переписке в этом отношении характерно письмо Н. Г. Чернышевского к Ю. П. Пыпиной от 25 февраля 1884 года, где Н. Г. по поводу результатов работы по переводу книги Карпентера «Энергия в природе» сообщал о том, что он совершенно отбросил последние страницы, в которых Карпентер счел своим долгом благочестивого христианина подчеркнуть исключительную роль провидения в природе. «Последние две, три страницы, — писал Н. Г. Чернышевский, — подлинника, противоречащие моим понятиям, я отбросил и заменил несколькими страницами заметок, в которых изложил мой образ мыслей. Первые страницы этих моих заметок написаны серьезным тоном, но в последних я осмеивал беднягу за его антропоморфическую философию»¹⁾. Из этого же письма мы узнаем, что Н. Г. Чернышевский написал не только последние страницы, но и предисловие к переводу; при чем он настаивал на напечатании перевода при условии помещения его предисловия и заключительных замечаний к переводу; в противном случае Н. Г. отказывался дать согласие на напечатание книги Карпентера. По цензурным соображениям, однако, предисловие и замечания не удалось напечатать. Но перевод был издан без последних страниц английского подлинника. К сожалению, ни предисловие, ни заключительные замечания в рукописях Н. Г. Чернышевского не сохранились. На характер и направление предисловия к переводу книги Карпентера проливает свет Пантелеев в своей книге «Из воспоминаний минувшего». Свои впечатления от предисловия он передает в следующих словах: «При переводе книжки Карпентера оказалось большое предисловие от переводчика (много более печатного листа); я с жадностью принялся читать его; но когда кончил, то вынес крайне грустное впечатление, что это предисловие никак нельзя напечатать. Дело в том, что Карпентер в самом конце ни с того, ни с сего, как это иногда бывает у англичан, заговорил о провидении и роли его в природе. Вот на эти слова и обрушился Н. Г. Это, прежде всего, нецензурно, а затем по манере говорить с публикой сразу выдавало, что предисловие написано Н. Г.»²⁾.

Можно с уверенностью предположить, что предисловие и заключительные замечания к переводу книги Карпентера, если бы они сохранились, имели бы не меньшую ценность, нежели его философские статьи «Антропологический принцип», «Характер человеческих знаний» и друг. Повидимому, сын Н. Г. Чернышевского, Михаил Николаевич, предпринимал шаги к поискам предисловия и замечаний. Это видно из пометки, сделанной карандашом М. Н. Чернышев-

¹⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка неизданных писем с 21/1 по 27/XII 1884 г., № 1361, 2-е письмо.

²⁾ Пантелеев, Л. Ф., «Из воспоминаний минувшего», 1908 г., стр. 198.

ским на копии письма Н. Г. Чернышевского к Ю. П. Пыпиной. Содержание ее было следующее: «Рукопись неизвестно где. Спрашивал у Пантелеева — он не знает»¹⁾. (Привожу содержание пометки своими словами).

Таким образом, исследованное нами письмо Н. Г. Чернышевского к Ю. П. Пыпиной не только лишний раз подчеркивает верность Н. Г. материалистическим воззрениям, но и проливает свет на написанную Н. Г. философскую работу, которая до сих пор не найдена и не опубликована. Наша задача — найти ее. Не меньший интерес представляет для характеристики Н. Г. Чернышевского, как философского материалиста, его письмо к А. Н. Пыпину от 1884 года²⁾. В этом письме он называет все рассуждения Спенсера о непознаваемом пошлыми. Мы знаем и из его «Характера человеческих знаний» и др. его философских статей, а особенно из писем сибирского периода, с каким негодованием относился Н. Г. Чернышевский ко всякой попытке поставить предел нашему познанию. По мнению Н. Г. только лишь «для мыслителей, которым не хочется высказать истину... удобнее... твердить «неизвестно», «неизвестно»³⁾.

Утверждение Л. Фейербаха, что «всякое ограничение разума и вообще человеческой сущности вытекает из обмана, из заблуждения»⁴⁾ и что «знание одного человека ограничено, но неограничен разум, неограничены науки»⁵⁾, для Н. Г. было бесспорным. Он признавал, что область неисследованного еще необъятна, но в то же время считал, что «характер результатов, доставленных анализом, объясненных наукой частей и явлений, уже достаточно свидетельствует о характере элементов, сил и законов, действующих в остальных частях и явлениях, которые еще не вполне объяснены»⁶⁾.

Письмо к Пыпину от 1884 г. лишний раз подтверждает резко отрицательное отношение Н. Г. к агностицизму всякого порядка.

Не безынтересен взгляд Н. Г. Чернышевского на первые, повидимому, философские писания Кареева, которому, в свое время, от Г. В. Плеханова досталось не мало. В письме от 7/XII 1886 года к А. Н. Пыпину Н. Г. свое отношение к философским воззрениям Кареева характеризует в следующих строках: «не охотник я до русских философов, вроде Кареева, книга которого была у меня; читать ее невозможно»⁷⁾.

¹⁾ Папка копий писем Н. Г. Чернышевского за 1884 г., лист 141. Саратов. Музей Н. Г. Ч.

²⁾ Папка писем за 1884 г. № 1361, письмо 5-е. Саратов. Музей Н. Г. Ч.

³⁾ Чернышевский в Сибири. Переписка с друзьями. Выпуск II (1876—77), стр. 27, изд. 1912 г.

⁴⁾ Л. Фейербах. «Сущность христианства», стр. 8 (русский перевод Антоновича, 1908).

⁵⁾ Там же, стр. 78.

⁶⁾ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, VI, 202.

⁷⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1886 г., 3 л., № 1363 от 14/XI—1883—19/XII—1888 г. (6-е письмо). Повидимому, отзыв касался диссертации Кареева «Основные вопросы философии истории», вышедшей из печати в 1883 г.

В связи с верностью Н. Г. Чернышевского материалистическим воззрениям на мир всегда стояло его настойчивое требование к науке, чтобы последняя не отрывалась от действительности, а вплотную подходила к всестороннему исследованию ее. В астраханской переписке обращает на себя внимание в этом отношении письмо к В. И. Пылиной от 1883 года, в котором он смеется над математиками, убежденными в возможности развития этой науки, абстрагировав ее совершенно от реального мира и естественных наук, главным образом, астрономии и физики. Такой отрыв математики от действительности, по мнению Н. Г., превращает эту очень ценную науку «в сбор алгебраических и интегральных фигурок»¹⁾. «Ее приложения, — иронизирует Н. Г. Чернышевский, — в астрономии, оптике и т. п., конечно, хорошие занятия, но слишком мелкая наука для истинно-математических деятелей. Истинные математики должны только разрисовывать страницы математическими фигурками..., не заботясь о том, какой реальный смысл могут или не могут иметь их комбинации»²⁾. Источником «нелепой ошибки» Н. Г. Чернышевский считает «обыкновенную мономанию специалистов по вспомогательным отраслям знаний возводить эту свою специальную науку на степень знания, имеющего высокое самостоятельное значение»³⁾. Ближе к действительности — вот то основное правило, которое для науки Н. Г. Чернышевский выдвигал, как обязательное. Попытки математиков пойти самостоятельными путями, независимо от опытных исследователей природы, по его мнению, ведут к тому, что математика превращается «в нелепое пустословие». «Из разумного Лапласовского глупцы делают нелепое пустословие своё»⁴⁾ — так оценивает деятельность современных ему математиков Н. Г. Чернышевский в письме к сыну, Александру, от 1/XII 1883 года. Говоря об увлечении своего сына Александра математикой, он подчеркивает всю бесплодность попыток превратить математику во всеобъемлющую дисциплину, пользуясь которой можно разрешить самые трудные проблемы науки. «Ты искал решений, — пишет Н. Г. в том же письме, — невозможных для математики в нынешнем ее несовершенном развитии, и терял бодрость духа, находя решения очевидно для себя самые пустые, как решения вопроса о весе яблока или груши. По математическим формулам непременно будет решение пустое при нынешнем состоянии математики: нет таких формул, под которые подходили бы форма яблока или груши; определить вес таких многосложных фигур лишь можно эмпирически»⁵⁾.

Конечно, в данном случае мы имеем дело несколько с заостренной постановкой вопроса о роли математики, как науки, но в основном Н. Г. Чернышевский прав, когда настаивает на связи даже самой абстрактной науки, как математики, с действительностью и экспери-

¹⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем к Пылиным с 1883 по 1889 г. (28 писем) за № 1347.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1883 г., № 1350 (28 писем к сыну, Александру).

⁵⁾ Там же.

ментальными дисциплинами, непосредственно исследующими эту действительность.

Нужно заметить, что мысль о бесплодности попыток превратить математику во всеобъемлющую дисциплину Н. Г. Чернышевский высказывал еще в 1875 г. в сибирский период своей жизни в письме к сыну, Александру. Здесь эта мысль выражена наиболее точно и ясно в следующих словах: «Те отрасли знания, которыми случилось мне заняться, еще останутся и вероятно долго останутся не поддающимися математическому анализу. Даже статистика — пустая забава, когда имеет претензию искать точных величин. Тем более науки те, которые относятся к фактам еще много сложнее, чем статистические. Тут все вопросы — нечто вроде формул с бесконечным количеством неизвестных, из которых еще ни одна не измерена и которые все находятся — каждая в процессе изменения по закону, еще не исследованному никем, и во взаимодействии, еще не уловленном никем, т.-е. не уловленном с той степенью точности, какая нужна для математического анализа»¹⁾.

По вопросу о роли математических формул в сфере раскрытия процессов, совершающихся в природе, Н. Г. Чернышевский, еще в бытность свою в Сибири, в письме к детям — Александру и Михаилу — от 9 февраля 1878 г. писал следующее: «Дифференцирование функций и все тому подобные способы наших соображений — лишь искусственные приемы для облегчения наших соображений. Фактический смысл имеют лишь фактические величины, лежащие в наших мыслях под формулами, а не сами формулы. Цели наших соображений при дифференцировании — получение интеграла. Если мы, дифференцировав функцию, не умеем дойти до интеграла, знаем, что это значит. Это значит — какая-нибудь теория высшего анализа находится еще в неудовлетворительном состоянии. И мы заботимся усовершенствовать ее»²⁾. Читающих только что приведенную выдержку из письма могут смутить строки, в которых говорится, что «фактический смысл имеют лишь фактические величины, лежащие в наших мыслях под формулами». Ясно, что под фактическими величинами, лежащими в наших мыслях, он разумел отражение в наших восприятиях и мышлении «форм действительного существования предметов», форм существования все той же материи, которую Н. Г. определял как «то, что существует»³⁾. Н. Г. Чернышевский считал, что чем точнее математика будет выражать в своих формулах совершающийся процесс и в природе и обществе, тем выше будет ее ценность, как науки. И там, где она еще не в силах этого делать, играют основную роль эмпирические решения. Таким образом, в астраханской переписке вопрос о соотношении реального мира и науки, в частности математики, разрешается так же, как Н. Г. разрешал его в семидесятых годах и даже тогда, когда он писал примечания к политической экономии Милля (см. т. VII, 248. Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского). Помимо общих философских проблем в своих письмах из

¹⁾ Чернышевский в Сибири. Переписка с друзьями, выпуск I, стр. 162.

²⁾ То же, выпуск III, стр. 28.

³⁾ То же, выпуск II, стр. 46.

Сибири Н. Г. Чернышевский затрагивает и проблему социальной динамики. В письме от 17 июня 1886 года к А. Н. Пыпину он самым решительным образом отгораживается от защитников расовых и национальных теорий исторического развития. «Ты спрашиваешь, — пишет Н. Г. Чернышевский в этом письме, — не захотел бы я написать что-нибудь для печати по поводу всеобщей истории Ранке. Я расположен к этому... Ничего цензурного я не напишу. Но мои понятия о ходе человеческой истории во многом не одинаковы с теми, которые господствуют в ученом мире. Например, разницы между расами, тем более между народами одной расы, между сословиями и пр. в их исторической жизни, я объясняю исключительно историческими фактами, а не расовыми, национальными или сословными особенностями, рассуждения о которых я считаю пустыми фантазиями самохвальства вообще белой расы, в частности европейцев, господствующих народов Европы, ученого сословия этих народов» ¹⁾. В этих рассуждениях Н. Г. Чернышевский повторял те же воззрения на значение расовых и национальных особенностей, которые он развивал еще в 1857 году в критической заметке по поводу речи Бабста «О некоторых условиях, способствующих размножению народного капитала» ²⁾. В этом же направлении он разрешал проблему расовых и национальных особенностей в «примечаниях к Миллю» ³⁾. В астраханский же период своей жизни по данным вопросам Н. Г. Чернышевский высказался в отдельных статьях своего предисловия к русскому переводу «Всеобщей истории Вебера», «О расах» и «О различиях между народами по национальному характеру» ⁴⁾. Таким образом, в письме от 17 июня 1886 года Н. Г. Чернышевский высказал лишь сжато то, что он подробно развил в статьях того же периода.

В связи с отрицательным отношением к сторонникам расовых и национальных теорий Н. Г. Чернышевский подчеркивал особо в одном из писем из Астрахани отрицательное отношение к славянофильству. «Толковать теперь об этом я не имею досуга, — писал он, — замечу только, что славянофильство казалось мне тогда глупостью и пошлостью более глупую и пошлою, чем каким казалось в самом крайнем западникам. В западничестве были кое-какие элементы родства с славянофильством. В моем образе мыслей этих элементов не было. Каждое ли слово в Куране мерзость? Нет, в нем есть и добрые мысли, честные мысли. Но они попали в Куран лишь потому, что Мухаммед все-таки был человек, живший среди людей, слышавший и добрые и честные мысли, которых невозможно не слышать, когда живешь не в лесу между хищными зверями, а в человеческом обществе, и не мог не покоряться кое в чем и влиянию мыслей добрых и честных людей. Но все, чем Куран отличается от произведений арабской письменности до-мухаммедского времени, все, безусловно все, в нем — глупость или мерзость. Многие ли из самых горячих врагов мухаммеданства думают так о Куране? Такая же разница между западничеством и моими поня-

¹⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1886 г., № 1363.

²⁾ Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений, т. III, 510—515.

³⁾ Там же, т. VII, 18—21.

⁴⁾ Там же, т. X, ч. 2.

тиями о славянофильстве» ¹⁾. Отвергнув тенденции объяснять историю расовыми «национальными особенностями», господствовавшие тогда в науке, Н. Г. выдвинул метод объяснения «разницы между расами, народами одной расы, между сословиями и пр. в их исторической жизни историческими фактами». В астраханской переписке нет расшифровки подчеркнутого Н. Г. общего положения «исторические факты». В этом отношении переписка ничего не дает. Но из опубликованных работ Н. Г. Чернышевского мы знаем, что Н. Г. Чернышевский очень часто умел вскрывать доминирующее значение экономических отношений в истории человечества. Мы знаем, что этот великий мыслитель не раз поднимался до понимания того, что «политическая форма держится только там, когда служит средством для удовлетворения общественных потребностей». Но не поняв основной пружины исторического процесса и роли производительных сил в образовании того или иного экономического строя, Н. Г. Чернышевский оказался в тупике своего рационалистического истолкования интереса, который трактовался им, как совокупность мнений, имеющих у людей на счет их собственного интереса» ²⁾.

Рационалистическое истолкование дает Н. Г. Чернышевский и происхождению этических чувств у людей. Сущность проблемы этики он сводит к одному утверждению, что все люди — эгоисты, и что самые бескорыстные поступки диктуются эгоистическими интересами людей.

В астраханской переписке в этом отношении представляет интерес его письмо к сыну, Александру, от 1/XII 1883 года. Здесь Н. Г. Чернышевский очень подробно обосновывает свою мысль, заключающуюся в том, что человек «без выгоды для себя не сделает ничего». «Для ясности, — аргументирует он, — примерно, пусть некий Иван или Мария, Петр или Анна чрезвычайно любят меня. Если это не из моих семейных, жизнь которых неразрывно связана с моей жизнью и у которых, поэтому, личные интересы совпадают с моими, если это человек, чрезвычайно любящий меня, то я не жду от него ровно ничего для себя. Иной раз может случиться, что ему для моей пользы приходится сделать что-нибудь полезное для меня, в этом случае я получу что-нибудь хорошее для меня от него. Но это хорошее для меня им будет сделано не для меня, а для себя» ³⁾. Н. Г. Чернышевский утверждает, что борьба за существование настолько поглощает энергию человека, что он просто не в силах действовать на пользу другим. «Его безучастность ко мне, — пишет Н. Г. в том же письме, — не отсутствие доброжелательства ко мне — оно есть у него в изобилии..., а недосуг и практическая невозможность действовать на пользу мне... Так устроен механизм жизни, что и для самого себя человек не успевает сделать и половины того, чего добивается каждый и каждая» ⁴⁾. Для обоснования этой мысли Н. Г.

¹⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1885 г., № 1362 (10 писем).

²⁾ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VI, 316.

³⁾ Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1883 г., 49—53 л., № 1350 (28-е письмо к сыну Александру).

⁴⁾ Там же.

Чернышевский пользуется сравнением с человеком, оказавшимся на челноке среди бушующих вод.

«До того ли человеку на этом челноке,—замечает Н. Г., — чтобы помогать другому человеку на другом челноке? Он имеет возможность быть полезным только для сидящих на одном с ним челноке; и полезен им, если силен и ловок действовать веслами, потому что не может действовать на пользу себе иначе, как действуя на пользу им»¹⁾. Голый расчет царствует в отношениях людей по мысли Н. Г. Чернышевского. Он только-что в цитированном письме утверждает, что дружба весьма редкое явление в человеческой жизни. «Огромное большинство людей,— по мнению Н. Г., — не имело во всю жизнь ни одного друга, которого стоило бы серьезно называть другом»²⁾.

Еще реже в жизни, по его утверждению, встречается бескорыстная любовь—это почти исключение. «Разумнее ожидать встретиться с парой слонов на Невском проспекте, чем с четой людей, которые— и он и она — действительно любят друг друга»³⁾. Н. Г. Чернышевский считал, что так называемую в жизни «любовь» следует рассматривать никак не иначе, как «союз двух людей, которым выгодно, и ему, и ей, жить в супружеских отношениях», которые «со временем, в силу привычки, перерастают «в родственную привязанность чистую и бескорыстную»⁴⁾.

В этом истолковании мотивов человеческого поведения сказался субъективный рационалист. Влияние Бентама в вопросах этики Н. Г. Чернышевский испытывал до конца своей жизни. «Если он сумел пересмотреть во второй половине 70-х годов свои отношения к Огюсту Конту⁵⁾, которого еще в конце 50-х годов считал «одним из гениальных людей своего времени»⁶⁾, то Бентам так и остался нетронутым оценкой, как один «из ученейших и глубокомысленнейших мыслителей своего века»⁷⁾.

Кроме вопросов общего социологического характера в астраханской переписке мы наталкиваемся на очень интересную характеристику и оценку реформы Петра I в истории России. В условиях господствовавшей в 80-х годах прошлого столетия в исторической науке тенденции рассматривать деятельность Петра I, как глубоко реформаторскую, воззрения Н. Г. Чернышевского на эту эпоху для 80-х годов нельзя не считать прогрессивными. В письме от 7 декабря 1886 года Н. Г., характеризуя точку зрения Костомарова на роль Петра I в истории России, возражает против уступок, сделанных Костомаровым «хвалителям Петра»⁸⁾. По мнению его, правильное разрешение вопроса о роли Петра I в истории России возможно лишь тогда, когда он «решается с точки зрения существенных интересов русского населения государства»⁹⁾. «Оно было бедно и невежественно,—пишет Н. Г.—Ему

1) 2) 3) 4) Там же.

5) Чернышевский в Сибири. Выпуск II, стр. 27, где Н. Г. считает «творения» О. Конта запоздалым выродком «критика чистого разума» Канта.

6) Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, VI, 135.

7) Там же, т. III, 527.

8) 9) Саратов. Музей Н. Г. Чернышевского. Папка писем за 1886, № 1363 (6 писем к А. Н. и Ю. П. Пыпиным с 7/IV по 7/XII).

нужно было облегчение лежавших на нем тяжестей. Петр увеличил их. Русским нужно было просвещение. Но было ли нужно принуждать их учиться у западных народов? Я полагаю нет, потому что они сами имели влечение к этому. О том свидетельствует Флетчер. Россию держали в положении, в каком до последнего времени держали Японию. Только потому просвещение мало переходило с Запада в Россию. Достаточно было снять запрещение и русские сами стали бы учиться»¹⁾. Просвещение, к которому Петр I пытался приобщить русское дворянство, по мнению Н. Г. Чернышевского, было не чем иным, как «просто технической муштровкой специалистов по военной службе и другим официальным надобностям»²⁾. Петр во всем знал только муштровку,—подчеркивал Н. Г. Чернышевский в том же письме;—муштровка у него в школах такая же, как в казармах; и отправляемых за границу учиться он посылал лишь муштроваться по инструкциям. Палка за всякое движение, не предписанное регламентом, одна и та же в учебном кабинете и плац-параде»³⁾. Значение Петровского царствования Н. Г. Чернышевский видел в том, что Петр Россию, которая «до него... бедна была..., разорил». Это засвидетельствовано,—замечает Н. Г. в том же письме,—его помощниками, собравшимися на совет о делах по его смерти»⁴⁾. Он считал, что «просвещение в России должно было развиваться неотвратимо по самому географическому положению»⁵⁾. Еще в «Очерках» гоголевского периода Чернышевский отмечал деятельность Петра I с положительной стороны. В астраханский же период он отбросил эту традиционную точку зрения, заявив, что своей деятельностью Петр и без того бедную Россию «разорил»⁶⁾. Конечно, эта характеристика с нашей точки зрения не является исчерпывающей. Здесь нет анализа экономической основы политики Петра. В силу состояния исторической науки в 80-х годах, он не мог знать того, что «исходной точкой реформы Петра был торговый капитализм, ее движущей силой — интересы буржуазии»⁷⁾. Классовой сущности монархии Петра I Н. Г. Чернышевский, в силу объективных условий, не смог вскрыть. Однако, это письмо представляет интерес еще в том отношении, что в нем Н. Г. делает намек на параллелизм развития западной и русской культуры. Нельзя не отметить, что о роли просвещения в истории России он трактует, как просветителя, оставаясь в этом вопросе на почве исторического идеализма.

Вот тот незначительный круг философских, социологических и исторических вопросов, которые затрагивает Н. Г. Чернышевский в своих письмах из Астрахани. Этот ограниченный, правда, в объеме материал свидетельствует, что ни двадцатилетняя каторга и ссылка, ни жизнь в Астрахани под надзором жандармерии не убили в Н. Г. Чернышевском ни революционера, ни мыслителя.

В. Ильинский.

1) 2) 3) 4) 5) 6) Там же.

7) М. Н. Покровский. Русская История. 3-е издание, 1920, стр. 305.

II. СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДОВ, ЧИТАЕМЫХ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЕВГЕНИКИ

(Доклад М. В. Волоцкого *)

1. Евгеника и марксизм.—2. О пропаганде усиленной борьбы за существование.—3. Оценка детской смертности.—4. Вопрос о возможности наследования приобретенных свойств.—5. Роль длительных модификаций.—6. Влияние трудовых и паразитических условий жизни.—7. Вопрос о высших и низших расах.—8. Значение генетики.—9. Метод половой стерилизации.—10. Проблема культуры талантов.

Бюро кружка биологов-марксистов предложило мне сделать сегодня доклад на тему «спорные вопросы евгеники». Нужно, однако, сказать, что тема эта настолько обширна, что вряд ли может быть вычерпана в одном энциклопедическом сообщении. Поэтому я заранее извиняюсь перед бюро кружка и всеми присутствующими, что далеко не в полной мере полностью порученную мне задачу и остановлюсь лишь на некоторых спорных вопросах, поскольку это позволит сделать мне время.

1. Касаясь взаимоотношения евгеники и марксизма, д-р Вайсенберг пришел недавно к тому решительному выводу, что «евгеника стоит в противоречии с известными марксистскими идеалами». В результате такого положения вещей, по мнению этого автора, «большая часть марксистского учения должна быть выкинута за борт»¹⁾. Подобного рода выступления представляют для нас интерес в том отношении, что по ним можно судить о тех противоречиях, которые действительно имеются между марксизмом, с одной стороны, и некоторыми течениями в современной евгенике, с другой. Нужно сказать, что Вайсенберг говорит об евгенике вообще. Однако с такой отвлеченной постановкой вопроса едва ли можно согласиться, так как основная задача евгеники — улучшение человеческой породы — конечно несколько не противоречит марксизму. В данном случае речь может идти только о некоторых течениях в евгенике, прежде всего о современной буржуазной евгенике, которая, действительно, стоит в непримиримом противоречии с научным социализмом. В последние годы появился целый ряд работ, рассматривающих буржуазную евгенику с указанной точки зрения. Отметим хотя бы выступления Шмидта, Завадовского, Левита, Розенблюма, Слепкова, Бермана и др. Лично я также посвятил этому во-

*) Прочитан в Кружке биологов-марксистов 7 декабря 1926 г.

1) Theoretische und praktische Eugenik in Sowjetrussland. Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie. 1926 г. Band 18. Heft 1.

просу свою брошюру «Классовые интересы и современная евгеника». Точно так же и сегодняшний доклад будет, в значительной мере, касаться этого же вопроса.

2. Одним из идеологических построений, в достаточной мере обрисовывающим сущность буржуазной евгеники сегодняшнего дня, является проповедь борьбы со взаимопомощью в человеческой среде. Взаимопомощь, по мнению приверженцев этого евгенического течения (поддерживаемого преимущественно биологами), способствует лишь переживанию слабых и неприспособленных и тем самым ведет человечество к вырождению. Наоборот, всякое обострение борьбы за существование прежде всего способствует подбору и переживанию наиболее сильных и выносливых представителей расы. В конечном счете, ухудшение условий жизни, связанное с обострением борьбы за существование, только улучшает расу, так как способствует гибели слабых: причиной же вырождения оно быть не может, так как наследования приобретенных признаков никогда и ни в какой степени происходить не может. Вот, например, что пишет по этому вопросу один из представителей этого течения, Сименс — «нередко приходится слышать, что будто бы цивилизация с ее неестественной жизнью в городах, с недостатком физической деятельности, с умственным перенапряжением, с ростом нищеты, приводит народы к вырождению. Однако, это мнение основано исключительно на слепой вере в наследование приобретенных признаков, которая, с биологической точки зрения, представляет собою лишь остаток старого суеверия... Эта вера, играющая столь большую роль в политических и социально-гигиенических воззрениях не-биологов, есть не что иное, как выявление жалкого непонимания основных биологических истин»¹⁾.

Точно так же и другой выдающийся немецкий евгеник, Шалльмайер, считает «наивным» ожидать благоприятного воздействия на будущее поколения от улучшения материального положения, от укорочения рабочего дня и вообще от охраны труда, от физкультуры и т. п. мероприятий. Идя еще дальше, английский евгеник Гевлок Еллис приходит к тому выводу, что такой фактор как туберкулез представляет собой не отрицательное, а положительное явление. По мнению этого автора, «если бы удалось совсем истребить чахоточную бациллу, это было бы настоящим национальным бедствием». Чахоточная бацилла по его мнению играет благотворную роль в жизни человечества: она способствует вымиранию слабых, являясь таким образом очистительным, селективным фактором. Уничтожая слабых, она как бы ассенизирует человечество.

К. Пирсон точно так же высказывает мысль, что улучшение условий жизни является дигеническим фактором, способствующим вырождению человечества, так как благодаря этому, слабые, вместо того, чтобы погибать в борьбе за существование, получают возможность жить и размножаться.

Одним из следствий такого подхода к биологии человеческого общества являются так называемые полигенические тенденции, играющие далеко не последнюю роль в современном евгеническом движении. Типичным выразителем таких тенденций является, напр., проф. Ф. Ю. Филипченко, за-

1) H. W. Siemens. „Gründzüge der Rassenhygiene“. München. 1923.

являющий, что он является «убежденным сторонником того, что называют количественной политикой народонаселения» («Известия Бюро по Евгенике» 1925 г. № 3. стр. 92). Эта «количественная политика народонаселения» представляет из себя своего рода антитезу мальтузианства. Если Мальтус слишком боялся перенаселения, видя в нем чуть ли не причину всех мировых зол, то евгеники-полигеники, наоборот, проповедуют всяческое форсирование перенаселения, так как оно должно обострять борьбу за существование и тем самым способствовать усиленной гибели слабых.

Прежде всего, необходимо, по нашему мнению, возражать против проповеди обострения борьбы за существование, как евгенического метода. Достаточно сказать, что если бы рассуждения евгеников-полигеников были правильны, то самыми совершенными организмами на земле были бы, конечно, те, у которых защищаемый ими полигенический принцип доходит до максимума. Укажем хотя бы на хрящевых рыб (осетр, стерлядь, севрюга и др.), производящих в течение своей жизни несметное количество молодежи, более чем 99% которой гибнет в борьбе за существование, не достигши взрослого возраста. Кажется, где еще больше осуществляются идеалы евгеников-полигеников, где более интенсивно происходит гибель слабых и выживание немногих наиболее приспособленных? Однако, мы знаем, что как раз эти самые организмы принадлежат к числу наиболее консервативных во всем органическом мире. С другой стороны, млекопитающие, эволюция которых в значительной степени основывалась на принципе охраны младенчества, оказываются в конечном счете гораздо более прогрессивными формами. В частности, те же приматы, включая сюда и человека, достигают очень высокого уровня развития, хотя гибель молодежи у них уже давно происходит далеко не в той степени, как у рыб и других консервативных органических форм.

3. До какого абсурда могут доходить узко селективные политические тенденции некоторых современных евгеников можно судить по тому, что целый ряд западно-европейских авторов, по сочувственному свидетельству проф. Н. К. Колцова, со своего рода «завистью» взирали на высокую детскую смертность, свирепствовавшую в царской России, так как эта смертность указывала на чрезвычайно обостренную борьбу за существование в среде русского населения.

Казалось бы, что если в России свирепствовала такая обостренная борьба за существование, которая даже явилась объектом зависти евгеников-полигеников, то эти последние должны были бы расценивать русских, как особо ценную породу людей, создавшуюся в результате столь жестокой селекции. В данном случае это был бы вполне последовательный вывод. Однако, западно-европейские евгеники впадают тут в любопытное противоречие. Так, например, уже цитированный выше Сименс в своих «Основных расовой гигиены» с тревогой говорит о том, что такой малочисленный (minderwertiger) человеческий материал, как русские, размножаются с большей интенсивностью, чем благородная северная раса. Таким образом, он, повидимому, сам считает, что исключительно высокая детская смертность не сделала русских лучше в биологическом отношении по сравнению с теми европейскими народами, среди которых детей умирало меньше, и, следовательно, гибель слабых была не так интенсивна. Все это по нашему

мнению показывает, насколько шатки, противоречивы, а часто и просто ошибочны позиции, занимаемые представителями современной буржуазной евгеники.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, весьма характерное для современной евгеники, а именно: в ее отношении к распространению туберкулеза, детской смертности и т. под. процессам несомненно содержатся определенные классовые тенденции, так как все эти разрушительные факторы направлены, главным образом, против угнетенных, эксплуатируемых слоев населения. (Подробнее этот вопрос рассмотрен мною в брошюре «Евгеника и профессиональные вредности»).

Многие тенденции современной евгеники уже имеют свою довольно длинную историю. Прежде всего, указанный выше классовый подход к разрешению различных евгенических проблем можно отчетливо проследить уже у основоположника современного евгенического движения, Ф. Гальтона. Вспомним только, что по вычислениям Бутса, Фарра и Гальтона дети рабочих были оценены в среднем по 5 фунтов стерлингов (около 50 рублей) за ребенка, в то время, как дети богатей, по подсчетам тех же авторов, оказались не много не мало как в двести раз более ценными по своим наследственным задаткам, т. е. стоящими по тысяче фунтов стерлингов за одного ребенка¹⁾.

1) Свообразное отношение современных евгеников к высокой детской смертности, а также перевод средней стоимости детей разных классов на фунты стерлингов, как это делают Фарр и Гальтон, все это чрезвычайно напоминает содержание одного сатирического произведения Свифта (автора „Путешествий Гулливера“), носящего название: „Скромное предложение, направленное к тому, чтобы дети бедного народа в Ирландии перестали быть бременем для своих родителей и отечества, сделавшись полезным для общего блага“. В этом своем произведении, написанном еще в 1729 году, Свифт, подобно Фарру и Гальтону, выражает в фунтах стерлингов среднюю денежную стоимость ирландского ребенка из бедной семьи. Разница заключается лишь в том, что Свифт, по сравнению с Фарром и Гальтоном, оказывается еще более скупым в своих оценках детей бедняков. А именно, в то время как по Фарру новорожденный ребенок английского (эссекского) рабочего стоит 5 фунтов стерлингов, Свифт оценивает двухгодовалого ребенка ирландского крестьянина или рабочего лишь в 10 шиллингов (1/2 ф. стерлингов).

Что касается отношения к детской смертности, то и в этом отношении Свифт превосходил многие идеи современных евгеников, оказавшись притом же еще более прямолинейным, чем эти последние. Вместо пассивной зависти к высокой детской смертности в таких странах как Россия он откровенно предлагает состоятельным людям употреблять детей бедных классов в пищу, при чем перечисляет множество выгод и преимуществ от применения такой системы.

Углубляясь еще далее в историю данного вопроса, можно видеть, что идеи Свифта, в свою очередь, были им заимствованы у некоего Псалманзара, уроженца острова Формозы, переселившегося в Англию около 1709 г. и уверявшего Свифта, что подобного рода система уже давно и с большим успехом применяется на их острове.

Самым любопытным в данном случае является то обстоятельство, что идеи, которые так иронически развивались Свифтом в очень злом сатирическом произведении, оказываются во многом очень близкими по духу к тем рассуждениям, которые теперь проводятся некоторыми „пророками“ современной евгеники совершенно серьезно, в специальных научных сочинениях. Это обстоятельство интересно в частности в том отношении, что показывает, до какого абсурда можно дойти в результате слишком „последовательного“ применения биологических методов к разрешению социальных проблем.

являющийся, что он является «убежденным сторонником того, что называют количественной политикой народонаселения» («Известия Бюро по Евгенике» 1925 г. № 3. стр. 92). Эта «количественная политика народонаселения» представляет из себя своего рода антитозу мальтузианства. Если Мальтус слишком боялся перенаселения, видя в нем чуть ли не причину всех мировых зол, то евгеники-юлигешипи, наоборот, проповедают всецелое форсирование перенаселения, так как оно должно обострять борьбу за существование и тем самым способствовать усиленной гибели слабых.

Прежде всего, необходимо, по нашему мнению, возражать против проповеди обострения борьбы за существование, как евгенического метода. Достаточно сказать, что если бы рассуждения евгеников-полигеников были правильными, то самыми совершенными организмами на земле были бы, конечно, те, у которых защищаемый ими полигенический принцип доходит до максимума. Укажем хотя бы на хрящевых рыб (осетр, стерлядь, севрюга и др.), произволящих в течение своей жизни несметное количество молодежи, более чем 99% которой гибнет в борьбе за существование, не достигши взрослого возраста. Кажется, где еще больше осуществляются идеалы евгеников-полигеников, где более интенсивно происходит гибель слабых и выживание немногих наиболее приспособленных? Однако, мы знаем, что как раз эти самые организмы принадлежат к числу наиболее консервативных во всем органическом мире. С другой стороны, млекопитающие, эволюция которых в значительной степени основывалась на принципе охраны младенчества, оказываются в конечном счете гораздо более прогрессивными формами. В частности, те же приматы, включая сюда и человека, достигают очень высокого уровня развития, хотя гибель молодежи у них уже давно происходит далеко не в той степени, как у рыб и других консервативных органических форм.

3. До какого абсурда могут доходить узко селективные политические тенденции некоторых современных евгеников можно судить по тому, что целый ряд западно-европейских авторов, по сочувственному свидетельству проф. Н. К. Коллцова, со своего рода «завистью» взирали на высокую детскую смертность, свирепствовавшую в царской России, так как эта смертность указывала на чрезвычайно обостренную борьбу за существование в среде русского населения.

Казалось бы, что если в России свирепствовала такая обостренная борьба за существование, которая даже являлась объектом зависти евгеников-полигеников, то эти последние должны были бы расценивать русских, как особо ценную породу людей, создавшуюся в результате столь жестокой селекции. В данном случае это был бы вполне последовательный вывод. Однако, западно-европейские евгеники впадают тут в любопытное противоречие. Так, например, уже цитированный выше Сименс в своих «Основах расовой гигиены» с тревогой говорит о том, что такой малоценный (minderwertiger) человеческий материал, как русские, размножаются с большей интенсивностью, чем благородная северная раса. Таким образом, он, повидимому, сам считает, что исключительно высокая детская смертность не сделала русских лучше в биологическом отношении по сравнению с теми европейскими народами, среди которых детей умирало меньше, и, следовательно, гибель слабых была не так интенсивна. Все это по нашему

мнению показывает, насколько шатки, противоречивы, а часто и просто ошибочны позиции, занимаемые представителями современной буржуазной евгеники.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, весьма характерное для современной евгеники, а именно: в ее отношении к распространению туберкулеза, детской смертности и т. под. процессам несомненно содержатся определенные классовые тенденции, так как все эти разрушительные факторы направлены, главным образом, против угнетенных, эксплуатируемых слоев населения. (Подробнее этот вопрос рассмотрен мною в брошюре «Евгеника и профессиональные вредности»).

Многие тенденции современной евгеники уже имеют свою довольно длинную историю. Прежде всего, указанный выше классовый подход к разрешению различных евгенических проблем можно отчетливо проследить уже у основоположника современного евгенического движения, Ф. Гальтона. Вспомним только, что по вычислениям Бутса, Фарра и Гальтона дети рабочих были оценены в среднем по 5 фунтов стерлингов (около 50 рублей) за ребенка, в то время, как дети богатей, по подсчетам тех же авторов, оказались не много не мало как в двести раз более ценными по своим наследственным задаткам, т.-е. стоящими по тысяче фунтов стерлингов за одного ребенка¹⁾.

1) Своеобразное отношение современных евгеников к высокой детской смертности, а также перевод средней стоимости детей разных классов на фунты стерлингов, как это делают Фарр и Гальтон, все это чрезвычайно напоминает содержание одного сатирического произведения Свифта (автора «Путешествий Гулливера»), носящего название: «Скромное предложение, направленное к тому, чтобы дети бедного народа в Ирландии перестали быть бременем для своих родителей и отечества, сделавшись полезным для общего блага». В этом своем произведении, написанном еще в 1729 году, Свифт, подобно Фарру и Гальтону, выражает в фунтах стерлингов среднюю денежную стоимость ирландского ребенка из бедной семьи. Разница заключается лишь в том, что Свифт, по сравнению с Фарром и Гальтоном, оказывается еще более скупым в своих оценках детей бедняков. А именно, в то время как по Фарру новорожденный ребенок английского (ассекского) рабочего стоит 5 фунтов стерлингов, Свифт оценивает двухгодичного ребенка ирландского крестьянина или рабочего лишь в 10 шиллингов (1/2 ф. стерлингов).

Что касается отношения к детской смертности, то и в этом отношении Свифт превосходил многие идеи современных евгеников, оказавшись притом же еще более прямолинейным, чем эти последние. Вместо пассивной зависти к высокой детской смертности в таких странах как Россия он откровенно предлагает состоятельным людям употреблять детей бедных классов в пищу, при чем перечисляет множество выгод и преимуществ от применения такой системы.

Углубляясь еще далее в историю данного вопроса, можно видеть, что идеи Свифта, в свою очередь, были им заимствованы у некоего Псалманзара, уроженца острова Формозы, переселившегося в Англию около 1709 г. и уверявшего Свифта, что подобного рода система уже давно и с большим успехом применяется на их острове.

Самым любопытным в данном случае является то обстоятельство, что идеи, которые так иронически развивались Свифтом в очень злом сатирическом произведении, оказываются во многом очень близкими по духу с теми рассуждениями, которые теперь проводятся некоторыми «пророками» современной евгеники совершенно серьезно, в специальных научных сочинениях. Это обстоятельство интересно в частности в том отношении, что показывает, до какого абсурда можно дойти в результате слишком «последовательного» применения биологических методов к разрешению социальных проблем.

Внимательно читываясь в современную евгеническую литературу, нетрудно увидеть тот тревожный пессимизм, которым вся она дышит. В конце концов, все процессы идут не так, как этого хотелось бы многим «пророкам» современной евгеники. Несмотря на то, что вымирание старинных аристократических родов, по утверждению Сименса, представляет из себя процесс более губительный для расы, чем самые страшные войны, эти роды все-таки фокковым образом продолжают вымирать и остановить этот процесс их вымирания, как-нибудь искусственно продлить их существование едва ли представляется возможным. Северная раса, которая, по мнению большинства евгеников, является наиболее благородной из всех рас человечества, размножается далеко не так интенсивно, как окружающие ее малочисленные породы человека, в особенности русские. Принципы взаимопомощи и кооперации все сильнее привлекают к себе симпатии человечества, при чем весь исторический ход событий идет к дальнейшему укреплению и проведению в жизнь этих принципов. Нигде не находится достаточно энергичных охотников практически увеличивать детскую смертность или распространять туберкулез только ради той благородной цели, чтобы усилить гибель неадаптированных и т. п.

Пессимизм евгеников усугубляется главным образом еще тем положением, что вследствие вымирания благородных родов и пород человечества исчезают навсегда наиболее ценные наследственные элементы (гены). В то же время, по их мнению, у нас нет никаких путей воздействовать на качества будущих поколений, как только путем искусственного подбора особо ценных производителей. Непосредственно же, т.-е. помимо подбора, мы влиять на зародышевую плазму совершенно лишены возможности, так как «ребяческое суеверие» Ламарка о возможности наследования приобретенных признаков полностью опровергнуто современной наукой.

4. Вот, в самых общих чертах, в каком положении сейчас находится буржуазное евгеническое учение. В дальнейшем изложении мы остановимся на двух вопросах, которые нам представляются наиболее существенными и спорными, а именно, на вопросе о наследовании приобретенных признаков и на понятии о высших и низших расах человечества.

В настоящее время по вопросу о наследовании приобретенных свойств накопился столь большой материал, что для сколько-нибудь полного и всестороннего его рассмотрения потребовалось бы очень большое время. Однако, подобного рода экскурсия совершенно не входит сейчас в задачи моего доклада; мне хотелось бы остановиться более или менее подробно лишь на одной группе опытов, а также и на той критике, которую эти опыты встретили со стороны одного из тех биологов, которые категорически отрицают всякую возможность наследования приобретенных свойств, считая, что нет ни одного факта, говорящего в пользу такой наследственности. Нужно сказать, что критика эта была произведена чрезвычайно крупным ученым, пользующимся вполне заслуженной мировой славой, а именно Т. Г. Морганом¹⁾. Однако, несмотря на весь авторитет и заслуги этого ученого, приходится сказать, что в данном случае его критическое выступление ведет не к разъяснению, а лишь к затемнению истины. Послед-

¹⁾ Т. Г. Морган и Ю. А. Филипченко. Наследственны ли приобретенные признаки. Ленинград. 1925 г. Изд. „Сеятель“.

ное обстоятельство тем более прискорбно, что каждое слово, произнесенное таким авторитетным лицом в биологии, как Морган, приобретает особую известность и силу и поэтому может многих сбивать с правильного пути. В виду всего этого я позволю себе более углубленно остановиться на разборе данного спорного вопроса.

Я имею в виду обширные исследования Сёмнера по влиянию температурных воздействий на рост периферических частей тела млекопитающих, в связи с передачей полученных таким образом изменений потомству¹⁾. Опыты эти были поставлены Сёмнером над мышами и продолжались в общей сложности около шести лет²⁾, при чем в исследование было вовлечено около 2.300 животных. Помещая новорожденных мышей в условия повышенной температуры окружающей среды, Сёмнер констатировал у них более интенсивный рост периферических частей тела, как-то: хвоста, лап и ушей, при чем особенно заметно это сказывалось на длине хвостов. В результате получались мыши, отличавшиеся от контрольных, при сравнении животных с одинаковой длиной туловища, значительно большей длиной периферических частей тела. При воздействии на новорожденных мышей холодом, происходило обратное явление — укорачивание периферических частей тела. Приобретенные таким образом отличия сохранялись и после перевода животных в нормальные температурные условия. Более того, они сохранялись, хотя и в ослабленной форме, и в потомстве подвергавшихся термическим воздействиям животных. Подчеркиваем еще раз, что потомство оказывалось измененным независимо от того, что во время спаривания и беременности родительское поколение уже содержалось в нормальных температурных условиях. Положительный результат получался даже тогда, когда между окончанием термического воздействия и спариванием проходил промежуток времени в несколько месяцев.

Необходимо еще добавить, что данные Сёмнера вполне согласуются с результатами аналогичного и не менее обширного исследования, произведенного над крысами Пшибрамом. Наконец, в самое последнее время, уже в 1925—26 гг., подобные же опыты были произведены и у нас в Москве, в Институте по изучению профессиональных болезней им. В. А. Обуха, сотрудником этого Института П. П. Сахаровым. Я лично имел удовольствие присутствовать на докладе П. П. Сахарова об этой его работе, когда она была доведена до поколения F₁, а несколькими месяцами позднее П. П. Сахаров был так любезен, что ознакомил меня и с дальнейшими результатами его работы, доведенной к тому времени (осень 1926 г.) до поколения F₂. Данные этого исследования не только целиком подтверждают сообщения Сёмнера, но показывают также, что последствия термического воздействия можно проследить даже во внучатном поколении, хотя еще в более слабой степени, чем в поколении детском, что, в свою очередь, вполне согласуется с наблюдением Пшибрама. Нечего и говорить, что непосредственное знакомство с объектами эксперимента производит гораздо

¹⁾ Sumner, F. B. Some Studies of Environmental Influence, Heredity, Correlation and Growth, in the White House. „The Journal of Experimental Zoology“. 1915, April, Vol. 18, № 13.

²⁾ С 1908 г. по октябрь 1911 г.

более сильное и убедительное впечатление, чем всякое письменное, хотя бы и подробное описание.

Посмотрим теперь, как высказывается такой авторитетный генетик, как Морган, по поводу фактов, обнаруженных Сёмнером (исследования П. П. Сахарова ему не могли быть известны, о работах же Пшибрама он почему-то умалчивает).

Прежде всего, по мнению Моргана, «не легко себе представить прямое действие холода на половые клетки, так как мыши теплокровны, температура взрослых почти постоянна, а молодые мыши находятся в теплом гнезде, обычно закрытые телом матери» (стр. 24). Здесь бросается в глаза взгляд Моргана на постоянство температуры тела теплокровных животных, как на признак, не зависящий или почти не зависящий от внешних воздействий. Это очень напоминает взгляд того же Моргана и большинства современных генетиков на «гены», как на субстанцию, вполне обособленную и не зависящую от воздействия среды. Однако, по нашему мнению, такой метафизический взгляд на теплокровность (а также и на гены) не соответствует действительности. В опытах Сёмнера температурные различия условий обитания разных опытных серий достигали в среднем 18° Ц. Хотя мыши и относятся к организмам с «постоянной» температурой тела, но это постоянство, конечно, нельзя рассматривать, как нечто абсолютное и неизменное в течение всей жизни животного. Различие в 18° Ц. не могло, в конечном счете, не отразиться на всем организме животного. В частности, оно не могло не отразиться на кровообращении животного в том направлении, что при повышении температуры среды кровообращение носило более периферический характер, при понижении же, наоборот, периферические сосуды должны были суживаться и кровь прилиwała к внутренним органам. В этих изменениях кровообращения (обусловленных регулированием теплоотдачи) может быть и следует искать объяснения соответствующих изменений в росте периферических частей тела — более интенсивный рост в жарком помещении (прилив крови и обусловленное им повышенное питание органа) и укорачивание в холодном помещении.

Не допуская возможности влияния термических агентов на половые клетки и потомство, Морган ограничивается по поводу тех изменений, которые Сёмнер констатировал в потомстве своих опытных серий, предположившем, что эти изменения потомства «являются результатом случая, что два ряда мышей случайно дали разные средние» (стр. 24). Однако, тут же он оговаривается и заявляет: «может быть, это и не так (правильнее было бы сказать: «конечно, это не так»), но мы никогда не можем быть уверены, пока опыт не повторен на материале, генетически чистом по отношению к факторам, влияющим на длину измерявшихся частей тела».

Таким образом, Морган выставляет требование, чтобы опыт, подобный Сёмнеровскому, был поставлен на животных, принадлежащих по пропорциям тела к одной и той же югансенповской чистой линии. Сёмнер же работал без соблюдения этого требования, вследствие чего, по предположению Моргана, он мог случайно взять для опыта несколько разновидностей (чистых линий) мышей, уже наследственно отличающихся друг от друга по длине различных частей тела. Затем, также случайно, он мог повышенной температурой подействовать как раз на тех мышей, которые

уже и без того обладали наследственными задатками более длинных периферических частей тела. С другой стороны, в силу той же игры случая, он отобрал в холодное помещение те чистые линии, которые отличались более короткими хвостами, а также и более короткими лапами и ушами. В результате такого совпадения случайностей должно было получиться различие размеров периферических частей тела, которое и могло быть ошибочно истолковано, как следствие экспериментальных, в данном случае термических, воздействий.

Нужно сказать, что подобного рода возражения многократно выставлялись генетиками в аналогичных случаях. Постараемся, однако, внимательно разобраться, так ли страшно это возражение, как может показаться с первого взгляда, и допустимо ли оно вообще в данном случае.

Если объяснить результат опытов Сёмнера как случайность, то нельзя забывать, что это совпадение случайностей происходило неоднократно, так как Сёмнер после своих обширных исследований 1906 года, произведенных на 1.000 животных, проделал еще раз ту же работу, и с тем же результатом, еще раз в 1911 году, на еще большем материале (1.300 животных). Кроме того, приходится тогда предположить, что та же совокупность случайностей повторялась не только в работах Сёмнера, производившихся в Америке, в штате Массачусетс, но и в работах Пшибрама, производившихся в Вене, а также и в работах П. П. Сахарова, производившихся в Москве. Неужели в самом деле можно помириться на том объяснении, что во всех этих исследованиях температурные воздействия были не при чем и признаки животных оставались неизменными, а просто лишь каждый раз, когда исследователи брали животных для теплого помещения, им совершенно случайно под руку подвергались такие генотипы, которые уже обладали унаследованными генами длиннохвостости, а также длиннолапости и, вдобавок, длинноухости? С другой стороны, когда они брали животных для холодного помещения, им под руку случайно подвергались генотипы, обладавшие по всем этим признакам противоположными генами. Укажем еще, что, например, в опытах Сахарова, степень удлинения конечностей (отклонения их от нормы) была тем сильнее, чем продолжительнее было термическое воздействие. Если становиться на точку зрения Моргана, то и в этих случаях внешние воздействия были, следовательно, не при чем, а просто экспериментатор более продолжительно действовал только на тех животных, которые, независимо от его воздействий, случайно обладали особыми генами исключительной долихоморфности конечностей. Насколько неизмеримо проще и естественнее считать, что различные температурные условия явились причиной изменения роста периферических частей тела, чем прибегать в качестве объяснения к такому чудовищному нагромождению случайностей!

Но допустим на минуту, что предположение, выставляемое Морганом, правильно, т. е., что происходило не изменение пропорций тела мышей от термических воздействий, а лишь случайное разделение чистых линий, при чем более долихоморфные генотипы случайно попали в условия повышенной температуры, а более брахиморфные — пониженной. Что бы в таком случае должно было произойти в последующих поколениях? Случайно подобранные группы генотипов при дальнейшем размножении,

каждая внутри самой себя, должны были бы стойко передавать свои отличительные признаки и далее, из поколения в поколение. Однако, в данном случае ничего подобного не происходило. Несмотря на то, что и долихоморфные и брахиморфные мыши скрещивались только между собой, их отличительные признаки в следующем поколении проявлялись уже гораздо слабее (Сёмнер, Шишбам, Сахаров), во внучатном поколении — еще слабее (Шишбам, Сахаров), а в правнучатном исчезали вовсе (Шишбам). Если бы мы имели дело со случайным подбором генов, то совершенно невозможно объяснить, куда же могли деваться все эти гены, через одно, два поколения, тем более, что размножение происходило внутри одной и той же группы животных. Все это, по нашему мнению, совершенно ясно показывает, что доводы Моргана совершенно не в состоянии объяснить те факты, которые были получены Сёмнером, Шишбамом и Сахаровым.

Но противная сторона может выставить еще одно предположение. Быть может Сёмнер случайно разделит плюс и минус варианты, относящиеся к одной и той же чистой линии? Как известно, в пределах чистой линии признаки способны варьировать, давая целый ряд вариантов, располагающихся обычно по биномиальной кривой. Отсюда можно вывести предположение, что Сёмнер случайно как бы разделит пополам биномиальные кривые варьирования тех признаков, которые им измерялись (длина хвоста, лап, ушей). При чем в условия повышенной температуры он мог поместить новорожденных, относящихся к плюс вариантам, а в условия пониженной температуры — новорожденных, относящихся к минус вариантам, по всей совокупности измерявшихся признаков. Допустим, что это произошло и в опытах 1906 г. и в опытах 1911 г., а также и в исследованиях Шишбама и Сахарова. Нетрудно видеть, что такое предположение о случайном подборе фенотипов является не менее искусственным и натянутым, чем доводы Моргана о случайном подборе генотипов¹⁾. Но если даже допустить, что различия признаков в родительском поколении были во всех указанных исследованиях вызваны таким чисто случайным разделением фенотипов, то все же и это предположение точно так же разбивается о факты, как и предыдущее. В самом деле, ведь одно из самых основных свойств чистой линии заключается в том, что, как было показано Иогансеном, фенотипические различия между ее вариантами не имеют никакого наследственного значения. В данном же случае имело место совсем иное, а именно, приобретенные отличия в пропорциях тела оказывались наследственными и проявлялись не только в детском, но и во внучатном поколении, хотя и в убывающей степени.

Все сказанное показывает нам, что в опытах Сёмнера, Шишбама, Сахарова, так же как и в целом ряде других опытов, например, Каммерера (с асцидией *Ciona* и др.), Вольтерека (с дафниями) и др. мы имеем дело с явлениями особого порядка, не укладывающимися в те узкие рамки, которые отводят для наследственности многие современные генетики. Все эти

1) Результаты опытов Сёмнера нельзя объяснить случайностью уже по одному тому, что против этого говорит произведенный им вариационно-статистический анализ полученных данных, при чем разница между средними арифметическими оказалась в общем значительно большей, чем утроенная вероятная ошибка.

явления характеризуются в общем следующими тремя моментами: 1) изменением признаков организма под влиянием определенных внешних воздействий, 2) наследственной передачей полученных изменений двум-трем ближайшим поколениям, 3) последующим возвратом признака к исходной форме, в случае прекращения действия, вызвавшего его внешнего агента. Все явления такого рода наследственной изменчивости можно в настоящее время объединить в одном понятии «длительных модификаций», или «филогенетического фенотипа».

Более чем сомнительные объяснения, которые встретили сообщения Сёмнера со стороны Моргана, являются далеко не единственным примером подобного рода критики. Приходится лишь удивляться тому, что и до сих пор находится немало людей, которым подобные искусственные истолкования фактов кажутся вполне научными и убедительными.

Остановимся в самых кратких чертах еще на двух примерах того, как относятся некоторые современные генетики к новым данным, говорящим в пользу возможности наследования приобретенных признаков.

Вот, например, как истолковывает тот же Морган сущность тех фактов, которые были получены Гриффитом и Детлефсеном: «Перейдем к работе Гриффита и Детлефсена. Крыс центрифугировали в клетках по несколько месяцев. Некоторые из молодых, родившиеся вне клеток, обнаруживали неправильности в походке, при чем испытание дало разный результат, в зависимости от того, вращались ли родители вправо или влево. Детлефсен констатирует, что у крыс с расстроеным чувством равновесия наблюдались и некоторые патологические явления, как, например, выделение из ушей. Таким образом, возможно, что Гриффит имел дело с многочисленными случаями какой-то болезни спинного мозга. Начавшаяся болезнь может быть заразной. Впрочем, трудно согласовать эту гипотезу с разными результатами от вращения вправо и влево, полученными Гриффитом»¹⁾. Этими немногими словами все объяснение Моргана и ограничивается. Однако, по поводу той заключительной оговорки, которую Морган вынужден сделать под давлением фактов, г. Е. С. Смирнов вполне резонно замечает: «Не кажется ли читателю, что в последней фразе слово «трудно» следует заменить другим — «невозможно»? Мы находим, что заключительная фраза Моргана уничтожает предыдущие»²⁾. В самом деле, если допустить вместе с Морганом, что потомство вращавшихся животных проявляло расстройство в походке только вследствие случайного заболевания (какой-то заразной болезнью спинного мозга, то для того, чтобы в полной мере истолковать последствия эксперимента в том направлении, как это полагает Морган, необходимо допустить, что среди потомства центрифугированных животных свирепствовали не одна, а целых две заразных болезни спинного мозга, при чем потомство мышей, вращавшихся вправо, случайно всегда поражалось одной из этих болезней, а вращавшихся влево — другой. По своей искусственности подобного рода аргументация не уступает той, которой, как мы видели выше, Морган оперирует

1) Курсив наш.

2) Е. С. Смирнов и Н. Д. Лоонов. Преформация или эпигенезис? Дискуссионный сборник „Преформизм и эпигенезис“. Госуд. Тимирязевский Научно-Исследовательский Институт. Изд. „Северный Печатник“. Вологда, 1926 г.

и против опытов Сёмнера. Со своей стороны, мы предлагаем читателю критически отнестись к доводам Моргана и спросить себя — может ли он удовлетвориться теми объяснениями фактических данных, которые предлагает ему этот автор и имеем ли мы право считать, что в настоящее время нет никаких фактических данных, говорящих в пользу возможности наследования приобретенных признаков?

Не более убедительными оказываются и некоторые аргументы, приводимые профессором Ю. А. Филипченко. В качестве примера мы приведем ниже, в двух параллельных цитатах, с одной стороны, возражения проф. Ю. А. Филипченко, выставляемые им против экспериментальных данных, полученных Дюрженом, с другой стороны, ту антикритику, которую встретили эти возражения со стороны Е. С. Смирнова.

Ю. А. Филипченко.

„В 1923 году Дюркен описал передачу по наследству тех изменений в окраске куколок капустницы, которые были вызваны действием различных лучей спектра, при чем он считает этот случай случаем соматической индукции. Однако, эти данные чрезвычайно слабо обоснованы, и, вероятно, очень скоро они будут так же ликвидированы, как ликвидировались быстро и все другие случаи подобного рода.“ („Наследственные ли приобретенные признаки“, стр. 40-я).

Е. С. Смирнов.

„Критику Ю. А. Филипченко тоже нельзя считать хоть сколько-нибудь обоснованной. Неизвестно, на что надеется автор, предполагая скорую ликвидацию опытов Дюркена; мы со своей стороны должны указать, что вместе с ликвидацией Дюркена придется подумать еще о двух авторах: Пинбране и Брехер, которые получали аналогичный положительный результат для изменения окраски палочника *Dixippus*“ („Преформация или эпигенезис?“, стр. 20).

Не будем дальше углубляться в рассмотрение всей этой дискуссии. Необходимо лишь добавить, чтобы избежать односторонности, что некоторые исследователи действительно иногда выступали с недостаточно обоснованными данными, доказывавшими, по их мнению, наследование приобретенных признаков. В частности, таковы, по видимому, выступления Броун-Секара, Вестфали, Оберштейнера, Романеса, Дюбуа, Хилла и др., считавших, что им удалось получить наследование приобретенных эпилептоидных признаков и увечий у млекопитающих. Сообщения этих авторов, как известно, не подтвердились в чрезвычайно солидном исследовании Маццезы и Вжосека, а также в работах Зоммера. Однако, подобного рода эпизоды никоим образом не дают права выносить все исследования по наследованию приобретенных признаков за одни скобки и огульно рассматривать их, как ошибочные и опровергнутые, что собственно и делают Морган и Филипченко. Как мы видели выше, для этого им приходится допустить целый ряд натяжек и произвольных искусственных толкований, дискредитирующих установленные другими исследователями факты. В некоторых случаях дело доходит до опорочивания даже таких прочно установленных явлений, как длительные модификации, одним из примеров чего и является вся критика Морганом опытов Сёмнера. И все это делается только для того, чтобы в конце концов сделать тот неправильный вывод, что приобретенные признаки ни при каких условиях не могут наследоваться.

5. Таким образом мы видим, что кроме фенотипа онтогенетического, о котором говорит Сименс и его последователи, мы вправе говорить и о фенотипической изменчивости наследственного характера или о фенотипе

филогенетическом. Таким фенотипом прежде всего и являются длительные модификации, существование которых подтверждено целым рядом фактических данных.

Длительные модификации, поскольку они нам известны, занимают в значительной степени промежуточное положение между признаками ненаследственными и наследственными. С первыми они сходны своей филогенетической нестойкостью, со вторыми же они сходны в том отношении, что способны влиять не только на данное, но и на ближайшие будущие поколения (детское, внучатное). Ясно, что евгеника, как критическая дисциплина, не может и не должна обойтись без включения в сферу своего внимания этой третьей формы изменчивости. Наша задача должна состоять, конечно, не в том, чтобы замалчивать о существовании длительных модификаций, а в том, чтобы учесть роль этого фактора в эволюционном процессе и затем использовать свои знания для достижения евгенических целей.

Какую же роль могут играть длительные модификации в жизни человечества? Вопрос этот, несмотря на всю его евгеническую важность, настолько труден и настолько неразработан, что в настоящее время на него можно дать лишь предположительный ответ. Нужно думать, что именно длительными модификациями можно, главным образом, объяснить тот известный антропологам и этнологам факт, что нередко весьма различные по своему происхождению племенные группы, попадая в одинаковые условия труда и быта, в одну и ту же географическую среду, несмотря на отсутствие скрещиваний, способны современем приобретать много общих черт в своей физической организации. Примеры этого можно найти в истории разноплеменного населения Балканского полуострова. По отношению к изменению головного указателя, факт этот был установлен Боасом на эмигрантах, переселившихся из Европы в Сев. Америку.

Или вот еще один пример: известно, что калмыки после своего переселения из Азии в Европейскую Россию приобрели в своем физическом строении (размеры и форма головы, строение лица и пр.) многие признаки, сближающие их с европейским населением и удаляющие их от азиатских родичей, торгоутов. К этому выводу пришел, как известно, С. А. Королев, на основании антропологического обследования астраханских калмыков и сравнения их, с одной стороны, с торгоутами, от которых те отделились лет за 130 до производства данного исследования, а с другой стороны — с великороссами-рязанцами ¹⁾. Так, например, в результате сопоставления данных, относящихся к наибольшей горизонтальной окружности головы, он приходит к тому заключению, что «калмыки стоят посредине между торгоутами и рязанцами, и притом вообще ближе к последним, чем к первым» (стр. 32). Но самые существенные отклонения от монголоидного типа были обнаружены в данном случае в отношении роста, головного указателя и выступления скул. Все эти признаки, по данным, полученным С. А. Коро-

¹⁾ С. А. Королев. Астраханские калмыки (с 4 рис. и 3 дигар). „Русский Антропологический Журнал“ 1923 г. № 1. Выводы С. А. Королева по отношению к головному указателю в полной мере согласуются с исследованиями других антропологов, еще раньше измерявших астраханских калмыков, как-то с данными Кольмана, Деникера, Эркerta и Воробьева.

левым и др., изменились у калмыков в сторону великорусского типа. Лично мне представляется очень мало вероятным объяснение этого изменения расового типа калмыков, как следствие брачных смещений, так как браки между калмыками и русскими вследствие религиозных и др. предрассудков имели место лишь в виде довольно редких исключений¹⁾.

Весьма возможно, что и то постепенное повышение высокорослости населения, которое в некоторых культурных странах Европы (Швеция, Дания) было обнаружено еще в середине прошлого столетия (в Швеции начиная с 1841 г.), при чем с тех пор кривая роста все время неизменно идет вверх²⁾, также является своего рода длительной модификацией, вызванной культурными воздействиями. Правда, некоторые авторы пытались это явление объяснить тем, что средние величины роста могут в данном случае изменяться потому, что люди маленького роста куда-нибудь уезжают в другие страны (эмигрируют). Таким образом рост, как расовый признак, остается неизменным, а изменяется лишь расовый состав населения. Однако, подобное объяснение представляется мне почти таким же искусственным, как рассмотренное выше объяснение, даваемое Морганом опытам Семнера.

б. В самое последнее время вопросу о наследовании приобретенных признаков было придано новое, весьма острое, но по нашему мнению абсолютно неправильное толкование. Я имею в виду выступление Ю. А. Филипченко, утверждающего в своем очерке «Наследственны ли приобретенные признаки», что пролетариату будто бы очень невыгодно, чтобы приобретенные признаки наследовались. Вот что он пишет по этому поводу: «Биосоциальная евгеника», по видимому, надеется наградить новыми благоприятными наследственными свойствами пролетариат и крестьянство путем чистого внешних влияний, посредством особой физической культуры³⁾. Согласимся на минуту, что это возможно. Но что представляет из себя именно с этой точки зрения тот самый пролетариат, за интересы которого так ратуют сторонники «биосоциальной евгеники»? Раз наследственность

¹⁾ Известный антрополог В. В. Воробьев, отмечая на основании собственных исследований разницу в головном указателе между торгоутами и калмыками, истолковывает этот факт чисто теоретически, как следствие метисации. По его мнению, «если допустить даже, что головной указатель может изменяться под влиянием внешних условий, то для этого нужно время, во всяком случае более продолжительное» (Речь идет о промежутке времени в 130 лет. М. В.). (Русский Антр. Журн. 1903 г., № 1, стр. 13). Однако обширные исследования Боаса показали, что для изменения головного указателя эмигрантов, помимо всякой метисации, достаточны промежутки времени несравненно меньше, чем 130 лет.

²⁾ В Дании, например, средний рост населения постепенно увеличивался следующим образом (по *Макенрату*):

1852—	56 г.г.	—165,4	см.
1879—	88	—167,8	„
1891—1900	„	—168,4	„
1904—1905	„	—169,1	„
1909—1910	„	—169,5	„

³⁾ На самом деле биосоциальная евгеника строится на совокупности целого ряда биологических и социальных факторов, в число которых, в качестве компонента, входит и физическая культура (М. В.).

приобретенных свойств существует, то, очевидно, все представители этого класса несут на себе следы тех неблагоприятных влияний, которым их отцы, деды и целый ряд более отдаленных предков подвергались в течение длинного ряда лет. Уже в силу этого благоприятных наследственных зачатков, генов наиболее ценных специальных особенностей среди наших многострадальных пролетариев и крестьян должно быть неизмеримо меньше, чем в других классах, живших так долго в особо благоприятных условиях» (стр. 57).

Некоторым биологам аргументация Филипченко показалась настолько веской и убедительной, что у них создалось впечатление его полной «победы» в этой дискуссии. «Редко я испытывал так остро и болезненно чувство обиды», пишет, например, Б. М. Завадовский, «как когда я читал, как наиболее умный из буржуазных евгенистов — проф. Филипченко — поучает нашего идеологического союзника, т. Волоцкого, каким образом пролетариат мог бы использовать выводы генетики к своей выгоде» («Дарвинизм и марксизм», стр. 76).

Результатом выступления проф. Филипченко было то, что вскоре после выхода его брошюры сама возможность унаследования приобретенных свойств была признана некоторыми авторами не чем иным, как контрреволюционным измышлением буржуазии, которой будто бы выгодно поддерживать это свое лжеучение. Вот примеры подобного рода своеобразной трактовки данного вопроса:

«Те данные, которые у нас в настоящее время имеются, позволяют совершенно определенно говорить о том, что новые свойства, полученные в течение индивидуальной жизни организма, по наследству не передаются. Однако, буржуазия, стоя у власти, все время пытается вновь и вновь пересмотреть этот вопрос, чтобы показать, что в течение долголетней привычки управлять, у буржуа вырабатывались какие-то новые свойства, которые отсутствуют у класса трудящихся. Этот «научный» вывод должен быть доводом в руках всякого рода реформистов, доказывающих, что произвести переворот и стать у власти пролетариат не может» («Коммунистический университет на дому» 1925 г. № 3, стр. 225).

«...Книжка (речь идет об упоминавшейся выше брошюре Моргана — Филипченко, М. В.) должна быть прочитана каждым, желающим быть сознательным строителем новой жизни, так как она вскрывает ему одно из орудий борьбы противной стороны (речь идет о том учении, которое поддерживалось Энгельсом, Бебелем и др. М. В.). («Красный журнал для всех» 1925 г. № 4).

По поводу приведенных выше аргументов проф. Филипченко я ограничусь сейчас лишь немногими замечаниями, в виду того, что краткий, но по моему мнению очень убедительный ответ на них уже был дан д-ром С. Г. Левитом¹⁾.

Прежде всего два слова относительно «выгодности» того или иного решения вопроса. Вряд ли нужно доказывать, что пролетариату может быть

¹⁾ С. Г. Левит. Эволюционные теории в биологии и марксизм. «Вестник Современной Медицины», 1925 г. № 9 (а также в сборнике «Медицина и диалектический материализм», Москва 1926 г.).

выгодно прежде всего только правильное решение вопроса, так как только на нем может основываться правильная система практических мероприятий.

Совершенно нельзя согласиться и с теми доводами проф. Филиппенко, что будто бы условия жизни пролетариата таковы, что в случае наследования приобретенных признаков мы должны будем признать его наследственную негодность по сравнению с нетрудовыми элементами общества. Выдвигая этот аргумент, проф. Филиппенко при этом не учитывает положительной стороны трудовых процессов. А между тем еще Энгельс указывал, что труд представляет из себя «первое основное условие человеческого существования», что он «создал самого человека» («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»). В результате же того, что труд является «первым основным условием человеческого существования», происходит, что те классы, которые, уклоняясь от труда, ведут паразитический образ жизни, современем начинают быстро дегенерировать, несмотря на все свое материальное благополучие, как дегенерируют и все паразиты в органическом мире.

Таким образом неблагоприятные условия развития, вопреки представлениям проф. Филиппенко, существуют не только в условиях жизни пролетариата, но и в условиях жизни паразитических элементов общества.

В конечном счете для развития рабоче-крестьянской массы мы издавна имели, в качестве плюса, положительные стороны трудовых процессов, в качестве же минуса — отрицательные стороны трудовых процессов в условиях капиталистической эксплуатации, а также другие следствия эксплуатации (бедность, невежество, нищета и пр.). С другой стороны, для привилегированных слоев капиталистического общества, можно указать в качестве плюса — материальное благосостояние и отсутствие профессиональных вредностей, в качестве же минуса, и притом минуса очень существенного, праздные паразитические условия существования. Что касается практических задач биосоциальной евгеники, то они заключаются в данном случае, разумеется, не в том, чтобы лавировать мимо тех фактов, которые на первый взгляд могут показаться невыгодными. Основная задача заключается в том, чтобы получить комбинацию одних только положительных условий развития человека, прежде всего комбинацию труда и материального благосостояния. Все же перечисленные выше неблагоприятные условия развития, в форме экономического рабства, нищеты и невежества, с одной стороны, и паразитизма с другой, должны быть вырваны с корнем раз и навсегда. Лишь таким путем может быть создана прочная база для действительного и всестороннего улучшения человеческой породы, в том числе и для получения благоприятных длительных модификаций наследственного характера.

7. Перейдем теперь к вопросу о высших и низших расах, занимающему очень большое место в современном евгеническом учении.

По убеждению большинства современных евгеников, наиболее ценной и благоприятной по своим наследственным генетическим свойствам является так называемая «северная раса», представителями которой являются главным образом шведы, норвежцы, датчане, северные немцы и англичане (особенно шотландцы). По описанию Ленца, раса эта, будучи совершенно исключительной, «превосходит все другие расы силой воли и предусматри-

тельностью, вследствие чего чувственные импульсы подчиняются у нее высшим целям»¹⁾. Точно так же, по мнению этого автора (являющегося лишь одним из представителей целого обширного течения, основателями которого являются Гобино, Лапуж, Аммон, Гальтон, Вольфман и др.), представители северной расы отличаются также исключительным богатством всевозможных творческих и организаторских способностей. Они создали не только современную культуру «индогерманских» народов, но также и такие культуры, как греческую, римскую, славянскую (призвание варягов), испанскую, португальскую и др.²⁾. Эта исключительная одаренность северной расы обуславливается, по мнению современных евгеников, теми особыми генами, или, употребляя термин А. С. Серебровского, тем «генофондом», носителем которого она является.

Однако, история культуры показывает, что если даже признать, что в настоящее время северная раса является наиболее высококультурной, то это обстоятельство вовсе не является ее неотъемлемым расовым признаком, и не обуславливается исключительной ценностью тех генов, которые составляют генофонд этой расы. Многие современные евгеники склонны награждать представителей северной расы трудолюбием, честностью, «заботливой предусмотрительностью» и т. п. добродетелями. Однако, нельзя забывать, что еще несколько столетий тому назад жители Скандинавского полуострова занимались главным образом морским разбоем и не только не насаждали культуру, но терроризировали и грабили культурные побережья Европы, до Средиземья включительно. Нужно поэтому думать, что современное состояние северной расы, расцвет ее, обуславливается благоприятным для ее развития сочетанием ряда внешних факторов, главным образом благоприятным сочетанием ее географического положения на земном шаре с современным состоянием техники, прежде всего техники транспорта.

Остановимся на этом вопросе несколько более подробно.

История человечества, как известно, полна примерами расцвета и упадка отдельных культур. Каковы же причины этих процессов? По мнению Сименса причиной упадка всех древних культур была их «пролетаризация», выражавшаяся в том, что пролетариат размножался гораздо более интенсивно, чем избранные аристократические роды. Не останавливаясь на критике подобного рода учений (что нами уже сделано в брошюре «Классовые интересы и современная евгеника»), сейчас мы перейдем к рассмотрению тех факторов, которые действительно могли играть роль в процессах расцвета и упадка отдельных народов. Как было показано С. Бэттигером, Л. Мечниковым, Ратцелем и др., далеко не последнее место среди этих факторов принадлежит географическим условиям обитания отдельных народов, при чем роль того или иного географического фактора может весьма значительно изменяться, в зависимости от эволюции человеческой техники. В частности от изменения и усовершенствования техники водного транспорта. В самом деле, присматриваясь к эволюции человеческих культур,

1) Fritz Lenz. Die seelischen Unterschiede der grossen Rassen. Menschliche Erblichkeitslehre“ von E. Baur, E. Fischer und F. Lenz. München, Lehmanns Verlag, 1923.

2) Fritz Lenz. Цитир. сочинение. Стр. 418.

мы замечаем, что на известной ступени развития техники водного транспорта наиболее культурными и передовыми оказываются народы, поселившиеся по берегам больших, удобных для сообщения рек, независимо от того, принадлежали ли эти народы к «северной расе» или нет. Таковы были в свое время культуры: египетская (по Нилу), ассирио-вавилонская (по Тигру и Евфрату), индийская (по Инду и Гангу), ассирио-вавилонская (по и Поанго). Для древних славян такую же историческую роль играл великий родной путь «из варяг в греки», образованный двумя речными системами — волховской и днепровской (на первой из этих систем возникла новгородская культура, на второй — киевская).

Во времена расцвета речных культур, народности, расположенные по морским побережьям и внутри материков, вдали от удобных для сообщения рек, оказывались в менее благоприятном географическом положении и стояли в то время гораздо ниже по своему культурному развитию, сравнительно с народами речных побережий. Однако, отсталость этих народов обуславливалась вовсе не тем, что они были составлены из каких-либо неполноценных расовых элементов, а только лишь в силу неблагоприятного для проявления их потенциальных возможностей сочетания географических и социальных условий. Таким образом их отсталость была, так сказать, не генотипического, а фенотипического характера. так как море в то время не способствовало, а наоборот, препятствовало общению между народами, причиной чего, в свою очередь, являлось несовершенство водного транспорта.

Однако, по мере усовершенствования судостроительной техники, положение приморских народов меняется самым коренным образом. Из раздирающего препятствия море превращается в очень удобную дорогу для сообщения с другими странами и народами. Особенно это относится к замкнутым морям, соединяющим собой большие материковые массы. Наиболее благоприятным в данном отношении явилось Средиземное море, связующее собой берега Европы, Азии и Африки. В результате, по берегам этого моря возникает в свое время целый ряд великих культур древности, как-то Финикия, Карфаген, Греция, Рим, Маврская культура, а позднее, отчасти Испания и Португалия (переход к океаническим культурам).

Море, связывая отдельные народы между собой, способствует взаимному обмену и обогащению их культурными достижениями и открытиями. Кроме того, общение приморских народов между собой могло также способствовать и тому «обновлению человеческого пород» путем расовых смещений, которому такое большое значение придавал проф. В. М. Флоринский. В самом деле, не исключена возможность, что, в результате широкого общения приморских народов между собой, могли происходить и благоприятные помеси между представителями различных рас.

Итак, мы видим, что известной стадии развития человеческой судостроительной техники соответствует культурный расцвет тех народов, которые осели по морским побережьям. Что касается океана, то для этой стадии культурного развития он является почти таким же препятствием для международных сообщений, каким было море во время господства речных культур. Подобно тому, как египтяне смотрели на море, как на «разнородное выделение разрушительных и болезненных начал» (Плу-

тарх), античные греки с неменьшим суеверным страхом относились к океану, боясь удалиться в его безграничные дали.

Но с течением времени и океан (сначала Атлантический) меняет свое барьерное значение, превращаясь в дорогу для сообщения между самыми удаленными уголками земного шара. Наступает эра великих океанических культур, сначала переходной испано-португальской, позднее нидерландской, германской, английской (расцвет «северной расы»!) и др.

В продолжение всех рассмотренных нами исторических периодов, как было показано Ратцелем и др., в особо неблагоприятном географическом положении оказались те племена человечества, которые заняли наиболее окраинные районы на человеческой эйкумене. Такими окраинными районами являются те упирающиеся в безбрежные океанические просторы тупики, которыми заканчиваются все главные материковые массы земного шара по направлению к южному полюсу, а именно, острова Огненной земли, южная оконечность Африки, остров Цейлон, уединенный материк Австралии, оканчивающийся на юге островом Тасманией. Народы, зашедшие некогда в эти тупики (огнеземельцы, бушмены, ведды, австралийцы, тасманийцы и др.), неизменно оказываются стоящими на чрезвычайно низком уровне культурного развития, что главным образом обуславливается их длительной оторванностью от других стран и народов¹⁾.

Переходя к современному моменту, мы можем сказать, что последнее слово в развитии способов связи между отдельными странами далеко еще не сказано. Рост океанского судоходства, возникновение и быстрый прогресс воздухоплавания, телеграф, радио, все эти достижения должны способствовать строительству общечеловеческой интернациональной культуры. В частности не совсем благоприятное географическое положение нашей страны (оторванность от морей, недоступность Северного Ледовитого океана), безусловно сказавшееся на нашем культурном уровне, будем надеяться изменит свой знак при дальнейшем прогрессе воздушного транспорта, который обещает сделаться еще более удобным и дешевым, чем даже водный. Во всяком случае нужно полагать, что прогресс нашей обширной страны в силу особенностей ее географического положения (тоже «окраинного») в значительной степени связан с прогрессом воздушного транспорта.

Итак, мы видим, что если до сих пор эволюция способов сообщения способствовала прогрессу лишь отдельных народов, то в той форме, какую она принимает в настоящее время, когда самые изолированные уголки земного шара начинают быть прочно связанными с величайшими центрами культуры и со всеми другими частями планеты, эта эволюция дает трудящемуся человечеству материальную базу для создания наивысшей, общечеловеческой, всепланетной культуры, построенной на принципах интернационала и руководимой Коминтерном.

8. Прежде чем закончить свое сообщение, я хотел бы остановиться еще на нескольких пунктах.

До сих пор я почти не касался вопросов генетики. Это произошло по той простой причине, что громадное значение генетики для разрешения

¹⁾ В качестве исключения следует указать на обособленную перуанскую культуру, история расцвета которой представляет пока довольно много загадочного.

целого ряда евгенических проблем вряд ли в настоящее время может представляться спорным. Несомненно, что открытия Менделя, Иогансена, Моргана и др. представляют первоклассные завоевания биологии, которые должны быть нами использованы для достижения различных практических целей. Если тов. Б. М. Завадовский писал про меня, что я «чураюсь генетики, как таковой», то это могло быть написано лишь по недоразумению и никоим образом не соответствует действительности, при чем антропогенетическими проблемами я не только интересуюсь теоретически, но и работаю в этой области практически.

Спорной является вовсе не генетика, как таковая, а стремление наиболее крайних ее приверженцев монополизировать всю область явлений наследственности, результатом чего является рассмотренное выше их отношение ко всем тем фактам, которые не укладываются в их схемы.

Но менее спорными являются также и взгляды на самые гены, главным образом, на способность генов изменяться под влиянием внешних воздействий. Автогенетические тенденции некоторых генетиков побуждают их к соответствующим выступлениям против тех новых работ, которые говорят в пользу возможности изменения генов путем тех или иных внешних воздействий. Характерным образцом подобного рода выступлений могут служить замечания И. Филиппьева по поводу опытов Гаррисона и Гаррета ¹⁾.

9. В заключение мы остановимся еще на двух спорных вопросах, упомянутых в тезисах сегодняшнего доклада, а именно: 1) на методе половой стерилизации и 2) на методе культуры талантов путем их субсидирования и кастовой изоляции. Можно было бы указать еще целый ряд спорных проблем современной евгеники, сколько-нибудь внимательное рассмотрение которых вряд ли можно было бы уместить в рамки одного доклада. Поэтому, считаясь с физическими возможностями, мы ограничиваем себя в настоящем сообщении лишь несколькими спорными вопросами, не претендуя на всестороннее рассмотрение всей евгеники в целом.

О методе половой стерилизации я скажу лишь несколько слов, так как свою точку зрения по этому вопросу я уже неоднократно излагал в печати. Посредством половой стерилизации мы можем до известной степени замедлить стихийно действующие процессы отбора, выражающиеся в гибели не приспособленных, научно организованной системой практических мероприятий. В самом деле, если мы отказываемся от принципа обостренной борьбы за существование, как метода устранения из человеческого общества неполноценных вариантов, то естественно возникает вопрос, как же нам быть с теми патологическими геновариациями, которые возникают и будут возникать в человечестве, как возникают они и во всем органическом мире. Пора уже начать борьбу с полной анархией, господствующей в процессе производства новых поколений, когда всякий носитель наследственных страданий, как бы ни были тяжелы эти последние, может беспрепятственно производить неограниченное количество потомства. Я думаю, что такое положение вещей не может быть допущено, в особенности в коммунистическом обществе будущего. В отличие от капиталистического общества

¹⁾ См. об этом во 2-й главе моей брошюры „Евгеника и профессиональные вредности“.

с его неорганизованностью, стихийностью всех процессов, в нем протекающих, в коммунистическом обществе будущего «все отношения между людьми будут ясно видны для каждого, и общественная воля будет организованной волей» (Бухарин). Нужно надеяться, что этот организационный процесс затронет, в конце концов, и столь жизненно важную область, как производство новых поколений человечества. Однако, трудно себе представить организацию данной области без того, чтобы в некоторых, более или менее редких случаях, личные интересы индивида не принесли бы в жертву интересам коллектива. Поэтому, в установленных случаях тяжелой наследственной отягощенности, половая стерилизация должна производиться даже и независимо от согласия на то данного индивида; по желанию последнего она только может быть заменена сегрегацией (изолированием в специальных колониях).

10. Перейдем теперь к весьма спорному вопросу о культуре талантов.

Факт пониженного размножения академиков, профессоров, артистов, художников и других представителей высококвалифицированных профессий подтвержден таким числом статистических данных, что в настоящее время не может уже вызывать сомнений. С чувством глубокого уныния и тревоги взирают евгеники всех стран на этот повсеместно происходящий процесс. Однако, для того, чтобы бороться с этим процессом, нужно сначала узнать его причину. Нужно думать, что никакие денежные субсидии, никакое премирование многодетных семей в данном случае делу помочь не могут, так как причина явления лежит гораздо глубже, она лежит, по нашему мнению, в самих условиях существования и развития классового капиталистического общества. Из таких условий можно указать на необычайную напряженность жизни, на все возрастающую борьбу за существование и конкуренцию, с которыми связано всякое повышение по социальной лестнице в капиталистическом обществе (вымирания исключительно паразитических элементов капиталистического общества мы сейчас не касаемся). При таком положении вещей, дети обычно являются весьма чувствительным бременем, препятствующим достижению намеченных жизненных целей. Чтобы выдержать жизненную скачку с препятствиями, представителю капиталистического общества нередко приходится подавлять и ограничивать свою воспроизводительную функцию посредством более позднего вступления в брак, применения противозачаточных средств и т. п. Таким образом, в основе пониженной размножаемости представителей наиболее квалифицированных профессий ¹⁾ лежат, прежде всего, социальные причины. Следовательно

¹⁾ Среди рабочих также размножаемость, в общем, оказывается обратно пропорциональной степени квалификации. Так, например, по английским данным, из 1000 женатых мужчин в 1911 году приходилось рождений:

У квалифицированных рабочих	153
„ неквалифицированных „	213

В Германии на 100 семей рабочих различных профессий приходилось детей:

У электромехаников	189
„ механиков	244
„ землекопов	304
„ ткачей	344

Приводимые цифры цитируются по книге проф. А. Ф. Никитина — Очерки социальной гигиены. Социальный коллектив и его мощь. Изд. „Наука и школа“ 1925 г. Стр. 121.

и борьба с этим злом должна вестись главным образом в плоскости социальных переворотов и реформ, направленных к ослаблению в человеческом обществе конкуренции и борьбы за существование и замене их взаимопомощью.

Что касается культуры талантов посредством их кастовой изоляции, то такой метод, в случае его проведения в жизнь, мог бы оказаться губительным прежде всего для тех, кто вошел бы в такую замкнутую касту. Кастовая изоляция наследственно одаренных представляет опасность уже по одному тому, что талантливость очень часто бывает связана с различными формами наследственной отягощенности, как-то: психическими расстройствами, эпилепсией и т. п. В конечном итоге, если мы будем всеми мерами содействовать кастовой изоляции талантов, как того хотят некоторые евгеники, то тем самым появится опасность большого скопления внутри такой касты и разных наследственных дефектов. Подобно тому, как портится вода в стоячем бассейне, должна будет со временем выродиться и искусственно созданная евгеническая каста талантливых. В истории человечества можно найти множество примеров того, как пагубно может отразиться на судьбах отдельных родов, племен и народов их замкнутое изолированное положение и развитие. Однако, еще гораздо больше предпосылок к этому мы имеем по отношению к касте талантов, которая обязательно явится и скопищем всевозможных наследственных болезней и дефектов. Таким образом метод кастовой изоляции наследственно одаренных является по нашему мнению весьма и весьма рискованным.

В отличие от кастовой изоляции, неизмеримо более жизненным методом культуры талантов должна явиться правильная профессиональная ориентация трудоспособного населения страны, основанная на учете всех органических способностей и возможностей каждой отдельной личности. Такая мера, несомненно, должна способствовать быстрому обогащению общества активными талантами во всех областях человеческой деятельности. В данном случае мы должны руководствоваться теми словами Ленина, которые Ассоциация натуралистов-самоучек избрала в качестве своего основного девиза: «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов из рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты и надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе».

Прения по докладу М. В. Волоцкого.

(В прениях принимали участие Понятский, Н. С., Местергази, М. М., Фаддеев, Т. Д., Баткис, Г. А., Серебровский, А. С., Андреев, Ф. А., Смирнов, Е. С., Авраамов, А. И., Шмидт, Г. А.).

Понятский, Н. С. Вопрос о наследовании благоприобретенных признаков принял в последнее время непонятную остроту, приблизительно, как дарвинизм в буржуазных странах. Там во что бы то ни стало стараются подыскать достаточно причин, чтобы его провалить, и в который уже раз появляются утверждения об окончательном опровержении дарвинизма. То же в последнее время случилось у нас с вопросом о наследовании благоприобретенных признаков. Доходит до того, что признали его контрреволюционным, что он будто бы подрывает значение пролетариата, ставшего

у власти. Это класс, который будто бы не подвергся процессу отбора, и, таким образом, трудно надеяться получить от него каких-нибудь культурных достижений. Этот класс, видите ли, ничего не имеет общего с Бетховеном и Рафаэлем, как же ему править? Товарищи, всего забавнее, что это говорят немарксисты. Марксисты, конечно, так сказать не могут. Если бы воскресли наши три мудреца, они бы сказали то, что они писали везде и всюду. Они бы сказали, что марксистски будет узнать природу, не закрывая глаза ни на выгодное, ни на невыгодное и узнавши ее таковой, как она есть, применять ее в пользу человеку. Как смешны будут люди, которые проповедуют, что эта теория не марксистская, а контрреволюционная, если вдруг участятся случаи, когда будет доказана наследственность благоприобретенных свойств! Что же тогда будет? Тогда сама природа будет контрреволюционна, и как смешны будут эти граждане Филипенко и др.

Природа не может быть ни революционна, ни контрреволюционна. Что она нам скажет, то и есть для нас данное, которое нам лишь останется использовать. Наши рабочие, де, это нерафинированный, сырой материал. Но, позвольте, они ведь рафинировали эксплуататоров и сплавляли их. Если рабочие будут у власти, то войны не будет и они никому не дадут бездельничать. Бездельников не будет и не будет тех молодых людей, которые живут на ренту. Затем не будет гибели новорожденных детей и беременных женщин, а эта гибель есть в великобританской Англии, которая управляется лордами. Когда англичане приезжают к нам, они не верят, что мы помогаем выращивать здоровых детей. Лорды этого не делают. Напротив, в Европе, в Соединенных Штатах мы видим, что разные аристократы вновь открывают продажу наркотиков.

Смешно судить о пролетариате, потому только, что он чужд пока Бетховену и Рафаэлю. Надо судить по совокупности. Да, рабочий мало понимает 9-ю симфонию Бетховена, ведь еще Маркс сказал, что пролетариату трудно выбраться из низов на высшую ступень. Но есть много культурных интеллигентных людей, бескорыстных, способных отдать силу и энергию пролетариату, а кроме них, разве пролетариат не может взять к себе на службу талантливых инженеров? У пролетариата есть черта, которой нет у аристократии. Он мыслит и не может мыслить иначе, как марксистски, диалектически. А как мыслит буржуазия? Она мыслит метафизически. Таким образом, направление мысли у пролетариата выше, чем у этой аристократической головки. Наконец, была небольшая проверка. Без года неделю существовало в Англии рабочее правительство. Правда, рабочие были под давлением лордов, но все-таки они принесли больше пользы, чем эти лорды. В то время, когда у власти были рабочие, была политика канонерок? Нет, не была. Была политика интервенций? Нет, не была. Итак, если вы сравните живую действительность, то вы увидите, что если эта теория восторжествует, если участятся факты наследственной передачи приобретенных признаков, то это не будет губительно для пролетариата, не безнадежно для нашей страны. Это просто не будет иметь никакого отношения. Мы этими фактами воспользуемся и будем применять их так, как это нам будет казаться лучше.

Местергази, М. М. Прежде, чем возражать тов. Волоцкому, необходимо ответить т. Понятскому.

Тов. Понятецкий говорит, что нужно брать истину таковой, какова она есть — природа, де, не может быть ни революционной, ни контрреволюционной. К сожалению, о контрреволюционности и о мракобесии начали говорить не мы. Нас все время обвиняли в этом и печатно и устно. По отношению к непризнающим наследования приобретенных признаков применялись разные малопривлекательные эпитеты. Однажды даже ставилось на голосование: признавать ли марксистам наследование или не признавать. Хорошо, что это голосование не прошло. Прямо говорили, что ежели кто не признает наследования, тот не марксист. Марксист, мол, должен быть обязательно ламаркистом.

О том, будто пролетариат хуже потомственных дворян, могут говорить только сторонники наследования. Мы как раз этого не говорим. Защита мадональдовского правительства поэтому несколько не разъясняет спорного вопроса.

Что касается заявления тов. Волоцкого, то тут получилась очень курьезная вещь. Я упомянул в перерыве о тунгусах: «Ну, что же, тунгусы, которые обучаются у нас в комм. университете, вернутся к себе и дети их среди потомков туземной неученой массы будут белой костью?». А тов. Волоцкий заключил, что я с презрением отношусь к тунгусам. Не к тунгусам отношусь я с презрением, а к вере в наследование фенотипических изменений. Ламаркистам лучше не касаться вопроса о способностях малокультурных народностей. Все эти эксперименты с фенотипами есть симпатический способ лечения, когда, влияя на следствие, думают излечить причину. Я давно, в особенности теперь, когда работаю среди мелких народностей, стою на точке зрения Боаса. Прямой зависимости между уровнем культуры и природной одаренностью разных рас нет. Если взять московского обывателя и какого-нибудь тунгуса или самоеда, то никакой разницы в одаренности нет. Чем московский обыватель отличается от тунгуса? Только тем, что он рождается в более богатой культурной среде. У него вырабатываются чрезвычайно разнообразные навыки. Машинка его, его нейроны по количеству и разнообразию, может быть, не отличаются от тунгусских, но условные связи устанавливаются в гораздо большем количестве. Он просто живет за счет большей культуры, получает массу впечатлений; у него вырабатывается много рефлексов. Когда я сталкивался в путешествиях с различными туземцами, я всегда поражался удивительному количеству чрезвычайно остроумных, талантливых людей. И дураков, и умных можно встретить среди представителей всех рас и всех народов.

В своей бедной жизни тунгус считает до десяти — не больше, и предки его больше десяти не считали, а сюда приезжают ребята и прекрасно математикой занимаются. Несколько не хуже нас. Значит, никаких наследственных тяжестей от прошлого их существования они на себе не несут.

Десять лет революции и строительства социализма показали, что шахтер может быть организатором не хуже каких-нибудь потомственных дворян или купцов, что он может быть и дипломатом не хуже какого-нибудь Чемберлена — занятие предков тут не при чем. Условные рефлексы потомкам не передаются, но накопленный общественный опыт является культурным их достоянием.

Тов. Волоцкой говорит, что речные, морские и океанические культуры есть результат только окружающих условий. Не будем углубляться в этот вопрос. Факт тот, что накопленный опыт, т. е. культура, у греков была богатая, и всякий дурак-грек более понимал в искусстве, чем какой-нибудь талантливый скиф. Дело совершенно не в том, что скифы от природы были плохи, что у них наследственные черты были плохи, а у греков хороши. Нисколько греки могли быть не лучше скифов, но они жили в культурной обстановке и достигали многого.

Поэтому, с нашей точки зрения, все ваши примеры насчет океанических культур и т. д. на нашу мельницу воду льют. Мы говорим, что нет разницы между европейцем и тунгусом. Конечно, в строении мозга и в других соматических признаках есть разница, но нельзя говорить — лучше или хуже. Мы видим, что современные греки нисколько не лучше других народов, хотя их предки в культурном отношении были выше соседей. Мы не видим другого наследства от жизни предков, кроме культуры. Да, культура есть великое богатство, но она передается не через половые клетки. Условными рефлексами мы богаче, но никаких других преимуществ у нас нет.

Дальше очень важный вопрос о том, что говорил Энгельс. Ведь здесь вопрос совершенно не в упражнении (тов. Волоцкой: «Энгельс говорил и о влиянии упражнения»). Я не совсем помню, что говорил тов. Волоцкой. Не об упражнении, не о роли труда, а о размножении вы говорили. Здесь важный вопрос о размножении.

Не в том дело, что известный организм живет в лучших или худших условиях, а в том: размножается он или не размножается. По-моему, в этом центр вопроса, а не в том, насколько сам организм жил хорошо или плохо. Я очень жалею, что ссылку тов. Волоцкого не записал. Я вспоминаю, что это о влиянии спирта, а не о труде. О влиянии спирта вы говорили, что уменьшается рождаемость. Вопрос и надо рассматривать в плоскости уменьшения деторождения, а совершенно не переносить его в область передачи фенотипических изменений.

Затем мне хотелось бы еще указать вот на что. Тов. Волоцкой в конце доклада остановился на вопросе, который я считаю для нас чрезвычайно важным, подлежащим тщательной проработке, — это вопрос о панмиксии. Здесь мы, как будто, единомышленники. Конечно, кастовая обособленность талантов с нашей точки зрения совершенно непригодна, в вопросе же панмиксии перед нами открываются широкие возможности. У нас есть теперь возможность получения широчайшего скрещивания, у нас всякие перегордки отпали. Спрашивается, что эта панмиксия даст — хороший материал или плохой. Я глубоко убежден, что чрезвычайно хороший, чрезвычайно богатый. Здесь мы можем получить совершенно неожиданные сочетания. Имеющиеся литературные данные не особенно велики. О помесях между различными расами писали Ливингстон и Гумбольдт. У Ливингстона есть указание насчет португальцев и негров. По его мнению, от скрещивания их получается чрезвычайно зверская публика. Неблагоприятные результаты смешения отмечает Ходжис у индейцев. Классическим примером удачной помеси являются реботитцы — метисы готтенотов с бурами и голландцами. Плодовитость их чрезвычайно большая: 7,7 ребенка на пару.

Самое широкое скрещивание должно по нашему мнению дать человечеству очень много. Различие же уровней скрещивающихся племен неверующий в наследование приобретенных признаков должен прямо игнорировать. Меня как-то спросили: не передаются ли потомству изменения, происходящие от косметических воздействий. Я ответил, что по-нашему нет, а как по ламаркистски, надо спросить их самих.

Одним словом, мы, не смущаясь прошлым, смотрим в многообещающее будущее. У нас многомиллионный запас генов и их надо широко использовать. В этом отношении я совершенно согласен с товарищем Волоцким. На этом, товарищи, я заканчиваю. Физкультура и все, что мы сейчас называем воспитанием — все это имеет колоссальное значение, потому что живут фенотипы. Но, кроме того, мы можем получить огромное количество новых комбинаций.

Широкое скрещивание и благоприятные условия развития — основы улучшения человеческого типа.

Фаддеев, Т. Д. Товарищи! В истории науки очень резко бросается в глаза одна черта — это именно то, что человеческая голова обладает недостаточной, а бы сказал, идеемкостью. Существует теплоемкость, электроемкость: для человеческой головы существует идеемкость. И этой идеемкостью человеческая голова обладает в недостаточной степени. Всякий раз, когда появляется какая-нибудь новая большая идея, оказывается, что эта новая большая идея не может уместиться в человеческой голове вместе со старыми идеями, и прежде всего, старается эти старые идеи выпихнуть и засесть там одной. Приведу всем хорошо известный пример.

До Лавуазье в химии существовала теория флогистона, согласно которой полагали, что при горении из горящего тела выделяется особое вещество «флогистон». Лавуазье своими опытами показал, что при горении к горящему телу присоединяется кислород. Казалось бы, какое это имеет отношение к флогистону? Кислород присоединяется, но в то же время может выделяться и флогистон. Однако, сейчас же решили, что старая теория флогистона неверна. Если кислород присоединяется, стало быть, никакого флогистона выделяться не может: одним словом оказалось, что эти две идеи не могут ужиться вместе. Новой идее надо было уничтожить старую для того, чтобы самой занять ее место. Даже в тех учебниках, по которым я сам учился, говорилось, что Лавуазье опроверг старую теорию флогистона и вместо нее установил новую теорию кислорода.

На самом же деле учение о кислороде несколько не противоречит учению о флогистоне. Кислород может присоединяться, но в то же время может выделяться флогистон. Современная наука, действительно, так и смотрит на явление горения. Она произвела синтез двух теорий, которые, как оказалось, не только в действительности не противоречат друг другу, а наоборот, дополняют друг друга. И современная наука учит, что при горении, с одной стороны, присоединяется кислород, а с другой стороны, выделяется флогистон (энергия).

Такой синтез идей происходит с большим трудом. И всякая новая идея, вместо того, чтобы синтезироваться со старой, вначале, прежде всего

старается эту старую идею вытолкнуть. Я думаю, что именно это и происходит с идеей Менделя. Открытие Менделя являетсяловой, в высшей степени важной идеей, перевернувшей безусловно наши привычные представления, и эта новая идея по традиции старается вытолкнуть из нашего сознания старую идею, отчасти ей противоречащую, и пытается единолично овладеть нашим сознанием. Я не сомневаюсь, что пройдет несколько времени и об этом не будут спорить, ибо синтез уже произойдет. Сейчас об этом еще спорят. До Менделя мы были уверены, что благоприятные признаки передаются, и только после него выяснилось, что центр тяжести — в генах. И вот, это новое учение, на первых порах, не может ужиться со старым.

На самом же деле, я думаю, что нам, работающим в стране, где стоят на марксистской диалектической точке зрения, пора выучиться подходить к проблемам с разных сторон, памятуя, что наши знания относительны и что наиболее полное знание предмета получается из синтеза данных, полученных с разных точек зрения.

Поэтому важно не решать вопрос: кто прав и кто не прав, наследуются или не наследуются благоприятные признаки, а важно синтезировать эти два взгляда и уметь построить синтетическое мировоззрение.

Никким образом нельзя утверждать, что гены неизменны. Конечно, это трудно доказать лабораторным опытом. Но, как диалектики, мы должны пользоваться не методом узкого лабораторного исследования с одной только точки зрения, а методом синтеза всех наших опытных знаний. И если мы не будем пользоваться такими синтетическими теоретическими построениями, мы не сумеем и целесообразно экспериментировать в наших лабораториях. И вот представление о неизменности генов прежде всего становится в противоречие с общим учением диалектического материализма. Стоя на диалектической точке зрения, мы считаем, что в природе решительно все изменяется. И вот оказывается, что только гены являются странным исключением. В то время, как все меняется, только одни гены оказываются неизменными.

Далее, если мы будем считать гены неизменными, то мы должны признать и неизменяемость видов. Ибо каким же образом виды могут меняться, если гены остаются всегда неизменными?

Итак, гены изменяются. Как же они могут изменяться?

Возможны два способа. Первый, это благодаря действию внешних условий, а второй способ изменения генов, на который так мало указывают, это взаимодействие их благодаря сосуществованию друг с другом: т.-е. гены, находясь рядом друг с другом в одном и том же организме, должны взаимно действовать друг на друга.

Если ген А находится в одном организме в присутствии гена Б, а в другом организме в присутствии гена С, и в одном случае мы имеем комбинацию А и Б, а в другом — комбинацию А и С, то несомненно, что гены будут действовать друг на друга и ген А, находящийся в одном организме рядом с геном Б, будет впоследствии отличаться от гена А, который находится в другом организме рядом с геном С.

Очень жаль, что такие односторонние течения в науке существуют, ибо это приводит подчас даже к антиморальным выводам. Говорят, например, что нужно усиливать борьбу за существование, что необходимо усилить отбор. Но, разумеется, этого в действительности не нужно делать, ибо усиление борьбы за существование вызывает такие тяжелые условия жизни, благодаря которым даже и победители в борьбе вырождаются и получается общее вырождение.

Затем, в двух словах, относительно малой размножаемости высокоодаренных, умственно работающих людей, и о том, что их не стоит поддерживать материально. Тут я не согласен с докладчиком, и вот почему.

Высокая рождаемость сопряжена с очень большими затратами и очень тяжела в жизни. И она имеет место только потому, что интенсивность половой жизни очень велика. При низкой умственной культуре половое влечение сильнее, и оно настолько сильно, что, несмотря порой на крайне тяжелые условия, рождаемость остается высокой. При высокой же умственной культуре мы знаем, что умственные процессы действуют задерживающим образом на низшие рефлекторные процессы, в том числе и на половое влечение. И вот эта интенсивность умственной работы понижает напряженность половой жизни, потому что вся энергия уходит в умственную деятельность. Поэтому у лиц с интенсивной умственной деятельностью не хватает достаточно энергии, не хватает, так сказать, достаточной сексуальности для того, чтобы пробивать тяжелые условия жизни и чтобы достаточно сильно размножаться. Тут материальная поддержка безусловно необходима.

Теперь еще одно слово по адресу оппонента, который только что говорил передо мною. Как раз он защищает ту одностороннюю точку зрения, против которой я встаю. Я хотел бы показать, в какое противоречие он стал сейчас. Ведь можно подумать, что он стоит на той точке зрения, что в человеческом теле находится совершенно самостоятельная душа, ибо он говорит: возьмите представителей разных низших рас: между ними в психическом отношении нет никакой разницы — они одинаково способны и одинаково могут все понимать. Но в теле-то у них разница есть. Значит, при различном физическом развитии психически они совершенно одинаковы; отсюда следует, что психика у них существует совершенно отдельно от тела. Значит, в их теле находится отдельная, совершенно самостоятельная душа.

Баткис, Г. А. Сегодня, по-моему, блестяще доказана в 21-й раз теорема Козьмы Пруtkова, что никто необъятного объять не может. Мы сегодня совершили большую экскурсию по истории человеческой культуры до Коминтерна, венчающего наши океанические культуры какой-то воздушной и даже межпланетной культурой.

Я полагаю, что вся аргументация этой знаменитой теории расселения по рекам, венчающаяся культурой океанической, а затем Коминтерном и т. д., ничего общего с научным марксизмом не имеет. Я думаю, что все-таки в Коммунистической Академии, под сенью тех великих мудрецов, о которых здесь говорилось, надо все-таки критически относиться к тому, что здесь говоришь. Надо аргументировать, но найти аргументацию солидную в научном отношении. Коминтерн здесь решительно не при чем. Совершенно не при чем и та интерпретация, которая дана докладчиком. Ведь мы сползли

здесь на ультрафилистерскую постановку вопроса о расах. Из-за того, что нам говорят, что наша раса худшая, мы поднимаем эту перчатку и говорим: нет, ничего подобного, — мы еще вам покажем. Это патриотизм с другого конца. Разве мы так говорим? Разве так мы собираемся пождать северную расу? Мы говорим, что для нас не существует вообще борьбы рас, а существует борьба классов. Мы не собираемся создавать новой культуры с гегемонией какой-нибудь из рас, а в корне отвергаем всю эту филистерскую шелуху, с какой бы стороны она ни была.

Я думаю, что для воинствующего материализма нужно тут ставить точки над «п», и ясно, четко сказать, что со всей этой аргументацией научный марксизм ничего общего не имеет. В Коминтерн совершенно другими путями идут, не путем увенчания океанической культуры, а только путем создания содружества всех трудящихся классов всех рас, в том числе и туңгусов, без всякого сравнения, чьи гены выше, чья нация выше или ниже.

Да, совершенно верно, Марксу и Энгельсу принадлежат слова о двух расах — о капиталистах и рабочих, им же принадлежит та точка зрения, что англичанин-буржуа отличается от английского рабочего больше, чем он отличается от буржуа любой из других наций. Но они рассматривали вопрос о вырождении совсем иначе, чем говорилось здесь.

Нигде и никогда мы не найдем, чтобы где-нибудь говорилось, что это есть унаследование приобретенных признаков в вырождении пролетариата. Возьмите и внимательно прочтите 1-й том «Капитала», который безумно извращался в каждой строчке сегодняшнего доклада, — я об этом потом буду говорить. — и вы там увидите ясно, что вырождение пролетариата обуславливается воспитанием, созреванием рабочего в условиях детского труда. Вот чем аргументируется создание новой расы, и нигде не говорится о том, что ребенок, забранный от родителей и воспитанный в других, лучших условиях, будет обязательно того же типа, как дети, вырастающие в Уайт-Чепле и т. д. Нигде мы этого не видим.

Мы знаем те опыты, которые вовсе не приводили к каким-нибудь длительным модификациям. Мы знаем опыты, когда в Манчестере и в Ливерпуле с переселением рабочих из их обстановки в город-сад в результате получалась такая прекрасная модификация в первом же поколении. И получались вовсе не каким-то сложным генетическим путем, а просто резко изменяли условия, в которых до сих пор дети рабочих жили. Это были дети тех же рабочих, которые жили раньше в Манчестере или Ливерпуле, но они тут в городе-саде выросли в совершенно иных условиях и дали повышение показателей своего развития.

Мы знаем, что вырождение рабочего класса создается всеми условиями существования рабочего класса, но это совершенно не та философская проблема наследования, врожденная схема дегенерации рабочего класса, которая здесь развивалась вроде уже известной схемы Мореля.

И в докладе и у выступавших здесь есть грубейшие ошибки. Я называю это грубейшими ошибками, когда утверждается, что размножение потому слабое, что борьба за существование растет. Чем больше растет борьба за существование и чем больше надо условий, чтобы пробиться

выше, напр., в квалифицированные рабочие, тем будто бы больше сокращается размножение.

У Маркса говорится, что размножение пролетариата напоминает размножение наиболее преследуемого вида, для которого наиболее трудны условия существования, для которого наиболее велика борьба за существование. Как раз обратно пропорционально: чем больше борьба за существование, тем размножение общественного класса сильнее. Там в «Биологии» того же Маркса проводится эта аналогия с биологическими понятиями.

А какую здесь мотивировку давали? Я прошу извинения за мою полемическую резкость, но то, что мы в Коммунистической Академии, что здесь мы куём воинствующий материализм, заставляет меня прямо и определенно ставить точки на «и». Здесь один уважаемый товарищ, выступавший передо мною, говорил, что так как сила сексуального напряжения не может гармонировать с затратами на умственный труд, на талант, то в капиталистическом обществе сексуальное напряжение понижается, что и ведет к понижению рождаемости и т. д. И у т. Волоцкого была такая мысль, — я ее отметил и записал — что капитализм стерилизует, он сублимирует половую энергию. Вот вам и раз, вот до чего мы договорились. Всякий мало-мальски знающий проблемы сексуальных отношений знает, до какого напряжения капитализм довел половое влечение. Он не стерилизует, — наоборот, в тех группах, где мы имеем низкую рождаемость, мы имеем самое высокое сексуальное напряжение. Я говорю о высших слоях для капиталистических стран, в которых низкая рождаемость. Капиталистическую интеллигенцию, которую составляют директора, банкиры, крупные инженеры, руководящие капиталистическими предприятиями, я также отношу к высшему слою капиталистического общества, и у них низкая рождаемость. А разве капиталистическая интеллигенция не вовлечена в этот половой угар? Разве кто-нибудь скажет, что он не знает, что падение рождаемости достигается иными средствами, чем стерилизация полового влечения, либо сублимация его? Неужели это не известно, зачем это замазывать, зачем употреблять такие неправильные термины? Я думаю, что мы здесь вправе так резко поставить вопрос, потому что только таким путем мы будем в состоянии формулировать точное мнение. А то, что здесь говорилось о гибели нации — неверно. Разве была гибель всего поколения? Разрушалась хозяйственная система, она заменялась другой хозяйственной системой. Ни египтяне, ни ассирийцы и кто бы то ни было не были стерты с лица земли. Никто этого не доказал и никто этого не докажет. У них погибла их организующая верхушка и сейчас эта верхушка гибнет в капиталистических странах.

Серебровский, А. С. Товарищи, все многочисленные споры о евгенике и тот спор, который развивается перед нами по докладу Волоцкого, страдают одним очень существенным недостатком, который запутывает этот спорный вопрос и который не обещает нам возможности разрешить его. Постоянно смешиваются две совершенно разные вещи. С одной стороны, точная наука — антропогенетика, с другой стороны, та надстройка над ней, которая имеет только некоторое отношение к науке. Евгеника не есть наука. Это есть попытка приложить научные данные о наследственности человека к обсуждению методов решения тех задач, которые ставит перед

собой евгеника, а сами задачи, выдвигаемые евгениками, отнюдь не являются проблемами биологической науки. Поэтому, когда мы ведем разговор о евгенике, мы должны различать, о чем мы ведем разговор. Ведем ли мы разговор об антропогенетике или о тех надстройках, о тех идеалах и планах достижения идеалов, которые интересуют евгеников. Если мы ясно не вскрыем двойственность того, что обычно именуют евгеникой, то мы будем все время путаться, будем подходить к социологическим вопросам с точки зрения биологии и к биологическим с точки зрения социологии.

Повторяю, необходимо, прежде всего, эти вопросы разграничить. Волоцкой не сделал попытки этого разграничения и поэтому его доклад оказался полным противоречий, из которых нет выхода по этим самым причинам. Возьмем пресловутый разговор о душевных болезнях. Что говорит антропогенетика? Антропогенетика разбирает вопрос, отчего происходят эти болезни, как они ведут себя в скрещиваниях и т. д., т.-е. целый ряд чисто биологических вопросов. Евгеники иначе подходят к этому вопросу. Они задают вопрос о ценности этих болезней для человека, о том, нужно ли их изгонять или нет. Это вопрос не биологический, и я думаю, что биологи не смогут договориться с евгениками о том, «хороши» или «плохи» душевные болезни. Этот вопрос вряд ли имеет определенное объективно-абстрактное решение, как и всякие иные вопросы о «ценностях».

С другой стороны, когда мы к решению биологической проблемы начинаем подходить с классовой точки зрения, как делает т. Волоцкой, у нас неизбежно должна получиться полная путаница.

Я остановлюсь на одном тезисе доклада, который особенно ясно иллюстрирует эту путаницу. В тезисе четвертом т. Волоцкой говорит о детской смертности и о тех абсурдах, до которых договариваются некоторые евгеники, считающие, что детская смертность является базой, на которой работает отбор, что детская смертность является известным механизмом освобождения человечества от вредных генов. Тов. Волоцкой согласен, что отбор имеет место, но уличает евгеников в том, что когда они говорят, будто детская смертность «полезна», то спутывают два явления: межклассовую селекцию и внутриклассовую селекцию. Он говорит, что в классовом обществе имеет место внутриклассовая селекция, т.-е. дети умирают, но умирают преимущественно дети социально-низших классов, а дети высших классов не умирают. Поэтому здесь идет селекция, но не как отбор здоровых детей, а как отбор детей высших классов в ущерб детям других классов. Поэтому детскую смертность надо признать отрицательным явлением.

Куда же мы придем, если будем так подходить к этому вопросу? Все сказанное о меж- и внутриклассовой селекции относится очевидно к классовому обществу. Если мы уничтожим классовое общество, то этой межклассовой селекции не будет. Межклассовой селекции не будет, потому что, кроме профессиональных различий, никаких других различий не будет. Тогда, значит, автоматически детская смертность окажется хорошей вещью, потому что она устраняет вредные гены.

Так биолог, изучающий биологическую проблему об отборе, неожиданно и без достаточных полномочий решает социальную проблему о «ценности» детской смертности.

Можно привести и еще целый ряд примеров, иллюстрирующих эту путаницу методов и проблем биологии и социологии. В то время, как проблемы биологически имеют точные объективные решения, которые в крайнем случае могут лишь подчеркиваться или замалчиваться классами в своих интересах—решения, связанные с оценкой, в каждом классе должны быть своими собственными.

Теперь пару слов об опытах Сёмпера, о которых говорил тов. Волоцкой. Он иллюстрирует при помощи сёмперовских опытов всю недобросовестность генетиков, которые замалчивают эти ценные открытия. Здесь несомненно имеется значительное искажение перспективы. Когда Морган в своей книге разбирает всю аргументацию в пользу наследования благоприобретенных особенностей, он выбирает из них наиболее ценные, наиболее хорошо проработанные опыты и их разбирает более подробно. А ведь масса лармакстеских опытов в этом направлении совершенно необъятна. Ко мне часто приходят студенты и говорят: «Я прищепил кончик хвост, и у нее родились бесхвостые котята». Рассматривать все эти опыты невозможно. Поэтому Морган лишь перечислил ряд опытов и разобрал подробнее лишь те случаи, которые этого заслуживают.

Очень жаль, что только сейчас я узнал от тов. Волоцкого, что в Москве опыты Сёмпера проверяются теми же приемами. Простое повторение этих опытов даст очень мало нового. Доказать наследственность изменений, получаемых при помощи температурных влияний, такими наивными способами, как делал сам Сёмпер, совершенно невозможно. Ведь то, что под влиянием изменения температурных условий, самка изменена сама и что дети у нее получают измененные, еще не доказывает наследования приобретенных признаков. Гепетика разработала целый ряд очень детальных методов, которые позволят нам выяснить, есть ли это действительно наследование или это наследование только кажущееся, только на первый взгляд производит впечатление наследования. Поэтому желающие доказывать наследование благоприятных признаков должны выступать теперь уже во всеоружии генетического анализа, а не по старинке.

Андреев, Ф. А. Талантливый исследователь в области генетики М. В. Волоцкой потому иногда впадает в такую коллизию с окружающим, что он странным образом можно сказать посвятил свою жизнь критике направления и учения Кольцова. Какую бы книжку М. В. Волоцкого вы не раскрыли, он всюду строит свои положения, исходя из суровой критики биологического направления Кольцовской евгеники, и в пылу этой критики противопоставляет Кольцову социологический, по мнению Волоцкого, фактор евгеники — наследственность приобретенных признаков. Из эпохи доказывания наследования приобретенных признаков мы уже вышли. На прошлом докладе т. Местергази до известной степени, мне кажется, подвел итоги этому бесплодному занятию — изучению наследования приобретенных признаков. И если М. В. откажется от этого занятия, то, вероятно, использует лучше свой талант.

Он к этому вопросу подходит с микросторическим методом, проблемы же биологии все макросторичны. То, что создавало и упрочивало гены на протяжении тысячелетий, вы хотите изменить в несколько дней путем, напр., подогривания мыши. Мне кажется, что в тезисах т. Местер-

гази очень хорошо было все сказано и лучше, пожалуй, не скажешь. Но так как у вас основным является вопрос о наследовании приобретенных признаков, то позвольте мне повторить то, что я говорил уже в Евгеническом Обществе.

Вопрос не в этом, вопрос в многообразии проявления гена. Эта полифеничность генов, то, что при разнообразных внешних условиях ген проявляется разнообразным образом, в том, что под влиянием внешних условий так сильно меняются фенотипические свойства гена,—в этом вся суть. И я, например, думаю, что евгенические построения и надежды уже действительно несколько надоели, ибо сомнительно их проведение в жизнь.

В конце концов, вместо евгеники, может быть целесообразнее заняться вопросами еуфеники. Это и достижимо и актуально. Думаю, что занятия еуфеникой могут дать вполне исчерпывающие результаты. А эти блаженные разговоры о создании форм евгенических, в сущности говоря, никакого ни плюса, ни минуса не дают, разве только иногда обостряют споры, например, в вопросе стерилизации, которой в конце концов никто заниматься не станет.

Таким образом, спорным вопросом евгеники является основной вопрос: чем заниматься—евгеникой или еуфеникой. Мои все симпатии на стороне еуфеники и вот почему. Я думаю, что полифеничность гена образно, условно можно представить себе таким образом: множимое, которое, допустим остается неизменным от прошлых далеких биологических эпох, а множитель может меняться. Так получают самые разнообразные фенотипы, в зависимости от видоизменяющихся моментов влияния среды.

Тут можно такое сравнение привести. Возьмите все учения о радиоактивных веществах, о радии и его эманации, обо всем том, что происходит на протяжении двухсот миллионов столетий. Тов. Местергази, между прочим, хочет путем экспериментов доказать, что все эктогенно. Мне кажется, что и без экспериментов обойтись можно. Ведь и радий как будто бы автогенно переходит в свою эманацию, эманация превращается дальше. Это большие эпохи, где искусственное воздействие, может быть, ни к чему не приведет. Но мы не видим этой эктогенности, когда в период филогенеза начальные моменты филогенеза совпали с действующим извне агентом и это впоследствии влечет известную гамму изменений. И, пожалуй, самый факт изменчивости является доказательством эктогенности. Но этот эктогенный момент, лежит слишком далеко от нас, лежит в моменте начала филогенеза.

Вот таким образом я полагаю можно было бы подытожить все споры, которые ведутся много лет и которые ни к чему не приводят. На поприще нагревания и разогревания мышей, вероятно, ничего не выйдет, потому что вы подходите микроскопически к макроскопическим явлениям. Ваше занятие искусственного получения новых генов похоже на то, как если бы взять громадный кусок раскаленного железа и на него, например, плевать. Ваша слюна испарится, а кусок железа будет понемножку остывать, меняя свои цвета. Вот в сущности метод тех лиц, которые занимаются экспериментальными доказательствами эктогенетических воздействий в эволюции гена.

Я, в противоположность товарищу, который здесь выступал, думаю, что природа ведет себя солидно, размахнув свои эволюционные изменения на сотни тысяч лет.

Затем по поводу классов Местергази. Вы попали в третий класс. Хуже всего попасть в пятый класс.

Весьма заманчиво, пожалуй, заняться эупаритипическими воздействиями, т.-е. влиять на среду таким образом, чтобы она благоприятствовала максимальному развертыванию фенотипического проявления генотипических потенций, т.-е. создавать благоприятные условия для жизни фенотипов.

Над генами издевались, опьяняли их, отравляли их, и чего только с ними не делали, а гены чудесно живут. Создаешь другие условия, опять появляется талант, значит ген могущественен, потому что ему тысячи лет. Он чрезвычайно могущественен, и потому никакие внешние условия не создают его паралича. Он всегда будет всемогущ, и я думаю, что какогенической опасности для нас и для всего земного шара не существует.

Смирнов, Е. С. Сегодняшнее заседание приняло несколько странный характер. В то время, как имеется совершенно точная формулировка в тезисах доклада, мы в прениях слышим резкий уклон от нашей темы, который переходит в чисто демагогические приемы. Вопрос заключается в том, как нужно работать в области евгеники. Присоединиться ли нам к течению, которое имеется на Западе, или мы должны приять платформу, которую предлагает докладчик. Это основная проблема, которую нужно так или иначе разрешить. Конечно, здесь, прежде всего, нам нужно разрешить вопрос, насколько возможно наследственное влияние среды на половые клетки животного.

М. В. хорошо сделал, что начал с маленького примера. К сожалению, только немногие из оппонентов выяснили свое отношение именно в этом разрезе. Я думаю, едва ли найдется среди присутствующих человек, который станет поддерживать точку зрения о том, что нужно содействовать распространению чахотки. Но это вывод, который сделали западные евгеники, ставшие на точку зрения исключительно отбора, отрицая роль внешних условий.

Если мы обратимся к тому, что «никаким подогреванием и охлаждением» мы не можем пролить света на нашу основную проблему, то я должен сказать, что оппоненты ошибаются. Один из оппонентов даже сравнил здесь влияние среды с косметикой. Я не знаю, какого рода ассоциация сложилась у него. Я много слышал критик той позиции, на которой стоим мы с докладчиком, но никто из критиков, кажется, не доходил до такого отношения к проблеме. Это уже какая-то метакритика.

А. С. Серебровский, говоря об опытах Сёмпера, выразился более конкретно и указывал, что в данном случае, по всей вероятности, имело место прямое влияние температуры не только на материнский организм, но и на развивающийся зародыш в теле матери, в результате чего получились аналогические изменения, когда зародыш вырос. Это показывает, что **А. С. Серебровский**, к сожалению, не знаком с другими аналогичными работами, с работами Шибрама над крысами. Факт наследования получил подтверждение там на нескольких поколениях. Следовательно, не может быть речи о том, что этому влиянию подвергся только зародыш, в котором

заложены соответствующие свойства. Опыты Шибрама, которые велись на протяжении нескольких поколений, показывают, что наследственному изменению подвергалась именно половая клетка. В этом центр тяжести вопроса.

Теперь, если мы примем, что внешние условия могут вызывать наследственные эффекты у таких млекопитающих, как мыши, крысы, кролики, морские свинки и т. д., то можем ли мы сказать, что все эти экспериментальные исследования есть какое-то ребяческое занятие, которое можно отбросить? Примерно так выразился здесь один из оппонентов. Я думаю, если мы допустим, что существует наследственная передача признаков, приобретенных под влиянием изменения температуры, у мышей, кроликов и т. п., то нам стоит сделать один шаг, чтобы перенести эту проблему и на человека. Я не понимаю, как можно относиться к таковому рода исследованию как к пустому занятию и даже рекомендовать докладчику «заняться чем-нибудь другим».

Таким образом, если мы приступим к разрешению основной проблемы на основании экспериментальных данных, то должны будем признать наследственное влияние условий внешней среды, должны будем признать наследование приобретенных признаков. Но это имеет большое значение в евгеническом отношении, потому что таким путем мы можем, с одной стороны, предупредить вредные влияния, с другой стороны, использовать факторы полезные.

Докладчик говорил, что к числу первых относится свинцовое отравление. В блестящем опыте Гаррисона и Гаррета показано, что различные соли, которые попадают в кормовые растения гусениц, вызывают резкие изменения в организме гусениц, наследуемые по Менделю. Однако, оппоненты докладчика, повидимому, считают и эти работы ребяческим занятием, не стоящим внимания, ибо предлагают докладчику заняться чем-нибудь более серьезным. Я не понимаю такого отношения к научным опытам. Надо же, наконец, знать границы.

Таким образом, я не вижу, в чем заключаются возражения докладчику. Неужели оппоненты стоят на точке зрения западно-европейской евгеники и будут проповедывать усиленную смертность детей, развитие туберкулеза и т. д.?

Резюмирую. Вопрос в том, должны ли мы ограничиваться только одним отбором или должны учитывать и влияние внешней среды. Я думаю, что те экспериментальные данные, которые получены на животных и которые косвенным путем наблюдаются на человеке, мы должны так или иначе учитывать. И если мы говорим о тактике евгеники, то, конечно, было бы преступно открепиваться от такого рода фактов или оставлять их совершенно в стороне.

Учитывая значение и отбора, и наследственного влияния среды, мы можем использовать оба эти момента. И несомненно, что они оба будут иметь огромное значение для разработки настоящей объективной евгеники, а не той, которая, к сожалению, господствует сейчас на Западе.

Авраамов, А. И. Несмотря на очень резкое, самоуверенное, безапелляционное и потому ненаучное, по своему характеру, выступление оппонентов, возражавших против ламаркистской идеи наследования приобретен-

ных признаков, — я все же имею смелость сказать, что меня, марксиста-общественника, заинтересовал доклад и оказался очень симпатичным, именно потому, что построил на идее наследуемых приобретенных признаков. В качестве человека, интересующегося синтезом учений о биологическом и социально-историческом прогрессе, я никак не могу себе представить, каким образом можно притти к такому синтезу, отказываясь от названной ламаркистской идеи.

В частности в отношении одного из товарищей оппонентов нельзя не выразить своего удивления по поводу сделанного им очень решительного замечания, что будто бы у Маркса и Энгельса нет и памяка на признаки ими наследуемости приобретенных признаков. Стоит только вспомнить известное посмертное сочинению Энгельса, — я имею в виду «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» — для того, чтобы убедиться в том, что решительность и самоуверенность этого товарища достойны лучшего применения.

Уже в первом абзаце Энгельс, говоря о труде, как о создателе богатства, делает в высшей степени важное в научном отношении замечание: по значению труда, говорит он, безгранично, более этого: в известном смысле мы должны сказать — труд создал самого человека.

И вот я спрашиваю т.т. антиларкистов, думают ли они, что труд, т.е. та искусственная среда, в которой живет человек, могла создать своих Рафаэлей и Паганини, чарующих нас своим искусством известным образом сочетать краски и звуки, без того, чтобы из поколения в поколение не передавались медленно и постепенно приобретаемые в процессе материального и интеллектуального труда, как продукт обратного влияния среды на человека, некоторые свойства или признаки его руки, его мозга, его организма вообще? Возможно ли это? (Местергази: «Это возможно»).

Кроме названного сочинения, я могу указать и еще на одну важную в данном случае заметку Энгельса к «Диалектике природы»: заметку о том, что наши ребята очень быстро усваивают правила математики, как будто они сами собой разумеются, а бушменские не могут понять их, сколько им не толкуй. И что, повидимому, это объясняется тем, что культурная среда создает известную восприимчивость к математике и другим культурным вещам (Местергази: «Тогда еще не было проверенного материала, а теперь есть»).

Однако, я пока только констатирую, что такое ламаркистского характера мнение у Энгельса, вопреки заявлению т. оппонента, имеется...

А теперь я должен обратиться к тому, что считаю самым существенным в проблеме синтеза биологического и социологического прогресса человека.

Основным вопросом, затрагивающим одинаково как антропологическую, так и социологическую стороны учения о человеческом прогрессе, является вопрос о том, как относится искусственная среда к человеку: зависит ли в конечном счете человек от среды, или, наоборот, среда от человека. Совершается ли антропологический и социологический прогресс эктогенетически или автогенетически. Я думаю, что каждый из здесь находящихся марксистов согласится со мной, что действительно научное познание может покониться на *эктогенетическом* принципе, приемлемом для науки,

Однако, только в том случае, когда он понимается не в метафизическом смысле, а в диалектическом, т.е. как не исключающий, а включающий в себя, как нечто подчиненное ему, и принцип автогенеза или преформизма.

Такова правильная постановка вопроса, но еще далеко не решение его. Путь для решения проблемы указан, на мой взгляд, Марксом.

Заканчивая первый том «Капитала», Маркс, исходя из наблюдаемого и объясненного им своеобразия свойств классовой капиталистической культурной среды, приходит к тому выводу, что человеческая природа, будучи продуктом противоречивой по своему характеру искусственной среды, с одной стороны, являет признаки своего усовершенствования, с другой — ухудшения или вырождения. Маркс далек от мысли, что постепенно и неизбежно в процессе развития самого капиталистического общества одна из тенденций, именно тенденция к вырождению, несаясь, отомрет, а другая, в сторону усовершенствования, восторжествует, так сказать, в лице победоносного пролетариата. Наоборот, по его мнению, развитие капитализма должно довести до апогея, до крайнего обострения противоречия между обеими тенденциями, и только тогда и возможна революция, коренное преобразование общества.

К моменту достижения кульминационного пункта нисходящей линии капитализма, пролетаризировавшееся общество окажется, так сказать, тем раствором человеческого материала, в котором откристаллизуются, с одной стороны, элементы вырождения, преступности, дефективности, слабости и кретинизма и т. п., но, с другой стороны, также и элементы возрождения, самоотверженности, энтузиазма, мужества, смелости, дисциплинированности и т. п., словом, тех способностей и сил, которые необходимы для совершения исключительной по своей важности исторической задачи — коренного социального преобразования общества.

Присутствующие здесь биологи прекрасно поймут, что в данном случае Маркс представляет себе процесс возникновения нового общественного человека, совершенно аналогично тому, как биолог, имеющий некоторое представление о диалектике, должен представлять себе процесс возникновения первоначальной стадии человека — ребенка из плода, зреющего в утробе матери. И здесь мы наблюдаем две тенденции, диаметрально противоположные по своему направлению: с одной стороны — растет зависимость плода от матери и питающих его соков, с другой — растет и тенденция независимости от нее. В конце процесса, вторая революционная тенденция победит первую, но не потому, что первая постепенно сдает свои позиции, уступает второй, а, наоборот, потому, что обострение противоречия между одинаково усиливающимися тенденциями в одном и том же, так сказать, драматическом развитии плода доходит до апогея, после которого происходит революционный переход к новому процессу развития, уже не плода, а человека.

И вот, товарищи, спросим себя: как это возможно, что обе тенденции в развитии человеческой природы доходят до апогея. Нетрудно понять, что указанные неизбежные предпосылки революции общественного человека возможны только при предположении, что из поколения в поколение передаются приобретаемые под влиянием окружающей среды признаки как в сторону вырождения человека, так и в сторону его усовершенствования.

Я думаю, что когда Маркс говорит о том, что, «воздействуя на внешнюю природу и изменяя ее, человек изменяет и свою собственную природу», он имеет в виду при этом не только человека в социологическом смысле, но и в смысле антропологическом. Изменяется не только человек, как носитель определенных экономических и идеологических отношений, особой системы понятий, чувств и воли, но и человек, как обладатель особой системы психофизиологических способностей, без которых немислим его материальный и интеллектуальный труд в обществе.

Своим указанием на искусственные органы, как на основную движущую силу человеческого прогресса, Маркс и Энгельс дали, таким образом, разрешение не только социологической, но одновременно и антропологической проблемы.

В последнем смысле небольшое сочинение Энгельса о «Роли труда и т. д.» является замечательным по своей содержательности и глубине мысли и до сих пор недостаточно оценено биологами, даже считающими себя марксистами. В нем заключена, по нашему мнению, целая программа исследования о происхождении и развитии человека.

Из всего сказанного мною следует, что нам, марксистам, незачем свысока относиться к евгенике и третиловать ее, как специфически буржуазную науку.

Возможна не только буржуазная евгеника в духе Колюцова и Филиппенко, но и евгеника пролетарская, социалистическая, которая, в противоположность первой, интересуется как своей главной и основной задачей не правилами полового подбора и комбинацией генов, а правилами практического воздействия на известные физиологические условия искусственной социальной среды человека, в целях направления влияния этих условий на него в желательном борющемся за свое освобождение пролетариату направлении.

Шмидт, Г. А. Товарищи, когда мы организовали наше общество, мы считали, что одной из важнейших его задач явится уничтожение противоречий, которые существуют до сих пор между марксистами-биологами и марксистами-общественниками. Первые наши два заседания не дали материала для этого. Но вот, в сегодняшнем заседании, мы видим выявление противоречий, которые, якобы, существуют между биологами и общественниками. Конечно, при помощи отдельных выступлений здесь очень трудно достичь согласования, но, вероятно, в ряде заседаний постепенно такое понимание будет достигнуто.

Я думаю, что здесь недоразумения между т.т. Авраамовым, Волоцким, и Андреевым сводятся к тому, что в конце концов у евгеников имеется стремление отрицать влияние среды. Это неправильно. Поскольку такие недоразумения существуют, их нужно подчеркнуть, потому что это является нашей задачей, и выявив противоречия, надо найти им диалектическое объяснение.

Далее я хотел указать докладчику, что когда мы устраиваем такие принципиальные заседания, некоторые товарищи не выступают в качестве оппонентов. У нас был, напр., доклад т. Местергази. На этом заседании т. Волоцкой не выступал с достаточно глубокими возражениями. Это для нас чрезвычайно неприятно, потому что у нас в конце концов существует лишь

стремление найти истину, уничтожить недоразумения, которые имеются между марксистами-биологами и марксистами-общественниками.

Теперь относительно расовых различий. Это для нас чрезвычайно важный вопрос, и было бы желательно, чтобы докладчик поставил в тезисах этот вопрос, но он этого не сделал. Для нас это важно потому, что в имеющихся для коммунистических вузов и рабфаков учебниках биологии этот вопрос не выявлен. Укажу на образец на известную книгу Б. С. Жукова о происхождении человека, которая содержит в себе заявления о том, что мозги французов и итальянцев стоят гораздо выше мозга негров и пр. Конечно, нужно прямо сказать, что та постановка вопроса, которую дал т. Баткис, совершенно приемлема для всех биологов-марксистов, не только для общественников. Дело в том, что все расовые различия являются мелкими. Тут доктор Фаддеев не понимал этого факта и возводил обвинение против т. Местергази, что будто бы своим отрицанием резких расовых различий последний вводит понятие о душе: как же—различное тело, а содержание психики одинаковое. В том-то и дело, что тело очень мало различно. Если у негров черная кожа, то это различие на строении мозга вовсе не обязательно должно отразиться.

Нам приходится брать для лекций на фабриках диапозитивы МОНО. Среди них есть диапозитивы сравнения мозга чернокожего и европейца, при чем у второго мозг в полтора раза больше, чем у первого. Такие диапозитивы кроме путаницы ничего дать не могут. Докладчик этого вопроса о расовых различиях не разрешил, а, главное—он неправильно к нему подошел, потому что своим заявлением, что тунгуса в одно поколение не сделаешь европейцем, он показал, что он вопрос решает неправильно. Какого тунгуса: взрослого или молодого. Если взять молодого тунгуса, то можно и в одно поколение сделать. Так что в сущности никаких существенных биологических наследственных различий мы не находим.

Последние два слова относительно вопроса о стерилизации. Здесь указывали, что практически к этому вопросу никогда не удастся подойти. Жаль, что докладчик не высказался более конкретно по этому вопросу. Раньше он предлагал такую практическую меру: устраивать пропаганду в психиатрических лечебницах, чтобы психические больные прибегли к этой операции. Было бы интересно знать, каков его взгляд на этот счет и какие именно практические меры он бы предложил.

Заключительное слово М. В. Волоцкого

Постараюсь вкратце ответить тем товарищам, которые мне возражали.

Отвечаю т. Местергази. Он говорил, что потенциально тунгусы ничем не уступают культурным европейцам. Что же касается культурной отсталости первых, то она обуславливается не их расовой неполноценностью, а условиями их жизни. Но ведь это же и есть та самая мысль, которую проводил и я на исторических примерах смены речных культур сначала морскими, а затем океаническими и, наконец, интернационалом. Я хотел показать, что самые различные народы, независимо от их принадлежности к северной расе, способны на высочайшие культурные достижения, если только материальные условия их существования этому благоприятствуют.

Что касается «презрения к тунгусам», то здесь действительно произошло недоразумение, т. к. подобного рода презрение характерно, конечно, не для тов. Местергази, а для некоторых современных евгеников вроде Сименса или Ленца. Так, например, оно ясно чувствуется хотя бы в статье Ленца *Die seelischen Unterschiede der grossen Rassen* («Душевные различия крупных рас»), там где он сравнивает англосаксов с татарами и т. п.

В заключение, еще один важный пункт. Если я признаю возможность наследования приобретенных признаков, то вовсе не в том смысле, что всякий приобретенный признак должен наследоваться. Товарищ Местергази считает, что наследования условных рефлексов не происходит. По этому пункту я с ним не спорю. Однако, если признать, что условные рефлексы не имеют наследственного значения, то это вовсе не значит, что не имеют наследственного значения и все вообще изменения организма, зависящие от условий жизни. Наоборот, я считаю, что имеется целый ряд фактов, говорящих в пользу такой передачи. В частности, нужно думать, что культурные воздействия способны оказывать длительное влияние на рост, пропорции тела, общее физическое развитие и целый ряд других признаков потомства, в результате чего может происходить существенное изменение филогенетического фенотипа расы.

Наконец, что касается оценки кастового метода разведения талантов, то я могу лишь выразить свое удовлетворение тем, что по данному вопросу наши точки зрения с тов. Местергази вполне совпадают.

Тов. Фаддеев считает материальное субсидирование высокоодаренных представителей умственного труда безусловно необходимой мерой, которая может их побудить к более интенсивному размножению. Я все же сомневаюсь, чтобы этот метод мог дать сколько-нибудь значительные результаты. Главное решение вопроса мне представляется в плоскости более широких и общих социальных мероприятий, затрагивающих не одну только кастово-изолированную группу талантов, но всю массу населения. В частности необходима организация столь совершенного общественного воспитания подрастающего поколения, при котором дети перестали бы в той мере связывать деятельность своих родителей, как это обычно имеет место в настоящее время. Такая организация, в связи с соответствующей реформой семейных отношений, нужно думать, дала бы гораздо больше, чем всякого рода евгенические субсидии.

Теперь перейдем к моей «грубейшей ошибке», заключающейся по мнению д-ра Баткиса в том, что я усматриваю причину пониженного размножения некоторых групп населения в общих условиях развития капиталистического общества, прежде всего в господствующей в нем борьбе за существование. То место из «Капитала» Маркса, которым меня таким менторским тоном поучал оппонент, не только мне очень хорошо известно, но я привожу это положение Маркса в своих печатных работах и базируюсь на нем¹⁾. Однако, в данном случае оппонент привел это положение Маркса, по-моему, совсем не к месту. Маркс говорит здесь о причинах повышенного размножения пролетариата и несомненно правильно сравнивает это явление с интенсивным размножением животных видов, подвергающихся жестоким

преследованиям. Но это еще вовсе не значит, что капиталистическая борьба за существование всегда, во всех классах и при всяких условиях должна неизменно являться стимулом усиленного деторождения. Борьба за существование в той или иной форме существует во всех слоях капиталистического общества, однако, несмотря на это, происходит, как известно, быстрое падение рождаемости среди французской буржуазии и т. п. Факт тот, что не всегда капитализм является только фактором усиленного размножения, но, в зависимости от конкретных условий, он может также являться и причиной весьма пониженного деторождения. Я совершенно не вижу, чтобы такой вывод, основанный притом же на *фактически данных* являлся «безумным извращением марксизма».

Вообще все выступление д-ра Баткиса производит на меня очень странное впечатление. Может быть я очень плохо говорил и он не понял меня. Будем думать, что это так, потому что в противном случае придется считать, что он сознательно, неизвестно с какой целью, искажал мои мысли и слова. Ни о какой междупланетной культуре, как то в карикатурной форме приписывал мне д-р Баткис, я не мечтал. Речь шла о том, что если после обособленных речных культур следовали морские, после морских — океанические, то в недалеком будущем можно ожидать возникновения уже такой культуры, которая объединит в себе все расы и народы земного шара. Если я употребил по отношению к этой будущей культуре выражение «всепланетная» (д-р Баткис, искажая мою мысль, все время говорил «междупланетная»), то, конечно, не в том смысле, что тогда люди поселятся на всех планетах. Говорить что либо в этом роде было бы, конечно, только праздною утешей. Мне кажется, меня невозможно было понять иначе, как в том смысле, что эта грядущая культура будет «всепланетной» — копейно в масштабе всей нашей планеты земли, то-есть, другими словами, «всеземельной». Я не отрицаю возможности того, что когда-нибудь человек сможет преодолеть мировое междупланетное пространство, но практически этот вопрос относится к более отдаленному будущему и ни одним словом он не затрагивался в моем докладе.

В докладе не говорилось также о необходимости «победить» северную расу. Говорилось о том, что с возникновением интернациональной культуры должна будет кончиться гегемония северной расы над колониальными народами.

Что касается Коминтерна, то он создан, конечно, прежде всего, классовой борьбой. Однако, классовая борьба была и во время изолированных речных и морских культур, но тогда не могло быть и речи о практическом осуществлении идей интернационала, так как тогда не было для этого материальных возможностей. В настоящее же время прогресс водного и воздушного транспортов, радио и т. п., не создавая сами по себе Коминтерна, в то же время является в его руках могучими средствами осуществления известного теперь всему миру великого лозунга — «пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Точно так же мне и в голову не приходило, что меня можно было понять в том смысле, что грядущая интернациональная культура будет под гегемонией русских, которые «всем покажут», что они из себя представляют. Если в докладе шла речь о всепланетной культуре, то, конечно,

1) М. В. Волоцкий. Классовые интересы и современная евгеника. Стр. 25.

я понимал эту культуру только как интернациональную и интеррасовую, при которой не может быть и речи ни о какой гегемонии одной расы над другими. Если я говорил о русских, то лишь в том смысле, что они не являются какой-то низшей неполноценной расой, как о том пишет Сименс.

В результате всех этих недопустимых искажений моих мыслей и слов оппонент обвиняет меня в «ультрафилистерском патриотизме». В ответ на это обвинение я могу лишь выразить свое удивление, какие мотивы могли побудить оппонента не брезговать подобного рода полемическими приемами. Он здесь весьма нравоучительно говорил о необходимости «солидной и научной аргументации», однако, такой аргументации, прежде всего, не мешало бы поучиться ему самому.

Отвечаю тов. Серебровскому. Он возражает мне по двум пунктам: 1) по вопросу о детской смертности и 2) по вопросу о доказательности опытов Сёмнера.

Тов. Серебровский говорит, что если по отношению к классовому обществу мы рассматриваем детскую смертность как зло, то после уничтожения классов нам придется, в результате такого подхода, рассматривать детскую смертность, как благо. Тогда этот фактор будет иметь положительное значение, так как будут гибнуть, независимо от классовых различий, только наиболее слабые дети. Это, конечно, не так. Тов. Серебровский не учитывает еще одного важного момента. Дело в том, что прогрессивное развитие позвоночных всегда шло параллельно с уменьшением детской смертности. Как известно, гибель молоди у стерлядей неизмеримо выше, чем у приматов, однако, это обстоятельство ничуть не способствовало более прогрессивной и быстрой эволюции первых. Евгеника же должна действовать не вопреки биологии, а основываясь на ней. С этой точки зрения, основной принцип развития млекопитающих, заключающийся в усиленной охране нарождающегося поколения, должен быть нами учтен в полной мере. Детская смертность может рассматриваться как благо лишь при одностороннем селективном подходе к проблеме евгеники, но как раз против такого способа разрешения евгенических вопросов и был направлен весь мой доклад в целом.

Теперь по поводу опытов Сёмнера. Для меня явилось даже неожиданностью, что тов. Серебровский не обмолвился ни одним словом в поддержку аргументов Моргана, направленных против опытов Сёмнера. Вместо этого он лишь предложил новое объяснение Сёмнеровских опытов, ничего общего не имеющее с теми соображениями, которыми пытался их объяснить и опорочить Морган. По-моему, это является показателем полного согласия оппонента с моей антикритикой, против которой он, очевидно, не нашел возражений.

Рассмотрим теперь новое объяснение, предложенное сейчас тов. Серебровским. К сожалению, оно формулировано очень туманно. Сводится оно, насколько я понял, к тому, что измененный организм самки может оказывать влияние и на зародыш. Таким образом, в опытах Сёмнера мы имеем дело не с наследственностью, а с бластофорией (изменением зародыша). Но ведь это то самое объяснение, которое вначале было предложено самим Сёмнером. Однако, в своем позднейшем сообщении, которое Сёмнер называет «заключительным» («a final report»), он был вынужден отказаться

от этого объяснения, как от несоответствующего фактам. Вот как он говорит об этом: «Возможное истолкование полученных результатов, которое было раньше мной предложено, определенно исключается моими позднейшими работами. Дело идет о вероятности, что температурные воздействия, влияя на самок родительского поколения во время их беременности, могли одновременно вызвать и те модификации, которые позднее позволились у их потомства. Однако, в серии опытов 1911 года оплодотворение происходило во всех случаях уже после окончания температурных воздействий, в некоторых случаях спустя несколько месяцев после их окончания»¹⁾. Таким образом, тов. Серебровский, если я его верно понимаю, лишь повторил ту интерпретацию, от которой отказался, на основании фактических данных, сам автор опытов. Да и вообще, трудно себе представить, чтобы здесь имело место только плацентарное влияние материнского организма на зародыша. Влияние это, насколько известно, может сказываться в более общей форме; так, например, плод может оказаться более или менее упитанным и тяжелым, более или менее доношенным, наконец, он может подвергнуться какому-либо отравлению, инфекции и т. п. В данном же случае мы имеем дело с гораздо более специфическими изменениями, в форме изменения определенных пропорций тела. Впрочем, если даже допустить, что подобного рода изменения являются только следствием бластофории, то и тогда они никоим образом не должны игнорироваться евгениками. В конечном счете и при такой интерпретации опытов Сёмнера они говорят нам о том, насколько сильно могут отражаться результаты внешних воздействий на признаках ближайших поколений.

Что касается других оппонентов, то с их стороны я тем более не услышал ничего такого, что бы могло поколебать мою позицию по вопросу о наследовании приобретенных признаков. В самом деле, нельзя же считать за серьезное возражение глумление проф. Андреева, что «подогревание и остужение мышей» вообще представляет собой праздное занятие. Не лучшего качества и сопоставление данных, полученных Сёмнером, Шишбрамом, Сахаровым и др. с «косметикотипом», с подкрашиванием губ и т. п., к которому прибегает тов. Местергази, получая в награду одобрительный хохот некоторой части здесь присутствующей публики. Тов. Смирнов, по-моему, очень удачно квалифицировал подобного рода аргументацию, как «демагогическую».

Теперь несколько слов т. Шмидту. Он почему-то счел нужным выступить с несколькими запоздалыми упреками, что когда я на одном из прошлых заседаний выступал в качестве оппонента, то мое выступление не вполне тогда удовлетворило тов. Шмидта. Что делать, тов. Шмидт, говорил, как умел. Самое лучшее, если бы вы сами показали нам пример, действительно, глубокого оппонирования. Откровенно говоря, то, что вы говорили сегодня, едва ли может служить в качестве такого примера.

Вопрос о расовых различиях, который вы затронули, чрезвычайно обширен. Но я все же вам отвечу на самое главное. Расовые отличия я, конечно, признаю, при чем (о, ужас!) не делаю никакого исключения и для мозга, как части живого организма. Так, например, форма мозга у австралий-

¹⁾ Цитир. стр. 430, § 16-й заключительных положений.

цев и бурят, конечно, разная, так как первые долихоцефалы, а вторые — брахицефалы. Однако, все эти различия не дают никакого права говорить о высших и низших расах по отношению к их расовым потенциальным возможностям, хотя бы потому, что мы этих возможностей совсем не знаем, а, следовательно, не можем и судить о них.

Затем тов. Шмидт высказал свое сожаление, что я не остановился более подробно на вопросе о половой стерилизации и способах ее практического проведения в жизнь. По-моему, нет ничего проще, как указывать докладчику, что он не остановился подробно на том-то и на том-то, не рассмотрел всесторонне то-то и то-то. Я лично никогда не склонен был расценивать подобного рода критические выступления, как особенно глубокие и оригинальные. Что касается моих взглядов на способы практического проведения в жизнь половой стерилизации, то, если они, действительно, интересуют тов. Шмидта, могу ему только сказать, что они уже полностью опубликованы в последней главе моей брошюры «Поднятие жизненных сил расы», и я пока ничего не имею добавить к тому, что уже было там сказано.

В заключение отмечу, что та страстность, с которой выступали некоторые оппоненты, может служить показателем известного социального значения затронутых вопросов. Впрочем, причины исключительной, не останавливающейся ни перед какими средствами и приемами полемичности таких выступлений, как, например, выступление Г. А. Баткиса, остаются для меня все же неясными.

Бросается еще в глаза то обстоятельство, что между моими оппонентами далеко не было согласованности. Так, например, тов. Местергази считает, что центр тяжести лежит исключительно в генетике. По его мнению, «все эти эксперименты с фенотипами есть симптоматический, фельдшерский способ лечения, когда лечат следствие и думают, что могут излечить причину». С другой стороны, проф. Андреев считает, что «вместо евгеники, может быть, целесообразнее заняться вопросами еуфеники (т.-е. улучшением фенотипа. М. В.)». Такое перенесение центра внимания на фенотипы может, по мнению проф. Андреева, дать «вполне исчерпывающие результаты». Любопытнее всего, что, не замечая этого разногласия, проф. Андреев считает себя единомышленником тов. Местергази.

Что касается выступлений гг. Полянского, Фаддеева, Смирнова и Аврамова, то относительно них я ограничусь выражением своего удовлетворения, что наши точки зрения по затронутым вопросам в значительной мере сходятся.

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

„ДИАЛЕКТИКА В ПРИРОДЕ“

„Диалектика в природе“. „Сборник по марксистской методологии естествознания“

(Издание «Северный Печатник». 1927. Стр. VIII + 304. Ц. 3 р. 50 к.)

Марксизм есть мировоззрение, основой которого является марксистская философия. Революционные выводы марксистского учения неразрывно связаны с материалистической диалектикой. Поэтому всякая ревизия марксизма была в то же время ревизией марксистской философии. Виднейшие лидеры социал-демократии вели и ведут ожесточенную борьбу против диалектического материализма.

С другой стороны, революционная борьба пролетариата находит в марксистской философии свое теоретическое оружие и руководство для действия. В период диктатуры пролетариата все ярче вырисовывается широта марксистского мировоззрения и громадность стоящих перед марксизмом задач. Марксизм становится руководством для действия в обширной сфере политической и экономической работы пролетариата. Наряду с этим пролетариат, становясь наследником капиталистической культуры, должен критически переработать все духовное богатство этой культуры, освободить его от ненаучных, обусловленных влиянием буржуазной идеологии моментов и двинуть научное познание вперед. Это можно проделать, только руководствуясь марксистской философией. Только на основе ее можно объединить все знания в единое марксистское мировоззрение. Без такой переработки и марксистского философского обоснования наук невозможно преодолеть буржуазную идеологию.

Если без марксистской философии нельзя преодолеть буржуазное мировоззрение, то всякие попытки борьбы против философии марксизма, попытки ликвидации философии (в какой бы форме они ни происходили) являются отражением натиска буржуазной идеологии на марксизм. Мы уже видели, что лидеры социал-демократии вели борьбу против марксистской философии. Это было связано с ревизией марксизма вообще и поэтому понятно. Но крайне странно, когда такой взгляд на философию пытаются проводить коммунисты. А, между тем, года 3 тому назад отрицание марксистской философии было довольно распространенным явлением. И хотя это отрицание проводилось под «ультра-революционным» флагом (философия есть буржуазная идеология, поэтому философию за борт!), оно было несомненным отраже-

нием влияния буржуазной идеологии. Енчмен — наиболее одиозная фигура того времени — по правильному замечанию тов. Бухарина, отражал идеологию эппманства.

Но время резкого, прямого отрицания философии уже прошло. Прямое отображение философии стало невозможным. Начинается второй период замаскированной борьбы с марксистской философией якобы под флагом науки. Философия отождествляется с современным естествознанием, что означает собою замену философского материализма учением о физическом строении материи и уничтожение диалектики, как науки, другими словами, марксистская философия упраздняется. Марксизм сводится к сумме исторического материализма и современного естествознания, а современное естествознание сводится к механическому естествознанию. Марксистское мировоззрение заменяется механическим мировоззрением, диалектическая методология — механической. Критическая переработка естествознания при помощи марксистской философии воспрещается. Теория диалектики, именуется схоластикой, а разработка диалектики, как самостоятельной науки — неогегельянством. Источниками марксизма объявляется только политическая экономия и утопический социализм. Классическая философия, особенно Гегель, вычеркивается из источников марксизма. Взгляды эти были резко и ясно выражены в формуле Боричевского: «наука — сама себе философия». Здесь обнажено выступает сходство, точнее тождество по существу, между взглядами механистов и прямых ликвидаторов марксистской философии (Минин, Енчмен и др.).

Подобные взгляды разделялись некоторыми естественниками-марксистами и были одобрены даже официальной резолюцией Тимирязевского Института. Это можно объяснить тем, что естественники мало знакомы с марксизмом вообще и марксистской философией в частности. Сущность позиции механистов состоит в переходе от марксизма к позитивизму, к механической методологии.

Сторонники марксистской философии, во главе с А. М. Дебориным, выступили сначала против прямых ликвидаторов марксистской философии, а затем против механистов, доказав неверность их взглядов, доказав отход их от марксизма.

Выход книги Энгельса «Диалектика природы» и ленинских записок о диалектике и конспектов по «Науке логики»¹⁾ еще ярче показал неверность позиции механистов. Чтобы прикрыть свое расхождение с марксизмом, механисты «находят» противоречия и эволюцию у самого Энгельса и пытаются переделать Энгельса в механиста. По их рассказам, Энгельс в семидесятых годах был виталистом, гегельянцем, а в восьмидесятых — стал механистом. Пол-Энгельса («механиста») они принимали, а пол-Энгельса отдавали на растерзание Гегелю. Эти взгляды были еще довольно смелы и наивны. Но защита такой открытой ревизии Энгельса и растворения философии в современном естествознании не могли встретить больших симпатий. Это поняли сами механисты. Они сами признались в том, что «отрицание марксистской философии не может встретить сочувствия в нашей стране. Слишком много дала она (философия) рабочему классу для его победы, чтобы он с легким

¹⁾ Кстати, почему же они так долго не выходят, когда они так настоятельно необходимы? Чем это объяснить?

сердцем отбросил ее»¹⁾. Начинается отступление. Механисты указывают на свое несогласие со взглядами тов. И. Степанова, и тем самым со своими прежними взглядами по многим кардинальнейшим вопросам. Они начинают освежать свой арсенал, выбрасывают некоторые из своих основных тезисов, спешно заимствуют себе у диалектиков те мысли, против которых ранее боролись. При этом новые положения вкраплены в старые, перемешаны с ними так, что получился необычайный виннигрет мыслей, который должен собою представлять методологию естествознания. О последовательности у механистов не может быть и речи.

Это отступление было проделано с победоносным видом и большим шумом против сторонников материалистической диалектики. Этот шум должен был, очевидно, играть роль прикрытия, чтобы не было замечено отступление.

Честь начать этот новый этап принадлежит т. А. К. Тимирязеву²⁾. Но наиболее ярко выявилось это отступление и отсутствие единства мыслей в рецензируемом сборнике «Диалектика в природе».

В этом сборнике, воистину по-евангельски, механисты трижды в прямых заявлениях отмежевываются от тов. И. Степанова. Вместе с тем мы имеем косвенный отказ от старых положений через прямо противоположную трактовку важнейших вопросов. Чтобы наглядно показать отступление механистов, сопоставим их прежние утверждения со взглядами, высказанными в рецензируемом сборнике.

1) «Выполнено философским материализмом или, употребляя более ясное и прямое выражение, выполнено современным *естествознанием*.

«Материалистическая философия для марксистов — последние и наиболее общие выводы современной науки» (И. Степанов, «Исторический материализм и современное естествознание», 56).

«Наука — сама себе философия» «Современное механистическое мировоззрение должно всемерно стараться освободить себя от всякой философии» («Механистическое естествознание и диалектический материализм», 52).

2) «Современная наука, унаследовав то ценное, что было в философском материализме, претворила его в механистическое истолкование мира» (Степанов, «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3, стр. 218).

1) «Тов. Степанов сделал ошибку, допуская... тождество между марксистской философией и совокупностью конечных выводов естествознания» (Сб. «Диал. в природе», стр. 266).

«Не имея необходимой философской школы и подхода к сложнейшим методологическим проблемам с одним только спасительным «здравым смыслом», он (естествоиспытатель И. И.) с необычайной легкостью решает все вопросы, при чем такое решение приносит еще больше путаницы и недоразумений, чем было раньше» (там же, 11).

2) «Механистический взгляд на природу явно недостаточен» (Сб. «Диал. в прир.», 124).

Необходимо «диалектически преодолеть механистический взгляд на природу» (там же, 114).

¹⁾ «Диалектика в природе». Сб. 2, стр. 298.

²⁾ См. его статью «Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII столетия?» «Вестн. Ком. Акад.», кн. 17.

«Диалектический материализм в естествознании является в настоящее время тем, что я характеризую, как механистическое понимание мира» (Степанов, «Мех. ест. и диал. мат.», 17).

«Диалектическое понимание—слишком общее название. Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно как механистическое понимание» (И. Степанов, «Большевик» № 14, 1924 г. стр. 85).

«Такое понимание мира, исходящее из строго последовательного применения закона сохранения энергии, такое понимание, которое видит задачу науки в сведении сложных явлений их комплексов к относительно простым физическим и химическим процессам, я, в согласии со многими естествоиспытателями, называю механистическим мировоззрением» (там же, стр. 15).

3) Можно «говорить о современном естествознании, как части диалектико-материалистического мировоззрения» («Мех. ест. и диал. мат.», стр. 30).

«Последовательной механистичности, т.-е. естественно-научной диалектичности» (там же, 46).

«В настоящее время нет естествоиспытателей, которые бы стояли за механистическое объяснение мира» («Мех. ест. и диал. мат.», стр. 58).

«Пример бехтеревской «Коллективной рефлексологии» ясно показывает недостаточность определения тов. Степанова. В самом деле, Бехтерев исходит из принципа сохранения энергии и стремится свести все сложные общественные явления к простым рефлексам, которые в свою очередь должны объясняться физико-химически. Однако, тов. Степанов вряд ли рискнет утверждать, что в воззрениях Бехтерева есть хоть гран диалектики. Для диалектического естествознания тех двух признаков, которые дает т. Степанов, совершенно недостаточно» (там же, 46—47).

3) «Решительно заявлять, что механистическое естествознание диалектично, по меньшей мере, рискованно. Механистическая биология может быть и весьма часто бывает механической» (там же, 46).

«Механическая точка зрения представляет часто встречающееся явление в области естествознания» (там же, 24).

Диалектические взгляды «среди естествоиспытателей встречаются реже, чем однотонная живопись голубахианского стиля» (там же, 31).

«Фохт, Молешотт и в значительной мере Бюхнер были достаточно плоски по сравнению с Гольбахом. Современные же продолжатели этих традиций плоски даже в сравнении с наиболее вульгарными из этих вульгаризаторов (там же, 27).

4) Задачи биологии «открывать в них (процессах органической жизни, И. П.) те общие и относительно простые закономерности, которые установлены физикой и химией» (Степанов, «П. Зн. М.», № 3, 1925 г., стр. 219).

«Наука нигде—и в области психических явлений не открывает—не открывает никаких особых, таинственных (?) форм энергии сверх тех, которые вообще наблюдаются в физических и химических процессах» («Мех. ест. и диал. мат.», стр. 14).

Задача науки—«сведения сложных явлений, как и их комплексов, к относительно простым физическим и химическим процессам» (там же, 15).

«Наука... сумеет свести химию и биологию к атомно-электронной и молекулярной механике» (Степанов, «Под Знамен. М.» № 8, 1925 г., стр. 53).

5) «Теоретически и в конечном счете социальные явления также доступны не только качественному (?)—социологическому—анализу, но и количественному—физико-химико-биологическому... Прошлые неудачные подходы не доказывают принципиальной невозможности подведения количественного диалектико-материалистического механического фундамента под социологию» («Мех. ест. и диал. мат.», стр. 63—65).

4) «Биология является той отраслью естествознания, которая ищет законы, действительные для каждого животного существа, и только для животного существа» (там же, 218).

«С точки зрения подобного (механического. И. П.) толкования... жизнь есть простое сочетание известных физико-химических процессов, сочетание, не приносящее с собою ничего принципиально нового. Это та же точка зрения, которая характерна для механистического материализма. Целое—утверждает последний—ничем не отличается от своих частей, и законы целого слагаются, как арифметическая сумма законов частей. Никаким качественным своеобразием явления жизни не отличаются, и, разложив явления жизни на физико-химические компоненты, мы в самом точном смысле слова сведем биологию к физике и химии, т.-е. уничтожим ее, как самостоятельную науку, отличную от других. А т. к., если продолжить эту точку зрения, химия и физика, в свою очередь, сводятся к механике, то в итоге мы получаем... тезис Гольбаха—«все есть механика» (там же, 28—29).

5) «Рефлексологические принципы суть абстрактные принципы физики и физиологии, а общество это не только физика и не только физиология. Здесь действуют другие специфические законы, а принципы физики и органики играют третьестепенное, подчиненное значение» (там же, 42).

Можно во много раз увеличить ряд таких сопоставлений, указывающих на сдачу механистами их позиций в важнейших вопросах. Отметим еще, что некоторые из авторов сборника признают неверным механистическое понимание причинности, тогда как до сих пор механистическое понимание причинности признавалось механистами единственно правильным.

Но мы ошиблись бы, если бы решили, что теперь у механистов имеется единое понимание и философская последовательность. Наоборот, сдача старых позиций внесла еще большую разногласию в их ряды и еще большую непоследовательность в их мировоззрение.

Рецензируемый сборник (название которого совершенно не соответствует содержанию) начинается предисловием редакции. В нем уже нет прямой защиты механического мировоззрения. Вместо великодушных порывов т. Степанова спасти науку от вмешательства марксистской философии, редакция считает «основной задачей разработку материалистической диалектики на основе проблем естествознания». Диалектика, по мнению редакции, должна помочь естествознанию, ибо она есть «тот методологический компас, руководствуясь показаниями которого рядовой естествоиспытатель из узкого эмпирика, блуждающего в лесу огромного количества фактов, превратится в сознательного организатора науки и творца широких, обобщенных научных построений». Это заявление значительно отличается от прежнего лозунга «наука — сама себе философия» и от прежнего заявления редакции ¹⁾, в котором она обещала в ответ на ожидаемую критику «еще более ярко» доказать «схоластичность и непродуманность положений тех марксистов, которые хотят построить какое-то совершенно особое диалектическое естествознание на месте низвергаемого ими механистического естествознания... Механистическое естествознание само есть необходимый элемент диалектико-материалистического мировоззрения... Всякое другое естествознание — не естествознание, а метафизическая натурфилософия».

Мы не будем здесь останавливаться на неверно понятых и неверно изложенных взглядах сторонников диалектического естествознания и материалистической диалектики. Отметим только следующее: вместо доведения гордо объявленного боя до победного конца редакция отступила. В новом ее заявлении на методологию возлагается задача руководства работой естествоиспытателей. Естествознание представлено далеко не в том гордом виде, как ранее. Если редакция всерьез выдвигает задачу обработки естествознания при помощи материалистической диалектики и применения диалектики, как метода исследования во всех областях естествознания, то ведь это и есть как раз то, что раньше выдвигали диалектики и против чего боролась редакция. Итак, позитивистские положения, что «наука — сама себе философия», что никакой марксистской философии, как самостоятельной науки, нет, что естествознание нужно спасать от вмешательства марксистской философии, — эти основные знамена механистов, под которыми они когда-то открыто выступали и обещали выступать с еще более острым оружием и более меткими ударами, эти знамена теперь свернуты, стыдливо прячутся за ворохом новых положений. Естественникам, которые считали себя единственными посланниками и олицетворением науки, которые не изучая марксистской философии, считали себя призванными разрешить все методологические вопросы, — этим естественникам заявлено теперь, что они блуждают в научных фактах, как в лесу, что их может вывести из этого доложения не спасательный «здоровый смысл», а знание марксистской философии, которую нужно длительно и серьезно изучать.

¹⁾ См. предисловие к сб. „Мех. ест. и диал. мат.“.

Но мы ошибались бы, если бы думали, что у самой редакции имеется ясное понимание тех вопросов, по которым она высказывается. Так, совершенно не ясно, что понимает редакция под философией марксизма. От старого взгляда, что философия есть современное естествознание или его последние выводы, некоторые авторы сборника отмежевались. Но что выдвигается на место этой старой теории — в сборнике не выяснено и, может быть, вообще еще не выяснено у механистов. Механисты отвергали ранее теорию диалектики. Признают ли они ее теперь — не ясно. С одной стороны, в сборнике говорится о необходимости разработки широкой методологической теории, с другой стороны, разработка диалектики, как самостоятельной науки, считается «абстрактно-схоластической», «средневековой» и «мертвой доктриной», игрой «понятиями качества, количества, узловой линии и т. д.», и, вместо разработки общей теории диалектики, предлагается изучение диалектических моментов на особых переходах, на особых конкретных явлениях природы.

Само собой понятно, что представления качества, количества и пр. взято из отдельных, единичных фактов качества, количества и пр. Но уже конкретные науки дают законы определенной формы движения и тем самым дают закономерность бесконечного количества отдельных конкретных диалектических переходов. Диалектика дает дальнейший и уже всеобъемлющий синтез, дает понятия основных законов всякого движения в природе, в обществе и мышлении. Отрицание диалектики, как самостоятельной науки о всеобщих законах движения, есть сползание к позитивизму. Редакция должна была бы дать ясный, не двусмысленный ответ: является ли диалектика самостоятельной наукой, вооружившись которой мы рассматриваем своеобразное проявление диалектических законов в каждой форме движения, т.-е. применяем диалектику как метод; или нет теории диалектики, а есть лишь познание конкретных фактов, конкретных переходов в конкретных формах движения. В первом случае неосновательны все заявления редакции о схоластике и пр.; во втором случае редакция скатывается к позитивизму и «получему эмпиризму» ¹⁾.

Неясностью понимания марксистской философии можно объяснить упрек редакции по адресу диалектиков, что будто бы «последние, оторвавшись от конкретной практической почвы наук, начинают все больше и больше заниматься бесплодной игрой терминами и понятиями». Конкретных примеров редакция не дает и дать примеры, подтверждающие такое обвинение, не сможет. Обвинение это основано на том, что игрой в понятия механисты называют как раз теорию диалектики. Не останавливаясь на неправильном понимании механистами природы понятий (сходящихся в этом вопросе с Кантом, эмпириками), укажем только на следующее. Упрек философии в том, что она занимается исследованием природы и содержания понятий, указывает на абсолютное непонимание задач философии. Отдельные науки пользуются такими понятиями, как качество, количество, мера, причинность, необходимость, случайность, всеобщее, единичное и пр., но пользуются без критики, без исследования содержания понятий, их природы, их взаимоотношения и взаимозависимости. Понятия

¹⁾ Кстати, редакция смешивает эмпирическое естествознание с эмпиризмом. Борьбу диалектического материализма против эмпиризма, как метода познания, она пытается истолковать как борьбу против экспериментального естествознания (стр. VII).

отражают как раз наиболее общие законы бытия, основные законы всякого движения. Диалектика изучает и объективные законы движения природы и общества и отражающие их и соответствующие им законы мышления, категории или понятия. Тем самым диалектика исследует содержание и природу понятий. Исследование природы понятий, которыми без критики и без исследования пользуются другие науки (а также догматическая философия, эмпиризм и даже Кант), составляет как раз отличительную черту диалектического метода. «Все известные обычной логике средства научного исследования вполне одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (развития соответственного метода) они различны. Наоборот, диалектическая мысль — именно потому, что она предполагает исследование природы самих понятий — свойственна только человеку, да и последнему лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки) и достигает своего полного развития только значительно позже, в современной философии» (Энгельс, «Диал. пр.», стр. 59).

Известно ли это редакции? Со знанием ли дела она отбрасывает исследование понятий? Очевидно, нет, ибо невозможно предположить, чтобы товарищи сознательно отказывались от высшей формы человеческой логики в пользу логики иной. Тогда зачем же с ученым видом судить о том, чего не знаешь? Но что любопытно и что указывает на отсутствие последовательности и единства во взглядах механистов, на действительно механический набор в их взглядах разных, часто противоположных, мыслей, так это то, что механисты неоднократно определяют в этом сборнике диалектику *только* как науку о мышлении (напр., на стр. 284). А что же такое понятие, как не высшая форма мысли?

Итак, с одной стороны, диалектика есть только наука о мышлении, с другой стороны, объявляют «схоластикой» всякое исследование природы понятий. Пусть товарищи-механисты разберутся, наконец, и скажут нам, которые из этих двух положений они говорят всерьез и со знанием дела.

Стоит отметить заявление редакции об отношении к Гегелю. «Диалектику Гегеля нужно основательно, тщательно и продолжительно изучать и усвоить из нее все, что в ней ценно. Только основательное знакомство с Гегелем позволит проникнуть в самую суть материалистической диалектики» (V—VI). Каждый, следивший за ходом дискуссии, поймет, что это — новое заявление. Раньше за такие заявления механисты обвиняли диалектиков в неогегельянстве и пр. Это новое заявление (если оно не останется фразой) нужно признать прогрессом и отступлением механистов от их прежних взглядов.

«Особо важное значение, — говорится от редакции, — имеет для нас энгельсовская «диалектика природы»... Ближайшая задача наших сотрудников будет заключаться в подробной разработке и всестороннем изучении... ценнейших мыслей Энгельса». Нельзя не признать, что это было бы гораздо ценнее, чем открытие мнимой эволюции Энгельса от витализма к механизму, а этим как раз и занимались до сих пор механисты. К сожалению, рецензируемый сборник не является примером такого изучения Энгельса. Тов. Тимирязев и здесь рассказывает об эволюции Энгельса (стр. 210 и далее). Само предисловие редакции содержит неясности по основным вопросам и даже пересматривает (как выше показано) взгляды Энгельса. Дальнейшие статьи, особенно статья Ф. Перельман, Л. Рубановского и И. Великанова «Два уклона в марксистской

философии», являются не «разработкой» и изложением, а *ревьюизацией* взглядов Энгельса и, следовательно, марксизма по важнейшим вопросам философии.

Показать хотя бы все важнейшие ошибки этой статьи в рамках рецензии невозможно. Авторы так невинны по части знания элементарнейших вопросов марксизма, ошибки их так наивны, абсолютное незнание с предметом, о котором они пишут, выглядит так прозрачно в каждой их мысли, что невольно удивляешься: кто же соблазнил их выступить в роли учителей в этой области, которую они совершенно не знают. А попытки их творить великую политику, анализировать направления философской мысли, выносить им оправдательный вердикт или осуждение, решать вопрос: по какому философскому направлению нужно «открыть огонь», — все эти широкие порывы при теоретической беспомощности попросту забавны.

Авторы заявляют, что они несогласны с тов. Степановым в сведении марксистской философии к выводам естествознания, но целиком согласны с ним во всем остальном (266). Неужели наши авторы не поняли даже того, что взгляд тов. Степанова на философию теснейшим образом связан с его «механическим пониманием» природы, что понимание им проблемы сведения сложного к простому, качества к количеству и пр. целиком вытекает из механического мировоззрения? Не понять этого значит ничего не понять в той точке зрения, сторонниками которой объявляют себя авторы. Так «поняли» т. Ф. Перельман и др. тов. И. И. Степанова.

Еще меньше поняли они тов. А. М. Деборина. «Тов. Деборин и его единомышленники, — пишут они, — превращают ее (философию) в самоцель. У них философия предшествует человеческой практике, господствует над ней и вопреки ей» (266). Авторы повидимому совершенно незнакомы с основными мыслями тов. Деборина. Если бы они хоть немного познакомились с историей философии, они увидели бы уже у Гегеля обоснование того, что человек может познать природу только тогда, когда он относится к ней не только теоретически, но и практически. Марксизм ставит практику в основу развития человеческой истории. До практического отношения человека к природе не только не может быть никакой философии, но нет и самого человека как человека. Или может быть тов. Деборин не знает этой поллитграммы? Может быть он утверждает, что человек в зоологическом состоянии начал философствовать и «дофилософствовался» до познания необходимости практики, и благодаря этому перешел к человеческому обществу?

Но может быть авторы хотели сказать иное. Может быть они хотели сказать что по мнению тов. Деборина марксистская философия, возникающая на основе всего предыдущего развития научной и философской мысли и всей всемирно-исторической *практики* человечества, сама является активным фактором, сама влияет на практику и другие науки, и в этом смысле то, что было следствием, становится причиной, и наоборот? Но что тут авторы нашли неверного? Ведь это азбучное положение марксизма. Ведь по мнению самих авторов «Энгельс... также сумел показать, что и природу можно понять глубоко, лишь вооружившись предварительно диалектическим материализмом» (284). Диалектический материализм есть результат практики и теоретического познания мира; глубоко познать мир можно, лишь предварительно вооружившись диалектическим материализмом — эта проблема не разрешима лишь для метафизических умов. Диалектический же материализм знает, что философия именно потому может быть руко-

водством для практики, что она сама выросла из практики, что практика входит в философию, что в диалектическом взаимодействии практики и философии практике принадлежит примат. Или может быть авторы не знают, что т. Деборин, как и всякий марксист, признает примат практики? Им нужно, прежде чем критиковать, познакомиться хотя бы со следующим положением тов. Деборина: «Теория прежде всего должна выдержать испытание практики... Теория не представляет самостоятельного царства. Первенство принадлежит практике».

Оказывается, наших авторов смутило и дало повод для более чем странных, рассмотренных нами выше, выводов следующее место у тов. Деборина: «Вопрос о возможности «сведения» химии и биологии к механическим законам есть вопрос принципиальный. Его методическая постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще практически такое сведение»¹⁾. Наши авторы сопровождают эту цитату следующей тирадой: «Итак, биологи могут заниматься чем угодно... Деборина это не касается. С облаков своей философии он бесстрашно вещает...» и т. д. и т. д.

Авторы не поняли того, о чем говорит здесь тов. Деборин. Тов. Деборин ставит следующий методологический вопрос. Через скачок рождается новый синтез, новое качество с новыми закономерностями. Поскольку произошел скачок и родилось новое, это новое не является простой суммой элементов из сочетания или развития которых оно произошло; закономерность целого отлична от закономерностей составляющих его частей. Поэтому высший синтез нельзя «свести» к сумме составляющих его частей, законы целого нельзя исчерпать познанием законов его частей. И тов. Деборин утверждает, что это есть принципиальное, методологическое положение, которое не могут опровергнуть частные выводы отдельных наук. Ибо законы диалектики покоятся на бесконечно более широком базисе познания и практики, чем частные выводы отдельных наук. Они есть высший научный синтез всей практики и всего познания человечества. Пусть тов. Перельман и др. докажут нам, что категория скачка может быть опровергнута последующим развитием наук. Энгельс, например, дает следующую характеристику закону превращения энергии: «Закон достигает своего последнего выражения. Благодаря новым открытиям мы можем найти новые доказательства его, придать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, не можем присвоить более ничего. В своей всеобщности, в которой одинаково всеобща форма и содержание, он не способен к дальнейшему расширению: он абсолютный закон природы» («Диалектика Природы», стр. 181).

Так говорит Энгельс. Но может быть тов. Перельман и др. не согласны с Энгельсом? Может быть они и по его адресу произнесут такую же тираду: «с облаков своей философии...» и пр. и т. п.? Может быть они докажут неверность энгельсовских положений? Может быть авторы считают также неправильным утверждение о всеобщности закона причинности, может быть они, будучи последовательны, докажут нам неправильность утверждения, что отдельные выводы отдельных наук не могут поколебать диалектический закон причинности? Пусть попробуют! Но пусть знают, что они скатятся тогда к Юму и к субъективному идеализму.

¹⁾ Под Знам. Маркс., 1925 г., № 10—11, стр. 18.

Для характеристики разнобоя во взглядах механистов любопытно отметить, что тов. Васильев в своей статье (стр. 28 и др.) отрицает такое «сведение», которое защищает тов. Ф. Перельман и др., и считает, что это сведение неразрывно связано с механическим мировоззрением. В статье тов. Орлова также говорится (стр. 121), что сведение организма к механизму *принципиально* невозможно. О невозможности сведения говорится и в статье Бауэра.

Ф. Перельман и др. очень недовольны тов. Дебориным за методологическую критику современного естествознания. В необычайно развязном тоне они начинают учить тов. Деборина тому, что к современному естествознанию не может быть отнесена критика Энгельсом механического естествознания, ибо наука с того времени чрезвычайно обогатилась новым содержанием (269—270). Авторы, очевидно, не знакомы не только с философией, но и с современным естествознанием или, по крайней мере, не могут отличить широту эмпирического содержания от методологических основ науки. Если авторы не могут этого понять у Энгельса, можно им рекомендовать в их же сборнике статью тов. Васильева, который прямо говорит, что, например, «энергетическое мировоззрение может быть механическим по своей методологии» (46). Мы уже приводили цитаты, в которых совершенно ясно говорилось о том, что современное естествознание по своей методологии в основном является механическим или еще хуже (стр. 24, 25, 27, 31 и др.). Здесь снова виден разнобой во взглядах механистов. Но любопытнее всего, что нет единства не только у разных авторов, но нет единства, связности мыслей в одной и той же статье. Ф. Перельман и др. через несколько страниц после уверений, что современное естествознание не есть уже механическое естествознание, пишут буквально следующее: «До сего времени буржуазные ученые третируют диалектический материализм, оставаясь на почве вульгарного материализма, отрицающего диалектику, отходя от материализма к идеализму и фидеизму» (285). Так наши авторы «увязывают свои мысли».

Авторы утверждают, что тов. Деборин и его ученики «отождествляют методологию с мировоззрением» (268). Кто и где? Нет таких отождествлений.

«Деборин и его сторонники сводят задачи философии к одной только методологии» (269). Любопытно этот упрек тов. Деборину сопоставить со следующим утверждением тех же авторов: «Энгельс в «Анти-Дюринге» сказал, что отныне задачи философии, как самостоятельной науки, сводятся к формальной логике и диалектике, как учению о мышлении» (284). Авторы, употребляя термины «марксистская философия», «диалектика», «методология», вероятно не понимают смысла и содержания этих терминов. Иначе они не стали бы противопоставлять марксистскую методологию диалектике, т. Деборина — Энгельсу.

Мы не будем останавливаться 1) на сравнении тов. Деборина и Сэем — оно основано на непонимании авторами соотношения метода и науки; 2) на обвинении тов. Деборина и его учеников в гегельянстве — это уже старо; 3) на разборе авторами гегелевского метода и схем развития наук — авторы, видимо, не читали Гегеля, пусть почитают; 4) на попытке авторов во что бы то ни стало умалить значение Гегеля, через объявление гегелевской диалектики «опорой и официальной философией прусской империи» (268) и неправильное, цитирование Маркса, искажающее смысл (стр. 267). Мы

остановимся еще на трактовке авторами отдельных диалектических категорий, где непонимание авторами разбираемых ими вопросов, по праву, может считаться рекордным. Авторы попросту не знают того, о чем они говорят, не знают того, что они критикуют.

Подробно останавливаясь на категории случайности, авторы заявляют вначале, что вопрос этот совершенно ясен, что «путать и блуждать не приходится», и после этого начинают «путать и блуждать». Авторы берут на себя критику тов. Деборина, абсолютно не разобравшись в его точке зрения. Авторы заявляют, что будто бы с точки зрения тов. Деборина: 1) объективная случайность беспричинна, «причин у объективной случайности нет вовсе»; 2) что случайность «научному исследованию никак не поддается» (275), что она есть нечто таинственное, «нечто непознаваемое по самой своей природе».

Авторы, видимо, совершенно незнакомы с постановкой вопроса у тов. Деборина, иначе они не рассказывали бы такой фантастики. Мы попросту советовали бы авторам прочитать то, что они не прочитавши (или не понявши) взяли критикувать — это, во-первых. Во-вторых, авторы приписывают тов. Деборину просто-на-просто их собственную точку зрения на случайность. Во всей главе «Случайность и необходимость» у них проходит красной нитью следующая мысль: случайность субъективна, признание же объективной случайности равно признанию беспричинности. Авторы сами всюду приравнивают объективную случайность беспричинности и затем приписывают эту мысль тов. Деборину, а вслед за этим и Энгельсу. «Случайность, по Энгельсу, — пишут они, — это выражение нашего неведения причин, но не объективного отсутствия последней» (277). «По Энгельсу объективной случайности в природе не существует» (277); с точки зрения марксизма все причины равноценны (279). Такое же понимание проблемы причинности, необходимости и случайности приписывается и Плеханову.

Действительные взгляды Плеханова и Энгельса на эти проблемы так ясно изложены даже в тех цитатах, которые приводятся самими авторами, что буквально не знаешь, как могли наши авторы понять так неверно. Возьмем хотя бы следующие положения Энгельса и Плеханова о необходимости и случайности: «Судьба государства зависит иногда от случайностей, которые можно назвать случайностями второй степени». «In allem Endlichen ist ein Element des Zufälligen», (во всем конечном есть элемент случайного) говорит Гегель. В науке мы имеем дело только с «конечным», поэтому можно сказать, что во всех процессах, изучаемых ею, есть элемент случайного. Но исключает ли это возможность научного познания явлений? Нет.» (Плеханов, VII, 294). «Случайное имеет основание, ибо оно случайно, но точно так же не имеет никакого основания, ибо оно случайно; что случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя как случайность и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость (Logik...). Естествознание предпочло игнорировать эти положения, как парадоксальную игру слов¹⁾, как противоречащую себе самой бессмыслицу, закоснев теоретически в бессодержательности вольфовской метафизики, согласно которой нечто либо случайно, либо необходимо, но ни в коем случае ни то, ни другое одновременно».

¹⁾ И теперь механисты игнорируют теорию диалектики, как «бесплодную игру терминами и понятиями».

менно, или в столь же бессодержательном механическом детерминизме, который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на практике признавать ее в каждом отдельном случае» (Энгельс, «Диалектика Природы», 193—195). Механический детерминизм рассчитывает «покончить со случайностью тем, что он вообще отрицает ее. Согласно этому воззрению в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость... С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божием, или вместе с турками, кистметом, или же назовем необходимостью» (там же, стр. 191—193). Похоже ли это хоть немного на то, что приписывают Энгельсу и Плеханову наши авторы?

Чтобы представить мысли Плеханова и Энгельса так фантастически не верно, как это делают авторы, нужно или полнейшее непонимание вопроса, или сознательное желание исказить чужие мысли в угоду своей собственной концепции. Мы не имеем никаких оснований подозревать авторов во втором: во-первых, потому, что мы не думаем о них так плохо, во-вторых, — они не имеют своих достаточно твердых взглядов. Поэтому неверное понимание и изложение мыслей Энгельса и Плеханова должно быть отнесено за счет незнакомства авторов с материалистической диалектикой. Было бы полезнее всего, если бы тов. Ф. Перельман и его товарищи изучили Энгельса и Плеханова, прежде чем их трактовать, и по проблеме причинности, необходимости и случайности поняли у них хотя бы следующее:

1. Случайность есть объективная категория, а не выражение «нашего неведения». И поэтому неверно положение авторов, что «случайность есть непознанная необходимость» (272), т. е. объявление всего, что не познано Ф. Перельман и др., случайностью.

2. Случайность не есть беспричинность, ибо причинность есть всеобщий закон мира.

3. Случайность не есть «нечто непознаваемое» — она может познаваться и познается, ибо имеет причину.

4. Механическое понятие причинности неправильно. При изучении каждого отдельного явления, каждой особой формы движения — причины не являются равноценными. Механическое понимание причинности приводит к смазыванию особенной закономерности данного явления, к признанию равноценности влияния «шального атома» в голове законодателя с влиянием производительных сил на развитие общества.

5. В большом переплете причинных рядов, в каждом данном явлении есть внутренняя необходимость, выражающая сущность данного явления, и есть внешние или несущественные для данного явления причинности. Поэтому нужно дифференцировать причинность. Каждая наука проводит дифференцирование, когда она желает познать сущность, внутреннюю необходимость предмета. Без применения категорий необходимости и случайности можно дать лишь описание, но не познание, не объяснение. Лишь поняв внутреннюю необходимость предмета, можно затем проследить конкретное развитие предмета во всей сложности и взаимодействии.

6. Неправильно отделять непроходимой стеной случайность от необходимости. Причина, являющаяся случайной для одного ряда необходимости, сама является необходимостью в другом причинном ряду. С другой стороны,

сама необходимость в своем проявлении всегда имеет элемент случайного, равно как и случайность видоизменяет развитие внутренней необходимости.

7. Отрицание дифференцированного подхода к причинности, отрицание случайной причинности и ведет к признанию сплошной беспросветной случайности, а в общественных явлениях — к фатализму. И если наши авторы полагают, что признание случайности ведет к теологическим выводам, то пусть свое положение они сопоставят с уже приведенным мнением Энгельса, что с механической необходимостью «мы все еще не выходим из-за границ теологического взгляда на природу».

Если опять Энгельс окажется трудным для понимания, наши авторы могут обратиться к статье тов. Васильева, где они найдут, например, такие указания: «Гольбаховский принцип гласит, что принципиально все причины одинаково важны и между ними нет никакой иерархии. Плохое настроение полководца, обусловленное известным движением частиц его тела, и плохое состояние войска, обусловленное рядом общественных причин, являются для Гольбаха одинаково важными причинами проигранной войны. Все необходимо, все детерминировано и случайности не существует...¹⁾ Такая механическая необходимость лишена даже всякого прагматического значения, и вся вселенная в свете ее предстает перед нами как гигантский клубок, огромное скопление случайностей» (15—20). Если наши авторы могут понять, то пусть поймут хотя бы эту постановку вопроса, выдвинутую в их же сборнике. Необходимо отметить, что по вопросам о причинности, необходимости и случайности (как и ранее по категориям качества, скачка, сведения и пр.) в лагере механистов существует полнейшее разногласие.

Не менее, чем трактовка случайности, наивны представления авторов по вопросу о возникновении качества, об анализе и пр. Как мало они знакомы с действительными взглядами сторонников материалистической диалектики — видно из их удивления тем обстоятельством, что «сам» Деборин признает возникновение живого вещества из неживого и пишет, например, следующее:

«Проблема превращения неживого вещества в живое — одна из интереснейших проблем, ибо здесь совершаются реально диалектические переходы, завязывание узловых линий, систематические процессы, имеющие такое же, если не большее, значение, как и «развязывание узлов», разрушение их путем анализа и уничтожение граней между разными формами движения» (292). Авторы признаются, что они не ожидали такой постановки вопросов у тов. Деборина и трубят об его переходе из «виталистов» в «механисты». Все это можно объяснить только тем, что, не зная сути разногласий, наши авторы, видимо, пришли к детски-наивному представлению, будто с точки зрения диалектиков 1) органическая природа должна возникнуть не из развития неорганического мира, а каким-то другим образом... через акт творения, что ли? 2) что диалектики не признают анализа.

Ведь не об этом шел спор, товарищ Ф. Перельман и др.! Диалектики обвиняли механистов по этим вопросам в том, что они 1) выдвигали основ-

¹⁾ Мы считаем, что у тов. Васильева здесь есть неправильность. Нельзя противопоставлять детерминизм признанию случайности, ибо случайность сама есть вид причинности. Только механически понимаемый детерминизм исключает случайность и поэтому сам становится «клубком» случайностей.

ным законом диалектики вместо единства противоречий (в том числе и единство непрерывности и прерывности) — закон непрерывности, что они просмотрели за этим перерывы, скачки, и перешли на точку зрения вульгарного эволюционизма. Просмотрев или не поняв скачка, они не поняли важнейшей проблемы *возникновения* нового качества и проблемы «сводимости».

2) Не поняв первого, они выдвинули положение, что основная задача науки исчерпывается сведением сложного к простому; марксистский метод они свели к аналитическому методу. Разложение сложного на простое, которое должно быть лишь первым шагом и предварительной ступенью действительного исследования своеобразия данного качества, они признали единственной задачей науки. Исходя из этого они признали, что познание органической материи исчерпывается познанием закономерностей химических и физических компонентов, из которых синтезируется органическая материя, и отрицали наличие в органической природе особых закономерностей, которых не было бы в этих физико-химических компонентах. Вот в чем суть спора.

Тов. Деборин и его ученики признавали и признают необходимость анализа и разложения на составные части. Это азбучная истина. Они признавали и признают необходимость исследования компонентов, из синтеза которых возникает органическое вещество. Но здесь и завязывается узел разногласий их с механистами. Поскольку органическое вещество возникло через скачок, оно есть новое качество с новыми закономерностями. Законы целого не «сводятся» к законам частей, поэтому познание законов частей еще не исчерпывает законов целого. Познание законов частей есть лишь шаг к познанию законов целого. Наличие биологии как-раз и обуславливается тем, что органическая природа есть особое качество с особыми закономерностями.

Любопытно отметить, что и по этим вопросам в статьях тов. Васильева и Бауэра мы имеем иную точку зрения. Отдельные мысли из этих статей нами уже приводились.

Еще большее непонимание мы имеем у наших авторов в вопросе о конкретности понятий (295—296). Авторы, видимо, полагают, что марксизм есть чистейший номинализм, что марксизм признает только реальность единичных вещей, и притом каких-то простых, тождественных субстанций. Они с внушительным видом делают выговор тов. Деборину за то, что он признал классы реально существующими объектами, а понятие класса — отражение реально существующего объекта. Тов. Перельман и др. «поняли» тов. Деборина таким образом, будто класс есть какой-то метафизический индивид, стоящий над людьми. Поэтому они начинают внушать тов. Деборину, что класс есть лишь отношение между людьми, а отношение между двумя субстанциями существует объективно, но само оно не есть субстанция» (296). Авторам, прежде чем учить тов. Деборина, нужно было бы разобраться 1) в различных видах отношений; 2) в диалектическом единстве отношения и относящихся объектов, дающем новый синтез; 3) разобраться в том, существуют ли такие метафизические субстанции, которые были бы простейшими, тождественными частицами, которые были бы единственными субстанциональными реальностями, а все остальное было бы лишь их отношениями, их суммой (авторы теперь полностью стоят на этой механической позиции, они неоднократно присоединяются к мысли тов. Степанова о «материи, как таковой», состоящей из

тождественных частиц); 4) не является ли любая «субстанция» синтезом других «субстанций» и не дает ли отношение двух или нескольких «субстанций» новую «субстанцию» и т. д. Пусть хотя бы разберутся наши авторы в следующем: есть ли атом реальный объект, «субстанция» или только «отношение» (в понимании Ф. Перельмана и др.) электронов; есть ли молекула реальная «субстанция» или только отношение «субстанций» — атомов и т. д., есть ли животный организм «субстанция» или только отношение клеток и т. д.

Разобравшись в этих вопросах, авторы может быть поймут, что классы, общество не есть какое-то оторванное от людей и мистифицированное отношение, а есть сами люди, связанные определенными отношениями в определенную реальную совокупность, реальный объект, имеющий особые закономерности, отличные от (биологических) закономерностей составляющих его индивидов, имеющих свою историю, свое развитие, отличное от развития составляющих его индивидов.

Ф. Перельман и др. даже не могут отличить марксистскую постановку вопроса о конкретности понятия от постановки реалистов и номиналистов. А между тем достаточно взять хотя бы понятие материи, чтобы видеть эту разницу. Точка зрения наших авторов на понятие и субстанцию должна привести их или к признанию субъективности всех научных знаний, или... к действительному средневековому реализму понятий. Противоположности сходятся.

Мы отметили, что правильное понимание материи позволило бы авторам избежать их ошибок. Но как раз все ошибки механистов и увязываются с их неверным пониманием материи и ее движения. Механисты подменяют философское понимание материи конкретным учением о физическом ее строении. Отсюда электрон, являющийся лишь особой качественной формой бытия материи, объявляется материей в последней инстанции, «материей, как таковой». Дальнейший шаг заключается в объявлении электронов *тождественными*, т. е. не имеющими свойств, просто дискретными частицами. Это мы и видим у наших авторов (287—289, 295—296). Материя сводится к тождественным частицам. Тождественные частицы становятся единственной «субстанцией», ибо все есть лишь «отношение» этих «субстанций», а это «отношение» — согласно афоризму наших авторов — не дает новой «субстанции». Материя рассыпается на тождественные частицы. Материя трактуется как метафизическая субстанция.

Сведение материи к тождественным частицам неразрывно связано с механическим пониманием движения, что ведет за собою отрицание диалектики, замену ее механикой. Не марксистское понимание материи и движения — таков итог и исходный пункт взглядов механистов.

Не будем останавливаться на других ошибках авторов («им же несть числа»), и в частности на абсолютно неверной характеристике современной буржуазной философии как *диалектической* философии (298—299). Сказанного уже достаточно для понимания философских взглядов и последовательности тов. Перельмана и др.

Выявив в достаточной мере неосведомленность в философских вопросах и в текущих философских спорах, наши авторы занимают капитанский мостик, чтобы дать направление философскому кораблю. Но этого мало. Философский корабль, руководимый тов. Перельманом и др., должен открыть огонь по то-

философскому направлению, которое они сочтут неправильным. Есть направление, фактически отрицающее марксистскую философию; есть направление сторонников марксистской философии, сторонников материалистической диалектики. «Куда надо направить огонь?» «Стреляй по диалектикам!» — такова команда капитана... Только не слишком ли большую роль взяли на себя наши авторы? Не лучше ли им спуститься с капитанского мостика и пройти длительную учебу юнги под руководством хорошего капитана? Это, правда, было бы скромнее, но зато гораздо полезнее и для самих авторов и для философии.

Авторы любят очень энергично выражаться. Тов. Деборина они свысока похлопывают по плечу, называют Дон-Кихотом и другими лестными именами. О тов. Максимове они говорят не иначе, как в таком тоне: «Максимовские рассуждения невозможно охарактеризовать мягче, чем рекорд непроходимой путаницы. И «Под Знамя Марксизма» печатает этот несусветный вздор, не сопровождая его ни одним редакционным примечанием» (291). Мы не обладаем... излишней смелостью наших авторов, поэтому предоставим самим читателям решить вопрос о том, нельзя ли возратить эту характеристику самим авторам и не следует ли рассуждение о редакционном примечании направить по адресу сборника «Диалектика в природе».

Мы остановились так долго на предисловии редакции и статье Ф. Перельмана и др. потому, что в них как раз охвачены важнейшие спорные вопросы и что они ясно показывают, как мало понимают механисты философию марксизма. Правда, я вовсе не хочу этим сказать, что во всех других статьях выявлено лучшее знание философии. Я хочу только сказать, что в статье Перельмана и др., как в фокусе, отразились основные ошибки механистов, резюмированы взгляды механистов, как они ранее открыто высказывались, и высказано открыто то, что другие думают, но что не высказывают теперь открыто.

Разобрав основные ошибки механистов, мы на других статьях можем остановиться лишь очень бегло. Специалисты-естественники возьмут, вероятно, на себя подробную критику естественно-научного содержания сборника — такая критика необходима. Отметим бегло, что тов. Бауэр в своей статье «Основные ошибки биологии», ставя перед собой критику механизма и витализма, не мог удовлетворительно справиться с этой задачей. Кроме того, проблема телеологии ставится им неверно (224—225), как вопрос о законе и теории (228—229 и др.) и пр. Тов. Орлов в своей статье «Механика и диалектика в естествознании», доказывая несостоятельность механического материализма (крайне неубедительны его попытки различить механистический материализм от механического), в то же время сам себе противоречит, считая, что борьбу с идеализмом нужно вести методом механического материализма (125). Почему? Разве диалектический материализм не является более сильным оружием? Разве идеалисты сами не прибегают в естествознании к механическим приемам? Разве механический материализм не ведет вслед за собой идеалистическое понимание общественных явлений? В статье тов. Тимирязева все различие форм движения сводится к... функциям Лягранжа (203—208); функция Лягранжа определяет специфичность, качественное отличие физических явлений.

Остановимся еще в нескольких словах на статье тов. Варьяша. Причинность понимается тов. Варьяшем, как простое следование явлений друг за другом (71) и как механическая причинность. Тов. Варьяш попрежнему не при-

знает объективной случайности. «Если принцип причинности,—пишет т. Варьяш,—представляет собою универсальный закон, то каждое состояние должно существовать в определенное необходимыми условиями время. Тут случайность не при чем. Она не есть объективная категория. Ее понимание в качестве объективной категории мира ведет к упразднению строго причинной закономерности процессов природы» (62). В статье тов. Варьяша мы имеем такое же непонимание диалектических категорий причинности, случайности и необходимости, которое уже разобрали по статье тов. Ф. Перельмана и др. Тов. Варьяш 1) понимает причинность механически; 2) считает случайность беспричинностью; 3) не понимает необходимости и случайности, их объективной реальности, их взаимозависимости, их значения, как категорий познания. Механическое понимание причинности, непонимание категорий случайности и необходимости приводит к невозможности правильной постановки и решения проблемы вероятности, за решение которой взялся тов. Варьяш. Отметим еще, что тов. Варьяш разрывает непрерывность и прерывность: трактуя одни процессы, только, как непрерывные и другие, только как прерывные (94, 95 и др.). Тов. Варьяш неверно понимает проблему качества, когда он 1) объявляет, что качество первично, как будто есть качество без количества, и 2) когда он сводит качество атомов к расположению электронов.

На этом мы должны кончить свои замечания.

Подводя итог, нужно отметить три основных момента настоящего сборника: 1) отступление механистов от их прежних позиций в важнейших вопросах; 2) *идейный разброд среди механистов, полное отсутствие последовательности и единства*; 3) *при всем этом попрежнему продолжается ревизия марксизма*. Отступление и ревизию мы уже видели. Идейный разброд можно резюмировать следующим образом: 1) понимание марксистской философии совершенно не выяснено; 2) теория диалектики, с одной стороны, признается, с другой стороны, поносится как схоластика; 3) с одной стороны, признается руководящая роль философии по отношению к естествознанию (I, II, 284), с другой стороны—эти же положения называются гегельянством (266 и далее); 4) с одной стороны, положения тов. Степанова о механическом мировоззрении, отождествление механического мировоззрения с диалектическим материализмом, признание основной задачей науки сведение сложного к простому, его постановка вопроса о качестве и количестве и пр. признается неверной (статья т. Васильева); с другой стороны, все это считается абсолютно правильным (статья т. Перельмана и др.); 5) с одной стороны, современное естествознание признается механическим (статья т. Васильева), с другой стороны, это отвергается (ст. т. Перельмана); 6) с одной стороны, признается специфичность органической материи, особенность ее закономерностей и невозможность механического «сведения» (ст. т. Васильева, Бауэра); с другой стороны, это называется витализмом (ст. т. Перельмана и др.); 7) с одной стороны, признается неверным механическое понимание причинности (ст. т. Васильева), с другой стороны, только механическое понимание признается марксистским (ст. т. Варьяша, Ф. Перельмана и др.); 8) с одной стороны, признается объективность случайности (ст. т. Васильева), с другой стороны, это отвергается, объявляется идеализмом, теологией (ст. т. Варьяша, Ф. Перельмана). И т. д., и т. п.

Такова последовательность механистов, и так выглядит марксистская философия в их обработке.

Нам остается еще сказать несколько слов о заявлении Л. Аксельрод. В этом заявлении Л. Аксельрод пытается снова защитить свои по сути дела кантианские взгляды о простых нормах права и нравственности. Но на этот раз она старается представить сторонником таких кантианских взглядов и Энгельса. Нужно сказать, что в этом нет оригинального: другие ревизионисты уже давно пытаются сочетать Маркса с Кальбом. Во-вторых, Л. И. Аксельрод в грубо-крикливом тоне объявляет тов. А. М. Деборина и его учеников гегельянами, ревизионистами, защитниками поповства. Мы не будем здесь касаться политической стороны марксизма: очень может быть, что с точки зрения Л. Аксельрод, она (Л. Аксельрод) является в этой области ортодоксальной марксисткой, а коммунисты, идущие с тов. Дебориним,—ревизионистами. Мы хотим только указать, что марксизм поразному понимается. Л. Аксельрод, например, считает что «Ленин всегда... был плохим, поверхностным марксистом»¹⁾, что у Ленина нет «ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем»²⁾. Поэтому критика тех, кто идет за Лениным в философии и в понимании марксизма вообще со стороны Л. Аксельрод вполне объяснима и понятна. В противовес «плохому и поверхностному марксисту» и «неглубокому» философу Ленину Л. Аксельрод считает себя, очевидно, хорошим марксистом и глубоким философом. Думать так—ее право. Но идущие за Лениным диалектико-материалисты также имеют право сказать ей, что она ошибается, что ее «марксизм», выдвигаемый в противовес «плохому и поверхностному» марксизму Ленина есть не что иное, как ревизия марксизма.

Как могла редакция поместить такое письмо Л. Аксельрод? Уж не согласна ли редакция с его содержанием?

Впрочем, редакция отмечает в оглавлении, что «письмо Л. И. Аксельрод напечатано по ее просьбе». Что хотела сказать этим редакция? Неужели в сборнике «Диалектика в природе» печатаются письма в редакцию также и без ведома и желания авторов? Примечание редакции свидетельствует лишь о том, что редакция не имеет мужества открыто вывить свое отношение к письму.

Редакция сборника жалуется на то, что философы не оказывают помощи естествознанию. Очень хорошо, что редакция создала, наконец, необходимость для естествознания получать помощь от философии. А ведь не так давно еще «философам» приходилось тратить все свои силы на доказательство самого существования марксистской философии, на доказательство того, что философия нужна естествознанию. Не вина «философов», что в истекшие годы им пришлось заниматься, главным образом, защитой марксистской философии против прямых ликвидаторов и механистов, что им не хватало времени на разработку проблем философии. Однако, неверно было бы сказать, что за это время проблемы философии не разрабатывались. Познакомьтесь с современной философской литературой и вы увидите, что поставлено много важнейших проблем. Опять-таки не вина «философов», что механисты (как показал настоящий сборник, особенно статья тов. Ф. Перельмана и др.) не

¹⁾ Цитирую по статье тов. Сорина в „Правде“ от 1 августа 1926 г.

²⁾ Цит. по ст. тов. П. Луппола „Материализм и эмпириокритицизм“ в оценке встретившей его критики в журн. „Под Знамя Марксизма“, 1927 г. № 1.

знакомятся с этой литературой или (будучи незнакомы с азбукой марксизма) не могут ее понять. Нужно заметить, что все, что сделано у нас за последнее время по борьбе с ревизионистскими течениями (у нас и на Западе), все, что сделано в смысле защиты марксистской философии, пропаганды этой философии, оживления интереса к ней, разработки проблем философии — все это сделано сторонниками марксистской философии во главе с тов. Дебориним. Пусть покажут механисты, что они сделали в этом направлении. Можно смело сказать: ничего.

И. Подволоцкий

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Историческая часть

Вопросы истории и в частности истории революции представлены в Энциклопедии очень богато. Обзоры отдельных государств, в том числе Советских Соц. Республик, имеют специальные исторические отделы.

В настоящем обзоре мы ограничимся лишь рассмотрением статей, тесно связанных с историей России, революционного движения в России и историей ВКП(б). Все эти статьи можно разбить на три группы.

К первой группе относятся несколько статей М. Н. Покровского — «Антанта», «Абсолютизм», «Александр I», «А. II» и «А. III», С. Дубровского — «Аграрное движение в России», Шестакова — «Аграрные программы в истории русской революции», Кина — «Бакинские комиссары», Меерсона — «Барщина и барщинное хозяйство».

По истории ВКП(б) даны три статьи, освещающие три важнейших этапа в развитии большевистской партии: «Августовский блок» — период борьбы с ликвидаторами и примиренцами, «Бернская конференция» — борьба с международным социал-шовинизмом, «Апрельская конференция» — борьба внутри большевистской партии в связи с оценкой русской революции.

Третья, очень большая, группа статей содержит характеристики лиц, игравших в революционном движении видную роль. В Энциклопедии проходит целая галерея видных деятелей революционного движения. Я назову здесь только несколько имен: Бакунин, П. Аксельрод, Инесса Арманд, Артем, Аптектман, Батурин, Бауман, Бадаев, Базаров и т. д. Некоторые из перечисленных деятелей продолжают жить и работать над укреплением пролетарской диктатуры, другие отошли от «политики» и революционной работы, но своей прежней работой оставили заметный след в истории освободительной борьбы пролетариата.

Из статей первого отдела должны быть выделены статьи М. Н. Покровского, особенно две из них: «Антанта» и «Абсолютизм». Это одни из лучших статей в вышедших томах Энциклопедии. Блестящий язык, остроумие, ясность и простота изложения, громадная эрудиция, оригинальность концепции, глубокий марксистский анализ автора — вот что выделяет указанные статьи над общим уровнем.

В статье «Антанта» т. Покровский дает очерк внешней политики империалистических стран за последние 30 лет до мировой войны. Он показывает

экономически противоречия между отдельными странами и разоблачает политические комбинации, сложившиеся перед империалистической войной. И Антанта и «Тройственный Союз» одинаково вели империалистическую политику и ставили себе одни цели: добиться порабощения своих противников, расширить сферу своего экономического и политического влияния. Антанта образовалась на основе империалистических противоречий. Острее всего были противоречия между Германией и Англией. Начало Антанте положило англо-французское соглашение 1904 года. «Русско-французский союз сам по себе еще не вел обязательно к мировой войне» (Покровский) и не вел к разрыву с Германией со стороны России. Только присоединение к нему Англии, которая заняла руководящую роль, сделало Антанту «антигерманской коалицией». Тов. Покровский прослеживает колебания и зигзаги внешней политики самодержавия, которое от Биоркского соглашения с Германией в 1905 г. бросается в объятия Англии в 1907 году. Образование Антанты является исходным пунктом подготовки к империалистической войне. Антанта просуществовала до выхода России из империалистической войны. Своим анализом т. Покровский удачно снял дипломатическую вуаль с лица империалистических хищников. Статья бьет не только по Черчиллю и Пуанкаре (руководители русской политики давно сошли с исторической сцены) — они плохо воспринимают идейную критику, — но она разоблачает и политику социал-патриотов и шовинистов, призывавших к защите «отечества».

Вторая статья т. Покровского — «Абсолютизм» — по своему содержанию выходит за пределы русской истории. Она имеет общесоциологическое значение. Тов. Покровский дает в ней объяснение социальной природы абсолютной монархии, ее происхождения и дальнейшей эволюции. «Абсолютная монархия, — пишет т. Покровский, — как форма государственного устройства, возникает на основе торгового капитала». Эту точку зрения т. Покровский развивал в целом ряде работ по русской истории и относительно русского самодержавия. Абсолютизм в России существовал дольше, чем в Западной Европе, где переход к буржуазной монархии (Франция) произошел уже в начале XIX века, а в Англии буржуазия пришла к власти еще раньше. Относительно социальной природы русского абсолютизма тов. Покровский, в одной из последних своих работ, пишет: «До конца своих дней оно продолжало оставаться «исполнительным комитетом» крепостников-помещиков и, стало быть, их союзника — купеческого капитала, ибо отрицать связь крепостного хозяйства с торговым капитализмом еще никто у нас не пробовал» (М. Н. Покровский, «Внешняя политика России», стр. 5). Мы считаем совершенно верной точку зрения тов. Покровского на абсолютизм. Но в своей статье в Большой Советской Энциклопедии тов. Покровский недостаточно развил классовую характеристику абсолютизма. Например, тов. Покровский говорит, что за абсолютизмом личности монарха скрывается абсолютизм «торгового капитала». В данном случае лучше было бы подчеркнуть другой момент: какой класс является социальной опорой абсолютизма. В других работах тов. Покровский так и делает, но в данной статье выпало промежуточное звено между экономикой и социальной структурой общества (классы).

Статья С. Дубровского об «Аграрном движении в России» обнаруживает хорошее знакомство автора с материалами не только печатными, но и архивными. Автор в начале статьи дает краткий очерк крестьянского движения до

1861 года, затем переходит к освещению «послереформенного» периода. Центральное место в статье занимает освещение движения в XX веке. Тов. Дубровский совершенно верно объясняет причины крестьянского движения накануне первой революции. Основной причиной является «полукрепостническая эксплуатация и разорение крестьян развивающимся капитализмом». Отмечая единый фронт всей деревни в борьбе с помещиком в 1905—07 годах, Дубровский устанавливает, что руководство крестьянским движением находилось в различных районах в руках различных социальных слоев крестьянства: «в одних местах руководящую роль играло зажиточное крестьянство, в других — середняки, в третьих — беднота, батраки». Объясняется это экономическими особенностями различных районов сельского хозяйства, размерами остатков крепостничества и т. д. В результате столыпинщины развитие капитализма в деревне усилилось, увеличилась дифференциация деревни. В последующих движениях все большую роль начинают играть середняки и деревенская беднота. В 1917 году, пишет Дубровский, участие зажиточных крестьян в революции сузилось, а участие низов расширилось. После Октябрьской революции руководящая роль в крестьянском движении переходит к деревенской бедноте, а кулацкая верхушка делается опорой и организатором антисоветского движения. Жаль, что автор не отметил роли городского пролетариата в крестьянском движении.

В интересной статье А. Шестакова «Аграрные программы в истории русской революции» есть ошибка относительно даты созыва IV Съезда РСДРП; в статье ошибочно указано вместо 1906 года — 1905. Эта ошибка, вероятно, чисто технического порядка. Автор дает развитие аграрных программ различных классов: буржуазии (к.-д.), мелкой буржуазии (эсеры и меньшевики) и пролетариата (большевики). Тов. Шестаков начинает излагать аграрные программы, начиная с Чернышевского, потом переходит к народникам и первым рабочим организациям. Я думаю, что не стоило так далеко спускаться вглубь истории. Чернышевский характерен для оценки крестьянской «реформы», как представитель демократического крыла русской общности, у народников аграрная программа неотделима от их взглядов на социалистическую революцию в России. Большевики же со всей четкостью поставили вопрос о буржуазно-демократической революции, поэтому лучше всего было бы начать с выяснения взглядов с.-д. и социалистов-революционеров. В противном случае надо было бы начать с изложения аграрных программ «декабристов», левое крыло которых поставило аграрный вопрос весьма резко. Автор удачно выясняет различие во взглядах на аграрный вопрос Ленина и Плеханова. Отметим, что принятая на II Съезде РСДРП программа отрезков представляет компромисс, тов. Шестаков совершенно не отмечает ее «ошибочности». В дальнейшем изложении аграрных программ большевиков и меньшевиков надо было бы более оттенить вопрос о двух путях развития капитализма: прусском и американском. Отношение Ленина к столыпинщине освещено не достаточно подробно. Тов. Шестаков доводит изложение до Октября. Он вскрывает банкротство и антипролетарский и антикрестьянский характер аграрных программ мелкобуржуазных и буржуазных партий. Только большевики, являясь пролетарской партией, сумели осуществить руководство крестьянством в буржуазной революции и разрешили аграрный вопрос.

Тов. Меерсон дал интересную статью о барщине и барщинном хозяйстве, которое является особой формой крестьянского хозяйства. Барщинное хозяйство имеет натуральную организацию производства при «крупно-капиталистическом характере сбыта». В своей характеристике барщинного хозяйства Меерсон следует за Лениным. В Западной Европе остатки барщины были ликвидированы революцией 1848 года. В России, в связи с ростом внутреннего рынка и ростом экспорта продуктов сельского хозяйства за границу, происходит значительное расширение барщины. Тов. Меерсон выясняет районы распространения оброчного и барщинного хозяйства. Крестьянская «реформа» 1861 года не уничтожила полностью барщины — ее остатки и пережитки долго еще задерживали развитие капитализма. Этот момент не подчеркнут в статье тов. Меерсона.

Статья о Бакуanine должна быть особо отмечена. Полонский, один из лучших наших бакунистов, дал очень интересную статью. Тов. Полонский удачно показал эволюцию Бакунина, развитие его мировоззрения и отличие бакунизма от марксизма. Можно вполне согласиться с его классовой характеристикой Бакунина: «величайший выразитель крайнего революционного протеста мелкобуржуазных масс, идеолог крестьянского бунта, пытавшийся связать его с социальной революцией промышленного пролетариата».

Три заметки М. Н. Покровского об Александре I, Александре II и Александре III являются образчиками, как надо писать исторические характеристики. С ними у нас и до сих пор не все благополучно. Тов. Покровский личные характеристики «трех монархов» написаны на широком историческом фоне. Заметки дают полное представление об эпохе и основных этапах политики романовской «троицы». За различными изгибами политики тов. Покровский показывает различные социальные группы, в интересах которых эта политика велась. Интересны и личные характеристики трех Александров. Тов. Покровский рассеивает легенду о республиканизме и либерализме Александра I: ни республиканцем, ни даже либералом он никогда не был; Александр I не походил на последнего представителя романовской династии, он был «человек среднего ума и характера». Александр II не лишен был некоторой «природной сообразительности». Он понял, что основная задача сводится к предупреждению революции — отсюда проведение реформ сверху. Основная цель его внешней политики — добиться восстановления флота на Черном море и возобновить борьбу за Константинополь. Александр III больше походил на Николая II, чем на своих предшественников: бездарность, пьяница и трус.

Совершенно непонятно, почему редакция отвела Алексею Петровичу (сыну Петра I) чуть ли не две страницы, а Алексею Михайловичу — всего несколько строк. Можно было бы и по отношению к первому применить поостроже «режим экономии».

Из характеристик исторических фигур отмечу еще только одну — Аввакума. Его характеристика написана таким знатоком раскола, как Никольский, блестяще. Дефектом статьи надо признать то, что Аввакум под пером Никольского получился далеко не «самым ярким вождем» народной реформации, а скорее обычным фанатичным раскольническим начетчиком.

Из трех статей по истории партии лучшая написана об апрельской конференции 1917 года. Автор довольно подробно и добросовестно изложил содержание апрельской конференции. Больше всего внимания отведено выясне-

нию точки зрения Ленина и оппозиции (Каменев) на характер революции и на тактику партии. Если бы автор писал эту статью сейчас, то он, вероятно, подчеркнул бы ряд вопросов, которые остались неотмеченными. Кроме «текущего момента», в статье дана оценка и других вопросов. Верно подчеркнуты разногласия по национальному вопросу. Следует отметить одну неточную формулировку, которую надо бы исправить. Автор пишет: «До февральско-мартовских дней 1917 г. власть была в руках дворян, которые возглавлялись Николаем II. В февральско-мартовские дни власть перешла в руки буржуазии». Такая формулировка неточна, поэтому и неверна. Ленин говорит все время о помещиках, а не о дворянах, затем он подчеркивает, что капиталистические помещики, вместе с промышленной буржуазией, пришли к власти.

Статья об августовском блоке недостаточно ярка. То, что там написано — верно, но зачем переносить центр тяжести статьи в перечень всех групп и группочек, присутствовавших на конференции? В результате, характеристика работ конференции исчерпывается лишь цитатой из резолюции, да цитатой из Ленина. Последняя дискуссия в партии совершенно не нашла отражения в характеристике борьбы с примиренческой позицией Троцкого.

В довольно интересной статье о Бернской конференции автор совершенно верно оценивает ее значение для партии: «она заменила парт'езд». Бернская конференция является определенным этапом в деле консолидации интернационалистских — большевистских сил партии. Она сплотила ряды партии на платформе манифеста Ц. К., на лозунге превращения империалистской войны в гражданскую. После нее большевистские ряды более сплоченно выступали для борьбы с социал-шовинизмом.

На многочисленных статьях, посвященных деятелям революционного движения, я подробно останавливаться не буду. Основное они дают. Следует особо отметить статьи Астрова о П. Аксельроде и Кина о Батурине. По характеру выполнения и по построению они в известной мере могут являться образцами.

Вышедшие 5 томов Энциклопедии дали в историческом отделе доброкачественную марксистскую продукцию. Отдельные недочеты есть, но редакция, конечно, примет меры к их изжитию и к повышению качества идейного содержания. Еще одно пожелание. В вышедших томах очень часто мелькают фамилии таких наших партийных литераторов, как Покровский, М. Н., Радек, Павлович, Милютин, но все же круг высококвалифицированных партийных литераторов и руководителей, привлеченных к обслуживанию различных отделов, недостаточен. Надо добиться большего внимания к Энциклопедии со стороны всей партии, в том числе и от руководящего кадра товарищей.

Арх. Сидоров

В. А. Келтуяла.—«Историко-материалистическое изучение литературного произведения». Кооп. Изд-во «Современник». Ленинград, 1926 г. Стр. 58.

I

В предисловии ко второму изданию своего курса «История русской литературы» профессор В. А. Келтуяла возмущался напраслиной некоторых рецензентов, «которые усмотрели в его курсах экономический материализм». Профессор заявлял, что его никак нельзя смешивать с «экономическими мате-

риалистами», иначе говоря с марксистами, ибо его отделяют от них как теоретические, так и практические предпосылки. «В экономическом материализме — писал он — различают два элемента: теоретический и практический. Теоретический элемент этого направления состоит в том, что основным двигателем общественного развития признаются экономические отношения, экономика основных первичных факторов, между тем как экономические отношения признаются мною не первостепенным фактором общественного развития, даже не второстепенным, а третьестепенным». «Как же могли после этого, — восклицает профессор, — ввести меня в блестящую семью экономического материалистов?» Проф. Келтуяла расходится и с практическим учением «экономического материализма». Экономические материалисты «резко нападают на класс управляющих, изображая их представителями хищников, эксплуататоров и жестокими притеснителями «народа» вообще и рабочего пролетариата в частности. Они внушают убеждение, что эти классы прогнили насковзь и что они не сегодня, завтра падут под ударами могучего пролетариата». Профессор полагает, что и это практическое учение ложно с начала до конца: «Разделение на классы правящие и управляемые — естественно-историческое явление, свойственное всем народам: оно есть необходимое условие для народного развития. Аристократия — первый культурный класс в народе: из аристократии выделяются жрецы, наиболее выдающиеся поэты, писатели, носители высшей древней нравственности» (В. А. Келтуяла. «Курс истории русской литературы», издание 2, СПб. 1913 г. Стр. XVIII—XX).

В этой борьбе со своими рецензентами победа была безусловно на стороне Келтуялы: он неоспоримо доказал, что зачислить его в разряд марксистов никак нельзя. Он говорил тогда, что если бы его курс попал в руки подлинных марксистов-материалистов, те, вероятно, крайне изумились бы ходячим толкам о его экономическом материализме. И, пожалуй, на основании вышеприведенных его взглядов и характеристик «со свойственной им резкостью» заявили бы, что я (Келтуяла) — ненавистник демократии и замаскированный поборник дворянства, тем более опасный, что меня смешивают с экономическими материалистами.

Как известно, Плеханов целиком оправдал это предположение Келтуялы и в своей авторитетной экспертизе по этому спору целиком встал на точку зрения Келтуялы. Плеханов признал, что его курса отнюдь нельзя признать марксистским.

Но это дело давнее. То было в 1912 году. Сейчас, в 1926 году, профессор Келтуяла выпустил работу под заглавием «Историко-материалистическое изучение литературного произведения».

Всякий, кто помнит только что цитированное предисловие, при виде этой книжки, естественно, должен был подумать, что мы имеем дело с критикой исторического материализма в его применении к литературе. Однако, оказывается, что за это время проф. Келтуяла эволюционировал и встал, как он заявляет, целиком на позицию исторического материализма. Сейчас он называет марксизм «единым великим методом, который в состоянии объяснить литературные явления».

Однако, в этой книжке марксизма едва ли много больше, чем было его в прежних курсах Келтуялы.

Постараемся это доказать.

Книжка профессора Келтуялы состоит из 86 тезисов. Первые 43 тезиса посвящены изложению теории исторического материализма, как ее понимает проф. Келтуяла. Остальные 43 тезиса посвящены вопросам применения теории исторического материализма к изучению литературного произведения.

С самого начала встает вопрос, зачем нужна первая половина? Зачем излагать теорию исторического материализма? Когда кто-нибудь из марксистов пишет сейчас по вопросам марксистской методологии в литературе, то он остается целиком в плоскости непосредственно поставленных перед ним проблем литературоведения. При этом он исходит из той предпосылки, что в теории исторического материализма ему не приходится ничего ни изменять, ни исправлять. Профессор Келтуяла, однако, этого не сделал. Он предпочел «своими словами» изложить Маркса. Вдумавшись в это изложение, мы легко убеждаемся, что занимался этим делом проф. Келтуяла не зря. По существу он дал не тот исторический материализм, который мы знаем из трудов всех великих последователей Маркса, а дал свою, келтуяловскую, теорию исторического материализма, которая ведет свою литературную родословную не от „Анти-Дюринга“ и „Капитала“, а от „Курса истории русской литературы“ того же профессора Келтуялы.

Последуем за изложением теории исторического материализма проф. Келтуялы.

Как по его теории возникает класс?

§ 4. «В процессе общественного развития складываются два основных разряда общественного труда:

а) первый разряд—распорядительный труд, или, иначе, общественный труд, основанный на начале господства;

б) второй разряд—исполнительный труд или, иначе говоря, труд, основанный на начале подчинения.

Оба разряда общественного труда на протяжении многих веков находятся в общественной неразрывной связи друг с другом: нет подчинения без господства, нет господства без подчинения».

Проф. Келтуяла открывает нам такую Америку, «что нет господства без подчинения, нет подчинения без господства». Но напрасно мы будем искать в его тезисах ответ на вопрос, как возникли эти классы, что привело к тому что одни начали распоряжаться, властвовать, а другие подчинились этому властвованию. В 5-м тезисе профессор говорит: «С разделением общественного труда на распорядительный и исполнительный, на труд господства и на труд подчинения люди разделились на два общественных класса: класс господствующий и эксплуатирующий и класс покоряющийся и эксплуатируемый». Но как это случилось? Благодаря чему?

Об этом ни слова. Ответа на этот вопрос Келтуяла не дает. И это не случайно, ибо он и поныне, как и в эпоху своего курса, не понял значения фактора производства и производительных сил.

Характеризуя буржуазию и пролетариат, проф. Келтуяла говорит, что «экономическая сила буржуазии заключается в обладании средствами производства, главным образом деньгами».

Мы рискуем здесь впасть в ошибку, ибо не легко понять эту фразу. Что это значит: «обладание средствами производства, главным образом деньгами»? Деньги суть основное средство производства? Но ведь ясно, что на деньги

можно купить, а производить деньгами ничего нельзя. Или нужно понимать так, что экономическая сила буржуазии заключается, главным образом, в деньгах? Но ведь эту обывательскую точку зрения ни один и не марксистский ученый больше не разделяет.

Откуда эта путаница? Она из того же источника. Профессор не понял исторического характера марксистского учения, не оценил в достаточной мере его монистической основы, а методологическая сущность марксизма—диалектика—и поныне осталась для Келтуялы книгой за 7 печатями. Недаром самого-то слова «диалектика» в помине нет в этих тезисах, переполненных бесконечными старыми и новыми образованными самим проф. Келтуялой научными терминами.

Проф. Келтуяла поэтому не рассказывает ни о том, как образовались эти классы, ни о том, в результате чего один класс уступает место другому. Отсюда и то, что он ни словом не обмолвился о возникновении собственности, и само понятие «собственность» заменил термином «распорядительный труд».

Эта замена уж очень выдает родство с цитируемым предисловием, где речь шла о положительных общественных функциях всякой аристократии. Там дело было ясно. Благополучие общества возможно лишь тогда, когда одни распоряжаются, а другие подчиняются. Естественно, чтобы распоряжалась аристократия, этот «первый культурный класс в народе».

Сейчас проф. Келтуяла к признакам класса, помимо распорядительного и распорядительного труда, прибавляет слова «властвующий эксплуатирующий и покоряющийся эксплуатируемый». Это правильно. Но как к одним попала власть и благодаря каким причинам другие вынуждены покориться этой власти, об этом он ни слова не говорит, ибо он лишь констатирует, что один тип господства-подчинения, феодально-крестьянский, уступил место другому типу господства-подчинения, буржуазно-пролетарскому, не выясняя, результата том каких же причин произошла такая перемена.

Все это, повторяем мы, происходит потому, что теория исторического материализма в изложении профессора Келтуялы потеряла свою сущность: монизм, историзм, диалектику.

Недооценка этих краеугольных камней марксизма привела и к упомянутой замене понятия «собственность» термином «распорядительный и исполнительный труд», к установлению каких-то профессиональных классов, к установлению подклассов, групп и подгрупп со своей специфической психо-идеологией, к вульгаризированному сближению понятия классовой психологии с понятием естественного отбора, к утверждению торжества «социалистического эгоцентризма» как завершения человеческой культуры.

На самом деле как, по проф. Келтуяла, образуется и сохраняется класс?

«Люди, вошедшие в состав того или иного класса, и их потомки подпадают под действие особого процесса, который можно назвать процессом общественной классизации людей. Она состоит в том, что люди, попавшие в данный общественный класс, все более и более отрываются от людей, попавших в другой общественный, в противоположный класс, все крепче и крепче становятся принадлежностью своего общественного класса». Воспевая «общественно-классовый труд» как «великое творческое начало», профессор заявляет: «Общественно-классовый труд вырабатывает психо-физиологический взгляд

каждого отдельного лица на началах господства-подчинения того или другого типа». Дальше он приходит к заключению: «Общественно-классовый труд — это первый основной творец психо-физиологии каждого отдельного лица на указанных началах» (стр. 9—10).

Мы привыкли до сих пор читать в книгах по историческому материализму о классовой психо-идеологии. Что касается классовой или даже профессиональной физиологии, то о ней мы говорили всегда весьма условно и в весьма ограниченном смысле.

Проф. Келтуяла склонен придать своему утверждению о классовой физиологии категорический характер. Он говорит, что «классовая физиология превращается даже в физиологический классовый отбор. Его, по аналогии с естественным отбором, следует назвать естественно-классовый отбор» (стр. 10). Эта аналогия для Келтуялы не формальное сравнение. Он трактует его примерно так, как естествоиспытатель трактует понятие естественного отбора и устанавливает те же признаки, что и естествоиспытатель. Он устанавливает «во-первых, что неприспособленный и неприспособившийся к требованиям общественно-классового труда данного типа господства-подчинения погибает; во-вторых, что приспособленный и приспособившийся выживает, а затем укрепляет, вырабатывает и развивает в себе те психо-физические свойства, которые требуются общественно-классовым трудом данного типа господства — подчинения, и передает их своему потомству в усиленном виде». Эти передачи происходят «путем бессознательного или сознательного воспитания родителями детей» и даже *«через независящее от воли людей кровное унаследование вырабатывающихся из поколения в поколение общественно-классовых психо-физиологических свойств, способностей, черт и навыков»* (курсив автора, стр. 10—11).

Буржуа передает своему сыну буржуазные кровяные шарики, какие-то буржуазные, которые помогают ему господствовать; рабочий передает своему сыну какие-то пролетарские кровяные шарики, свойством которых является подчинение.

Причину того, что русский пролетариат одержал победу над русской буржуазией, а западно-европейский пролетариат до сих пор терпит гнет своей буржуазии, нужно таким образом искать не в таких факторах, как большевизм или реформизм, а в свойствах крови, унаследованных русским и французским пролетариатом, русской и французской буржуазией. Чего доброго, надо предполагать какие-то реформ-бациллы в крови немецких рабочих, которые заставляют их следовать за реформистами из II Интернационала, и какие-то Ленин-бациллы в крови русских рабочих, которые сделали их более восприимчивыми к идеям ленинизма.

Однако мы отнюдь не шаржируем.

На основании своего тезиса о кровном унаследовании свойств общественно-классового отбора проф. Келтуяла заключает, «что процесс общественно-классового отбора через последовательную выработку общественно-классовых градаций и общественно-классовой психо-физиологической наследственности приводит к выработке в каждом человеке так называемой классовой психологии и связанной с ней физиологии» (стр. 11).

В этой постановке вопроса нет ни грама историзма, несмотря на то, что речь идет здесь о поколениях.

Из общественного фактора классовая психология превращается в физиологический фактор. Оставаясь на базе теории профессора Келтуялы, трудно или, вернее, невозможно понять ту эволюцию, которую за годы революции претерпел сам проф. Келтуяла. В самом деле, если социальные устремления человека являются результатом его физиологии, то становится непонятным, как это сам профессор Келтуяла, который в 1912 году с такой горячностью отрекся от звания «защитника демократии», что, вероятно, тогда выражало его аристократическую физиологию, вдруг в 1926 году стал рьяным поборником идеологии пролетариата — марксизма. Не произошла ли эта перемена в результате пересаживания каких-то пролетарских желез, наподобие того, как теперь пытаются при помощи пересаживания желез производить омолаживание? Не ясно ли, что именно в этом сближении понятия классовой психологии с естественным отбором мы имеем дело с вульгаризацией марксизма столь же абсурдной, сколь и вредной? Ибо если верна теория классовой наследственности, то тогда едва ли можно надеяться, что в течение одного-двух десятилетий можно перевести страну с буржуазно-собственнических рельс на пролетарско-коллективистические. Едва ли тогда можно придавать особенное значение революционному творчеству. Если эта теория была бы правильной, тогда не могло бы быть речи о перевоспитании живой массы мелкой и средней буржуазии, не могло бы быть речи о перевоспитании буржуазной интеллигенции. Ведь никакими законодательными или пропагандистскими мерами не изменишь унаследованной физиологии этих людей.

Эта своеобразная теория приводит проф. Келтуялу к совершенно неожиданным выводам. Она заставляет его устанавливать классы, подклассы, группы, подгруппы с их классовой, подклассовой, групповой и подгрупповой психо-физиологией.

По его теории выходит так: из класса пролетариата выделяется подкласс металлисты, которые вырабатывают в результате кровного унаследования психо-физиологию металлиста. Дальше среди металлистов выделяется группа кузнецов, которые передают своим потомкам свойства кузнеца, и в результате поколений вырабатывается кузнецкая психо-физиология.

Вряд ли стоит критиковать эту абсурдную мысль с точки зрения ее общетеоретического содержания.

К тому эта мысль для литературоведа ровно никакого значения не имеет. Литературовед знает классовую литературу: дворянскую, буржуазную, пролетарскую. Но возможно ли говорить о кузнецкой литературе в отличие от ткацкой, о литературе торговца красными товарами в отличие от литературы мясоторговца? Само собою понятно, что таких делений установить нельзя. Русская литература знает тип буржуазного интеллигента такой-то эпохи, но едва ли профессору Келтуяле удастся объяснить различие между Тузенбахом, Чебутыкиным и Кулигиным (Чехов, «Три сестры») их профессиональным положением. Плеханов меньше всего думал искать различия между строителем Сольнесом и доктором Штокманом (Ибсен) в том, что один архитектор, а другой доктор, иначе говоря, в том, что они принадлежат к различным подгруппам, и едва ли Плеханов испытывал какую-нибудь нужду для своих литературоведческих целей установить какую бы то ни было физиологическую разницу между ними. Ибо Плеханов искал классового эквивалента писательского творчества, а Келтуяла по существу приходит к тому, что отправной точкой

для него становится писательская личность. Вся эта теория о специфической психо-физиологии классов, подклассов, групп и подгрупп до 5-го, 6-го и т. д. деления проф. Келтуяле нужна для утверждения особенной физиологии отдельной личности, которая в последнем счете является решающим фактором при создании художественного произведения.

Келтуяла пишет:

§ 25. «Процесс разделения общественного труда всякого господства-подчинения не останавливается на общественной подгруппе и дальнейших подразделениях, а ведет дальше, до отдельного индивидуума».

§ 31. «Носителями особенно ярких индивидуализированных общественно-классовых, подклассовых, групповых и подгрупповых переживаний являются авторы-творцы». Проф. Келтуяла, таким образом, приходит к утверждению подклассовой, групповой, подгрупповой и т. д. литературы. Он приходит к выводу о возможности литературы данной весьма незначительной группы, и тем самым он по существу лишает какого бы то ни было содержания, какого бы то ни было значения свою теорию классово-литературной. Формально он подводит таким образом «марксистскую» базу под определенно-индивидуалистическую теорию. По существу проф. Келтуяла готовит оправдание для воскрешения из мертвых покойного биографического метода.

Это следует из той формулы литературного произведения, которую профессор водружает на своей классовой, подклассовой, групповой и подгрупповой и, наконец, индивидуализированной пирамиде.

§ 33. «Выраженный словом планомерный комплекс последовательно разветвляющихся индивидуализированных общественно-классовых (подклассовых, групповых и подгрупповых) переживаний автора-творца, называется литературным произведением». Этот тезис проф. Келтуялы содержит три утверждения. Во-первых, что литературное произведение есть комплекс переживаний автора-творца, во-вторых, что эти переживания автора могут быть выражением сознания и интересов не класса, но подкласса, группы, подгруппы и т. д., в-третьих, что произведение является выражением индивидуализированных переживаний.

Что такое «Мертвые души»? Выражение индивидуализированных переживаний автора или типизированных переживаний определенного класса? Мы думаем, что значение «Мертвых душ» состоит именно в их социальной типизации, а не в их индивидуализации. В чем смысл выражения, что «Мертвые души» есть результат переживаний автора-творца, иначе говоря, переживаний Гоголя? Надо думать в том, что оно результат того специфика, что представляет собой психо-физиология данной личности, именно Николая Васильевича Гоголя, и чтобы понять «Мертвые души» — мало изучить состояния дореформенной Руси, а надо еще установить и родословную Гоголя, привычки всех бабушек и тетюшек Николая Васильевича Гоголя в отличие от вкусов, привычек и настроений всех тетюшек и бабушек других мелкопоместных русских дворян.

Само собой понятно, что это толкование есть не что иное, как воскрешение старого биографического метода, преподнесенного читающей публике в марксистско-образных терминах.

II

Снедая классовые категории к групповым, подгрупповым, и в последнем счете, к индивидуальным категориям, проф. Келтуяла единый марксистский метод, которым он не перестает клясться и который он не перестает величать «великим методом», подменил двумя дюжинами перелицованных на марксистский лад методов, собранных из всех литературоведческих кладовых.

Он устанавливает три основных момента в существовании литературного произведения: а) первый — литературное произведение, как факт автономный, б) второй — литературное произведение, как факт обусловленный, в) третий — литературное произведение, как факт производный. Каждый из этих моментов, по мысли Келтуялы, ведет какое-то свое отдельное самостоятельное бытие, и для познания каждого из них проф. Келтуяла устанавливает ряд отдельных методов.

Ограниченность места не позволяет нам подробно остановиться на критике всех этих методов, а число их у профессора Келтуялы доходит до 20. Тем более, что во многом нам здесь пришлось бы повторить споры, которые велись вокруг работы проф. П. Н. Сакулина «Социологический метод в литературоведении». Мы остановимся только на главе третьей, трактующей о литературе, как социальном факте. Нам думается, что ознакомление с тезисами этой главы и с результатами, к которым Келтуяла приходит в итоге применения своих многочисленных методов в этой области, достаточно будет для того, чтобы показать, насколько механически профессор Келтуяла понял марксизм и как далеки его многочисленные «методы» от марксистского метода.

Профессор Келтуяла установил два основных вида влияния литературы на читателя: первый случай — это влияние произведения данного класса на читателя данного класса, второй случай — влияние писателя одного класса на читателя другого класса. Скажем: дворянское произведение читается дворянином, дворянское произведение читается буржуа. По обычной логике выходило так, что чем данное произведение более насыщено феодальными мотивами, тем оно в большей степени помогает оформлению феодального сознания дворянина и тем больше оно препятствует развитию анти-феодальных идей у буржуа. Профессор Келтуяла считает это глубочайшим заблуждением. Его закон воздействия писателя на читателя гласит: «Если данное литературное произведение является воплощением типичных черт феодально-дворянской психологии, то оно, как комплекс определенных общественно-классовых переживаний, вызывает, и притом в усиленной степени, у буржуазного читателя ряд более или менее сильных переживаний, проникнутых анти-феодальным духом» (стр. 44).

Для рабочего класса, таким образом, чрезвычайно вредно распространение среди буржуазии романа Гладкова «Цемент», ибо заключенное в нем — воплощение типичных черт пролетарской психологии «вызывает и притом в усиленной степени» у буржуазного читателя ряд более или менее сильных переживаний, проникнутых анти-пролетарским духом. Наоборот, для рабочего класса чрезвычайно полезно комплектовать свои библиотеки, скажем, произведениями Бунина, Мережковского и Куприна, являющихся «воплощением типичных черт феодально-дворянской и буржуазной психологии», ибо чтение этих произведений «вызовет и притом в усиленной степени» у рабочего читателя ряд более или менее сильных переживаний, проникнутых анти-феодальным и анти-буржуазным духом».

И чего мы только смотрели до сих пор? Печатали у себя каких-то Безыменских, Гладковых, когда необходимо было добиваться опубликования романов Мережковского и Куприна, поэзии Гиппиус и Бальмонта. Все это происходило, вероятно, потому, что мы недостаточно вслушались в келтуяловскую «науку».

Почему, однако, не разгадали этого келтуяловского закона литературного воздействия наши марксисты-литературоведы?

Да по той простой причине, что они пользовались единым «недифференцированным» марксистским методом, а профессор Келтуяла этот единый метод расщепил на двадцать методов и для одного познания своих мудрых законов влияния писателя на читателя пользуется специальным энергетическим методом, который в свою очередь распадается на целых шесть методов: психо-энергетический, первичный социально-энергетический, состоящий из двух методов: классово-энергетический и общественно-энергетический; затем литературно-энергетический метод, заключающий в себе целых три метода: вторичный социально-энергетический, формально-энергетический и филолого-энергетический. Вот до какой тонкости профессор доходит! Где тут нашим марксистам тягаться с профессором Келтуялой.

Все эти бесценные методы с большой очевидностью выдают тот факт, что профессор Келтуяла, иная к марксизму, пока лишь словесно принял его. То обстоятельство, что профессор Келтуяла формально подчиняет свои методы «единому великому социальному методу», не спасает его от того, что он остается монистом на словах и плюралистом по существу. Устанавливая бесконечное количество методов, профессор Келтуяла на проверку заменяет технический прием исследования понятием «метод», при чем утверждение автономности каждого из этих методов сугубо выдает, насколько профессор Келтуяла не усвоил историзма и диалектики марксизма.

И. Нусинов

IV. ХРОНИКА

ПЛЕНУМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

(Стенографический отчет. 29 января 1927 г.)

Тов. Покровский. М. Н. Товарищи, открывая заседание, я не могу прежде всего не вспомнить, что на-днях исполнилась третья годовщина со дня смерти Владимира Ильича Ленина, который хотя формально не принадлежал к нашей академической¹⁾ среде, но в двойном смысле над нашей деятельностью доминировал. Во-первых, он был одним из тех, кто, если можно так выразиться, стоял у купели нашей Академии и был ее восприемником, потому что рождалась наша Академия весной 1918 г. и Владимир Ильич при обсуждении устава этой Академии, тогда еще Социалистической Академии, в Совнаркоме сделал целый ряд указаний, которые, правда, потом были реализованы не нами — другими учреждениями, но вышедшими из той же Коммунистической Академии. Это — одна сторона.

Но нужно сказать, что без Владимира Ильича Академия и вовсе не возникла бы, так как значительная часть членов Совнаркома смотрела настолько скептически на положение вещей, этой части казалось, что не стоит и огород городить и не стоит создавать такого учреждения, ибо у него нет и не может быть никакого будущего. Главное возражение заключалось в том, что все люди, могущие научно работать, у нас заняты сейчас на работе советской и партийной, что научно работать им некогда и что, стало-быть, в Академии будут работать не те люди, которые должны там работать, или же не будет работать вообще никто. Это замечание, по-моему, блестяще опровергнуто жизнью. В дальнейшем мне придется еще коснуться вопроса о степени участия наших академиков в работе Академии. Здесь, действительно, есть пробелы, на которые необходимо указать, но тем не менее Академия живет, работает и превратилась в очень крупное учреждение. И тому, что она, вообще, существует как учреждение, мы обязаны Владимиру Ильичу.

А так как задачей нашей Академии является применение метода ленинизма, в первую очередь, к общественным явлениям, то и тут, в этом отношении, Владимир Ильич является нашим общим учителем. Нужно сказать, что с каждым годом приходится открывать все новые и новые стороны в нем, как в руководителе. Недавно, взявшись за тему «Ленин и внешняя политика», мне пришлось открыть, что Ленин, например, превосходно предугадывал те ситуации мировой политики, которые были или очень далеки от него, когда он писал, как, например, предсказывал позицию Носке, когда писал в 1908 г., или же открылись нам только благодаря секретным документам разных правительств, опубликованным в последнее время, а Ленин их великолепно расшифровал без всяких секретных документов, просто благодаря своему замечательному, математически-точному ленинскому чутью. Например, англо-русский конфликт времен империалистической войны. Этот конфликт нам теперь известен, поскольку

¹⁾ Владимир Ильич был избран членом Академии, но так как сделалось известно его отрицательное отношение к этому избранию, то я не уверен даже, что оно ему было официально сообщено. М. П.

мы имеем секретную переписку русского министерства иностранных дел с целым рядом других иностранных дипломатов, но в то время у Ленина ничего кроме грубого газетного материала не было и, на основании этого газетного хаоса, Ленин великолепно всю эту сеть подпольных интриг установил. Часто то, что мы читаем сейчас в секретных документах, является иллюстрацией к определенной статье Ленина. Таким образом, с разных сторон и во всех направлениях, иногда самых неожиданных, Ленин является нашим учителем. Вот почему мы не можем не вспомнить 3-летнюю годовщину его смерти, не почувствовать особенно тяжело его отсутствия. Как раз вопросы внешней политики стоят сейчас в центре, и не иметь такого руководителя, как Ленин, для нас громадная потеря.

Другая потеря более свежая. Это—поскольку этот товарищ был уже членом нашей Академии. Я имею в виду Леонида Борисовича Красина.

Леонид Борисович прежде своим присутствием в числе членов Академии напоминал о героической поре самой Академии. Мы, видите ли, хотели сначала охватить не только общественные науки,—за это нас били потом,—не только науку, вообще, марксистским методом, что мы пытаемся делать сейчас, мы хотели охватить и технику, и народное хозяйство. Тогда был введен целый ряд товарищей, в том числе и т. Красин и т. Кржижановский, как именно представители техники, как представители хозяйства. Но из этого широкого начинания ничего не вышло. И Леонид Борисович, насколько я помню, особенно энергичного участия в делах нашей Академии не принимал. Тем не менее все-таки в тот период, так, примерно, в 1919—20 гг., он наши заседания посещал, на них бывал и в прениях участвовал. Но я не помню, чтобы он прочел хотя бы один доклад, потому что он был занят всякого рода хозяйственными вопросами. На нем оправдался тот скептицизм некоторых товарищей из Совнаркома, которые вообще предсказывали, что от недостатка работников наша Академия погибнет. В общем и целом это оказалось не верным, но тем не менее кое в чем это оказалось и верным. Но вместе с тем считать Никитича, эту легендарную фигуру первой революции 1905—07 гг., в числе своих членов, это была большая честь для нашей Коммунистической Академии и потеря его, как товарища, хотя и не одного из наших постоянных работников, потеря эта очень для нас всех тяжела. Когда мы хоронили его на Красной площади, то я думаю, что многие из нас хоронили вместе с ним и большой кусок нашего собственного прошлого.

Я не буду заниматься сейчас воспоминаниями о Леониде Борисовиче: у нас сейчас не вечер воспоминаний. Очень жаль, что из-за отсутствия докладчика нам не удалось поставить специальное заседание, посвященное его памяти.

Позвольте к этим двум покойникам присоединить и третьего покойника, чужого нам в партийном отношении, но близкого потому, что он погиб жертвою тех же самых сил, с которыми борется Коммунистическая Академия и которые затравили его.

Я имею в виду покойного профессора Каммерера, которого затравили за то, что он, не будучи сам большевиком, пошел на службу к большевикам, согласился стать у нас во главе биологического отделения Секции естественных и точных наук, хотел работать в Советской России. Как только это стало известно, вся та старая ненависть против этого последовательного материалиста, столь ненавистного всему поповству, которое там обретается в очень большом количестве в научных учреждениях, вся эта ненависть снова вспыхнула, травля вновь поднялась и он, уже утомленный всем предшествующим, травли этой не выдержал. В лице Каммерера мы лишились очень крупной силы, которая подняла бы соответствующую часть нашей Академии на очень большую высоту.

Но я думаю, что та коллективная работа, которую повела Академия в целом, сделала ее работоспособным и сильным учреждением, несмотря на то, что в значительной степени оправдалось карканье тех, кто говорил, что некому будет работать. Товарищи, позвольте вас просить почтить вставанием память всех трех, хотя и в совершенно разной степени, и по совершенно разным основаниям, но близких Академии покойников. *(Все встают).*

А теперь, товарищи, позвольте перейти к деловой части нашего собрания, к тому отчету, который я должен дать. Я полагаю, что вы теперь не заставете меня давать тот устный отчет, который я давал обыкновенно, потому что мы все-таки, до известной степени, свое обещание дать отчет печатный исполнили. Правда, он не напечатан, а только стеклографирован, правда, что стеклографирован не совсем удачно, что там есть довольно странные опечатки, как, например, в том месте, где я говорю, «что молодежь хлынула на лекции Коммунистической Академии в 1918 г.» (эта не похвальба, это факт исторический), здесь напечатано, что «молодежь хлынула из лекций Коммунистической Академии». Ну, что же делать, лиха беда начало. Так что во всяком случае нечто, письменный документ, мы теперь имеем. Это уже большой шаг вперед. Я надеюсь, что в будущем, не очень далеко, вы будете иметь не такую неопрятную с опечатками тетрадь, а будете иметь изящную брошюрку, снабженную диаграммами, схемами и т. д., легко обозрваемую, легко читаемую, которую чрезвычайно будет приятно держать в руках и затем приятно будет разослать и, между прочим, послать и за границу. Как-никак, товарищи, лиха беда начало. Мы уже имеем письменный отчет, на пленарном заседании до сих пор мы такого отчета не получали. Это, конечно, избавит меня от необходимости вычитывать то, что в этом отчете написано. В этом нет никакой надобности, поскольку каждый может прочесть и исправить те опечатки, которых уже не так много. Я поэтому в части положительной отмечу только крупнейшее, что сделала Академия в промежутке между прошлым пленумом, который происходил в июне месяце, и теперешним пленумом.

Тут, прежде всего, нужно, приходится, принять в расчет количественную сторону. Я уже в своем введении к отчету указал на то, что мы сейчас издаем 5 журналов, мне кажется даже больше, но 5 журналов мы издаем во всяком случае. Пять журналов, тогда как при основании Академии у нас не было никакого периодического издания, а потом долго был один журнал—«Вестник Коммунистической Академии». Это, конечно, большое достижение. В общей сложности в промежуток между прошлым и нынешним пленумом мы выпустили 14 книжек разных журналов и большое количество различной литературной продукции, если не ошибаюсь, около 150 печатных листов. Это все за одно полугодие. Заседаний мы имели за это время 37, при чем нужно считать, что «за это время», это значит с конца сентября месяца потому, что до конца сентября были каникулы. Таким образом, в три месяца мы имели 37 заседаний, т. е. почти по 13 заседаний каждый месяц. Таким образом, можно сказать без всякого хвастовства, что деятельность Академии шла полным ходом и что—я это сказал в прошлом своем введении,—что сейчас, за исключением старой Академии Наук в Ленинграде, нет научного учреждения в СССР с более широким районом деятельности, с более интенсивной деятельностью, более мощной научной продукцией, чем наша Академия. Это со стороны общей картины.

Теперь перехожу к отдельным вопросам. Приходится констатировать, во-первых, явное доверие правительства к деятельности нашего учреждения, выразившееся в том, что нам был передан на заключение и обсуждение, что мы и выполнили, новый проект Земельного кодекса. Это чуть ли не первый случай, во всяком случае, один из первых, в советской истории, что определенный правительственный проект передается на заключение научному учреждению. В данном случае первым научным учреждением, которое должно было вынести свое заключение по этому поводу, была наша Коммунистическая Академия.

Второй крупной задачей, также почетной, которая также на нас была возложена выше, это был юбилей Бакунина, который мы осуществили не только в том смысле, что создали комиссию, устроили заседание, но и в том смысле, что мы подготовили к печати собрание сочинений Бакунина, его писем и других документов, вышедших из-под его пера и т. д. Это другая крупная работа.

Наконец, приходится вспомнить, хотя это уже не относится к данному полугодью, что как раз на-днях, чуть ли не сегодня, исполнилось 5 лет со дня основания при Коммунистической Академии курсов марксизма, которые

созданы специально в целях повышения теоретической квалификации нашего руководящего партийного персонала. Инициатива принадлежала Д. Б. Рязанову. Эти курсы постепенно, в течение 5 лет, превращались в настоящее регулярное учебное заведение с двухлетним курсом, с довольно разработанной схемой лекций, семинарских занятий, которое каждый год будет выпускать порядочное количество практических партийных работников высшей квалификации. Это другой образец того объединения теории и практики, параллельный тому, о котором я говорил. То нам передают на заключение, на обсуждение правительственный законопроект, другая связь теории и практики — эти самые курсы, которые теоретически подготавливают практиков — марксистов, партийных работников. Таким образом, с разных сторон наша Академия выходит из своей скорлупы, связывается с жизнью и должна связываться, конечно, гораздо теснее, чем связывалась до сих пор. Курсы марксизма, это, конечно, есть известный способ массового просвещения, осуществляемого Академией. Но, разумеется, это способ слишком недостаточный, недостаточно тех 50—60 человек, которых мы будем выпускать ежегодно. Конечно, желательно, чтобы Академия была более прочно связана с жизнью, чтобы она обросла целым рядом подобных учреждений, которые бы обслуживали гораздо более широкие круги, чем партийную верхушку.

Товарищи, повторяю, в отчете уже есть все, что нужно; все вы можете прочесть, и я могу процитировать. Если в прениях обнаружится недостаточное знакомство с этим отчетом, то товарищи, которые будут в прениях выступать, члены президиума, могут пополнить эти отдельные пробелы. Так что сейчас я не буду вас задерживать и тратить много времени на перечисление наших заслуг и достоинств. Но совершенно необходимо остановиться на тех недостатках, которые у нас имеются. На этом остановиться совершенно необходимо, тем более, что тут в значительной части имеются объективные условия, которые преодолеть президиуму Коммунистической Академии оказалось не в мочь, но которые, может быть, дружным напором всех академиков будут, так или иначе, преодолены, или по крайней мере предупреждены на будущий год.

Прежде всего, приходится констатировать факт несколько тревожный, хотя, конечно, факт этот еще слишком краток, если можно так выразиться, взят слишком краткий период, чтобы тревога могла быть слишком серьезной. Мы — ленинцы, а Ленин, как я сейчас упомянул, предсказал Носке еще в 1908 г., у него чуть было очень острое и он по маленькому симптому, задолго, предсказывал большие вещи. И мне приходится сигнализировать один симптом довольно тревожный; одно время мне даже казалось, что положение хуже, чем на самом деле. Позвольте, так сказать, исторически подойти к делу. В первую минуту нам показалось, что в области наших материальных ресурсов наша Коммунистическая Академия достигла, так сказать, потолка. Вы знаете, это выражение из области авиации. У каждого аэроплана есть свой потолок, т.-е. такая высота, выше которой он подняться не может. Мне показалось, что мы этого потолка достигли потому, что, если брать брутто ассигнования прошлого года и нынешнего года, они почти равны. И в том и в другом случае мы фактически получили 1.200 тыс., т.-е. рост бюджета Коммунистической Академии как-будто остановился. Ближайший анализ показал, что я был слишком большим пессимистом, потому что в эти 1.200 тыс. руб. в прошлом году входили некоторые единовременные ассигнования.

Если взять нормальный бюджет, то в прошлом году он составлял 1.030 тыс., а в нынешнем году — 1.200 тыс. с лишним. Увеличение приблизительно на 16—17%. Так что увеличение несомненно есть, но нужно сказать, что потребности Коммунистической Академии возросли шире и что, например, в области научной работы у нас имеется недостаток уже весьма серьезный. Нам нужно было не менее 130 тыс. рублей, а нам дали всего 88 тыс., и то еще не уверенное, ибо, как вы знаете, бюджет ЦИК'а еще не прошел через все инстанции, и хотя сомнительно, конечно, чтобы с ним что-нибудь случилось на Сессии ЦИК'а, но тем не менее случиться может¹⁾. Таким образом,

1) Фактически и действительно случилось: «научные расходы» были срезаны еще на 10 тыс. р.

мы имеем недостаток в весьма серьезной цифре. Правда, нас утешают тем, что зато сильно увеличены наши штаты... Они, действительно, сильно увеличены. Увеличены, примерно, на $\frac{1}{6}$ сравнительно с прошлым годом, и, таким образом, мы можем меньше тратить на аккордные, и всякого другого рода сделного характера работы и больше загружать работой наших штатных сотрудников, число которых увеличилось. Это верно, известная компенсация здесь есть, но, как ни как, факт тот, что на непосредственные научные расходы нам дано тысяча на 40 меньше того, что нужно было реально, потому что эта цифра — 130 тысяч — была вычислена до рубля. Это — несомненный факт, который возбуждает некоторую тревогу. Еще большую тревогу возбуждает валютный фонд нашей библиотеки.

Наша библиотека — это лучшее собрание свежей иностранной литературы, какая только существует в Москве и, как я в своем отчете указал, может быть лучшей библиотекой Союза, если брать, вообще, всякую литературу. Конечно, по некоторым Отделам Института Маркса и Энгельса по литературе стоит выше. (т. Рязанов: «Институт Маркса и Энгельса отличается именно тем, что он имеет только старую литературу». Голова: «Вы скромничаете»). Так или иначе, но это главный наш козырь, главное, чем мы выделяемся среди других библиотек и чем в значительной степени оправдываем свое существование.

В нынешнем году нам отпустили в валютном фонде на библиотеку столько, что мы еле-еле покрыли свои долги за прошлый год. Если я ошибаюсь, то пусть Г. К. Дерман меня поправит. В январе нынешнего года мы вынуждены были прекратить выпуск почти всех иностранных журналов из-за границы. В такое положение поставлено учреждение, в составе которого имеется Институт мирового хозяйства и мировой политики.

Это же, т. т., положение, которое по своему трагизму напоминает оперетку. Что же это такое? Как можно изучать мировое хозяйство и мировую политику на основании «Правды», «Известий», «Экономической Жизни» и т. д.? Положение совершенно неестественное. Так как именно валютная смета еще не утверждена, то может быть тут голос, или, как будет вернее выразиться, вопль всей Академии нам чем-нибудь поможет и нас из этого опереточно-трагического положения выведет. Нельзя себе представить смысла библиотеки Коммунистической Академии без свежей иностранной литературы, это вещь совершенно невозможная.

Я хочу остановиться еще на одной вещи. Вы знаете, конечно, это мне приходилось говорить и на пленуме в июле месяце, что Коммунистическая Академия живет чрезвычайно тесно, что мы буквально набиты со своими учреждениями, как сельдь в боченке. Я очень сожалею, что мы собрались в такой слишком приличной комнате (смея), потому что это дает ложное представление о жилищных условиях Коммунистической Академии. Ведь кажется, что если у нас президиум собирается в такой приличной комнате, то и вообще живут прилично. Я бы предпочел, товарищи, чтобы мы собирались на чердаке или в сарае, но чтобы наши научные учреждения были помещены прилично. Они помещены не по-человечески. Они ютятся буквально по углам, как беспризорные, разбросаны в разных местах и помещениях, совершенно непригодных для этого. Наша библиотека находится в уголовном по пожарной угрожаемости состоянии, и в любой момент наш президиум Коммунистической Академии можно посадить на скамью подсудимых за то, что миллионные достоинства Союза он подвергает такой опасности, какой подвергается наша библиотека, которая живет в этих двух купеческих особняках, тоже на манер сельдей в боченке. Положение, как видите сами, совершенно невозможное. Но тем не менее на строительные кредиты мы не получили ни гроша, несмотря на то, что другие учреждения, не столь повидимому стесненные, как наше, подобного рода ассигнования получили. Я знаю целый ряд таких учреждений, потому прошу не видеть здесь какого-нибудь персонального намека (смея).

Все это вместе взятое наводило меня на мысль о некотором потолке, которого мы достигли. Правда, говорят, что это еще не потолок, что потолок несколько выше, но я думаю, что наше заявление в этом случае, та резолю-

ция, которую мы примем, они должны несколько отдалить этот потолок, и дать возможность вздохнуть Коммунистической Академии, поскольку речь идет о ее учреждениях в буквальном смысле этого слова.

Это все относительно нашей материальной базы, — приходится начинать с материальной базы. Но если мы перейдем к нашей научной работе в тесном смысле этого слова, то тут также рядом со многими светлыми сторонами мы кое-что увидим и темное. Прежде всего, темной тенью являются те 50 академиков, состоящих в наших списках, которые только состоянием в этих списках напоминают, что мы имеем честь считать их в числе своих сочленов и никаких других признаков их существования у нас нет. Между тем как раз Академия включает в состав своих действительных членов, по-моему, все то, что есть наиболее выдающегося в области марксизма в СССР. Едва ли можно назвать хотя бы одного крупного марксиста, который не был бы членом нашей Академии. Но оказывается, что соль, если и не совсем перестала быть соленой, то во всяком случае несколько утратила это качество. Это очень тяжелое положение. Тяжело положение в особенности потому, что напор молодняка снизу громадный. Мы имеем колоссальное количество молодых людей не только коммунистов, но и беспартийных, которые жаждут у нас учиться. В конце-концов, руководитель так называемого углубленного семинария в учебном заведении, стоящем выше Вуза, оказывается загруженным так же, как пожалуй, рядовой преподаватель школы 2-ой ступени. Вы сами согласитесь, что обслуживать эти углубленные семинарии более трех невозможно, а нам приходится обслуживать и 5 и 7. Объясняется это тем, что соответственная деятельность членов Академии слишком мало проявляется. Целый ряд товарищей, которые, несомненно, по своим данным имеют возможность быть такими руководителями молодняка, никакого руководства не ведут и на самом деле не принимают, вообще, никакого участия в деятельности Коммунистической Академии. Это обстоятельство вынудило нас внести в проект устава, который был внесен на утверждение Президиума ЦИК СССР, статью, согласно которой член Коммунистической Академии, в течение года ничем не проявивший свою принадлежность к этому учреждению, выпадает (Голоса: Ого. Шум) и может быть оставлен только на основании специального постановления пленума, если есть к этому, конечно, уважительные причины, которые объясняют его отсутствие. Потом этот срок (один год) был изменен на 2 года. Я должен сказать, что введя это либеральное изменение одного года на два, мы мысленно трактовали участие наших членов Академии тоже самым манчестерским образом: всякий товарищ, который придет хотя бы на одно заседание одной из Секций и выступит хотя бы однажды в прениях, уже считается участвующим, всякий товарищ, принимающий участие в коллективном редактировании одного из наших органов, точно так же считается участвующим. Так что тут никаких жестких мер, никакого потовыжимательства, в котором Московский университет в 1918 г. обвинял советскую власть, ничего подобного здесь нет. Но тем не менее, необходимо все-таки поставить серьезно вопрос о том, работают ли мы, члены Академии, в Академии или нет.

Тут помимо того, что многие не участвуют, приходится еще отмечать и то, что многие члены Академии несут свою продукцию в другие места, читают свои доклады, печатают свои работы не в наших изданиях и не на наших заседаниях. Это — первое. Второе, оно вытекает из первого, то, что у нас чрезвычайно слабо обслуживается молодняк, который стремится к нам, как он стремится во всякие другие места, где он может получить известные знания. Обслуживание этого молодняка у нас поставлено чрезвычайно слабо и пришлось внести в проект резолюции специальный §, который указывает членам Академии на то, что мы должны быть в гораздо большей степени учителями этого молодняка, чем были до сих пор. Нам необходимо выработать какие-то весьма солидные организационные формы, которые сделали бы нас тем, чем в сущности являются ученые во всем буржуазном мире, т.-е. руководителями молодых ученых. Ведь никто не может себе представить старого университетского ученого, который работал бы в одиночку. Он всегда опирается на известную группу молодежи, с которой ведет работу. Это делали даже наши буржуазные старые ученые, вроде М. М. Ковалевского, но этого

не умеем мы. Если мы занимаемся научной работой, мы запираемся у себя в кабинете и как можно дальше отгоняем от этого кабинета всех окружающих, даже и тех, кто мог бы помочь. Исключения, конечно, есть, но эти исключения более учебного характера. Сам молодняк привыкает к этому, и у него складываются чрезвычайно индивидуалистические привычки. Пока человек работает в семинарии, скажем хотя бы в Институте Красной Профессуры, ведется коллективная работа. Но как только он кончил, он улетучивается, избирает свою собственную тему, отрывается и, в конце-концов, вместо того, чтобы быть полезным участником известного коллектива ученых, связанных организационно и работой, получается новый ученый, иногда даже ученый фантаст, поскольку все его размышления недостаточно зрелы и масса научной энергии тратится совершенно зря. На эту сторону дела, таким образом, следует обратить внимание.

Это — что касается общих дефектов нашей работы. Они довольно значительны. Но страдают дефектами и некоторые отдельные наши учреждения. К числу таких принадлежит упомянутый Институт мирового хозяйства и мировой политики. Товарищи, это ведь колоссальной важности учреждение, в особенности в настоящих условиях. Что мы вошли в мировую зону, в зону, напоминающую то, что предшествовало 1914 г., это не подлежит никакому сомнению. Все, что совершается во всем мире в области экономической и политической, должно кем-то браться на учет. Наши газеты выполнить этой работы никоим образом не могут просто потому, что для газет соответствующий материал слишком тяжел. Газеты ежеминутно, ежедневно должны перестраивать свою установку. У них центр внимания перебегает, и читатели газет часто через неделю забывают то, что было неделю тому назад, и что даст результат через неделю или две. Необходим постоянно действующий орган, который регистрировал бы мировую жизнь в плоскости хозяйства и политики и давал бы ежемесячную или в крайнем случае трехмесячную сводку того, что происходит во всем мире, основанную на свежем документальном материале. К сожалению, наш Институт этого не делает, не делает потому, что в нем никто не работает. Институт держится одним т. Спектатором, но он всего делать не может. Положение Института приходится объявить поэтому угрожающим и воззвать к товарищам, в особенности к т. Осинскому, который является директором этого Института. Иначе мы стоим перед опасностью, что у нас возьмут эту задачу, так как не подлежит никакому сомнению, что и партийные центры и советские великолепно сознают необходимость такого учреждения и необходимость постоянного наблюдения за всем, что делается на свете, это делает кто-то другой, какое-то другое учреждение и это будет очень стыдно для Коммунистической Академии, которая основала этот Институт, вытребовала, как известно, кредит и не оправдала тех расходов, которые падают на него.

Что касается других учреждений Коммунистической Академии, то они работают, по крайней мере, некоторые из них работают очень хорошо. Тут одно учреждение не похоже на другое. Так как часть хвалебную я сконцентрировал более или менее в своей маленькой записке, то к этому я возвращаться не буду. Там вы найдете указание на достижения Секции права и государства, очень большие в особенности для того, кто знает в каком положении у нас находится марксизм в области права, где работников чрезвычайно мало. Нет дисциплины, которая бы обладала большей отталкивающей силой по отношению к марксизму, как юриспруденция. Так же успешна работа и других наших учреждений.

Я не стану, чтобы дело не носило характера личного хвастовства, останавливаться на чрезвычайно живой работе Общества Историков-Марксистов. Кстати, эта работа очень живая в прошлом году, в связи с юбилеем 1905 г., немножко приостановилась в этом, хотя все-таки мы имеем целый ряд интересных докладов.

Я не буду останавливаться на Секции естественных и точных наук, потому что один из образчиков этого вы будете иметь в настоящем заседании. Дело в том, что Коммунистическую Академию упрекали и упрекают до сих пор в том, что она, подобно известному гоголевскому персонажу, всегда выше

своей сферы, точно пролетарий какой, и старается объять необъятное, занимается не только общественными науками, которые ей предопределены, но пытается заняться и естественными науками. «Насколько это нужно?» — применение марксистского метода в сфере естественных и точных наук. Эти возражения мы постоянно слышим, и по этому поводу на нас постоянно вешают собак почти в буквальном смысле слова. Товарищи, для того, чтобы это отпарировать, я нарочно привел в своем введении выдержку из директив XII Съезда партии, директив, которые до сих пор никем не отменены и которые нам предписывают заниматься естественными науками. Для нас, товарищи, это столь же обязательно, как и любой параграф нашей программы. Мы не можем не заниматься естественными науками, это для нас чрезвычайно важно. С другой стороны, говорят, что будто бы у нас только фирма существует этих естественных и точных наук, что на самом деле ничем серьезным в этой области у нас не занимаемся. Для того, чтобы это опровергнуть, мы поставили на сегодняшнем пленуме наше нововведение, надеюсь, что оно привьется, первый доклад директора Института по изучению высшей нервной деятельности, Д. С. Фурсикова, который мы заслушаем в этой аудитории, и на основании этого доклада вы сможете судить сами, что у нас не только на вывеске имеются естественные и точные науки, т.е. на вывеске нашего бюджета, а мы действительно этим занимаемся. Почему нужно этим заниматься, это решила агитационно-пропагандистская секция XII Съезда и возвращаться к этому не стоит, это написано в этой нашей тетради и каждый может прочитать; кстати, это место без всяких опечаток, так что не вызывает никаких недоразумений. Таким образом, и эта секция также работает достаточно хорошо. И вот тот факт, что у нас, на ряду со слабыми местами на нашей броне, имеются и хорошо работающие сильные учреждения в нашем составе, он вдохновил нас такой дерзостью, что мы не только не свертываем своей работы, как повидому хотели бы некоторые товарищи, а, наоборот, расширяем и ставим сейчас философскую Секцию, отсутствие которой чрезвычайно чувствовалось у нас. В самом деле, это — курьезная вещь, что учреждение, которое претендует развивать начала марксизма и ленинизма во всех областях знания, не имело специальной секции для такой области знания, как диалектический материализм, и мы им занимаемся только попутно со всеми другими делами. Это мы собираемся устранить, и вопрос о создании философской Секции у нас поставлен.

Продолжает развиваться, как было постановлено на прошлом пленуме, и Секция литературы и искусства. Она тоже работала довольно дружно, поставила целый ряд докладов и по-моему и в дальнейшем собирается работать не менее продуктивно.

Таким образом, Коммунистическая Академия, несмотря на то, что как будто показался над ней потолок, тем не менее храбро продолжает развиваться и далее и будет развиваться все дальше и дальше и превратится в то, чем должна быть — в крупнейшее научное учреждение СССР.

Эта мечта, казавшаяся мечтой в чистом виде 4-5 лет тому назад, в настоящее время не столько мечта, сколько мечтание о будущем, несколько не менее реальное, чем всякие другие наши мечтания относительно нашего социалистического строительства, которое все больше и больше из мечты превращается в действительность, в реальность и часть которого составляют работы нашей Академии.

Я нарочно дал сравнительную картину того, чем мы были в 1917-18 г. г. и того, что мы представляем собою сейчас, в своем введении. Я хотел указать, как на этом участке наш рост превзошел все наши ожидания. Я считаю, что это может быть очень хорошо, что мы начинаем с самокарканья и говорим всегда: «не выйдет, не выйдет» и т. д. Это прекрасное, по-моему, педагогическое средство, которое нас подстегивает и заставляет более энергично работать. И в результате сама идея дает такие достижения, дает такие итоги, которые нам самим пять лет тому назад показались бы невероятными.

В заключение, товарищи, по поводу идеологической линии Коммунистической Академии. Буквально два слова. Вам известно, что первое заседание Коммунистической Академии в нынешнем году было поводом для выступления

всей нашей оппозиции и что на этом заседании Коммунистическая Академия и ее президиум заняли совершенно определенную точку зрения, которая этому президиуму рисуется как настоящая ленинская точка зрения. Не было, к счастью, даже со стороны нашей оппозиции, я не слыхал, по крайней мере, ни одного указания на то, что столь высокое научное учреждение должно быть нейтрально, должно быть «выше политики». Слава богу, все мы достаточно марксисты, ленинцы и коммунисты, чтобы этого никто не говорил. Но я должен указать, что такая занятая нашим президиумом в этом случае и его учреждениями четкая позиция также должна представляться всем совершенно естественной. Мне пришлось слышать от одного товарища года два тому назад очень меткое сравнение нашего буржуазного мира и нашего коммунистического мира, — ну, буржуазный мир тоже до известной степени наш, поскольку мы окружены этим миром. В буржуазном мире, — говорит этот товарищ, — всякий молодец на свой образец. Там всякий ученый имеет свое мнение. Всякий ученый начинает с того, что собирает мнения разных ученых, которые работали в этой области до него. Это первая задача, до сих пор свято соблюдаемая в наших научных исследованиях. То, кто хочет стать аспирантом, прежде всего заставляют прочесть 100-150-200 книг, которые написаны по этому вопросу другими учеными. И только когда он окончательно одурет, только тогда его сажает за самостоятельную работу. И не слишком спеша, не чрезмерно торопясь, он начинает эту свою работу, преодолеваемый грузом этих десятилетий и столетий, которые он только что прочел. Отсюда эклектизм есть, с точки зрения буржуазной науки — необходимое условие научности. Эклектик — это идеал буржуазного научного работника, эклектик — это человек, который гадает по методу гоголевской невесты и рассуждает примерно так: вот если бы к бровям Иван Ивановича да прибавить рот Петра Петровича, да так, чтобы был нос Сергей Сергеевича, а глаза Василь Васильевича, то тогда и получится то, что нужно. Точно так же если взять кусочек мнения одного ученого, да прибавить к нему кусочек мнения другого ученого, а затем кусочек мнения третьего ученого, то тогда и получится настоящая истина.

Так вот, этот товарищ, мнение которого я сейчас цитировал, очень метко говорил, что так — у буржуазной науки. А у нас есть одна линия, *одим* научный метод. Если в нашей среде встречаются два мнения, то для нас совершенно ясно, что одно из них несомненно ошибочно, и что мы должны найти верное мнение и за это мнение стоять. У нас никаких разногласий в науке быть не может. И вот на этой позиции, что никакого нейтралитета в науке быть не может и что Коммунистическая Академия должна всегда вести линию Ленина при каких бы то ни было обстоятельствах, мы и надеемся, что пленум в этом отношении нас поддержит.

Проф. Д. С. Фурсиков. Мой отчетный доклад о деятельности Института по изучению высшей нервной деятельности является первым; поэтому я считаю необходимым предварительно ознакомить вас с методами, которыми мы пользуемся при изучении поведения животных и человека. В своих исследованиях мы ограничиваемся исключительно объективной стороной дела. Мы изучаем, какими физиологическими законами определяется реакция животного в ответ на то или другое раздражение. Этим самым я отнюдь не хочу сказать, что мы совершенно отрицаем наличие состояний сознания у человека; но мы, физиологи, считаем, что наша работа в области изучения человека и в особенности животных может быть чрезвычайно плодотворной при совершенном игнорировании субъективных явлений. Объективное направление в изучении поведения животных и человека имеет всего 30-летний возраст; для науки это возраст, пожалуй, не младенческий, а грудной; тем не менее уже сейчас имеется громадный материал, который дает нам возможность почти целиком предсказывать и объяснять факты из поведения животных. Наоборот, субъективный подход неоднократно подтверждал свою несостоятельность. Далее, оказывается, что и человек точно так же подчиняется в своем поведении законам, установленным объективным физиологическим путем. Нам нередко приписывают всякие нелепости вроде того, что мы не видим разницы между человеком и собакой, что мы человека считаем за мешок, наполненный ре-

флексами и т. д. Мы никогда не стремились утверждать, что все поведение человека исчерпывается законами нервной деятельности, установленными на животных. На человеке сейчас изучаются только элементарные процессы, так как в интересах плодотворности задачи умышленно ограничиваются условия, в которых протекают его реакции. При этом в этих опытах необходимо подчеркивать не то, что мы имеем дело с элементарными процессами на элементарное раздражение, а то, что человек в своих реакциях роковым образом подчиняется установленным для него законам нервной деятельности независимо от его хотения или нехотения.

В приспособлении к окружающей среде человек не удовлетворялся своими биологическими рецепторами — органами чувств; он старается расширить, уточнить их. Таким образом появляются микроскоп, телескоп, радио... Параллельно с эволюцией рецепторной функции мозга идет эволюция моторной функции. В начале это проявляется главным образом в развитии функции руки, но когда нехватает и рук, на смену появляются орудия, машины и т. д. Возникновение речи и письма, возникновение общественных взаимоотношений чрезвычайно усложняют поведение человека. И предъявлять к физиологии нервной системы требования объяснить эти сложности в настоящее время совершенно бессмысленно. Разрешение этих проблем будет осуществлено, конечно, не одной физиологией, а целой серией наук; но мы смеем надеяться, что метод всюду останется объективным. Мне кажется, что и физиология, изучающая поведение животных и человека, и марксисты подходят друг к другу с разных концов, идя одной и той же дорогой. Вы исходите от сложного, давая материалистическое понимание общественных взаимоотношений, трактуя таким образом историю и т. д. Вы имеете уже за собой историю и общий философский метод. Мы только что приступаем к работе и надеемся, что Комм. Академия, которая объединяет в себе виднейших представителей в области научно-теоретического марксизма, использует со временем и наши материалы для того, чтобы окончательно покончить с идеалистическими и виталистическими течениями.

Основным методом, которым мы пользуемся при изучении высшей нервной деятельности, является метод условных рефлексов. И животное, и человек имеют целую серию нервных механизмов, которые функционируют сразу после появления живого существа на свет. Благодаря этим механизмам осуществляются наиболее примитивные нервные процессы, так называемые, безусловные рефлексы, с помощью которых достигается известное уравнивание между организмом и окружающей средой. Среди безусловных рефлексов сейчас наиболее изучены оборонительный рефлекс, пищевой, ориентировочный и половой. Для изучения нервных процессов практически выгоднее пользоваться оборонительным и пищевым рефлексами. Оборонительный рефлекс проявляется главным образом в двигательной реакции животного в ответ на разрушительное раздражение. Если новорожденного щенка или собаку с удаленным головным мозгом раздражать электрическим током, то в ответ на раздражение получится отдергивание раздражаемой лапы. Таким образом реакция осуществляется здесь без участия коры головного мозга. Если голодному животному положить в рот пищу, то оно начинает ее разжевывать, затем проглатывает, при чем в это время пища обрабатывается пищеварительными соками: слюной, желудочным соком и т. д. Здесь уже наряду с мышечной функцией — жевание — имеется второй компонент (пищевой реакции) — отделение пищеварительных соков — секреция. В обоих случаях раздражитель действует непосредственно на животное, реакция же может осуществиться и без участия головного мозга. На фоне любого безусловного рефлекса у животного в течение жизни вырабатывается бесконечное множество высших рефлексов, так называемых условных, с помощью которых осуществляются более тонкие связи между организмом и окружающей средой. Если какой-либо раздражитель действует на кору головного мозга и в то же время осуществляется какой-либо безусловный рефлекс, равным образом вызывающий очаг возбуждения в коре, то между ними образуется связь, и после нескольких применений этот раздражитель один, сам по себе будет вызывать безусловную реакцию. Впервые лабораторным путем условный рефлекс был получен акад. И. П. Павловым. И. П. Павлов

пользовался в своих опытах пищевыми рефлексами. Если собаке давать пищу во время действия какого-либо индифферентного в пищевом отношении агента, наприм., во время звонка или после нескольких раз один звонок вызовет пищевую реакцию: собака будет облизываться, у нее начнется слюноотделение.

В 1907 году ученик Павлова, Красногорский, впервые выработал двигательный условный рефлекс у человека. В 1909 году в лаборатории Бехтерева Протопопов получил оборонительный условный рефлекс у собаки. Методика, которую применял последний автор, страдала некоторыми недостатками, чем и объясняются разногласия в выводах, сделанных на основании его работ, и работ, произведенных в лаборатории И. П. Павлова.

В прошлом году прив.-доц. Пермского университета Петропавловским, работавшим в нашем институте в качестве экстерна, была выработана совершенно новая методика, которая, как нам кажется, имеет значительные преимущества не только перед методикой Протопопова, но в некоторых случаях и перед секреторной методикой. В нашей методике ответ на условные раздражения проявляется в виде тонической реакции, которая прекрасно регистрируется на кривых. Кривая же позволяет анализировать нервные процессы, протекающие в коре мозга.

Я упоминал здесь пока только об оборонительных и о пищевых рефлексах. В настоящее время физиологическая методика расширилась еще в том отношении, что подвергаются изучению так называемые рефлексы на автоматическое раздражение. Суть заключается в следующем: если вы изменяете химизм организма животного, предположим, вводим какой-либо яд, например, морфия, то морфия, введенный в достаточном количестве, вызывает явления отравления, характеризующиеся слюнотечением и затем рвотой. И вот оказывается, что если вы вызываете химические изменения в организме и одновременно применяете посторонний агент, то и здесь, как и при случае пищевых рефлексов, образуется условный рефлекс. Т.-е. если сопровождается отравление морфием хотя бы стуком метронома, то после нескольких сочетаний метроном один вызывает ту же самую реакцию, как и морфия. Этот факт настолько постоянный, настолько очевидный, что мы его когда угодно можем демонстрировать. Опыты с морфием были проделаны сотрудником института Крыловым, когда он еще находился в Ташкенте. Необходима дальнейшая работа в этом направлении, так как, мне кажется, это позволит нам уяснить механизм таких явлений, как наркомания и т. д.

Работа нашего Института охватывает самые различные стороны изучения высшей нервной деятельности. Я сейчас остановлюсь только на одном вопросе, именно на вопросе о локализации — расположении нервных центров в коре головного мозга, так как в этом вопросе вам будет наиболее убедительно показана связь различных отделов Института и преимущества всесторонней проработки вопроса, когда используются для одной цели различные методы. Вопрос о локализации, т.-е. расположении центров в различных отделах головного мозга, имеет за собой уже 80-летнюю давность, хотя до настоящего времени далек еще от своего разрешения. Наука в разрешении этого вопроса шла двумя путями: исторически первым методом является французский метод экстирпаций, т.-е. удаления различных отделов мозга. Впоследствии этот метод получил широкое распространение и в Германии, благодаря работам Гольца и Мунка. Суть этого метода заключается в том, что животному оперативным путем удаляется тот или другой участок мозга, а затем отмечаются изменения в поведении животного. Эти нарушения проявляются или в виде расстройств движения или же в виде расстройств восприятия. Двигательные расстройства, довольно отчетливо выраженные в течение первых дней после операции, с течением времени обычно восстанавливаются. Что же касается расстройств рецепции, то о них судить на основании субъективной оценки почти невозможно, поэтому даже такие выдающиеся экспериментаторы, как Гольц, Мунк, Леб, ограничились длиннейшими и туманными описаниями собачьего внутреннего мира, толкуя его по аналогии с собою. Вопрос запутывался все более и более. И здесь особенно ценные услуги оказал метод условных рефлексов. Благодаря этому методу вы можете лабораторным путем, синтетически получить целый

ряд деятельности, при чем по желанию вызвать их в любое время (достигается это путем выработки целой серии условных рефлексов на различные раздражители). Затем оперативным путем у животного удаляется тот или другой участок мозга и совершенно точно устанавливается, какие из ранее выработанных деятельностей сохранились и какие исчезли. Это соединение методов условных рефлексов и метода экстирпаций в значительной мере вытеснило путаницу из учения о локализации и дало возможность акад. И. П. Павлову установить целый ряд новых фактов в этой области. Но этого оказалось недостаточно. Дело в том, что при удалении различных участков мозга мы пользовались грубыми анатомическими признаками: бороздами и извилинами, следовательно удаляли те или другие извилины. Но извилины эти часто варьируют, и у вас не всегда имеется гарантия того, что вы удалили именно тот участок, который вам необходим.

В настоящее время, благодаря гистологическим достижениям в учении о тонком строении мозгового вещества, создается и новая топография мозга. Принимаются в расчет расположение клеток мозга, расположение волокон, их взаимоотношения и на основании различных структурных комбинаций создается учение о так называемой архитектонике мозга, при чем весь мозг разделяется на отдельные зоны—*area*. Таким путем детально разработаны мозг обезьяны Brodmann'ом и Cambell'ом и мозг человека. Аналогичная работа ведется у нас в Гистологическом отделе заведующим отделом, проф. Гуревичем, совместно с его учениками. В настоящее время проработаны мозг собаки, обезьяны и кошки. Работа эта чрезвычайно кропотливая и тонкая и требует значительных затрат времени. Делаются тончайшие срезы, при чем каждый 4-й идет в обработку и подвергается обследованию. Но вместе с тем эта работа должна быть проделана кем-то. И мы смеем надеяться, что результаты, полученные Гистологическим отделом, будут использованы не только нашим Институтом, но и другими лабораториями Союза и за границей. Конечно, одна архитектоника ровно ничего не даст в понимании деятельности центров; но имея перед собой карту мозга, мы можем рассчитывать с большим вероятием на успех. У нас осуществляется самый строгий контроль того, что удаляется во время операции, так как вырезанные куски идут в обработку, и гистологи, которые не видят, что удаляется на операции, на основании структурных особенностей вырезанного участка подтверждают или опровергают правильность операции. Следовательно теперь все нарушения, обнаруженные после операции, обуславливаются выключением уже известного пункта. В нашем Институте метод экстирпаций с последующим контролем уже был осуществлен при изучении условно-рефлекторной деятельности, главным образом у обезьян. В качестве нововведения мы ввели регистрацию нарушений путем заснятия их в кино. В особенности это важно при изучении моторных расстройств. В качестве иллюстрации я приведу вам снимок, сделанный с обезьяны, у которой была удалена так называемая моторная зона. При удалении этой области у собак хотя и получаются расстройства, но они скоро выравниваются. У обезьяны передняя конечность играет гораздо более важную роль, соответственно этому и участок мозга, регулирующий так называемые произвольные движения, у нее развит гораздо сильнее. Поэтому нарушения, развивающиеся после экстирпаций, у нее выражены гораздо резче. Здесь я прошу отметить вас, что рука у обезьяны не парализована окончательно (*Демонстрируется фильм*). Если ей что-либо попадет в большую руку, она может задержать этот предмет, но то, что называется произвольным движением, и то, что у нас носит название условно-рефлекторной реакцией, исчезает у нее окончательно.

Кроме изучения локализации двигательной функции, мы изучаем также локализацию воспринимающих центров. Методика наша такова. Обезьяна кормится в определенном месте при действии какого-либо раздражителя, например, при показывании ей красного круга или стучания метронома. Очень быстро вырабатывается рефлекс, т.е. обезьяна бежит на показывание круга к месту кормежки. После удаления 17, 18 и 19 зон, которые составляют затылочную долю с обеих сторон, условные рефлексы на зрительные раздражения исчезают, а на звуковые сохраняются. Из этого следует, что восприятие

цветов и анализ их осуществляется в затылочной доле. Наши опыты не согласуются с опытами американского психолога Franz'a, но впоследствии при гистологическом контроле оказалось, что Franz удалял не полностью зрительную зону. Это лишний раз доказывает, насколько целесообразно подходить к разрешению одного и того же вопроса, пользуясь данными различных дисциплин.

Из всего вышеизложенного следует, что метод экстирпаций совместно с методом условных рефлексов является основным методом, и здесь предстоит грандиозная работа.

Но при всех его достоинствах, метод экстирпаций страдает многими недостатками. Прежде всего, оперативное вмешательство вызывает травму, шок, который совершенно спутывает картину на первых порах после операции. Затем начинаются вторичные перерождения участков мозга, которые были случайно затронуты операцией и, наконец, в позднейшем периоде развивается рубцовая ткань, которая давит на мозг и может вызвать приступ судорог, подчас ведущий к смерти животного. Все эти обстоятельства побудили нас искать новых методов; об одном из них я считаю нужным поделиться. Мы вырабатываем у животного целую серию условных рефлексов, затем под наркозом обнажаем мозг. Эта операция не оставляет почти никакого следа. Затем, когда животное уже оправится и реагирует на внешние раздражения, как нормальное, мы ставим его в станок и испытываем условные рефлексы. В дальнейшем на тот или другой участок мозга накладывается фильтровальная бумага смоченная кокаином. Кокаин является веществом вызывающим наркоз, поэтому корковый центр, к которому он прикладывается, выключается из деятельности центральной нервной системы. Если кокаин удалить и обмыть соответствующий участок мозга физиологическим раствором, центр снова приходит в нормальное состояние. Пока мы пользовались этим методом только для выяснения положения центра кожной чувствительности.

На ряду с изучением морфологии и функций нервных центров головного мозга, мы стремимся сейчас выяснить также и химический состав последнего. Уже в работах японца Sono установлено особое химическое средство стрихнина к определенному участку мозга. В Химическом отделе нашего Института проф. М. Я. Серейским уже установлены химические стандарты различных частей мозга. Сейчас заканчивается исследование, позволяющее проникнуть в химизм нервной деятельности при таких состояниях как возбуждение и торможение.

Необходимо отметить, что корковые центры работают не изолированно. Организм реагирует, как целое. И поэтому в особенности интересны наблюдения, которые показывают, что деятельность высших отделов мозга неразрывно связана с низшими подкорковыми центрами. Изучение этих низших отделов в особенности интересно потому, что им, повидимому, принадлежит функция регуляции химизма в организме. Такие процессы, как аффекты, повидимому, тесно связаны с деятельностью подкорковых центров.

Некоторые достижения в изучении химизма оказываются интересными не только в теоретическом, но также в практическом отношении. В лаборатории проф. А. А. Богомольца были установлены условия, при которых животные (рысистые лошади) оказывались наиболее приспособленными к мышечной работе и одерживали победу на бегах. К сожалению, я сейчас не могу подробно останавливаться на этих деталях.

Подводя итоги всей нашей работе за отчетный год, мы испытываем чувство некоторого удовлетворения, так как работа наша не прошла даром. Нами получены некоторые методические достижения, получены новые научные факты. В институт идут и едут со всех сторон научные сотрудники различных специальностей.

Но должен сказать, что на будущее перспективы у нас более чем печальны и в смысле средств на научные расходы и в смысле помещения. И только исключительно доброжелательное отношение Президиума Комм. Академии, и в частности, его председателя т. Покровского и заведующего секцией Естественных и Точных наук т. Шмидта, воодушевляет нас к дальнейшей научной работе, несмотря на крайне тяжелые условия.

Тов. Покровский. Товарищи, в виду того, что сейчас будут прения по моему докладу, я считаю не совсем удобным, чтобы они велись под моим председательством. Поэтому я предложил бы т. Милютину занять председательское место.

Тов. Мещеряков. Тов. Покровский в своем докладе доказывал, что мы имеем право и должны заниматься естественными науками. Мне кажется несколько странным, что приходится доказывать такого рода положения. Я бы хотел, чтобы т. Покровский в следующем своем докладе этого бы вопроса более не касался, чтобы этот вопрос был окончательно решен. Англичане говорят, что лучшим доказательством вкуса пуддинга служит то, что его едят. Точно так же лучшим доказательством того, что мы можем и должны заниматься естественными и точными науками, был бы тот факт, что мы ими здесь занимаемся. Но трудно, по моему мнению, ожидать, что мы сразу сможем поставить естественные науки, если мы будем опираться только на наши коммунистические силы, сверх меры перегруженные. Ведь мы коммунисты — специалисты в области политики. Среди коммунистов мы мало найдем специалистов в области точных наук, в области физиологии и т. п., которые кроме того, имели бы досуг и возможность заниматься здесь этим делом. Все они заняты общественной, партийной и советской работой. Мне думается, что для того, чтобы усилить эту работу и освободить М. Н. Покровского в следующий раз от необходимости доказывать здесь словами вкус пуддинга, следовало бы усилить те силы, которые совершенно в нашем направлении приступили бы к изучению различных вопросов в области точных наук в стенах нашей Академии. Другими словами, мне думается, что следует обсудить вопрос, нельзя ли пополнить наш состав некоторыми учеными, которые, не будучи коммунистами, однако, стоят всецело на материалистической точке зрения и которые в своей работе чрезвычайно близко сходятся с нами. Конечно, в этой области нам надо быть чрезвычайно осторожными. Но мне думается, что таких ученых можно найти и что они принесли бы большую пользу нашему делу.

Второе маленькое замечание по поводу собственных дел. Тов. Покровский жаловался на тех товарищей, которые очень редко и мало принимают участие в работе Академии. Я принадлежу к этим членам, но должен сказать, что у меня и у моих товарищей нет никакой возможности посвящать больше времени нашей Коммунистической Академии. Слишком велика перегрузка всякими другими и притом неотложными делами. Кроме того, я зачислен в другие учреждения, если не конкурирующие с Комм. Академией, то ставящие себе некоторые одинаковые с нею научные задачи — я имею ввиду Международный Аграрный Институт, членом правления которого я состою. Надо войти в наше трудное положение и не судить нас слишком строго за нашу слабую работу в стенах Коммунистической Академии.

Тов. Милютин. Товарищи, кто еще желает высказаться? Так как никто не просит слова, то я возьму слово для тех предложений, которые мы вносим от имени Президиума о дальнейшей работе Комм. Академии.

В области теоретической работы приходится констатировать, с одной стороны, обострение интереса, с другой стороны, несомненное возникновение опасности в смысле взятия неправильной линии. В настоящее время, например, как вам всем здесь присутствующим известно, в области философии, диалектического материализма, наметились по крайней мере два борющихся между собой течения. Среди членов Академии имеются сторонники и того и другого направления: сторонники так называемого механического направления и сторонники, во главе которых стоит т. Деборин, более последовательного диалектического материализма. Мы полагаем, что если сейчас не приступить к определенной систематической проработке вопросов по философии, не взяв определенной твердой линии в смысле привлечения к этим вопросам внимания и сил наших коммунистов-теоретиков, то может получиться то, что эти два направления оформятся, как самостоятельные, окристаллизуются и тогда борьба с теми, которые неизбежно будут отходить от линии диалектического материализма, от линии ленинизма, борьба

с ними будет более тяжела. Поэтому Президиум Коммунистической Академии намечает сейчас, как одну из основных работ, работу секции по философии, которую мы здесь образуем во главе с т. Дебориным.

Далее. Мы на прошлом заседании Академии констатировали слабость нашей *литературной секции*. К нынешнему пленуму можно сказать, что работа оживилась, и поставлен ряд докладов. Но вместе с тем все же приходится признать, что сейчас в литературной области настолько еще слабо ведется работа, настолько товарищи не выработали определенной линии, что на каждом шагу, по каждому более или менее крупному литературному явлению и в любой области искусства нам приходится сталкиваться с отсутствием критической марксистской линии и критического марксистского подхода. В этом отношении у нас существует еще разброд. Секция намечала здесь совещание по вопросу о литературной критике. К сожалению до сих пор это совещание не состоялось в стенах Академии. Но этот вопрос назрел в области нашей идеологии, это не подлежит сомнению. На эту сторону вопроса точно так же надлежит обратить серьезное внимание.

Наконец, в области проработки международного экономического положения и международной политики. Здесь уже М. Н. Покровский говорил о нашем Институте Мирового Хозяйства и Мировой Политики. Вы знаете те прения, которые велись в стенах Академии, особенно относительно стабилизации капитализма. Несомненно выдвигается необходимость углубленной теоретической проработки всех вопросов, связанных с мировой политической и экономической. Тут уже т. Покровский отмечал тот перелом, который мы начинаем чувствовать во всем ходе капиталистических стран, т.-е. перелом в сторону оживления милитаризма, роста фашизма, и определенно вырисовывается военная опасность. Ясно, что сейчас изучение состояния мировой экономики и отсюда определенные политические выводы, которые мы должны будем делать, требуют систематической и всесторонней проработки этих проблем. В Москве существует целый ряд институтов и учреждений, которые занимаются этими вопросами. При Госплане существует отдел, занимающийся мировой экономической конъюнктурой, при Наркомфине существует конъюнктурный институт, который также изучает экономическую мировую конъюнктуру. Но это именно учреждения, которые изучают лишь данную конъюнктуру. Более углубленной проработки общих экономических вопросов мы не имеем. В других учреждениях, напр., в Коминтерне, эти проблемы тесно увязываются со всей политикой Коминтерна, но там нет возможности вести научную проработку. Поэтому к нам при любом пленуме Коминтерна обращаются за материалом, за целым рядом справок. Таким образом, сейчас, как очередная задача, выдвигается задача усиления Института Мирового Хозяйства и Мировой Политики. Здесь без привлечения авторитетных сил, сил академиков, мы этой задачи не сможем разрешить. Вы знаете, что журнал «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» недурно ведется, журнал содержательный, интересный. Но только журналом ограничиться абсолютно не представляется возможным. Тут необходима проработка проблем мировой экономики.

Вот по этим направлениям нам придется сейчас развернуть работу более усиленным темпом.

Вместе с тем я бы хотел отметить еще следующее. *Исключительно важная задача Коммунистической Академии заключается в привлечении молодых работников*. У нас до 70 человек научных сотрудников из молодежи, окончившей Красную Профессуру. Из них сейчас вырабатываются серьезные научные работники. Вы можете об этом судить по их работе в Комм. Академии. Я укажу в области экономики. Если мы возьмем такой журнал, как «На аграрном фронте», имеющий довольно большое распространение и влияние на агрономов и на людей, занимающихся специальными вопросами нашей аграрной политики, нашего сельского хозяйства, то мы увидим следующее:

В первый год его существования передовые статьи писались, главным образом, знакомыми нам лицами, довольно узким кругом редакторов, куда входят т. т. Крицман, Дубровский и др. Но через два года, сейчас, если вы посмотрите, то увидите, что выдвинулся целый ряд работников, которые своими работами заполняют журнал. Организовался кадр молодых наших товари-

щей - коммунистов, теоретиков в области сельского хозяйства. Сюда нужно отнести т. т. Раевича, Веремничева, Гайстера, Кубанина и целый ряд еще молодых работников, которые выросли на наших глазах и вырабатываются в серьезных работников. О такой же эволюции можно судить и по нашему «Вестнику Комм. Академии». Сейчас все чаще и чаще на страницах «ВКА» вы встречаете на ряду с фамилиями старых товарищей, к теоретическим работам которых мы уже привыкли, целый ряд молодых товарищей, которые выдвинулись. В области экономики укажу на т. Ронина, который пишет по теоретическим вопросам. В области философии мы также имеем такого рода товарищей, которые начинают выступать, напр., т. Милонова. В области истории мы наблюдаем такое же явление. Так что эта непосредственная задача Комм. Академии — воспитание новых теоретиков, которые должны притти к нам на смену, — она уже начала выполняться. Но эти работники жалуются, и совершенно в праве жаловаться, на то, что руководство их работами недостаточное, недостаточно руководство со стороны товарищей, которые стоят во главе наших секций и наших институтов. И эту работу нам нужно усилить во чтобы то ни стало — *это прямая обязанность Комм. Академии*. Если у нас не создастся направления, школы, если не будет преэминентов выдержанных, теоретически воспитанных в определенном направлении, то, несомненно, для будущего и для ближайшего будущего у нас могут быть серьезные затруднения для всего нашего развития. *Выработка теоретиков - коммунистов из молодых научных сотрудников — это наша прямая задача, и на эту задачу мы должны обратить самое серьезное внимание.* Тов. Мещеряков был совершенно прав, когда говорил, что целый ряд наших товарищей настолько перегружен, что их к непосредственной работе будет трудно привлечь. Но на десятом году Октябрьской революции нужно научиться распределять определенным образом свою работу и уметь руководить и тем самым подтягивать те силы, которыми мы руководим. В этом отношении нам и предстоит определенная работа в Комм. Академии. Нам придется, несомненно, приступить систематически к подбору научных сотрудников. Их у нас 70 человек. Время от времени мы устраиваем им чистку. Выделяются наиболее способные. Со - временем с каждым годом мы будем входить на каждый Пленум с представлением новых членов, которых мы будем считать необходимым ввести в члены Коммунистической Академии. В нынешний Пленум одно из таких представлений мы будем здесь делать.

Вот те задачи, которые намечаются, — основные задачи для дальнейшего развития деятельности Комм. Академии, не говоря о тех, так сказать, более второстепенного характера вопросах, которые стоят.

Я хотел бы отметить еще один момент — слабость нашей теоретической работы, которая, как ни странно, заключается в отсутствии определенного натиска на буржуазную теорию. В течение последних шести месяцев мы каждую неделю ставили один или два доклада. Сейчас насчет докладов у нас недостатка нет. Публика на них сейчас ломится. Скандалы происходят не из-за того, что нет публики, а из-за того, что слишком много публики. Нам устраивают форменные скандалы, потому что нельзя вместить всей публики, которая хочет слушать наши доклады. Не хватает помещений для наших докладов. Даже секционные доклады, более узкие, чисто теоретического характера привлекают громадное внимание, громадную публику и из наших центральных советских органов и из центральных партийных учреждений, а также и районную публику. Кроме того, поступил целый ряд предложений из Харькова, из Ленинграда, из Киева, из Туркестана относительно поездок с докладами туда на места. Так что в этом отношении интерес вырос значительно. Но, как минус, хочется подчеркнуть, что натиск на буржуазную теорию у нас происходит очень слабо.

Далее мы должны отметить, что среди ученых СССР намечается определенное течение, приближающееся к нам, и часть из них, несомненно, начинает к нам более или менее близко подходить. Тот вопрос, который поднял здесь т. Мещеряков, может получить реализацию в смысле привлечения к нам части ученых, или некоторых хотя бы, на первое время, из них единиц. Этот вопрос, несомненно, своевременно сейчас поставить.

Тов. Преображенский. Я хотел коснуться некоторых вопросов, отчасти затронутых т. Милотиным. Задача, которая была поставлена пленумом Комм. Академии относительно объединения научной работы с аналогичными учреждениями, местными институтами, до сих пор у нас не выполнена. Может-быть было бы целесообразно, в виде первого начинания, устроить нечто вроде конференции всех научных организаций, более или менее родственных по своей работе Коммунистической Академии. Если бы нам удалось хотя бы однажды в год в определенный срок устраивать такую конференцию под руководством Академии всех родственных институтов, возможно, что у нас после соответствующего обмена мнениями на этих конференциях удалось бы более или менее выяснить пути к выполнению той задачи объединения, которая была поручена нам предыдущим пленумом.

Теперь второй вопрос — относительно докладов Коммунистической Академии перед более широкой аудиторией. Разумеется, доклады научного свойства, доклады, которые сами по себе представляют только момент в научно-исследовательской работе, поскольку обсуждение доклада означает коллективную форму исследования, продолжение индивидуально-исследовательской работы, такие доклады не могут быть перенесены на широкую аудиторию. Можно перенести нечто такое, что уже более или менее проработано научно. Но все-таки такая связь с более широкими массами, более широкой публикой для Академии абсолютно необходима. Кроме того, к сожалению, мы до сих пор являемся московским, а не всесоюзным учреждением, с точки зрения организации наших докладов. Мы сделали только маленькую попытку показаться в провинции. Провинция требует более справедливого распределения научных сил или, по крайней мере, более справедливого распределения докладов. Я думаю, что этому пора пойти навстречу и проводить это более систематически. Я думаю, что мы могли бы устраивать следующее: Академия публикует темы докладов, которые имеют научный интерес и могут быть прочитаны в провинции. Провинция делает заявки на те или иные доклады и тем самым на докладчиков и получает их. Должен также напомнить, что нам не удалось осуществить намечавшийся план связи с рабочими районами, а именно, чтобы некоторые доклады Академии зачитывать в рабочих районах Москвы. Этого нам не удалось сделать.

В борьбе с буржуазной наукой мы недостаточно активны. Я к этому вполне присоединяюсь и должен подтвердить это некоторыми фактическими данными. Возьмем, напр., вопросы социологии, допустим, немецкую социологию последних нескольких лет. Работы таких немецких социологов, как: Теннис, Вебер и другие, в нашей литературе почти совершенно не освещаются, докладов на эту тему мы не имеем. Это говорит о том, что мы чрезвычайно запаздываем с реакцией на все то новое, что появляется в буржуазной науке в Европе, и на что нужно реагировать гораздо более быстро. Возьмем, напр., американскую школу в политической экономии. И здесь как следует мы не реагируем. Я мог бы привести и другие примеры. Мы имеем факты, когда к нам просачивается ряд идей, которые считаются новенькими и модными в европейской буржуазной науке, в то время как наши руководящие товарищи не удосуживаются во-время познакомиться со всем этим и дать им оценку.

Нужно указать на некоторые отрицательные явления среди нашей молодежи, которая занимается наукой. Научная культура среди нашей подрастающей молодежи, которая должна нас сменить, недостаточно высока. Это отмечают все, которые наблюдают работу значительных кругов нашей молодежи на научном поприще. Если старики перегружены (некоторые здесь объяснили, почему они в работах Академии принимать участия регулярно не могут), то среди молодежи основательно занимается все же меньшинство. Что касается большинства, то подготовка из нее серьезных научных работников подвигается медленно, хотя государство дает для этого достаточно возможностей. От молодежи теперь мы можем требовать несколько больше того, что мы требовали до сих пор. Лучше было бы для молодежи работать больше, печататься реже (тов. *Рязанов*: «Не печатать своих работ ни в Академии, ни отдельными томами»). Печататься реже, а работать над тем, что хочешь печатать, больше.

Теперь я хотел бы коснуться еще вопроса о том, что мировая экономика и мировая политика, как уже отметил т. Милютин, освещаются у нас слабо. Я согласен, что нам надо работу Института мирового хозяйства развернуть в гораздо большей степени. События нас опережают и по этой части. Мы действительно приближаемся к ситуации 1914 года, мы должны предвидеть события. А нужно признать совершенно откровенно, что мы ни одной обобщающей работы, которая бы схватывала тенденции послевоенного капитализма, капитализма последних годов,—мы ни одной такой работы не имеем. А между тем ни о каком научном анализе тенденций мировой политики не может быть и речи, пока мы не поняли основных тенденций современного мирового хозяйства. Нужно обратить внимание наших исследователей сил именно на этот участок, где завязываются узлы очень важных событий.

В заключение я хотел бы сказать два слова по поводу того места доклада М. Н. Покровского, который касался абсентеизма членов Академии. Названная им цифра академиков, не принимающих никакого участия в жизни Академии, меня ужаснула и заставила подсчитать, действительно ли так обстоит дело. Тов. Покровский указал, что из наших 66 членов Академии около 50 человек вообще никакого участия в академической работе не принимают. Ужасная цифра. Я взял список членов Академии и пересчитал, кто за последние два-три года принимал хоть какое-либо участие в нашей работе: или выступал с докладом, или участвовал в нашей периодической академической прессе, или же участвовал в прениях, которые велись по докладам,—одним словом, в той или другой форме появлялся в Академии. Мой подсчет приводит к следующему результату. Из 66 членов Академии все-таки 36 человек принимали известное участие в нашей работе. Это не значит, конечно, что у нас дело обстоит благополучно. Если абсентеизм равняется 30 из 66, то это все-таки явление весьма печальное. Поэтому, поправляя здесь немножко пессимистическую цифру т. Покровского, к выводу его я присоединяюсь целиком. Приходится призвать неработающих членов Академии показать в наступающем году хотя бы какую-нибудь работу в рамках нашего учреждения.

Тов. Спектатор. Я разрешаю себе сказать несколько слов по поводу Института, мирового хозяйства и мировой политики. Повидимому, интерес к этому институту стал значительным благодаря последним событиям, которые, как совершенно правильно указал т. Преображенский, нас в значительной мере опередили. Институт был создан, главным образом, с целью углубленного изучения внешней политики Соед. Штатов. И над этими проблемами он просидел около трех четвертей года или даже около года. Потом предстали перед ним некоторые другие проблемы после того, как ушел т. Ротштейн и на его место был назначен т. Осинский. Мы перешли отчасти и к изучению других проблем. Но те товарищи, которые взяли на себя задание в одной области, одновременно не могли взять на себя еще и другие задания. Пришлось искать новых товарищей. Затем у нас имели место постоянные перемены в составе научных сотрудников. Некоторые товарищи поступали к нам на время, потом уходили на другие работы или уезжали из Москвы. Вообще, вопрос о сотрудниках для института, квалифицированных, с определенным направлением и настроением, был чрезвычайно трудным. До сих пор он не разрешен.

В самое последнее время мы поставили себе задачу — изучение капиталистического окружения СССР именно под углом зрения интервенции. Но само собою разумеется, что такого труда, как «Мировое хозяйство после войны», серьезного труда, установка на который у нас сделана, мы не могли дать в такой короткий срок. Между прочим, я лично над этим вопросом работаю уже несколько лет и не знаю, удастся ли мне в течение ближайших лет приступить к окончательной обработке материала, который я собираю, хотя частично я уже выступал в прессе. Нам, конечно, не удастся дать научный ответ на все возникающие злободневные вопросы. У нас имеются определенные задания, и их приходится выполнять с большим трудом. Главным образом, наша работа все-таки сосредоточивается на журнале. Может быть журнал не

совсем удачный, но надо иметь в виду всегда то, что он обслуживается очень узким кругом сотрудников института, одними и теми же лицами (за немногими исключениями). И само собою разумеется, что когда каждый месяц приходится из себя выжимать определенное количество материала для журнала, то этот материал не может всегда стоять на должной высоте. К этому надо прибавить определенные требования, которые предъявляются к нам со стороны целого ряда учреждений. В этом отношении институт по изучению высшей нервной деятельности находится в более благоприятных условиях, чем мы, потому что их не отвлекают на повседневные запросы и требования с различными заданиями, от которых нам отказываться нет никакой возможности. И если бы т. Рязанов знал, что эти запросы вместе с их заданиями отнимают значительную часть времени у научных сотрудников (Тов. Рязанов: «Я говорю,— т. Буденый узнает об опытах института над лошадьми с сахаром, он прекратит всякую другую работу института, кроме работы над лошадьми»). Я не знаю, что сделает т. Буденый (смех), но что будет делать Англия по отношению к СССР, это вопрос для нас более серьезный. И вот в этом смысле, конечно, наше положение гораздо хуже, чем положение «Института Мозга», так как нас отвлекают целым рядом запросов как со стороны Коминтерна, так и со стороны МК, со стороны СНК и т. д., для которых мы так или иначе собираем материалы, представляем докладные записки и во всяком случае известным образом содействуем их работе. Не выполнять их заданий не было возможности. Мы считаем, наоборот, желательным быть связанными с этими учреждениями и стать центром тех научных интересов в этой области, которые так или иначе выдвигает наша практика и наша жизнь.

Словом, я хотел сказать, что при трудных условиях работы нашего института мы все-таки сделали довольно много, так как некоторые научные работы выполнены и готовы к печати. Они могли бы появиться в печати, если бы условия издания их были более благоприятными. Точно так же и журнал был бы лучше поставлен, если бы издательские условия были лучшими. Нельзя закрывать глаза и на то обстоятельство, что если не платят гонорара, то не ко всякому можно обращаться с предложением работать для журнала, и приходится фактически составлять журнал почти исключительно силами сотрудников института.

Затем в последнее время мы начали устраивать доклады. У нас было два доклада. Один доклад был по вопросу об английской забастовке. На этот вопрос мы отозвались не только докладом, но и брошюрой, которая была выпущена Госиздатом. Затем был доклад по вопросу о стабилизации капитализма т. Радека с довольно оживленными прениями. Мы теперь тоже по инициативе т. Радека предполагаем либо посвятить несколько номеров журнала вопросу об интервенции, либо выпустить сборник на эту тему, либо поставить специальный доклад по этому вопросу. Следовало бы такой злободневный вопрос так или иначе поставить в рамках института. Но товарищи, работающие в институте, загружены целым рядом работ, они взяли на себя определенные задания в смысле научной работы, они, кроме того, занимаются журналом, дальше, они доставляют материал различным нашим учреждениям, они отвлекаются, наконец, злободневными событиями — от них требуют статей для наших органов печати. Я также считаю, что было бы желательно, чтобы наши сотрудники не так часто писали, не так много сотрудничали в органах печати, но к нам из редакции «Правды», точно так же как и из редакций некоторых других органов, обращаются довольно часто с предложениями писать статьи по тому или другому вопросу.

Исходя из всех этих моментов, я считаю, что мы сделали то, что было возможно. Что нужно расширить круг деятельности института, что нужно усилить состав его и т. д., с этим я совершенно согласен. Но, в общем, оценивая работу, которая была проделана институтом, я должен сказать, что мы сделали не меньше того, что мы могли сделать, даже, может-быть, в известном смысле больше того, чем могли. Некоторые работы еще не всем известны, хотя подготовлены к печати. Под нашей редакцией, напр., вышла работа т. Лященко. Теперь мы составили большой сборник по мировому хозяйству, правда, переводных работ, но с нашей редакцией, с нашим введением

(появится в Госиздате). На будущий год мы составляем ежегодник по мировому хозяйству и мировой политике. Он даст в сконцентрированном виде все основные документы, основные факты, нечто в роде *Schultheiss Gesechichts kalender*. Мы не говорим уже о тех небольших работах, которые у нас до сих пор выходили. Поэтому, оценивая все это вместе, я думаю, что Институт выполнил в общем и целом свои задания и что в этом отношении он во всяком случае не заслуживает никакого упрека, а наоборот.

Тов. Покровский. Кому угодно слово, товарищи? Больше как будто желающих нет.

Тов. Горев. Я хотел сказать относительно того пункта резолюции, где предлагается предоставить право президиуму обращаться к членам Академии с заданиями. Я желал бы этот пункт усилить в том смысле, чтобы ввести в Академии, конечно, считаясь с обстоятельствами, с перегрузкой, некоторую моральную дисциплину, чтобы президиум, учитывая занятость членов Академии, их возможности, их способности в той или другой области, все-таки имел право давать определенные задания, чтобы это право президиума было подчеркнуто несколько сильнее, чем это сказано в резолюции.

Тов. Ерманский. Тут указывали на некоторые вопросы, которыми Академия не занимается или занимается в недостаточной мере. Я уже неоднократно указывал на заседаниях пленума Комм. Академии на один вопрос, которым Академия упорно не желает заниматься. Я теперь не думаю на этот счет распространяться по той простой причине, что Академия обнаруживает либо нежелание этим вопросом заниматься, либо равнодушие к нему; поэтому практически бесполезно возбуждать этот вопрос вновь и вновь. Я могу лишь констатировать, что сегодня в заседании президиума состоялись торжественные похороны этого вопроса в окончательном виде.

Вопрос не из третьестепенных. Вопрос о рациональной или научной организации труда является центральным вопросом во всем мире и особенно у нас. В западных странах нельзя взять газету, в которой не было бы статьи о рационализации. Дошло до того, что на последнем пленуме исполкома Коминтерна вопрос о рационализации занял одно из больших мест. У нас в этой области уже давно идет отчаянная борьба. На одной стороне была создана платформа, и не одним коммунистом или марксистом, а всеми почти без исключения; на другой стороне были в общем антимарксистские элементы, ведущие определенную линию, которая коммунистами и марксистами единодушно отвергается, как буржуазная и авантюристическая.

В области чисто практической это дело тоже обострено до крайней степени. Те учреждения, на которые коммунистическая платформа обрушилась, потерпели полный крах по всем линиям, по которым вели свою работу. Это никем не оспаривается. Нет, кажется, ни одного рабочего, ни одного марксиста, который бы выражал согласие с этим течением. Нет ни одного технического кружка или организации техников, которые в той или иной мере солидаризировались бы с этим течением. Нет, пожалуй, и ни одного такого коммуниста, скорее можно назвать такого коммуниста, который раньше выступал на защиту этого течения, а теперь от этой защиты отказывается.

Скажите, в какой другой области возможно такое явление, что проникают авантюристы в вузы и доводят до того, что приходится, удалив их, прекращать на время работу преподавания с тем, чтобы пригласить тех, кто может в этой области дать действительно что-нибудь научное? В какой области возможно такое явление, что студенты перед профессором из того же лагеря закрывают двери на замок, не пуская его на лекцию? Не из одного лишь вуза пришлось с позором уйти целому ряду так называемых профессоров, которые были взяты из того же лагеря: они тоже должны были исчезнуть. Вот до каких скандалов у нас доходит в сфере этого вопроса.

Итак, марксистские элементы, знакомые с этой областью, заняли совершенно определенную позицию. Коммунистическая же Академия сохраняет нейтралитет в этой области. Этот нейтралитет фактически *обозначает поддержку* как раз того лагеря, против которого выступили единодушно коммунистические и марксистские элементы.

Как же это отразилось организационно здесь? Если считать, что наши пленумы собираются по полугодиям, то на нашем пленарном заседании год тому назад я возбудил этот вопрос. Было предложено президиуму заняться выяснением того, что должна сделать Коммунистическая Академия в сфере этого вопроса. На следующем пленарном заседании, в июне прошлого года, когда нам представили отчет о том, что сделал президиум, то оказалось, что президиум ровно ничего не сделал. Мало того, было констатировано, что даже не записана была в протокол резолюция, принятая по моему предложению, при поддержке т. Лебедева-Полянского и Тимирязева. Президиум, как оказалось, забыл, получилось, так сказать, «пропавшая грамота». Мы восстановили этот факт, насчет которого никаких возражений, но и никакой поддержки не было. А так как я все-таки указал на ненормальность «пропажи грамоты», то вместо того, чтобы опять заставить президиум принять какие-нибудь шаги в эту сторону, вместо этого — спихнули все на меня и приняли резолюцию, в которой говорится, что я должен представить проект.

О чем проект, это тоже было перепутано. Резолюция была формулирована так, будто мне надо было представить проект о том, как Комм. Академия будет заниматься «изучением» этого вопроса. На самом деле, как это совершенно ясно из этого же протокола, напечатанного в «Вестнике Комм. Академии», я предлагал другое, а именно: организовать здесь *подготовку преподавателей* по НОТ для вузов. Совершенно ясно, что другое предложение не могло быть принято по той причине, что о нем никто не говорил ни за, ни против, — я один только и высказывался, и никто другой не давал никакой иной формулировки. Очевидно, печатный текст резолюции об «изучении» так же точен, как и многое другое в протоколе. М. Н. Покровский приводил здесь уже искажение в отчете, где вместо слов «бежали в Академию» напечатано — «бежали из Академии». Я говорил по другому поводу о «материализмизм милитанс», а превратилось это в «милитаризмизм мелитос» (смех). Вот с такою же точностью формулировано и постановление о НОТ.

Но не в этом дело, в конце концов. Я являлся несколько раз в Академию и добивался возможности переговорить с президиумом. Так как я не заставал никого, то просил нашего ученого секретаря нащупать почву. Для меня ведь было совершенно ясно, что у президиума нет желания. Из какого источника происходит тут нежелание — это другой вопрос, но нет желания вмешиваться в эту область. А с другой стороны, я знал, я слышал на пленуме, что нет и средств. И вот возникал вопрос о том, целесообразно ли вообще возбуждать вновь этот вопрос, стоит ли тратить время и силы на то, чтобы мне писать какой-то проект, а президиуму заниматься его рассмотрением. Так как мы живем под лозунгом режима экономии, то я считал необходимым выяснить положение, чтобы незаконно не тратить ни своего времени, ни времени президиума.

Но я ничего не добился. Когда, в конце-концов, я пришел на одно из заседаний президиума, то мне одно только и было сказано: здесь напечатано «представить проект», — и потрудись представить проект. На все мои требования сказать мне, о чем писать проект, — мне отвечали: о том, о чем написано в протоколе. Я спрашивал: а вам что нужно, что вы желаете видеть в проекте? Но на этот счет я никакого ответа получить не мог. Зато мне был предоставлен строжайший пятидневный срок. Я решил, что не должен давать с своей стороны поводов к саботажу и поэтому пятидневный срок выдержал: через пять дней проект представил.

Проект этот заключается в том, чтобы удовлетворить тому требованию, которым как раз кончается в представленном нам «Бюллетене» № 3—4 отчет т. Покровского, — требованию учреждения *аспирантуры*, а также тому постановлению, которое было принято на последнем заседании в виде п. 4, там говорилось о том, что Комм. Академия должна иметь известный состав аспирантов, из которых можно было бы вербовать научных работников. Я и приновил свой проект к этому постановлению: мой проект предлагал создать аспирантуру по НОТ, собрать при Академии известное количество научных работников с тем, чтобы из них готовить преподавателей по НОТ, выдержанных в марксистском смысле. Предложение свое я разработал

подробно: указал в нем, откуда, из каких кругов надо черпать этих аспирантов; указал, сколько, примерно, лет подготовка должна продолжаться; ответил и на вопрос, есть ли в настоящее время силы для выполнения этого дела, потому что я слышал раньше на пленарном заседании Академии и на сегодняшнем заседании президиума, что могут встретиться препятствия со стороны недостаточного количества сил. Я указал, что для выполнения этой работы имеется достаточное количество сил, хотя вообще их недостаточное количество; во всяком случае, если ждать, пока их будет больше, то этого никогда не дожидаться. Далее я предложил подробную программу подготовки по основным линиям НОТ — по линии экономики, техники, биологии и по организационной линии. Наконец, я указал, на кого можно будет опираться в этой работе. В частности, весь отдел психо-физиологии можно было бы вести в тесном контакте с нашим Институтом высшей нервной деятельности.

Увы, всего этого оказалось недостаточно. Для меня это не было совершенно неожиданным или удивительным. Я ведь уже знал те причины, в силу которых и президиум, и часть членов Академии, становясь в позу равнодушия в отношении того течения, которое скомпрометировало себя в глазах всех, тем самым становились на поддержку этого течения. Я видел полную безнадежность дела. Поэтому я только одного добивался в президиуме: признайте, что бесплодно рассуждать об этом, что ничего из этого не выйдет прежде всего хотя бы потому, что нет средств, помимо прочего. Но, несмотря на все мои усилия, сегодня было заявлено в президиуме другое: нужно постановить, что мой проект недостаточно разработан. Было указано, что там, напр., сказано, что курсы должны продолжаться два-три года, и поэтому неясно — два или три. Вы видите, какие доказательства недостаточности проекта.

Между тем совершенно ясно, что более подробная разработка проекта требовалась бы только в том случае, если бы с этим проектом непосредственно обратиться за получением денег, скажем, в Ученый Комитет при ЦИК'е. Тогда, конечно, чтобы получить деньги, чтобы двинуть дело вперед, нужно было бы этот проект более подробно разработать. В данном же случае шла речь только о том, чтобы решить заняться этим вопросом. Необходимо было согласие президиума на внесение этого предложения на общее пленарное заседание. Но я ничего не добился.

Мое глубокое убеждение, что и на сегодняшнем заседании пленума я также ничего не добьюсь. Но все же я считаю своим моральным долгом зафиксировать здесь это обстоятельство и заявить: очень скоро наступит время, когда Комм. Академия поймет, что не к числу ее заслуг относится то, что она стала в позу равнодушия и безразличия к такому вопросу, вокруг которого кипят страсти и идет классовая борьба во всем мире и в области которого у нас делается страшно много ошибок. Но сквозь все трудности и трения пробивается свежая струя, которая получила уже всеобщее признание, встречая лишь чисто внешние препятствия. Если Комм. Академия не будет иметь желания или решимости преодолеть эти препятствия, то они так скоро вообще не будут преодолены, и дело будет идти тем же путем стихийных столкновений двух направлений. Но что из этих столкновений, из этой борьбы то течение, к которому я принадлежу, выйдет и практически победителем, — в этом я не сомневаюсь ни на одну секунду. Во мнении пролетарской демократии, во мнении рабочих кругов, во мнении врачей и технических кругов, — всех тех элементов, которые знакомы с этой областью, — это — вопрос давно решенный. Комм. Академия со-временем поймет, что она сделала большую ошибку, но будет уже поздно: вопрос решится и без нее. А пока что наша страна в вопросе о рационализации страдает не только по части подготовки преподавателей, но и вообще по части внесения ясности в эту проблему.

Совершенно ясно, что правильное решение Комм. Академии должно было бы быть иным: она должна была бы выделить из своего состава некоторое количество лиц, которых *обязала бы* ориентироваться в этом вопросе. А то, сколько я ни обращаюсь к Н. И. Бухарину, к И. И. Скворцову-Степанову, к Е. А. Преображенскому и т. д., я всегда получал ответ: «Да мы же не ра-

зобались в этом вопросе». Вот я и спрашиваю: *имеет ли право* Комм. Академия оставаться неразобравшейся в этом круге вопросов? Я поэтому и не обращаюсь с призывом исправить ту ошибку, которая делается до сих пор Комм. Академией. Я просто констатирую этот факт. А практически, конечно, лучше перестать писать проекты лишь для того, чтобы они хоронились президиумом по тому или иному разряду.

Тов. Покровский. Кому, товарищи, угодно еще? Я желающих не вижу.

Тов. Базаров. Я хотел бы поддержать предложение т. Ерманского, хотя и в несколько иной постановке. В настоящее время мы вступили — гласит ходячая формула — в период «реконструкции» нашего народного хозяйства. Между тем опыт последних двух лет показывает, что эта реконструкция, т.-е. техническая и организационная рационализация производства, далеко не дает того эффекта, какого можно было бы ожидать, исходя из теоретических расчетов. На новых стекольных заводах процент брака вырастает в такой колоссальной степени, что в итоге новая техника почти не повышает производительности труда. Заводы сельскохозяйственного машиностроения ввели Фордизм, конвейерную систему, но количество рабочих осталось неизменным и себестоимость продукции не понизилась. Здесь один из самых тревожных симптомов современности (т. Ерманский: «Вы не знаете фактов, когда получаются колоссальные результаты. Я знаю несколько отдельных случаев»). Я говорю не об отдельных случаях, а об общих итогах. Общие итоги, повторяю, удручающие. Несмотря на многочисленные попытки применения НОТ, несмотря на большие затраты на техническое переоборудование промышленности, производительность промышленного труда за последние полтора года не повышается. Выяснение причин, приводящих к тому, что реконструкция и рационализация не дают у нас надлежащего эффекта, есть задача очень сложная и трудная, но вместе с тем чрезвычайно актуальная. Мне кажется, что Коммунистическая Академия, которая всегда связывает свою научную работу с практическими нуждами, должна поставить перед собой эту проблему.

Тов. Суханов. Я бы с своей стороны хотел поддержать т. Ерманского. Речь идет об организации у нас учреждения, которое бы занималось НОТ; так же как и прошлый раз, в этом вопросе я поддерживаю т. Ерманского. Но так как он не изложил полностью и в точности тех основных принципов, которые заставили президиум отклонить его предложение, то я воздерживаюсь от суждения по этому вопросу до того, как я выслушаю мотивировку президиума.

Тов. Милютин. Я хотел бы по этому поводу высказаться. По-моему, тов. Ерманский совершенно неправильно ставит вопрос. В свое время т. Ерманский поднял этот вопрос в Академии, и мы его поставили в очень скромной форме: завести в «Вестнике Коммунистической Академии» специальный отдел по НОТ и поручили редактирование этого отдела т. Ерманскому. Поредактировав, отредактировал т. Ерманский в двух №№, а потом лопнуло дело — ни одной статьи! Никого он не сплотил вокруг отдела, людей нет и ничего не получилось, провалилось дело сразу. Когда т. Ерманский каждый раз поднимает этот вопрос и очень долго говорит о полезности рационализации труда, то тут ставится деловой вопрос: если вы хотите подходить к такому серьезному вопросу, как организация при Академии курсов по НОТ, то потрудитесь называть людей, авторитетных в этой области, которые здесь будут работать. Мы сразу видим недостаток наших сил, мы еле возем то, что у нас есть. Опыт т. Ерманским у нас был печальный. Так что, конечно, мы с осторожностью относимся к предложению т. Ерманского и просим каждый раз: дайте нам деловую постановку вопроса, которая заключается прежде всего в выяснении того, кто будет у нас работать. Ведь в каждой ячейке, в каждой секции мы подходим прежде всего с точки зрения: кто будет работать. Сплошь и рядом мы отвергали другие предложения в течение этого периода и очень серьезные, когда мы видели, что работников таких, на которых мы могли бы полностью положиться, что они выполнят то, что на себя берут, что таких работников нет. Мы часто, когда видим это, отвергаем предложения. За последнее время действительно к нам начинают тянуться, особенно в области естественных и точных наук. Предлагали открыть об-во биологов, предлагали еще одно обще-

ство, секцию по национальному вопросу и т. д. Мы ограничиваем эти стремления; например — секция по национальному вопросу; — мы отдавали себе отчет, что значит проработка этого вопроса, связанного с практикой, не менее важного для всей нашей политики, чем НОТ. Но тем не менее мы ограничились комиссией, которая подчинена секции государства и права, — секция, которая себя зарекомендовала в смысле работы, линии своей работы и своих работников и т. д. Такую же историю мы проделали с об-вом биологов. Они вошли к нам со списками и людьми. Мы образовали из них пока что кружок биологов, мы их хотим испытать. Тов. Ерманский сразу с широким проектом входит, но ни разу нам не удалось выудить деловое предложение. Поэтому создается такое скептическое отношение к проектам т. Ерманского. К чему расписывать важность этого вопроса, которую каждый из нас понимает не хуже т. Ерманского, потому что каждый связан с практикой, с экономической практикой. Дало в том, что если Академия возьмет на себя такую задачу, и нам придется пойти в центральные органы отстаивать этот проект, то с чем же мы пойдем? Что сделал т. Ерманский? Он принес нам программу занятий на курсах, весьма подробно изложил целый ряд вопросов, которые можно преподавать. Если взять книжку т. Ерманского о НОТ, то в оглавлении этой книжки мы многие из этих вопросов найдем. Людей он не указал, а говорит: такие найдутся, это будет. Извините, мы на слово не верим. Кто будет работать? Мы не сумели поставить литературный отдел «Вестника Коммунистической Академии», а вы беретесь организовать курсы двух, трехлетние, да еще научно-подготовленных работников. А преподавать кто будет? Так серьезное дело не ставится. Вас высмеют, если вы пойдете с таким проектом.

Тов. Ерманский говорит, что у нас денег не будет. Извините, предложите серьезное дело и деньги найдутся. Нам в прошлом году СНК на разработку проблем аграрной революции отпустил 100 тыс. Мы на это деньги получили. Сейчас Курсы Марксизма превратились из полугодовых в двухлетние, нам дали возможность расширить их до 130 слушателей, а раньше было 70. Как видите, деньги находятся на то дело, которое себя оправдывает. Точно так же я глубоко убежден, что если Институт мирового хозяйства и мировой политики у нас серьезно пойдет, то мы найдем деньги. Точно так же если бы указали на такой важный вопрос, как научная организация труда, то на это дело деньги найдутся. Но дело в том, что сейчас у президиума Коммунистической Академии нет еще убеждения, что мы сможем такие курсы при Коммунистической Академии организовать и выработать преподавателей по НОТ. С какими силами мы это сможем сделать? Вы бы сначала ячейку образовали, хотя какую-нибудь ячейку по НОТ, но думаю, что и для этого у нас сил нет. Когда к нам пришли с серьезным предложением создать общество биологов-марксистов, мы это общество организовали, пошли в ЦИК и деньги получили, точно так же мы организовали комиссию по национальному вопросу, так как мы почувствовали здесь серьезное предложение. Благодаря этому, заслушав доклад т. Ерманского об организации курсов по НОТ, где деловой постановки вопроса, организационной постановки, как-раз научной организации труда этого дела на иоту нет, президиум постановил, что, заслушав этот проект, на основании этого проекта, нельзя никаких решений принимать.

Тов. Ерманский. Два слова по поводу только что сказанного. Я констатирую факт, что с «Вестником Коммунистической Академии» опять здесь повторяется неверное утверждение. В «Вестнике Коммунистической Академии» надо было писать не просто статьи, а статьи, стоящие на определенной творческой высоте. Так как такое требование предъявлялось к «Вестнику», я написал в первом номере такую статью, написал и во втором номере. Затем, когда я предложил для № 3 статью моего ученика, окончившего Свердловский университет, и эта статья общей редакцией не была принята, — Е. А. Преображенский может это подтвердить, — тогда я отказался от дальнейшего ведения дела. Верно, что сил не хватало для писания таких статей. Но значит ли это, что сил нехватит и для подготовки преподавателей по НОТ? Нет, не значит. И я заявил на сегодняшнем заседании президиума, что согласен сейчас же назвать имена тех людей, которых и президиум при-

знает подходящими по всем линиям преподавания, подготовки, о которых идет речь в моей записке.

Что касается финансов, — это другое дело. Я давно видел, уже года два-полтора тому назад, что из моего предложения ничего не выйдет *в силу других причин*. Но и финансов нет. И кто же станет добиваться их? Тов. Милютин, который так скептически смотрит на вещи, — станет ли он добиваться, чтобы дали на это деньги? Очевидно, не станет. С этим проектом, говорят, нельзя добиться денег. Тогда надо составить другой проект, хороший. Я не составлял проектов на предмет получения денег. А чтоб составить проект на предмет получения денег, надо его прежде разработать путем коллективного обсуждения. Но этого не хотят, а отделяются чисто внешней оптической, ссылкой на то, что я не представил разработанного проекта. Какой же это резон? Если это сделать нужно, то нужно мне сделать выговор за то, что мой проект недостаточно хорош, и составить комиссию для разработки нового, хорошего проекта...

Что касается заявления Базарова, то оно для меня не ново. У нас выработалось некоторое количество людей, которые любят хихикать по поводу НОТ. (т. Базаров: «Я не хихикаю»). Я не говорю про вас специально, что вы хихикаете, но вы идете по той же линии. Я знаю проф. Реформатского и некоторых других, которые говорят: «Я очень скептически отношусь ко всяким НОТам». Тов. Кузовков знает, что нашелся такой ученый, который заявил: «Что такое рационализация или НОТ? Это — ловля блох». Таким мудрым изречением реагируют люди, которые считают себя учеными, на проблему рационализации, вокруг которой ведется сейчас ожесточенная классовая борьба и которая становится центральной проблемой современности.

Что касается того заявления, будто научная организация труда дает сейчас плачевные результаты, о чем говорил т. Базаров, то такое заявление свидетельствует о том, что т. Базаров читает по этому вопросу только газеты и то плохо (т. Базаров: «Нет, не только газеты, — я имею подлинные документы»). Я констатирую факт, что если вы даже зайдете только в трест Московшей, в одну из его 13 фабрик, то вы увидите, что здесь мы имеем чуть не фордизацию (т. Базаров: «Там есть»). И уже имеется у нас некоторое число крупно-промышленных предприятий, где идет подлинная рационализация, дающая снижение себестоимости производства в два-три раза, сокращение производственных циклов также в два-три раза, а повышение производительности труда получается огромное. Я мог бы доказать это немалым числом фактов. А кто захотел бы несколько ближе познакомиться с этим, то вот моя книжка, которая является воспроизведением моего доклада, прочитанного в ВСНХ и Совете Съездов. Эта книжка показывает, что можно сделать даже без затраты больших средств. Вы увидите, что я здесь иллюстрирую свои положения фактами из действительности и показываю, какие у нас возможны достижения. А их результаты в действительности весьма велики.

Пора нам, марксистам, отказаться от того пренебрежения к проблеме НОТ, которое встречается у людей вроде Реформатского, которым не полагается интересоваться ничем, кроме своей химии. Нам не годится относиться к научной организации труда, как к пустяку, лишь потому, что в ней копошатся и некоторые авантюристы. Если бы Академия захотела, она могла бы справиться с этой задачей: выбрать комиссию из нескольких лиц, разобраться в этом вопросе и вынести окончательное решение относительно того, что Академия должна сделать. А так — это простая отписка, которая несомненно будет отнесена не к заслугам Коммунистической Академии.

Тов. Покровский. Я хотел прежде всего пополнить кое-что, мною упущенное в докладе. Я два момента упустил. Во-первых, образование комиссии по национальному вопросу — об этом говорил В. П. Милютин. Само собою разумеется, что с тех пор, как Академия стала Академией всесоюзной, вопрос национальный ближе, чем когда бы то ни было, стал к ее задачам. Это совершенно надлежащий момент для того, чтобы этим вопросом заняться действительно научно, как следует. Для этого и силы кстати есть и желание есть. Целый ряд национальных учреждений всякого рода у нас возникает, но в области особенно изучения восточных национальностей эти учреждения

до сих пор носят весьма хаотический характер. Тут как-раз какой-нибудь объединяющий центр необходим. У нас существует Ассоциация Востоковедения, существует Университет народов Востока, существует Институт восточных культур, существуют сейчас и в Ленинграде учреждения такого рода. Восточным вопросам занимаются у нас этнологические факультеты, в особенности Ленинградский. Но все это хаотично и все это нужно собрать вокруг какого-нибудь центра. И Академии по самой природе своей суждено стать этим центром.

Второе, что мною упущено, это факт участия Академии, фактического участия, а не номинального, в таком крупнейшем коллективном предприятии, которое издается в наши дни в Советском Союзе. Это «Большая Советская Энциклопедия», имеющая в настоящее время 46.000 подписчиков и объединившая вокруг себя почти все без исключения крупнейшие научные силы — и марксистские и немарксистские. Состав президиума «Большой Советской Энциклопедии» совпадает, приблизительно, наполовину с составом президиума и бюро президиума Коммунистической Академии. Нужно при этом сказать, что как-раз это та часть президиума и бюро президиума, которая наиболее аккуратно посещает и те и другие заседания, т.-е. наиболее живая часть того и другого президиумов. Это предприятие, повторяю, очень крупное и тесно связанное, не формально только, с Коммунистической Академией.

Теперь я хочу сказать два слова по поводу того, что высказано здесь в порядке прений т. Преображенским.

Прежде всего то, что сказал Евгений Алексеевич относительно объединения вокруг Академии однородных учреждений. Подходя осторожно к этому понятию «однородные учреждения», эту идею придется всячески приветствовать. Дело в том, что у нас существует в Союзе довольно большое количество всяких марксоведческих учреждений. В самой Москве имеется уже такие, ну, скажем, по этой линии работает ин-т им. Тимирязева, который преследует аналогичные задачи с нашей секцией естествознания и точных наук. Затем Ранион, странное название, которое сокращает не менее странное название учреждения: Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Я не стану утверждать, что может-быть научно-исследовательский институт занимается не наукой, а чем-нибудь другим, но во всяком случае такое название существует. Затем, конечно, это более учебное заведение, но оно может быть сюда притянуто, это Ин-т красной профессуры. Так, что в самой Москве имеется целый ряд учреждений, которые следует объединить вокруг Коммунистической Академии. В Ленинграде имеется о-во марксистов, еще кой-какие учреждения. В Харькове имеется ин-т марксизма. Даже в провинциальных городах имеются такие маленькие учреждения в роде кабинетов марксизма, который имеется, напр., в Казани. Все это объединить вокруг Коммунистической Академии давно пора. Этим был бы избегнут огромный параллелизм, который здесь существует, были бы лучше использованы те не очень многочисленные партийные силы, которые у нас подвизаются на научном поприще, была бы выпрямлена общая линия и т. д. и т. д. Но итти дальше этого и пытаться объединить вокруг Коммунистической Академии все и всякие научные учреждения, — Евг. Алекс., конечно, этого не хотел сказать, но это может быть так понято, — это было бы в высокой степени неосторожно. В высшей степени неосторожна была бы идея созыва Коммунистической Академией чего-то в роде всесоюзной научной конференции. Несомненно, что на такой всесоюзной научной конференции мы были бы совершенно задавлены учеными чисто буржуазного типа, которые с нами не имеют ничего общего, и в конце-концов едва ли бы мы справились с задачей дирижировать таким сложным оркестром. Из этого ничего не вышло бы. Но объединить марксоведческие учреждения около нас давно давно пора, это совершенно практически назревший вопрос. Всюду в конце-концов головки этих учреждений — это та же партийная публика, или беспартийная, но марксисты (в тех учреждениях, которые я перечислил, немарксистов нет). Задача объединить их нам самой природой указана. И на основании настоящего проекта Евг. Алекс., я думаю, что в этой плоскости нам может-быть следовало бы дополнить нашу резолюцию.

Теперь два слова по поводу выступления т. Ерманского. Эти выступления становятся частью железного инвентаря наших пленарных заседаний. Но Академия ведет свою практическую работу не на пленарных заседаниях, а на заседаниях президиума и бюро президиума. К сожалению, т. Ерманского на эти заседания залучить довольно трудно. После прошлого пленарного заседания мы его дожидались месяцев 5—6, пока он удосужился посетить заседание президиума и бюро президиума. Но вот приближается пленум, и т. Ерманский появился на заседании бюро президиума, подобно весенней ласточке. Пришел с проектом, но этот проект совершенно не отвечал заданиям, которые дала Академия. Академия дала задание: предложить т. Ерманскому проработать проект о постановке изучения проблемы НОТ в Коммунистической Академии и представить на рассмотрение президиума. Именно изучение НОТ, ибо никакое научное учреждение не может завести у себя подготовки аспирантуры, не имея научной ячейки, потому что научное учреждение это одно, а школа второй ступени — это другое, а школу второй ступени мы устраивать не можем. Тут в проекте — чисто учебное заведение, где ведется преподавание по комплексному методу (почему я и привел сравнение со второй ступенью). Комплексный метод: техника, биология, затем экономика, — довольно искусственная программа. По этому методу предлагается вести преподавание при несуществующей научной ячейке. Извините, научное учреждение не может принять такого проекта. Вы говорите, что мы должны тем не менее, если проект был неудовлетворителен, признавая важность этого вопроса, мы должны создать для выработки проекта комиссию. Может-быть мы создадим такую комиссию. Мы не отступаем. В такой постановке, какую дал Влад. Алекс., это для нас приемлемо, и можно, и нужно, но мы, как марксисты, конкретно подходим к вопросу. С вашим проектом ничего нельзя было сделать, потому что в этом проекте кроме благих пожеланий и комплексной программы изучения, ничего не было, не было того, что требовала Комм. Академия, не было проекта создания известной научной ячейки, секции, кабинета, института и т. д., который бы повел это дело и при котором была бы аспирантура. А создать ее ни при каком научном учреждении — это не будет аспирантура, это чисто учебное дело, это не наше дело. Тут, я полагаю, ничего другого, никакого другого решения кроме того, которое мы вынесли, вынести нельзя было.

В заключение, по поводу нашей популяризаторской деятельности, соприкосновения с широкими массами. Тут я с Евгением Алексеевичем совершенно согласен, что нам пора в этом отношении что-то сделать, пора создать что-нибудь вроде воскресного университета, как-нибудь подойти к массам. У нас до сих пор ничего не было сделано для этого. Если мы до сих пор не действовали в этом направлении, то это объясняется очевидно тем, что мы переживали период строительства, довольно мучительный организационный период. Напр., прохождение нашей сметы и штатов, — я об этом не рассказывал пленуму, это мелочи нашей жизни, но они поглотили бесконечное множество нервов, времени и хлопот руководящего состава Академии, потому что все это 20 раз менялось. Но что эти выступления нужны, это несомненно, потому что целый ряд всяких фантастических представлений о Коммунистической Академии связан с тем, что ее просто не знают, она о себе не говорит. До такой степени доходит, что не только нет статей о Коммунистической Академии, но даже нет часто отчетов о наших публичных заседаниях. Сплошь и рядом у нас были публичные заседания, а в газетах ни слова, кроме строчки, извещающей о дне заседания. Наше опубликование организовано до необычайности плохо и следовало бы организовать его гораздо лучше, следуя примеру хотя бы родственных нам учреждений Главнауки и Наркомпроса, о которых в каждом номере «Вечерней Москвы» обязательно прочтете несколько строк: «Наркомпрос постановил то-то» и т. д. и всякие другие вещи. Я не предлагаю пользоваться услугами «Вечерней Москвы», можно обращаться в «Правду», в «Известия», но нам нужно о себе оповещать, нужно и наши партийные круги и нашу советскую общественность оповещать, нужно оповещать и массу в буквальном смысле этого слова. В последнем случае, конечно, должна быть не только популяризация марксизма, а популяризация науки вообще, которую, кроме нас, никто понести не может и никто в конце-концов не

несет. Так что в этом отношении я тоже присоединяюсь к Евг. Алекс. (Позвольте этим закончить).

В сущности говоря, возражений против доклада я не заслушал. Позвольте огласить резолюцию¹⁾.

Тов. Покровский. Разрешите проголосовать резолюцию за основу. Большинство принимается. Прошу вносить поправки.

Тов. Ерманский. Я бы воздержался от всяких предложений, но так как М. Н. Покровский относительно предложения т. Базарова учредить такую комиссию заявил, что это другое дело, то я думаю, что прямой логический вывод отсюда получается такой, что в добавление к этой резолюции пленум Коммунистической Академии примет такое постановление: предложить президиуму в ближайшем будущем учредить из состава Академии такую комиссию, которая проработала бы способы, какими Коммунистическая Академия должна действовать в этой области. Формулировать можно как угодно, но то, что вытекает из слов М. Н. Покровского, не должно остаться пустым звуком.

Тов. Милютин. У нас было постановление прошлого пленума, и оно выполнено. Президиум по поводу постановления прошлого пленума и выполнения его вынес резолюцию, что «считать проект недостаточно разработанным для того, чтобы можно было предпринять какие-нибудь шаги для реализации построения этих курсов при Академии». Может-быть вынести теперь такое постановление: «Приняв к сведению решение президиума по поводу постановления прошлого пленума Коммунистической Академии об изучении научной организации труда при Коммунистической Академии, предложить президиуму организовать комиссию, каковой поручить проработку вопроса о постановке изучения научной организации труда».

Тов. Покровский. Это добавление в такой редакции принимается или нет? Большинство принимается. Есть ли еще какие-нибудь добавления?

Тов. Преображенский. Я прошу огласить мои два предложения. Первое предложение о том, что пленум Академии поручает президиуму организацию лекций членов Академии в рабочих районах, более частые выезды членов Академии с лекциями в провинцию. Это первый пункт. Затем второй пункт относительно того, чтобы во исполнение предыдущих постановлений пленума, в виде первого шага, организовать конференцию родственных Академии научных институтов и учреждений, как вы выразились, родственных по своим задачам.

Тов. Покровский. Это предложение относительно конференции принимается. Вопрос о сроке конференции будет разработан в президиуме.

Тов. Ерманский. Разрешите еще одно предложение внести — относительно протоколов. Так как стенограмма ведется и так как работа стенографисток каторжная, — это всякий знает, — и их никогда обвинять нельзя в том, что получают иногда некоторые неточности, а недостатки отчетов зависят от редактирования, то я бы предложил, чтобы, по крайней мере, то, что говорилось здесь на пленарном заседании, посылалось бы для просмотра всем говорившим для того, чтобы устранить такие вещи, как вы сами у себя, М. Н., констатировали или какие вы констатируете у себя.

Тов. Покровский. Проверка стенограммы всегда делается.

Тов. Милютин. Для этого не нужно особой резолюции.

Тов. Покровский. Относительно лекций в районах я просил бы обратить внимание на то, что это решение, которому я очень сочувствую, требует от членов Академии известной внутренней решимости на то, что каждый из них, по крайней мере, хотя одну такую лекцию в год прочтет.

Тов. Горев. В связи с этим можно конкретизировать несколько этот пункт в том смысле, что не только сами члены Академии предлагают прочесть лекции, но президиум им может предлагать прочесть.

¹⁾ Резолюция по докладу т. Покровского приводится в конце отчета.

Тов. Покровский. Против этого я возражаю. Мне кажется, что такая лекция может быть только продуктом свободного волеизъявления того или другого академика.

Тов. Горев. Нет, не обязать, а предлагать. В президиум поступают заявления, и он распределяет известным образом работу.

Тов. Покровский. Это так и делается. Само собою разумеется, что раз мы организуем эти лекции, то президиум будет обращаться к тем или другим членам Академии с тем или иным предложением. Ваше предложение нужно было бы голосовать в том случае, если бы вы предлагали так, как я сначала понял, что членов Академии президиум назначает в обязательном порядке, как это например, делает Агитпроп МК.

Тов. Преображенский. Я бы предложил, чтобы на протяжении двух недель члены Академии обязаны были заявить в президиум, какую лекцию каждый мог бы прочесть на протяжении известного времени. Тогда можно было бы кодифицировать все это и соответствующим образом использовать силы.

Тов. Покровский. Я, между прочим, забыл упомянуть, что мы начали связываться с массами, что организовали ряд докладов членов Академии по радио.

Тов. Ерманский. А если член Академии сам предлагает определенный доклад, то каков порядок осуществления его?

Тов. Покровский. Это нужно в президиум сообщить.

Тов. Преображенский. Он включается в план.

Тов. Покровский. Я думаю, что предложение Е. А. Преображенского по существу, в принципиальной плоскости, никаких возражений не встречает. Его даже голосовать не приходится. Оно само собою ясно. Возражающих нет. С резолюцией как будто дело кончено. У нас остается еще один пункт повестки дня: перевыборы. У нас выборы двоякого рода: во-первых, выборы новых членов Академии; во-вторых, выборы президиума на следующий срок. Метод принят такой, что те кандидаты, которые нежелательны, зачеркиваются (производится закрытое голосование).

Тов. Дауге. Согласно устава полагается избрать в президиум 15 членов. Тут имеется список следующих членов: т.т. Покровский, Милютин, Преображенский, Бухарин, Шмидт, Осинский, Лукин, Крицман, Тимирязев, Дволайцкий, Рязанов, Пашуканис, Кнорин, Пеппер, Яковлев.

Тов. Милютин. Тут относительно одной кандидатуры нужно сделать заявление. У нас т. Пеппер вводится в президиум для связи с агитпропотделом Коминтерна. Само собою разумеется, насколько нам важно держать связь с Коминтерном, теоретическую, в особенности, в области экономики. Теперь т. Пеппер не является председателем отдела, так что имеется предложение эту вакансию оставить свободной. (Производится голосование).

Тов. Покровский. Теперь этот список будет представлен на утверждение ЦИК СССР, и потом мы наметим первое заседание этого президиума. Позвольте товарищи, на этом считать заседание закрытым.

(Тов. Косолапов оглашает результаты голосования).

Тов. Покровский. Таким образом, позвольте считать, что избрано 14 членов президиума. Что же касается пятнадцатого, то когда Коминтерн выяснит кандидатуру, мы его утвердим. Или, быть может, проще будем считать, что в составе президиума будет представитель Коминтерна. Разрешите последнее принять, потому что пленума раньше конца весны или начала лета, вероятно, не будет.

Тов. Лозовский. Нельзя ли формулировать постановление так: просить президиум Коминтерна, чтобы он выдвинул своего представителя. Не обязательно, чтобы это был заведующий Агитпропа.

Тов. Покровский. Просить президиум Коминтерна выделить своего представителя в состав президиума Коммунистической Академии. Этот список президиумом будет представлен на утверждение ЦИК СССР.

Объявляю заседание закрытым.

Резолюция

(по докладу тов. Покровского)

Заслушав доклад президиума Коммунистической Академии пленум Коммунистической Академии констатирует:

Во-первых, правильность общей линии работы Коммунистической Академии как со стороны идеологической, так и со стороны организационной. В особенности приходится считать положительным фактом развертывание критики ошибочных, расходящихся с ленинизмом теоретических направлений среди коммунистов.

Во-вторых, следует отметить усиление связи работы Академии с работой высших государственных учреждений при постановке последними основных проблем нашей действительности, что, несомненно, является результатом развертывания работы Академии и роста ее авторитета. Сюда относится факт передачи Совнаркомом СССР на заключение и предварительную проработку Коммунистической Академии одного из важнейших вопросов нашей экономической политики — вопроса о землеустройстве и землепользовании, точно так же, как ряд поручений, данных Ин-ту советского строительства по линии проработки вопросов, связанных с историей советской власти. К этому же разряду работ может быть отнесена и производимая Аграрной Секцией и частично финансируемая НК РКК СССР работа по исследованию расслоения деревни, которая в соответственной части будет использована НК РКК, это во-вторых.

В-третьих, следует констатировать за отчетный период увеличение научной продукции Коммунистической Академии, нашедшее свое выражение как в значительном количестве заслушанных публичных и секционных докладов, так и в росте печатных трудов.

В-четвертых, за отчетный период в работе секций наблюдается большая активность, и они начинают становиться центральным местом привлечения теоретиков-коммунистов по соответствующим научным дисциплинам.

В-пятых, пленум считает необходимым отметить оживление работы секции литературы и искусства.

В-шестых, пленум констатирует выполнение президиумом Коммунистической Академии решений предыдущего пленума.

Однако, необходимо признать и ряд существенных недостатков в работе Коммунистической Академии.

Прежде всего приходится отметить недостаточное участие, а нередко и полное отсутствие участия в работах Академии со стороны ряда академиков.

Во-вторых, недостаточную связь между научными сотрудниками и руководителями секций и институтов Коммунистической Академии.

В-третьих, недостаточную связь между Академией и другими родственными по своей научной деятельности учреждениями.

Основной директивой для дальнейшей работы Коммунистической Академии должно явиться усиление борьбы против буржуазных и реформистских противников ленинизма и против его извращения в области экономической, политической и философской. Выраженная в ленинском духе линия работы Коммунистической Академии должна найти себе выражение во всей ее работе, в печатных произведениях, докладах и т. п.

Исходя из всего вышесказанного, пленум Академии считает необходимым наметить нижеследующие мероприятия:

Во-первых, предложить президиуму Коммунистической Академии привлечь к более близкому и активному участию в работах Коммунистической Академии тех ее членов, которые до сих пор по тем или иным причинам не могли принимать участия в ее работе.

Во-вторых, поручить президиуму Коммунистической Академии улучшить работу научных работников, усилив руководство со стороны лиц, заведующих институтами и секциями, а также ставя результаты работ научных работников на секционные и публичные обсуждения и производя систематический учет работы научных работников.

В-третьих, пленум Коммунистической Академии считает необходимым усиление работы Ин-та мир. хоз. и мир. пол. Современное международное положение требует усиления проработки как экономических, так и политических проблем, а потому и необходимо привлечь к работам Ин-та новые силы.

В-четвертых, в связи с необходимостью и важностью разработки проблем по национальному вопросу, пленум считает своевременным организацию при Коммунистической Академии комиссии по национальному вопросу и предлагает президиуму Коммунистической Академии озаботиться привлечением к работе указанной комиссии работников в республиках Союза, занимающихся теоретической проработкой указанного вопроса.

В-пятых, считать необходимым увязать работу Коммунистической Академии с другими научными учреждениями. Одним из методов установления связи может служить обмен работами, взаимная информация в предпринимаемых работах, организация конференций научных институтов и учреждений, родственных по своим задачам Коммунистической Академии, и доклады Коммунистической Академии и ее частей в родственных учреждениях.

В-шестых, пленум Коммунистической Академии поручает президиуму организовать лекции членов Академии в рабочих районах и более частые выезды членов Академии с лекциями в провинцию.

В-седьмых, пленум Коммунистической Академии констатирует рост и значение находящихся при ней курсов марксизма. Почти удвоение количества слушателей и установление двухгодичного срока является доказательством указанного положения. Поэтому пленум считает необходимым принять меры к тому, чтобы курсы марксизма были поставлены как с педагогической, так и с организационной стороны как учебное заведение, и считает необходимым придание им большей самостоятельности с точки зрения хозяйственного и административного управления, одновременно усилив привлечение к работе на курсах марксизма как членов Академии, так и научных сотрудников Коммунистической Академии.

В-восьмых, приняв к сведению решение президиума по поводу прошлого постановления пленума Коммунистической Академии об изучении научной организации труда при Коммунистической Академии, предложить Президиуму организовать комиссию, каковой поручить проработку вопросов о постановке изучения научной организации труда.

В-девятых, пленум Коммунистической Академии считает необходимым, чтобы назначение находящихся в штатах Коммунистической Академии членов ее и ее научных сотрудников на другие должности производилось при обязательном условии получения по этим вопросам заключения президиума Коммунистической Академии.

В-десятых, — *особый пункт* — пленум Коммунистической Академии считает необходимым довести до сведения центральных учреждений о том, что недостаток средств на научные работы Коммунистической Академии, а также для важнейшего подсобного орудия для научных работ — библиотеки — является препятствием для успешного и необходимого развертывания работ, и необходимы меры к тому, чтобы хотя наиболее острые нужды Коммунистической Академии были удовлетворены, чем будут созданы условия для увеличения ее работ.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ¹⁾

XVIII век ²⁾

1. Автобиография Суворова, написанная им в 1786 г. «Ист. Вестник». 1900, № 5, стр. 504—505. (Об усмирении Пугачевского бунта. См. также № 284).
2. А. Е. К «Турбаевской катастрофе». «Киевск. Стар.» 1891, № 4, стр. 155—160. (Расправа крестьян с помещиками в Полтавской губ. 1789 г.).
3. Акты о мнимом крестьянском восстании в Юго-Западном крае в 1789 году. «Арх. Юго-Зап. России». Часть III, т. V. Киев. 1902. Стр. 1—99. (Введение В. Антоновича) и 1—751. (Документы). (Волинск. губ.).
4. Акты о пребывании Пугачева в Моздоке. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Росс.». 1848, кн. I, отд. 5, стр. 118—122.
5. А. Л. Сведение об участии малороссийских казаков в усмирении Пугачевского бунта. «Киевск. Старина». 1892, № 10, стр. 120—121.
6. Анатолий, игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, Весьегонского уезда, Тверской губ. Тверь. 1883. Стр. 54. (О непо-

виновении монастырских крестьян в 1759 г.).

7. (Антинг, Фр.). Жизнь и военные деяния генералиссимуса, кн. Итальяйского, гр. Суворова-Рымникоского. СПб. 1799. Часть I, гл. 4. Стр. 150—164. (О борьбе с Пугачевщиной).
8. Анучин, Д. Второе появление Пугачева и разорение Казани. (Материалы для истории Пугачевского бунта). «Военный Сборник». 1871, № 4, стр. 215—264.
9. Анучин, Д. А. Граф Панин, умиритель Пугачевщины. (Материалы для истории Пугачевского бунта). «Русск. Вестн.». 1869, № 3, стр. 5—59; № 4, стр. 628—657; № 5, стр. 138—168; № 6, стр. 363—403.
10. Анучин, Д. А. Действия Бибикова в Пугачевщину. (Материалы для истории Пугачевского бунта). «Русский Вестник». 1872, № 6, стр. 449—494; № 7, стр. 5—68; № 8, стр. 487—531.
11. Анучин, Д. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара. (Материалы для истории Пугачевского бунта). «Военный Сборник». 1869, № 5, стр. 5—40; № 6, стр. 139—181.
12. Анучин, Д. Происшествия на Яике в 1772 году. «Современник». 1862, № 4, стр. 565—606. (О волнении среди яицких казаков).
13. Анучин, Д. Речь благодарственная, произнесенная в Казани в 1774 г. (Материал для полного издания сочинений Державина). «Русск. Инвалид». 1860, № 69, стр. 274. (К истории Пугачевщины).
14. Анучин, Д. Участие Суворова в усмирении Пугачевщины и поимка Пугачева. (Материалы для исто-

рии Пугачевского бунта). «Русск. Вестн.». 1868, № 11, стр. 5—32.

15. А. Р. Яицкое казачество. 1680—1774. «Русск. Вестник». 1863, № 7, стр. 311—336; 1864, № 8, стр. 590—619. (О волнениях на Яике в XVIII в.).
16. Аристов, Н. Казнь Пугачева. «Северное Сияние». СПб. 1864. Т. III, стр. 367—372.
17. Аристов, Н. Я. Народные предания. «Ист. Вестн.». 1880, № 9, стр. 18—24. (Предания о Пугачеве, записанные в Симбирской губ.).
18. Арнольдов, М. Действия самозванца Пугачева и его шаек в пределах нынешней Симбирской губ. «Сборн. истор. и статист. материалов о Симбирской губ.». (Прил. к Пам. Книжке на 1868 г.). Симбирск. 1868. Стр. 270—276.
19. Арсеньев, А. В. Женщины Пугачевского восстания. «Ист. Вестн.». 1884, № 6, стр. 611—627.
20. Артемьев, А. Казанские гимназии в XVIII в. СПб. 1874. Стр. 118—153. (Пугачевщина в Казанской губ.).
21. Архангельский, М. Преосвященный Вениамин. (Пуцек-Григорович), митрополит казанский и свияжский. «Странник». 1866, № 1, стр. 49—56. (О Пугачевщине в Казанской губ.).
22. Архив Государственного Совета. Т. I, ч. I, стр. 431—458. (Казачьи бунты и Пугачев. 1772—1775).
23. Б. Из эпохи Пугачевщины. «Мин. Годы». 1908, № 12, стр. 63—68. (Саранский у., Пензенской губ.).
24. Баженов, Н. Казанская история. Казань. 1847. Часть II, гл. XXI. Стр. 79—90. (О Пугачевщине в Казанской, Вятской и Пермской губ.).
25. Бакунина, П. Село Турбан. (Старинное малороссийское предание). «Москвитянин». 1854, № 2, стр. 171—178. (О разгроме крестьянами помещицей усадьбы в Полтавской губ. в 1789 г.).
26. Барсуков, А. Князь Гр. Гр. Орлов. «Русск. Арх.». 1873, № 2, стр. 119—132. (О Пугачевщине).
27. Башкиры. «Энциклопед. Словарь», изд. Брокгауз и Ефрон. Т. III, стр. 227—232. (О восстаниях башкир в XVIII в.).
28. Беликов, Д. Н. Старинные монастыри Томского края. Томск. 1898. Стр. 73—81. (Волнения мона-

стырских крестьян в 30-х—60-х годах XVIII в.).

29. Беляев, И. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде. «Пенз. Губ. Вед.». 1869. Часть неофиц. № 19, стр. 65—66.
- 29а. Беляев, И. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде, Пензенской губ. Пенза. 1879.
30. Беляев, И. С. Бытовые очерки прошлого. (По архивным документам). «Русск. Стар.». 1912, № 10, стр. 65—86. (Волнения крестьян в Костромской губ. в 90-х годах XVIII в.).
31. Берже, А. П. Пугачев на Кавказе в 1772 г. «Русск. Стар.». 1883, № 1, стр. 167—170.
32. Берс, А. Пугачевщина на Урале. Екатеринбург. 1924.
33. Бибилов, сенатор. Записки о жизни и службе А. И. Бибилова. СПб. 1817. Стр. 239—324. (О Пугачевщине); 1—XXVIII. (Документы). (Тоже, М. 1865, стр. 107—144; прилож. стр. 76—77, 80—90, 115—120).
34. Болотов, А. Т. Записки. (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков). СПб. 1873. Т. II. Стр. 757—758. (Об убийстве крепостными помещицы в Московской губ. 1769 г.).
35. Болотов, А. Т. Записки. (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков). СПб. 1873. Т. III. Стр. 348—349, 352, 376—378, 388—389, 435—441. (О Пугачевщине); 486—491. (О казни Пугачева); 192—500. (О крестьянских волнениях в имении кн. Гагарина, Московск. губ. 1775 г.).
36. Брикнер, А. История Екатерины II. СПб. 1885. Стр. 204—242. (Самозванцы и Пугачевщина).
37. Брикнер, А. Г. История Петра Великого. СПб. 1882. Стр. 320—328. (О башкирском восстании 1707 г. и Булавином бунте 1708 г.).
38. Броневский, В. История Донского войска. СПб. 1834. Часть II, гл. XI, стр. 90—124. (О Пугачевщине).
39. Броневский, В. Б. Пугачев. (Из истории Войска Донского). «Сын Отеч.». 1834. Т. XLIV, стр. 410—424, 474—495.
40. Буйвид. Описание городов Уездный город Камышин. «Саратов. Губ. Вед.». 1860, № 22, стр. 194. (Пугачев в Камышине).

¹⁾ См. «Вестн. Соц. Акад.», №№ 3, 4, 5, 6; «Вестн. Ком. Акад.», №№ 7 и 12.

²⁾ Крестьянских побегов указатель касается лишь постольку, поскольку они принимали массовый характер. Как и в напечатанных ранее отделах указателя, издания описывались de visu; поэтому сюда не вошло некоторое количество изданий, не имеющих в московских книгохранилищах (преимущественно, провинциальные газеты).

41. Булавин, К. А. «Больш. Энциклопедия». Т. IV. Стр. 39—40.
42. Булави́нский бунт (1708 г.). «Русск. Стар.». 1870, № 7, стр. 1—13. (Документы).
43. Бумаги гр. Петра Ивановича Панина о Пугачевском бунте. «Сборн. Русск. Ист. Общества». Т. VI. 1871. Стр. 74—218.
44. Бумаги императрицы Екатерины II. Т. I. «Сборник Русск. Ист. Общества». Т. VII. СПб. 1871. Стр. 188—196. (О волнениях горнозаводских крестьян в Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губ. и в Западной Сибири. 1762 г.).
45. Бумаги императрицы Екатерины II. Т. II. «Сборник Русск. Ист. Общества». Т. X. СПб. 1872. Стр. 178—179. (Об убийстве помещицы крестьянами в Шуйском у., Владимирской губ. 1767 г.); 380—381. (О крестьянских волнениях в начале 60-х годов XVIII в.).
46. Бумаги императрицы Екатерины II. Т. III. «Сборн. Русск. Ист. Общества». Т. XIII. СПб. 1874. Стр. 363—364, 367—373, 380—385, 386—387, 389—392, 395—397, 398—399, 402—405, 407, 419—428, 431, 432—437, 441—443, 444, 446—447. (О Пугачевском бунте и его усмирении. 1773—1774 г.).
47. Бумаги императрицы Екатерины II. Т. IV. «Сборн. Русск. Ист. Общества». Т. XXVII. СПб. 1880. Стр. 1—3, 8—14, 17—22, 25—26, 32. (О крестьянских волнениях 70-х годов XVIII в.).
48. Бурлуцкий, И. Пугачев в Пензе. «Домашняя Беседа». 1874, № 4, стр. 121—128.
49. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Часть II. СПб. 1869. Глава LXXVI, стр. 32—40. (О Пугачевщине).
50. Василенко, Н. Пугачев. «Энциклоп. словарь», изд. Брокгауз и Ефрон. Т. XXV, стр. 761—764.
51. Василенко, Н. Пугачевщина. «Энциклоп. словарь», изд. Брокгауз и Ефрон. Т. XXV, стр. 750—761.
52. Вейдемейер, А. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб. 1846. Часть I, гл. VII. Стр. 147—178. (О Пугачевщине и самозванцах).
53. Вейнберг, Л. Б. Булавин (Кондрат). «Энциклопед. словарь», изд.

Брокгауз и Ефрон. Т. IV, стр. 884—885.

53а. Виктор, В. Крестьянские движения XVII—XVIII вв. Сборн. документов и материалов, с примечаниями. М. 1926. Стр. 198—248 (ряд впервые опубликованных материалов о Пугачевщине).

54. Владимир, В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие. Часть I. Казань. 1867. Гл. VIII. Стр. 124—131. (О взятии Казани Пугачевым).

55. В. Н. Песня о Турбаевской катастрофе. «Киевск. Старина». 1903, № 10, стр. 14—16. (О расправе крестьян с помещиком в Полтавской губ. 1789 г.).

56. Волнения крестьян в Лифляндии в 1777 г. «Памятники новой русской истории». Сборн. историч. статей и материалов, изд. В. Кашпиревым. Т. I. СПб. 1871. Отд. II. Стр. 17—38. (Из журн. «Заря». 1870, № 2, прил. стр. 17—38). (Материалы).

57. Волнения на Янке перед Пугачевским бунтом. «Памятники новой русской истории». Сборник истор. статей и материалов, изд. В. Кашпиревым. Т. II. СПб. 1872. Отд. II, стр. 250—294. (Документы из дел военной коллегии 1770—1771 г.г.). (Из журн. «Заря». 1871, № 10—11, прил. стр. 255—299).

58. Вологодский, П. Предание о Пугачеве. (Из рассказов старожилов Полевского завода). «Пермск. Губ. Ведом.». 1866, № 92, стр. 373.

59. Воскресенский, А. Письма об Ирбите. «Пермск. Губ. Ведом.». 1864, № 24, стр. 161. (О Пугачевщине в Ирбите).

60. Выписки из архива канцелярии прибалтийского ген.-губернатора. «Осмнадцатый Век», ист. сборник, изд. П. Бартевым. Кн. I. Стр. 367—387. (Пугачевцы в Прибалтийском крае).

61. Выписки из архива канцелярии прибалтийского генерал-губернатора. «Осмнадцатый Век», истор. сборн., изд. П. Бартевым. Кн. II, стр. 432—450. (О пугачевцах в Прибалтийском крае).

62. Выписки из архива канцелярии прибалтийского генерал-губернатора. «Осмнадцатый Век», истор. сборн., изд. П. Бартевым. Кн. III, стр. 186—193 (О беглых лифлянд-

ских крестьянах—60-е годы XVIII в.); 228—234. (О Пугачевском бунте).

63. Выписки из произведенного в Оренбургской секретной комиссии следствия о первоначальном злодейском замысле и предпринятии беглого донского казака Емельяна Иванова сына Пугачева и т. д. «Чтения в Общ. Ист. и Др. Росс.». 1859. Кн. I, отд. II, стр. 97—120.

64. Галкин-Врасский, М. Н. Из архива Саратовского губернского правления. «Русск. Арх.». 1873, № 4, стр. 451—460. (Документы о Пугачевщине).

65. Голиков, И. И. Деяния Петра Великого. Т. XIV, изд. II, М. 1842, стр. 538—564. (Письма и приказы Петра I по поводу Булави́нского бунта).

66. Горбунов, К. П. Эпизод из Пугачевщины. «Ист. Вестн.». 1892, № 10, стр. 152—171.

66а. Горн, В. Крестьянские движения за полтора века. М. Стр. 8—19. (Вторая половина XVIII в.).

67. Гренадерский «бой» за подавление крестьянских беспорядков. «Былое». 1907, № 6, стр. 286. (Об усмирении крестьян с Барсова, Орловской губ. 1797 г.).

68. Грот, Я. К. Жизнь Державина. Гл. IV—VII. Сочинения Державина, Академ. изд. Т. VIII. 1880, стр. 85—232. (О Пугачевщине).

69. Грот, Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. Прилож. к I тому Записок Имп. Акад. Наук, № 4. СПб. 1862.

70. Грот, Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. Прилож. к XXV тому Записок Имп. Акад. Наук, № 4. СПб. 1875.

71. Грот, Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Переписка имп. Екатерины II с гр. П. И. Паниным. Прилож. к III тому Записок Имп. Акад. Наук, № 4. СПб. 1863.

72. Грот, Я. К. Эпизод из Пугачевщины. «Древн. и Нов. Россия». 1877. Т. I, стр. 229—248. (Об усмирении Пугачевщины в Саратовской и Симбирской губ.).

73. Гуляев, С. И. К истории Пугачевщины. «Истор. Вестн.». 1881,

№ 7, стр. 673—679. (Архивные документы).

74. Даль, В. И. Рассказ Верхолонцова о Пугачеве. «Русск. Беседа», 1856, № 4, стр. 62—70.

75. Два любопытных документа о Пугачеве, сообщенные А. С. Пушкиным. «Библи. для чтения», 1834. Т. VII, отд. VII, стр. 44—48. (Вошло в «Ист. Пуг. бунта»).

76. Два письма Великия Екатерины нижегородскому губернатору ген.-поручику А. А. Ступишину. «Сев. Пчела», 1833, № 3, стр. 12. (О Пугачевщине).

77. Два частные письма из времен Пугачевщины. «Арх. кн. Воронцова». Т. XXV. М. 1882, стр. 432—436.

78. Дело о поимке и истреблении известного вора и бунтовщика Пугачева. «Казанск. Губ. Вед.», 1867, № 42, стр. 323—325.

79. Де-Пуле, М. Крестьянское движение при имп. Павле Петровиче. «Русск. Арх.». 1869, № 3, стр. 525—577.

80. Державин, Г. Р. Дневная записка поисков над самозванцем Пугачевым. Сочинения, 2-е Акад. изд. СПб. 1876. Т. VII, стр. 3—18.

81. Державин, Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел. Отделение III. Сочинения, 2-е Акад. изд. СПб. 1876. Т. VI, стр. 448—518. (О Пугачевщине).

82. Державин, Г. Р. К статье «Ал. Ил. Бибилова». Сочинения, 2-е Акад. изд. СПб. 1876. Стр. 34. (О действиях Бибилова против Пугачева).

83. Державин, Г. Р. Переписка. 1773—1775 г.г. (Эпоха Пугачевщины). Сочинения. 2-е Акад. изд. СПб. 1876. Т. V, стр. 1—281. (В приложении—ряд документов).

84. Державин, Г. Р. Письмо к калмыкам. 1774 г. Сочинения. 2-е Акад. изд. СПб. 1876. Т. VII, стр. 19—20. (По поводу Пугачевщины).

85. Державин, Г. Р. Речь благодарственная имп. Екатерине II от общества дворянства казанского. Сочинения. 2-е Акад. изд. СПб. 1876. Стр. 21—26. (В связи с Пугачевщиной).

86. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. «Сборн. Русск.

Истор. Общества». Т. XIX. СПб. 1876. Стр. 380—383, 385, 391—393, 394—395, 397—399, 403—404, 408—409, 411, 414, 417—418, 421—422, 427, 429—434, 436—437, 438—439, 446—447, 449. (О Пугачевщине).

87. **Дмитриев, И. И.** Взгляд на мою жизнь. М. 1866. Стр. 21—30. (О Пугачевщине; казнь Пугачева).

88. **Дмитриев-Мамонов, А. И.** Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб. 1907.

89. **Добронравов, В. Г.** Дела Владимирского губернского правления, поступившие в Архив Владим. Учен. Арх. Комиссии. «Труды Владим. Арх. Комиссии». Кн. III. 1901. Стр. 2. (О волнении крестьян с Спасского, Пензенск. наместничества в 1782 г.).

90. **Добротворский, Н.** Народное предание об освобождении крестьян от монастырской неволи. «Русск. Арх.». 1887, № 6, стр. 158—161. (Курская губ.).

91. **Добротворский, Н. А.** Пугачев на Каме. «Ист. Вестн.». 1884, № 12, стр. 719—753.

92. **Донесение гр. Ю. Ю. Брауна о крестьянских волнениях в Прибалтийских губерниях.** «Арх. кн. Воронцова». Т. XXV. М. 1882. Стр. 469—471 (1784 г.).

93. **Допросы Пугачеву.** «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Росс.». 1858. Кн. II, отд. II. Стр. 1—52.

94. **Дубасов, И.** Крестьянские беспорядки в Тамбовской губ. в царствование имп. Павла I. «Древн. и Нов. Россия». 1877. Т. I, стр. 307—309.

95. **Дубасов, И. И.** Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 2. М. 1883. Стр. 79—102. (Пугачевщина в Тамбовско-Шацком крае).

96. **Дубасов, И. И.** Чума и Пугачевщина в Шацкой провинции. «Ист. Вестн.». 1883, № 7, стр. 113—135.

97. **Дубровин, Н.** Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования имп. Екатерины II. 1773—1774 гг. СПб. 1884. Тт. 1—3.

98. **Дуров, Н. П.** Прощение экономических крестьян Орловского наместничества ген.-губернатору Орловского и Курского наместничества А. А. Балашеву 1790-х гг. «Русск. Стар.». 1875, № 2, стр. 402—405.

99. **Евреинов, М. Прокофий Акинфиевич Демидов.** «Русск. Арх.». 1873, № 11, стр. 2234—2235. (Письмо Демидова к Михельсону о Пугачевщине; письмо Екатерины II к Михельсону).

100. **Екатерина II и Пугачевщина (1774)** «Русск. Стар.». 1875, № 5, стр. 115—125 (Письма Екатерины).

101. **Ефименко.** Турбаевская катастрофа. «Киевск. Стар.». 1891, № 3, стр. 373—401. (Расправа крестьян с помещиками в Полтавской губ. в 1789 г.).

102. **Еще послание преосв. Вениамина, архиепископа казанского, к своей возмущенной Пугачевым пастве.** «Вятск. Епарх. Ведом.». 1863, № 22, стр. 614—621.

103. **Жалоба крестьян Тамбовского наместничества (Спасской округи, села Бокова).** «Русск. Арх.». 1875 № 11, стр. 397—398 (1794 г.).

104. **Желябужский, И. А.** Записки. «Записки русских людей. События времен Петра Великого». СПб. 1841. Стр. 108, 109—110 (О Булавинском бунте).

105. **Жуковский, И.** Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 г. СПб. 1832. Стр. 67—70. (О волнениях яицких казаков с 1762 по 1774 годы).

106. **Завьялов, А.** Вопрос о церковных имениях при имп. Екатерине II. СПб. 1900. Стр. 135—137 (Волнения монастырских крестьян в Тверской и Тульской губ. 1762 г.).

107. **Загряжский.** Емельян Пугачев. «Русск. Стар.». 1873, № 8, стр. 807—808. (Эпизод из Пугачевщины. Симбирск. губ.).

108. **Заозерский, А.** Бунтовщики. (Эпизод из истории Пугачевского бунта). «Века», историч. сборник, т. I. П. 1924. Стр. 111—132 (Пензенский уезд).

109. **Записка полковника Пекарского (современная) о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков и о самозванце Емельяне, донском казаке Пугачеве.** «Москвитянин», 1841, № 6, стр. 438—468.

110. **Записка поручика Поспелова (современ. Пугачевщины).** «Оренбургск. Листок», 1876, № 39, стр. 3.

111. **Зобнин, Н.** Приписные крестьяне на Алтае. «Алтайск. Сборн.».

Вып. I. Томск. 1894. Стр. 49—51. (О побегах в 60-х и 70-х годах XVIII в.).

112. **Звянов, А.** Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его. «Пермск. Сборн.», 1859, т. I. Стр. 46—87.

113. **Иванов, А.** Крестьянское движение во Владимирской губ. в конце XVIII века. Влад. 1924 (1797).

114. **Игнатович, И.** Новые книги по истории крестьянских волнений. «Былое», 1925, № 2 (30), стр. 238—245. (По поводу книги Е. Коц «Крестьянские движения от Пугачевщины до 1905 г.»).

115. **Игнатьев, В. Р.** Историческо-административные сведения о башкирском народе, составленные по приказанию гр. П. И. Панина в 1775 г. «Памятная книжка Уфимской губ.», Ч. II. Уфа, 1873. Стр. 139—166. (В связи с участием башкир Уфимской и Пермской г. в Пугачевщине).

116. **Игнатьев, В. Р.** Осада г. Мензелинска в Пугачевский бунт. «Памятная книжка Уфимской губ.». Часть II. Уфа. 1873. Стр. 129—130.

117. **Игнатьев, В. Р.** Осада г. Уфы. (Эпизод из истории Пугачевского бунта). «Памятная книжка Уфимской губ.». Часть II. Уфа. 1873, стр. 101—128.

118. **Игнатьев, В. Р.** Хроника достопамятных событий Уфимской г. «Памятная книжка Уфимской губ.». Ч. II. Уфа. 1873. Стр. 7—8. (О башкирском бунте 1735—1740 гг.); 10—12. (О бунте калмыков 1770—1771 гг. и Пугачевщине).

119. **Известие о поимке Пугачева.** «Русск. Стар.». 1876, № 7, стр. 509.

120. **И. П.** Главные пособия Пугачева. Очерки и рассказы. «Русск. Стар.». 1876, № 7, стр. 479—508; № 8, стр. 607—626; № 9, стр. 53—74.

121. **Историческая заметка о Пугачевском бунте.** «Казанск. Губ. Вед.». 1864, № 25, стр. 207—208. (Ядринский уезд).

122. **Исторические материалы.** «Древн. и Нов. Россия». 1878, т. I, стр. 336. (О Пугачеве).

123. **Калатузов, В. И.** К истории Пугачевщины. «Ист. Вестн.». 1888, № 8, стр. 414—416.

124. **Каптерев, А.** Дубинщина. Очерк по истории восстания Далматовских монастырских крестьян

в XVIII веке. Екатеринбург, 1924. (Пермская губ., 1762—1764).

125. **Квилицкий, Е.** Мнимый бунт на Волыни в 1789 г. «Киевск. Старина». 1902, № 11, стр. 283—300; № 12, стр. 420—434.

126. **К истории крестьян в Эстляндской губ.** (Указ имп. Екатерины II; 14 апреля 1789 г.). «Русск. Стар.». 1895, № 7, стр. 203. (О побегах за границу).

127. **Китцын.** Малороссийская губерния. «Киевск. Стар.». 1889, № 8, стр. 535—536. (О расправе крестьян с помещиком в с. Турбах, Полтавской губ. 1789 г.).

128. **Ключевский, В. О.** Курс русской истории. Т. IV. М. 1910. Стр. 297—309. (Настроение крестьянства в начале XVIII в.).

128а. **Козловский, И. П.** Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII в. (1772). «Извест. Сев.-Кавк. Гос. Унив.». Т. X. 1926. Стр. 125—134. (О движении среди казаков Трехостровянской и Пятиозьбянской станиц, в связи с делом самозванца Богомолова, с прилож. документов).

129. **Комендант Бошняк.** «Саратовск. Справочн. Листок». 1872. № 145, стр. 1. (О Пугачевщине в Саратове).

130. **Кононов, А.** Два семейные предания. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Росс.». 1862, кн. III, отд. 5, стр. 342—347. (О Пугачевщине в Саратовской губернии).

131. **Копия с письма яицких казаков к кн. Г. Г. Орлову (июль 1774).** «Оснадчатый век», ист. сборник, изд. П. Бартевым. Кн. I. Стр. 365—366. (По поводу Пугачевщины).

132. **Костомаров, Н. И.** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. III. Изд. 5, СПб. 1913. Стр. 47—50. (Булавинский бунт).

133. **Коц, Е. С.** Крестьянские движения в России. П. 1924. Стр. 9—33 (XVIII в.).

134. **Краснодубровский, С. С.** Материалы для истории Пугачевского бунта. I. Архив Астраханской Духовной Консистории. (Труды Саратов. Учен. Архивн. Комиссии). Саратов, 1889.

135. **Краткое увещание преосвященного Вятского и Великопермского к народу своей епархии.**

«Руск. Стар.». 1917, № 10—12, стр. 129—130. (По поводу Пугачевщины).

136. **Крестовский, В.** Четыре легкие полевые команды во время Пугачевщины и их последующая судьба. (Эпизод из истории Ямбургского уланского полка). «Военный Сборник». 1874, № 3, стр. 13—46; № 4, стр. 185—228 (passim).

137. **Крестовский 1-й.** История 14-го уланского Ямбургского полка. СПб. 1873. Гл. I—VI, стр. 1—74. (Волнения в Яицком крае в начале 70-х годов XVIII в. и Пугачевщина).

138. **Кулыгинский, П. Н.** Пугачевцы и Пугачев в Тресвятском-Елабуге в 1773—1774 гг. «Русск. Стар.». 1882, № 2, стр. 290—312.

139. **Лебедев, А. С.** Вотчинный быт монастырей Курско-Знаменского и Белгородско-Николаевского (по архивным документам). «Сборн. Харьковск. Истор.-Филол. Общества». Т. 4. Харьков, 1892. Стр. 127—134, 193—226. (Волнения монастырских крестьян в Курской губ. в 30-х—60-х годах XVIII в.).

140. **(Левшин, А.)** Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб. 1823. Стр. 24—32. (Волнения 60-х годов XVIII в. и Пугачевщина).

141. **Леопольдов, А.** Исторический очерк Саратовского края. М. 1848. Гл. 4. Стр. 93—123. (О самозванцах и Пугачевщине. 70-е годы XVIII в.).

142. **Леопольдов, А.** Разъяснение некоторых ошибок о г. Саратове и Пугачевщине. Саратов. 1870. Стр. 9—11, 13—19.

143. **Лествицын, В.** Пугачевец в Ярославле в 1774 году. «Яросл. Губ. Ведом.». 1875, № 60, стр. 5—6; № 62, стр. 3—4; № 64, стр. 3—4. (Материалы).

144. **Л—нко.** Рассказ о Турбаевской катастрофе. «Киевск. Стар.». 1891, № 9, стр. 493—494. (Расправа крестьян с помещиками в Полтавской губ. в 1789 г.).

145. **Ложный Петр III**, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева. Ч. I и II. М. 1809 (см. № 327).

146. **Лукин, И. Ф.** Жизнь старинного русского дворянина. «Русск. Арх.». 1865, стр. 461—465. (О взятии Пугачевым Нижнего-Ломова).

147. **Ляликов, Ф.** Предание о казни Пугачева. «Русск. Арх.». 1877, № 6, стр. 234.

148. **Магнитский, В.** Заметка о Пугачевском бунте (из народных рассказов). «Казанск. Губ. Вед.». 1866, № 17, стр. 93. (Ядринский уезд).

149. **Максимов, С.** Сибирь и торговля. СПб. 1871. Ч. III. Стр. 124—125. (О Пугачевцах в Сибири); 145—147, 292—325. (О самозванце Чернышове и связанном с ним движении за Байкалом в 60-х годах XVIII в.).

150. **Манифест Пугачева.** «Русск. Арх.». 1872, № 4, стр. 451. (От 23 августа 1774 г.).

151. **Манифесты Пугачева.** «Русск. Арх.». 1870, № 2, стр. 291—294. (От 10 и 13 августа 1774 г.).

152. **Мартынов, М. Н.** Пугачевцы в ссылке на Севере. «Борьба классов». 1924, № 1—2, стр. 246—249.

153. **Материалы для истории Пугачевского бунта.** «Пермск. Губ. Ведом.». 1841, № 15 (прибавление), стр. 2—3. («Краткое увещание» епископа Варфоломея).

154. **Материалы для истории Пугачевского бунта.** «Пермск. Губ. Ведом.». 1864, № 19, стр. 123—124; № 20, стр. 131. (Пермская губ.).

155. **Материалы для истории Пугачевского бунта.** «Пермск. Губ. Ведом.». 1865, № 18, стр. 77; № 19, стр. 81; № 25, стр. 103—104; № 26, стр. 107—109; № 43, стр. 173—174.

156. **Материалы для истории Пугачевского бунта.** «Пермский Сборник». 1860, кн. 2. Отд. I. Стр. 1—22.

157. **Материалы для истории Пугачевского бунта,** почерпнутые из бумаг, оставшихся после князя М. Н. Волконского, кн. Мих. Голицыным. «Москвитянин». 1845, № 9, стр. 19—59.

158. **Материалы для истории самозванца Иова Мосякина.** «Воронежская Беседа» на 1861 год. СПб. 1861. Отд. II, стр. 13—14. (1774).

159. **Материалы для истории самозванца Кремнева.** «Воронежская Беседа» на 1861 г. СПб. 1861. Отд. II. Стр. 1—12. (Усманский уезд, 1765 г.).

160. **Меерсон, Г.** Ранняя буржуазная революция в России (Пугачевщина). «Вестн. Ком. Академии» № 13, 1925. Стр. 34—107.

161. **Мертваго, Д. Б.** Записки (1760—1824). М. 1867. Стр. 2—37. (О Пугачевщине в Симбирской г.).

162. **Меры правительства к пресечению Пугачевского бунта в 1774 г.** «Действия Нижегород. Учен. Арх. Комиссии». Т. III. 1898. Отд. III. Стр. 25—34. (Материалы).

163. **Миллюков, П.** Крестьяне в России. «Энциклоп. Слов.», изд. Брокгауз и Ефрон. Т. XVI, стр. 691—692. (О крестьянских волнениях в XVIII в.).

164. **Мордовцев, Д.** Екатерининские деятели и пугачевцы. «Политические движения русского народа». СПб. 1871, т. I, стр. 5—263.

165. **Мордовцев, Д.** Кто был усмиритель Пугачевщины. «Отеч. Зап.». 1769, № 11, стр. 88—92. (Вошло в книгу «Политические движения русского народа». СПб. 1871. Т. I. Стр. 399—416).

166. **Мордовцев, Д.** Пугачев. «Самозванцы и понизовая вольница». 1867. Т. I. Стр. 98—215.

167. **Мордовцев, Д.** Пугачев до самозванства и первые действия самозванца до взятия Татищевой крепости. «Самозванцы и понизовая вольница». 1867. Т. I. Стр. 216—267.

168. **Мордовцев, Д.** Пугачевский полковник Иванов. «Политические движения русского народа». СПб. 1871. Т. I. Стр. 264—398.

169. **Мордовцев, Д.** Пугачевщина. (Начало и характер Пугачевщины. Соч. П. Щебальского. М. 1865). «Вестн. Евр.». 1866, № 1, стр. 301—372.

170. **Мордовцев, Д.** Русские государственные деятели прошлого столетия и Пугачев. «Отеч. Зап.». 1868, № 8, стр. 419—485; № 9, стр. 85—144; № 10, стр. 347—388.

171. **Мордовцев, Д.** Самозванец Богомолов. «Самозванцы и понизовая вольница». 1867. Т. I. Стр. 72—97. (О волнениях среди волжских казаков в начале 70-х г. XVIII в.).

172. **Мордовцев, Д.** Самозванец Ханин. «Самозванцы и понизовая вольница». 1867. Т. I. Стр. 267—285. (О волнении в нижнем Поволжье в конце 70-х годов XVIII в.).

173. **Мордовцев, Д.** Участие семинаристов в народных движениях прошлого века. «Заря». 1871, отд. I, стр. 188—254. (О движении среди казаков Нижнего Поволжья в 70-х годах XVIII в.).

174. **Наставление лейб-гвардии Измайловского полку г-ну капитану Александру Лунину** ген.-майора

Потемкина. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.». 1864, кн. III, стр. 109. (Пугачевщина).

175. **Неплюев, И. И.** Записки. «Русск. Арх.». 1871. Стр. 664—676. (Башкирский бунт 1755 г.). Также отдельное изд. СПб. 1893. Стр. 144—164.

176. **Несвицкий.** Еще о Турбаевской катастрофе. «Киевск. Стар.». 1895, № 11, стр. 54—56. (Расправа крестьян с помещиком в Полтавской губ. в 1789 г.).

177. **Нефедов, Ф.** Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. «Русск. Бог.». 1880, № 10, стр. 83—108.

178. **Нечто о Пугачеве и о Пугачевском бунте.** (Исторические материалы). «Астрах. Справ. Листок». 1867, № 137, стр. 2—3; № 139, стр. 3—4.

179. **Новокрещенных, Н. Н.** Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева. Уфа. 1892. Стр. 80—82, 87—89. (О волнениях крестьян Кизеловского завода, Пермской губ. в 90-х годах XVIII в.).

180. **Объявление жителям губерний Казанской, Нижегородской и Оренбургской от гр. Панина.** «Заволжский Муравей». Казань. 1854, № 12, стр. 225—231 (1774, по поводу Пугачевщины).

181. **О поимке и бегстве Пугачева.** «Сборник статистическ. сведений о Ставропольской губ.». Вып. II. Ставрополь. 1869. Отд. I. Стр. 175—180 (документы).

182. **Определение казанского дворянства** о собрании конного корпуса войск из своих людей против Пугачева. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.». 1864, кн. III, отд. 5, стр. 105—107.

183. **Ореус, И. И.** Ив. Ив. Михельсон, победитель Пугачева (1740—1807). «Русск. Стар.». 1876, № 1, стр. 195—203. (Подавление Пугачевщины).

183а. **Орлов, П.** Пугачевщина в Сибири (по материалам Омского губ. арх.). «Сиб. Огни», 1926, № 6, стр. 127—146.

184. **Осада Царицына Пугачевым.** «Саратовск. Справочн. Листок». 1872, № 102, стр. 1.

185. **Отголоски Пугачевского бунта** (по архивным материалам). «Рус-

ская Стар.». 1905, № 6, стр. 662—670. (Сибирь. 1786).

186. Павлов-Сильванский, Н. П. Волнения крестьян при Павле I. «Журн. Мин. Нар. Просв.». 1905, № 2, стр. 410—440. (По поводу книги Е. П. Трифильева, см. № 287). (Вошло во II т. «Сочинений». СПб. 1910, стр. 154—187).

186-а. Павлов-Сильванский, Н. П. Ответ г. Трифильеву. «Журн. Мин. Нар. Просв.». 1905, № 12, стр. 440—455 (см. № 287а). (Вошло во II т. «Сочинений», СПб. 1910, стр. 188—205).

187. Пастырское увещание преосвященного Вениамина, архиепископа Казанского, по случаю Пугачевского бунта, 1774 г. «Оренбургские Епарх. Ведом.». 1874, № 6, стр. 218—224.

188. Пекарский, П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб. 1867. Гл. VII—VIII. Стр. 123—149. (О волнениях калмыков и о Пугачевщине в Оренбургской губ.).

189. Пекарский, П. П. Известия об уфимских дворянах Пекарских. «Памятная Книжка Уфимской губ.». Часть II. Уфа. 1873. Стр. 87, 89—90, 99—100. (О Пугачевщине в Уфимской губ.).

190. Пекарский, П. Любитель литературы Екатерининских времен. «Отеч. Зап.». 1856, т. 105, стр. 498. (Из дневника современника о казни Пугачева).

191. Пекарский, П. П. Сношения П. И. Рычкова с Академией Наук в XVIII столетии. «Торжеств. собрание Имп. Академии Наук 29 декабря 1865 г.». СПб. 1866. Стр. 80—82. (О волнениях калмыков и яицких казаков в 70-х годах XVIII в. и о Пугачевщине).

192. Переплет по повелению его высокографского сиятельства графа Панина о присылке к его сиятельству о злодее Пугачеве ведомости. «Казанск. Губ. Ведом.». 1867, № 33, стр. 238—239. (О Пугачевщине в Казанской губ.).

193. Письма А. И. Бибилова к А. М. Лунину. «Русск. Арх.». 1866, № 3, стр. 383—388. (Некоторые сведения о Пугачевщине).

194. Письма А. Я. Протасова к гр. А. Р. Воронцову. Архив князя Воронцова, кн. XV. М. 1880. Стр. 1—6.

(О волнении крестьян Толстого в Новогородской губ. 1783 г.).

195. Письма Вениамина, архиепископа Казанского, к архимандриту Платону Любарскому. «Русск. Арх.». 1871, № 1, стр. 237—240 (О Пугачевщине).

196. Письма государыни императрицы Екатерины II к кн. М. Н. Волконскому. «Осмнадцатый век», историч. сборник, издаваемый П. Бартевым. Кн. I, стр. 96, 100—139. (О Пугачевщине).

197. Письма Екатерины II к барону Гримму. «Русск. Арх.». 1878, № 9, стр. 8—11. (О Пугачевщине).

198. Письма имп. Екатерины II к А. И. Бибилову, во время Пугачевского бунта (1774). «Русск. Арх.». 1866, № 3, стр. 388—398.

199. Письма имп. Екатерины II к графу П. И. Панину. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.». 1858, кн. II, отд. 2. Стр. 53—58. (По поводу поимки Пугачева).

200. Письма имп. Екатерины II к Гримму. «Сборн. Русск. Ист. Общ.». Т. XXIII, СПб. 1878. Стр. 2, 6, 8, 9, 10, 11, 18. (О Пугачевщине).

201. Письмо к издателю (О Пугачеве). «Улей», 1812, т. 3, № XV, стр. 218—245. (Рассказ очевидца о Пугачевщине в Пермской губ.).

202. Пичета, В. И. История крестьянских волнений в России. Минск. 1923. Стр. 46—66. (XVIII век).

203. П. К. (В. Броневский). История Пугачевского бунта. «Сын Отеч. и Сев. Архив», 1835, № 3, стр. 177—186. (По поводу «Ист. Пугач. бунта». А. С. Пушкина).

204. Планер, Д. О мерах предосторожности, которые принимаемы были Пермскими заводами во время Пугачевского бунта в 1774 г. «Пермский Сборник». 1859, т. I. Стр. 88—112.

205. Платон (Любарский), Архимандрит. Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств. Казань, 1868. Стр. 130—160. (О Пугачевщине в Казани, с приложением документов).

206. Подлинные бумаги, до бунта Пугачева относящиеся. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.». 1860, кн. II. Отд. 5. Стр. 31—92.

207. Покровский, М. Н. Новые данные о Пугачевщине. «Вестн. Ком. Акад.». 1925, № 12, стр. 219—235.

208. Покровский, М. Н. Русская История с древнейших времен. Изд. 4. Т. III, гл. XI, § 5. Стр. 153—187. (Пугачевщина).

209. Полевой, Н. История Петра Великого. Т. II. СПб. 1843. Стр. 275, 293—298. (О булавинском бунте).

210. Полное собрание законов. Т. IV, № 2197, стр. 410. Указ 23 апреля 1708 «О походе московских чинов людям городовым дворянам и отставным против бунтовщиков Кондрашки Булавина с его единомышленниками».

211. Полное собрание законов. Т. V, № 2668, стр. 24. Указ 24 апреля 1713 г. «О учинении наказания крестьянам, которые отложились от владельцев своих». (Нижегородская, Ярославская и Московская губ.).

212. Полное собрание законов. Т. VI, № 3565, стр. 179—180. Инstrukция гр. Головкину 7 апреля 1720 г. при посылке его на Уфу к башкирцам; № 3566, стр. 180—181. Грамота башкирцам всех дорог и волостей, 8 апреля 1720 г. (По поводу башкирских бунтов предшествовавших годов).

213. Полное собрание законов. Т. VII, № 4736, п. 2, стр. 505. Указ 14 июля 1725 г., «Об охранении сибирских заводов от нападения казачьей орды и воровских башкирцев».

214. Полное собрание законов. Т. VIII, № 5241, стр. 14—15. Указ 20 февраля 1728 г. «О высылке поселившихся по Царицынской линии беглецов на прежние жилища и о мерах прекращения такового переселения»; № 5248, стр. 17—19. Указ 15 марта 1728 г., «Об укреплении городов и острогов в Уфимской и Соликамской провинциях от нападения башкирцев»; № 5334, стр. 112. Указ 13 сентября 1728 г. «О выборе башкирских аманатов».

215. Полное собрание законов. Т. IX, № 6887, п. 1, стр. 738. Указ 11 февраля 1736 г. «О запрещении иметь в Уфимском уезде и башкирских селениях кузницы»; № 6890, стр. 741—745. Указ 11 февраля 1736 г. «О наказании башкирцев, пойманных в воровстве в пр.»; № 6972, стр. 835—836. Указ 23 мая 1736 г. «О принятии мер к отвращению бунта, производимого башкирцами».

216. Полное собрание законов. Т. X, № 7243, стр. 135—136. Указ 7 мая 1737 г. «О поселениях пойманных башкирцев в отдаленных российских провинциях»; № 7278, стр. 168—170. Указ 9 июня 1737 г. «О мерах к совершенному прекращению бунта башкирцев»; № 7343, п. 1—5, стр. 242—243. Указ 13 августа 1737 г. «О прекращении башкирских замешательств» и проч.; № 7542, стр. 444—446. Указ 17 марта 1738 г. По поводу башкирского бунта; № 7977, стр. 982—983. Указ 20 декабря 1739 г. «О подтверждении прежних указов насчет водворения между башкирцами тишины и спокойствия».

217. Полное собрание законов. Т. XI, № 8100, стр. 110—111. Указ 9 мая 1740 г. «Об отсылке башкирцев, пойманных в воровстве, в каторжную работу в Рогервик»; № 8200, стр. 215—217. Указ 9 августа 1740 г. «Об усмирении бунтующих башкирцев»; № 8589, стр. 632—634. Указ 2 августа 1742 г. «О непринимании в казачьих городках ни под каким видом беглых великороссиян» (по поводу массовых побегов крестьян Муромского уезда на Дон в 1742 г.).

218. Полное собрание законов. Т. XIV, № 10453, стр. 413—414. Указ 1 сентября 1755 г. «О всемилостивейшем прощении башкирцев» (по поводу бунта 1755 г.); № 10469, стр. 436—437. Указ 26 сентября 1755 г. «О возмущении башкирцев и о мерах к пресечению со стороны их всяких коварных замыслов»; № 10519, стр. 522. Указ 8 марта 1756 г. «Об отсрочке беглым башкирцам для возвращения на прежние их жилища».

218а. Полное собрание законов. Т. XV, № 10791, стр. 154—155. Указ 13 января 1758 г. «О наказании разглашателей молвы о последовавшем якобы дозволении крестьянам, оставив помещиков, переходить в Царицын и в Камышинку для поселения на шелковых заводах». (О массовых побеггах крестьян Тамбовского и Козловского уездов в 1757 г.).

219. Полное собрание законов. Т. XVI, № 11633, стр. 39—45. Указ 6 августа 1862 г. (Упоминания о

волнениях сибирских крестьян); № 11.730, стр. 134—135. Манифест 8 января 1763 г. (О волнениях церковных и монастырских крестьян); № 11.865, стр. 301—302. Высочайше утвержденный доклад Комиссии о церковных имениях, 12 июня 1763 г. (О волнениях церковных и монастырских крестьян); № 11.945, стр. 393—395. Указ 8 октября 1763 г. (О волнениях церковных и монастырских крестьян); № 11.994, стр. 471. Указ 16 декабря 1763 г. (О продлении срока для возвращения беглых башкирцам); № 12.266, стр. 942. Указ 18 октября 1764 г. «О поимке беглых дворовых людей» (в связи с слухами о приеме без паспортов на «канальное строение»).

220. Полное собрание законов. Т. XVII. № 12.633. Стр. 671. Указ 3 мая 1766 г. (О ложных слухах об отписке помещичьих крестьян в казну за наложение тяжких оброчков); № 12.669, стр. 801—802. Указ 5 июня 1766 г. (О волнении дворянских крестьян в Воронежской губ.), № 12.733, стр. 950. (Указ 28 августа 1766 г. «О приведении возмутившихся черкас в послушание»).

221. Полное собрание законов. Т. XVIII. № 12.966, стр. 334—336. Указ 22 августа 1767 г. «О бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков и о недопущении челобитен в собственные Е. В. руки»; № 13.039, стр. 411. Манифест 24 декабря 1767 г. (О крестьянских волнениях в Харьковской губ.).

222. Полное собрание законов. Т. XIX. № 13.589, стр. 246—247. Указ 3 апреля 1771 г. «Об усмирении беспокойств, происшедших между олонечскими заводскими крестьянами»; № 14.091, стр. 885—886. Манифест 23 декабря 1773 г., «О бунте казака Пугачева и о мерах, принятых к искоренению сего злодея»; № 14.230, стр. 1064—1067. Манифест 19 декабря 1774 г. «О преступлении казака Пугачева».

223. Полное собрание законов. Т. XX. № 14.233, стр. 1—12, «Сен-тенция о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников». 10 января 1775 г. № 14.235, стр. 15—16. Указ 15 января 1775 г.

«О переименовании реки Яика Уралом, казаков при оной поселенных уральскими и г. Яика Уральском», № 14.259, стр. 62. Указ февраля 1775 г. (об участниках пугачевского бунта).

224. Попов, Н. А. Рассказ, записанный со слов одного из участников в Пугачевском бунте. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.», 1862 г., кн. III, отд. 5, стр. 333—340.

225. Послание преосвященного Веннамина, архиепископа казанского, как материал для истории Пугачевского бунта. «Вятск. Епарх. Ведомости». 1863, № 11, стр. 319—322.

226. Послание Веннамина архиепископа Казанского к свой пастве. «Правосл. Собеседн.», 1859, ч. 2, стр. 205—210. (По поводу Пугачевщины).

227. Последний Пугачевец. «Ист. Вестн.», 1889, № 9, стр. 688—689. (Даниил Самойлов).

228. Предания о временах Пугачева. «Саратовск. Губ. Ведом.», 1860, № 5, стр. 41—42; № 6, стр. 48; № 14, стр. 126—129.

229. Предания о Пугачеве в г. Курмыше. «Симбирск. Губ. Вед.» (ч. неофиц.), № 4, стр. 5.

230. Приветствия Симбирского дворянства графу П. И. Панину. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.» 1864, кн. III, стр. 108 (1774 г.).

231. П. С. Потемкин во время Пугачевщины. (Материалы для истории Пугачевского бунта). «Русская Старина». 1870, т. II, стр. 397—414.

232. Пугачевские листы 1774 г. «Русск. Стар.» 1875, № 6, стр. 272—276; № 7, стр. 440—442.

233. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде. «Пенз. Губ. Вед.» 1869, (часть неофиц.), № 14, стр. 49; № 15, стр. 52—53; № 16, стр. 56—57; № 17, стр. 59; № 18, стр. 61—62; № 19.

234. Пугачевский полковник. «Саратовск. Справочн. Листок» 1872, № 164, стр. 1. (Из рассказов современников).

235. Пугачевщина. «Русск. Арх.» 1876, № 5, стр. 7—44. (Из архива П. И. Панина).

236. Пугачевщина. «Русск. Стар.» 1874, № 7, стр. 617—618. (Письмо помещицы Лопатиной из Арзамаса 1774 г.).

236а. Пугачевщина. Т. I. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписки). Подгот. к печати С. А. Голубцовым, под ред. С. Г. Томсинского и Г. Е. Меерсона, с вступит. статьей М. Н. Покровского. ГИЗ. М.—Л., 1926.

237. Пугачевщина и Пугачев. «Большая Энциклопедия», т. XV, стр. 787—789.

238. Пупарев, А. Несколько актов к истории башкирского бунта в царствовании имп. Анны Иоанновны. «Памятн. книжка Казанской губ. на 1861 и 1862 г.». Казань, 1862. Отд. IV, стр. 41—58. (Уфимская губ. 1735—1745).

239. Пупарев, А. Орловская Старина. (Оттиск из «Орловск. Губ. Ведом.» 1872 г.). Стр. 23—25. (Столкновение крестьян с служителями питейных сборов в Трубчевском уезде в 1779 г.).

240. Пушкин, А. С. История Пугачевского бунта.

241. Пушкин, А. С. Об истории Пугачевского бунта. (Ответ В. Броневскому, см. № 203).

242. Размышление о неудоьствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.» 1861, кн. III. Отд. V, стр. 98—99. (О настроениях крестьян в годы Комиссии о сочинении Уложения).

243. Редкостная помещичья доверенность. «Русск. Арх.» 1868, № 11, стр. 1863—1864. (О Пугачевщине в Пензенской губ.).

244. Репорт Московского Архангельского собора протоиерея Петра Алексеева об исповеди и причастии Пугачева с товарищи. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.» 1872, кн. I, отд. V, стр. 178.

245. Рескрипт имп. Екатерины II Венмину, архиепископу Казанскому. «Правосл. Собеседн.» 1859, ч. 2, стр. 203—204. (По поводу Пугачевщины).

246. Речь благодарственная. «Заволжский Муравей», Казань, 1854, № 5, стр. 289—296. (Речь А. И. Бибикина в Казанском дворянском собрании 1 февраля 1774 г. в ответ на рескрипт Екатерины II)

247. Розин-Азис, Фр. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграр-

ных отношений в Прибалтике. Л. 1925. Стр. 129—134. (Крестьянские волнения в Лифляндии в 1784 г.).

248. Рудаков, В. К истории крестьянского движения при Павле I. «Ист. Вестн.», 1900, № 3, стр. 112—118. (Владимирская губ. 1797).

249. Руденко, С. Башкиры. «Нов. Энцикл. Словарь», изд. Брокгауз и Ефрон. Т. V, стр. 485—489. (О башкирских бунтах XVIII в.).

250. Рунич, П. С. Записки о Пугачевском бунте. «Русск. Стар.» 1870, т. II, стр. 116—131, 211—253, 321—372.

251. Рыбушкин, М. Краткая история города Казани. Казань, 1843. Часть I, гл. XIX, стр. 135—146. (О Пугачевщине в Казани).

252. Рябов, И. Былины и временность Нижнетагильских заводов, находящихся в Пермской губ., Верхотурского уезда, и принадлежащих Г. А. Н. и П. П. Демидовым. «Учен. Зар. Имп. Каз. Унив.» 1848, кн. II, стр. 42—45. (Волнения приписных крестьян в 1762—1763 г.г. и Пугачевщина).

252а. Рязанов, А. Ф. Отголоски Пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-Кайсацкой малой орде и в Поволжье (по матер. Центральн. архива КССР). «Труды Общ. по изуч. Казакстана», т. VI, Оренбург. 1925. Стр. 195—241.

253. Садовников, Д. Заметки о Пугачеве. «Русск. Стар.» 1878, № 7, стр. 454. (Самарская и Симбирская губернии).

254. Садовников, Д. Расправа с пугачевцами (народный рассказ). «Русская Стар.» 1876, № 9, стр. 172—173 (Симбирская губ.).

255. Самозванец Рябов. «Русский Арх.» 1902, № 5, стр. 59—60. (Верхотурье, 1773).

256. Самойлов, А. Н., гр. Жизнь и деяния ген.-фельдмарш. Кн. Гр. Ал. Потемкина-Таврического. «Русский Арх.» 1867, стр. 1021—1023. (О подавлении Пугачевщины).

257. Село Ташла (Оренбургской губ. и уезда). «Оренбургск. Листок». 1876, № 23, стр. 4. (Местные сказания о Пугачевщине).

258. Семейский, В. И. Волнения крестьян, приписанных к Олонечским заводам, в 1769—1771 г.г. «Древн. и Нов. Россия» 1877, т. II, стр. 151—163, 251—269.

259. **Семевский, В. И.** Волнения крепостных крестьян при Екатерине II (1762—1789) «Русская Старина» 1877, № 12, стр. 193—226. (Вошло в книгу: «Крестьяне в царствование имп. Екатерины II»).

260. **Семевский, В. И.** Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Изд. 2. Т. I, стр. 394—456 (Волнения помещичьих крестьян в 40-х—90-х годах XVIII в.).

261. **Семевский, В. И.** Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Изд. 2. Т. II, стр. 107—109, 155—158, 181. (Волнения крестьян дворцового ведомства в 30-х—80-х годах XVIII века); стр. 220—236, 244—252. (Волнения церковных крестьян в 40-х—60-х годах XVIII в.); стр. 321—448, 457—517, 549—560. (Волнения горнозаводских крестьян в 40-х—80-х годах XVIII в.).

262. **Сенюткин, М.** Военные действия донцов против крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева в 1773 и 1774 годах. «Современник», 1854, № 8, стр. 43—131.

263. **Сербаринов, Гр. Ис.** Исаятай Тайманов. Очерк народного движения в Букеевской орде в 1737—38 г.г. Труды об-ва изучения Казакстана (Киргизского края), т. V, в. 2, Оренбург. 1924.

264. **Середа, Н. А.** Исетская провинция во время Пугачевского бунта и ген.-поручик Декалонг. «Справ. Книжка Оренбургской губернии на 1870 г.». Отд. V, стр. 1—15. (Также отдельное издание).

265. **Середа, Н. А.** Пугачевский бунт, по запискам современника и очевидца. «Справочн. Книжка Оренбургской губ. на 1870 г.». Отд. IV, стр. 79—120.

266. **Середа, Н.** Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца. «Вестник Евр.» 1870, № 6, стр. 615—644. (Оренбургская губ.).

267. **Случай из Пугачевщины.** «Саратовск. Справочный Листок» 1872, № 178, стр. 1—2. (Из рассказов современников).

268. **Снежневский, В. И.** К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях. «Нижегор. Сборн.», под редакцией А. С. Гацкого, Т. X. Н.-Н. 1900. Стр. 517—595. (Нижегородская губ.).

269. **Снежневский, В. И.** Описание журналов Нижегородского Наместнического Правления за 1781—1783

годы. «Действия Нижегородск. Учен. Арх. Комиссии». Т. III. 1898. Отд. II, стр. 95, 97, 98—99, 111, 162—163. (О волнении крестьян Семеновского уезда, Нижегородск. губ. в 1781 г.); 192 (О волнении татар в Васильском уезде, Нижегородск. губ. в 1783 г.).

270. **Снежневский, В. И.** Описание делам Нижегородского наместнического правления за 1790—1797 г.г. «Действия Нижегородск. Учен. Арх. Комиссии». Т. III, 1898. Отд. II, стр. 257—258. (О волнении крестьян в Ардатском уезде, Нижегородской губ. в 1797 г.); 265—266. (Об убийстве помещика крестьянами в Макарьевском уезде, Нижегородской губ. в 1797 г.).

271. **Собственноручные примечания Пушкина к «Истории Пугачевского бунта».** «Заря» 1870, № 12, Прилож., стр. 418—422. (Также в «Памятниках новой русской истории», издаваемых В. Кашпиревым. Т. I. СПб. 1871, отд. II, стр. 404—408).

272. **События в Уфе в связи с Пугачевским бунтом.** «Русский Архив» 1910, № 8, стр. 627—631.

273. **Соловьев, С. М.** История России с древнейших времен. Изд. 2-е «Общ. Польза». Кн. III. Стр. 1368—1371. (Настроение крестьян в начале XVIII в.); 1392—1394. (Казачьи волнения на Дону в начале XVIII в.); 1446—1449 (Башкирский бунт 1705—1709 г.г.); 1450—1472 (Булавицкий бунт).

274. **Соловьев, С. М.** История России с древнейших времен. Изд. 2-е «Общ. Польза». Кн. IV. Стр. 171 (1713 г.), 791—793, 876—878, 887—888, 893 (20-е годы XVIII в.); 1413, 1420—1425, 1434—1436, 1444, 1451—1452 (30-ые годы XVIII в.).

275. **Соловьев, С. М.** История России с древнейших времен. 2-е изд. «Общ. Польза». Кн. V. Стр. 157—159, 208—212, 260—261, 337—339, 398—399, 503, 598—599, 601—602, (40-е годы XVIII в.); 685—690, 758—759, 807—809, 814, 966—967, 1025—1026, 1028, 1081—1084, 1126—1130, 1178—1180, (50-е годы XVIII в.); 1236—1237, 1257—1258, 1361—1362, 1381—1384, 1473—1479, 1499, 1507 (60-е годы XVIII в.).

276. **Соловьев, С. М.** История России с древнейших времен. 2-е изд. «Общ. Польза». Кн. VI. Стр. 21—22, 110—111, 116—118, 292—299, 331—334, 385—386, 401—408, (60-е годы XVIII века); 1015—1023 (70-е годы XVIII в.).

277. **Соловьев, С. М.** Публичные чтения о Петре Великом. Собр. соч. изд. «Общ. Польза». Стр. 1080—1082 (О башкирском восстании и Булавином бунте). (Есть также ряд отдельных изданий).

278. **Соловьев, С. М.** Рассказы из русской истории XVIII века. «Русск. Вестн.» 1860, № 8, стр. 375—390 (Булавицкий бунт).

279. **Список с рескрипта имп. Екатерины II «Заволжский Муравей»** Казань, 1854, № 5, стр. 288—289. (А. И. Бибикову, 20 января 1774).

280. **Ставрович, А. М.** К характеристике настроений рабочих людей второй половины XVIII в. «Дела и Дни», 1920, № 1, стр. 385—389 (Починковская вол., Нижегородской губ. 1758).

281. **Старый Прилучанин.** К Турбаевской катастрофе. «Киевск. Стар.» 1891, № 5, стр. 312—313. (О расправе крестьян с помещиком в Полтавской губ. 1789 г.).

282. **Страдальческая кончина М. М. Путилова в 1773 году.** «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.» 1870. Кн. III, отд. V, стр. 51—62. (О Пугачевщине в Оренбургской губ.).

283. **Страница из истории Казани.** (Нашествие Пугачева на Казань) «Казанский Календарь на 1869 г.», сост. И. Гавриловым. Каз. 1868. Стр. 59—64.

284. **Суворов, А. В.** Автобиография. «Русск. Арх.» 1900, № 2, прилож., стр. 19—21. (О подавлении Пугачевского бунта).

285. **Суд над бригадиром Аксаковым.** (Извлечение из дел Тургайского областного правления). «Оренбургск. Листок». 1876, № 39, стр. 2 (О башкирском бунте конца 30-х—начала 40-х годов XVIII в.).

286. **Сулоцкий, Ал.** Материалы для истории Пугачевского бунта. «Чтен. в Общ. Ист. и Др. Рос.» 1859, кн. 1, отд. V, стр. 49—56.

286а. **Томсинский, С. Г.** Роль рабочих в Пугачевском восстании. «Красная Новь». 1925, № 2, стр. 170—191.

287. **Трифилев, Е. П.** Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I. Харьков 1904. (Крестьянские волнения в царствование Павла I).

287а. **Трифилев, Е. П.** Ответ г. Павлову - Сильванскому. «Журн.

Мин. Нар. Просв.» 1905, № 10, стр. 453—470. (См. № 186).

288. **Труворов, Аск.** Былое из Пугачевщины. «Осмадцатый век», историч. сборн., издав. П. Бартевным. Кн. III, стр. 481—490. (Симбирская губ.).

289. **Тхоржевский, С.** Социальный состав Пугачевщины. «Труд в России». 1925, № 1, стр. 85—108.

290. **Убийство помещика кн. Мещерского и суд над преступниками.** «Труды Орловск. учен. арх. комиссии». 1892, вып. 3, стр. 34—35. (Орловская губ. 1782).

291. **Увещание Вятского епископа во время Пугачевщины (1774).** «Русская Стар.» 1876, № 10, стр. 392—393.

292. **Указ 4 июля 1763 г.** «О взыскании с крестьян, непослушных помещикам своим, при усмирении их, казенных убытков». Указы имп. Екатерины Алексеевны, состоявшиеся с 1763 июля 1 января по 1-е число 1764 г.», стр. 1—2.

293. **Указы Е. И. Пугачева и его коллегии.** С пред. С. А. Голубцова. «Красный Архив». 1925, т. I (VIII). Стр. 193—206.

294. **Уланов, В. Я.** Пугачевщина. «Три века», Ист. сборн. Т. V. Стр. 1—18.

295. **Успенский, Г.** Против Пугачева. (Из записок современника). «Русск. Стар.» 1904, № 6, стр. 647—662. (О Пугачевщине в Пермском крае).

296. **Феноменов, М. Я.** Разиновщина и Пугачевщина. М. 1923. Стр. 153—236. (Пугачевщина).

296а. **Филиппов, А. Н.** Москва и Пугачев в июле и августе 1774 г. «Труды Общ. по изуч. Казакстана», т. VI, Оренбург, 1925, стр. 243—294 (О волнениях в Московской губ. и принимавшихся правительством мерах).

296б. **Филиппов, А. Н.** Пугачевское движение в Сибири. Очерк 1. Сибирские пугачевцы и их судьба. «Сев. Азия». 1926, № 3, стр. 67—78; № 4, стр. 73—89.

297. **Фирсов, Н. Н.** Крестьянские волнения до XIX в. «Великая Реформа», т. II, стр. 32—69. (XVIII век).

298. **Фирсов, Н. Н.** Народные движения в России до XIX в. Историко-социологические очерки. М. 1924, стр. 114—197 (XVIII век).

299. Фирсов, Н. Н. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. (Несколько изданий).

300. Фирсов, Н. Н. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия. 2-е изд. Каз. 1922. Гл. VIII, стр. 169—190 (О волнениях заводских крестьян в 40-х и 50-х годах XVIII в.).

301. Чистович, И. Историческая записка о Совете в царствование имп. Екатерины II. СПб. 1870. Стр. 35—41. (О Пугачевщине).

302. Чулошников, А. Казнь Пугачева и его сообщников. «Русское Прошлое», 1923, № 3, стр. 144—149.

303. Чупин, Н. Новые материалы для истории Пугачевщины. «Русск. Стар.» 1875, № 2, стр. 390—394; № 3, стр. 540—544.

304. Чупин, Н. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале. «Горн. Журн.» 1873, № 5—6, стр. 318—321. (Волнения горнозаводских крестьян в 60-х годах XVIII в.).

305. Чупин, Н. Член Екатеринбургской горной канцелярии М. М. Башмаков и действия его во время Пугачевщины. «Пермск. губ., Вед.» 1869, № 52, стр. 225—226; № 53, стр. 228—229; № 54, стр. 256—257; № 60, стр. 262; № 61, стр. 268; № 62, стр. 275. (Движение горнозаводских крестьян в 50-х—70-х годах XVIII в.).

306. Чупин, Н. О. Материалы для истории Гороблагодатского округа. «Памятн. книжка и адрес-календарь Пермской губ. на 1891 г.». Пермь, 1890. Приложение, стр. 26—30. (О волнениях горнозаводских крестьян Пермской губ., в 60-х годах XVIII в.).

307. Шефер, А. Пугачев. М. 1924. (Популярный очерк).

308. Шишкин, А. Пугачевцы в пензенских и тамбовских вотчинах. «Русск. Арх.» 1911, № 4, стр. 507—523.

309. Шмаков, И. Пугачев в Казани. (Отрывок из приготавливаемого к печати сочинения: «Очерк основания, развития и современного положения г. Казани»). «Камско-Волжская Газета», 1873, № 150, стр. 661—664.

310. Шомпулев, В. А. Из прошлого Саратовской губернии. (Записки старого помещика). «Русск. Стар.»

1897, № 3, стр. 535—540 (О Пугачевщине).

311. Штейн, В. А. Из истории крепостного права. «Русск. Стар.» 1907, № 8, стр. 308—310. (Убийство помещика дворовыми в Балашовск. уезде. 1798).

312. Шебальский, П. Начало и характер Пугачевщины. М. 1865.

313. Юдин, П. После Пугачевщины на Каспии. «Ист. Вестн.» 1899, № 8, стр. 546—547 (1775).

314. Юдин, П. Самозванец Пугачев. Новооткрытые о нем показания. «Русск. Арх.» 1912, № 9, стр. 65—67. (Биографические сведения).

315. Юдин, П. Л. К истории Пугачевщины. «Русск. Арх.» 1902, № 5, стр. 5—46; № 6, стр. 161—184.

316. Юдин, П. Л. Пугачевские сообщники в Астрахани. «Русск. Арх.» 1900, № 6, стр. 150—158.

317. Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungsgeschichte Pugatschews, während eines achtjährigen Aufenthalts gesammelt von einem Augenzeugen. Prag und Leipzig. 1792.

318. Blum, K. L. Ein russischer Staatsmann. Leipzig und Heidelberg. 1857. В. I. Стр. 317, 326, 327. (Упоминание о волнениях крестьян Олонской губ. в 1770 г.).

319. Blum, K. L. Ein russischer Staatsmann. Leipzig und Heidelberg. 1857. В. II. Стр. 236, 240, 241. (О крестьянских волнениях в Новгородской губ. в 1778 г.).

320. Castera, J. Histoire de Catherine II, impératrice de Russie. Paris. 1809. V. II. Стр. 296, 339. (Самозванцы 70-х годов и Пугачевщина).

321. Clarke, E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. London. 1810. V. I. Стр. 166. (О расправах крепостных с помещиками в конце XVIII в.).

322. Die Genossen Pugatschews in Livland. „Baltische Monatschrift“. Riga. 1868. Т. XVIII, № 2 (август). Стр. 104, 127. (Перевод с некоторыми сокращениями документов, опубликованных Чешскими в „Русском Архиве“).

323. E. Pugatschew's politische Anfänge. „Rigische Zeitung“ 1868, № 169. Стр. 1, 2; № 170. Стр. 1, 2.

324. Hermann, B. E. J. Mineralogische Reisen in Sibirien. 1783—1796. I Theil. Стр. 117, 120. (О волнениях горнозаводских крестьян в разных губерниях с 1700 по 1775 г.).

325. Hordé, Adelaide. Histoire de Pugatschew. Paris. 1809. V. v. 1, 2.

326. Leben. Thaten und Ende des berühmten Rebellen Jemeljan Pugatschews. Frankfurt und Leipzig. 1807.

327. Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemeljan Puga-

tcheff. D'après l'original russe. Londres. 1775.

328. Tagebuch eines französischen Officiers in Diensten der pöhlischen Konfoederation. Aus dem Französischen. Amsterdam. 1776. Стр. 178, 188, 190, 195, 209, 223, 224. (О Пугачевщине).
Е. Морозов

ТАБЛИЦА

к библиографическому указателю по истории крестьянского движения XVIII в.

Общие очерки и сводки; материалы общего характера: 1701—1710: 128, 273, 324; 1711—1720: 274, 323; 1721—1730: 214, 274, 324; 1731—1740: 261, 274, 324; 1741—1750: 260, 261, 275, 300, 324; 1751—1760: 133, 163, 202, 260, 261, 275, 297, 298, 300, 324; 1761—1770: 45, 57, 66а, 144, 133, 163, 202, 219, 220, 221, 242, 259, 260, 261, 275, 276, 292, 297, 298, 324; 1771—1780: 1, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 29, 29а, 31, 32, 33, 35, 36, 38, 39, 40, 43, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53а, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 66а, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 91, 93, 95, 96, 97, 99, 100, 107, 108, 109, 110, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 183а, 184, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 236а, 237, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 250, 251, 252, 252а, 253, 254, 255, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 264, 265, 266, 267, 271, 272, 276, 279, 282, 283, 284, 286, 288, 289, 291, 293, 294, 295, 296, 296а, 296б, 297, 298, 299, 301, 302, 303, 305, 307, 308, 309, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328; 1781—1790: 259, 260, 261; 1791—1800: 66а, 79, 114, 133, 163, 186, 186а, 202, 260, 287, 287а, 297, 298.

Губернии 1).
Архангельская —

1) Деление на губернии — конца XIX в., в видах соответствия с предыдущими частями указателя.

Астраханская: 1761—1770: 118; 1771—1780: 118, 171, 172, 173, 188, 191, 313, 316.

Виленская —
Витебская —
Владимирская: 1741—1750: 217; 1761—1770: 45; 1791—1800: 113, 248, 321.

Вологодская —
Вольнская: 1781—1790: 3, 125.
Воронежская: 1761—1770: 220.
Вятская: 1761—1770: 44; 1771—1780: 24, 91, 135, 138, 153, 291,

Гродненская —
Донская: 1701—1710: 37, 41, 42, 53, 65, 104, 132, 209, 210, 273, 277, 278; 1771—1780: 128а.

Екатеринославская —
Казанская: 1771—1780: 8, 13, 20, 21, 24, 48, 54, 85, 91, 121, 148, 182, 187, 192, 195, 205, 225, 226, 245, 246, 251, 283, 309.

Калужская —
Киевская —
Ковенская —
Костромская: 1791—1800: 30.
Курляндская —
Курская: 1731—1740: 139; 1741—1750: 139; 1751—1760: 139; 1761—1770: 90, 139.

Лифляндская: 1761—1770: 62; 1771—1780: 56; 1781—1790: 92, 247.

Минская —
Могилевская —
Московская: 1711—1720: 211; 1761—1770: 34; 1771—1780: 35, 296а.

Нижегородская: 1711—1720: 211; 1751—1760: 280; 1771—1780: 236, 268; 1781—1790: 268, 269; 1791—1800: 268, 270.

Новгородская: 1771—1780: 319; 1781—1790: 194.

Олонская: 1761—1770: 258, 318; 1771—1780: 222, 258.

Оренбургская: 1701—1710: 27, 37, 249, 273, 277; 1711—1720: 27, 249

1721—1780: 27, 215, 216, 217, 249, 285;
 1731—1740: 27, 215, 216, 217, 249, 285;
 1741—1750: 27, 249, 285; 1751—1760:
 27, 57, 175, 218, 219, 249; 1761—1770:
 12, 15, 44, 57, 105, 140; 1771—1780:
 32, 88, 105, 109, 130, 137, 140, 177,
 188, 191, 249, 257, 264, 265, 266, 282.
 Орловская: 1771—1780: 239; 1781—
 1790: 290; 1791—1800: 67, 98.
 Пензенская: 1771—1780: 23, 29, 29а,
 108, 146, 233, 243, 308; 1781—1790: 89.
 Пермская: 1701—1710: 27, 37, 249,
 273, 277; 1711—1720: 27, 249; 1721—
 1730: 27, 213, 214, 249; 1731—1740: 27,
 215, 216, 217, 249, 285; 1741—1750: 27,
 249, 285; 1751—1760: 27, 175, 218, 219,
 249, 305; 1761—1770: 44, 124, 252, 304,
 305, 306; 1771—1780: 24, 32, 58, 59,
 88, 91, 112, 115, 135, 153, 154, 155,
 156, 177, 201, 204, 249, 252, 255, 264,
 295, 305; 1791—1800: 179.
 Подольская —
 Полтавская: 1781—1790: 2, 25, 55,
 101, 127, 144, 176, 281.
 Псковская —
 Рязанская —
 Самарская: 1771—1780: 171, 172,
 173, 253.
 С.-Петербургская —
 Саратовская: 1771—1780: 40, 64, 72,
 129, 130, 141, 142, 171, 172, 173, 183,
 228, 310; 1791—1800: 311.

Симбирская: 1771—1780: 17, 18, 72,
 107, 161, 229, 230, 253, 254, 288.
 Смоленская —
 Таврическая —
 Тамбовская: 1751—1760: 218а;
 1761—1770: 159; 1771—1780: 95, 96,
 308; 1791—1800: 94, 103.
 Тверская: 1751—1760: 6; 1761—
 1770: 106.
 Тульская: 1761—1770: 106.
 Уфимская: 1701—1710: 27, 37, 249,
 273, 277; 1711—1720: 27, 212, 249;
 1721—1730: 27, 213, 214, 249; 1731—
 1740: 27, 118, 215, 216, 217, 238, 249,
 285; 1741—1750: 27, 238, 249, 285;
 1751—1760: 27, 175, 218, 219, 249;
 1761—1770: 44, 118; 1771—1780: 32,
 115, 116, 117, 118, 177, 189, 249, 272.
 Харьковская: 1761—1770: 220, 221.
 Херсонская —
 Черниговская —
 Эстляндская: 1781—1790: 92, 126.
 Ярославская: 1711—1720: 211.
 Кавказ: 1771—1780: 4, 31, 49.
 Сибирь: 1731—1740: 28; 1741—1750:
 28; 1751—1760: 28; 1761—1770: 28,
 111, 149, 219; 1771—1780: 88, 111,
 183а, 296б; 1781—1790: 185.
 Средняя Азия: 1721—1730: 213;
 1731—1740: 263; 1761—1770: 57, 140;
 1771—1780: 12, 15, 57, 105, 109, 130,
 137, 140, 191.

Письмо в редакцию

Прошу редакцию «Вестника Комм. Академии» дать мне возможность настоящим исправить досадную ошибку, вкравшуюся в мою статью, о В. Базарове в т. 4 Большой Советской Энциклопедии.

В сборнике статей В. Базарова, изданных в Харькове в 1919 году под названием «На пути к социализму», было помещено, на ряду с прочими статьями, открытое письмо к русской интеллигенции. Это письмо было раньше напечатано в «Летописи» под псевдонимом Василий Темный и имело целью мистификацию цензуры, при чем автор при издании сборника не предупредил читателей ни о том, что статья есть перепечатка прежней статьи, подписанной псевдонимом, ни о специфическом характере этой статьи. В результате получилась моя невольная ошибка: на основании статьи я сделал неверное заключение о переломе мировоззрения автора в Харьковский период в сторону мистики и патриотизма. Извиняясь перед В. Базаровым, прошу читателей Энциклопедии иметь в виду мое настоящее исправление допущенной ошибки.

Е. Преображенский

О П Е Ч А Т К И

в докладе М. Местергази, «Вестник Комм. Академии», кн. 19.

Стран.	Строка	Напечатано	С л е д у е т
193	20 сверху и след.	...не сторонники номогенеза (признающие лишь...), а защитники...	...не сторонники номогенеза (принимаящие аутогенетическое развитие органического мира), а защитники морганисто-менделеевской платформы (признающие лишь аутогенетическую изменчивость зародышевой плазмы), а сред...
208	5 снизу	— стеклянных молочных сосудов.	в стеклянных молочных сосудах.
218	4 сверху	евгеника.	евтеника.
219	1 сверху	изменчивости не мог удовлетворить всех биологов последующего периода.	изменчивости организмов под влиянием жизненных условий. Изменения эти...

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Дволайцкий, Ш. М., Деборин, А. М., Крицман, Л. Н., Милютин, В. П.,
 Пояровский, М. Н., Преображенский, Е. А., Ротштейн, Ф. А.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К 250-летию со дня смерти Бенедикта Спинозы

	<i>Стр.</i>
Деборин, А.—Мировоззрение Спинозы	5
Тальгеймер, А.—Соотношение классов и классовая борьба в Нидерландах при жизни Спинозы	30
Скурер, К.—Спиноза и диалектический материализм	50

I. Ст а т ь и

Смит, М.—Диалектика количества (элементы формальной логики и диалектики в теории статистики)	75
Блюмин, И.—Теория Курно (окончание)	96
Леонтьев, А.—Проблемы социалистического преобразования хозяйства (в германской литературе о социализации)	130
Витфогель, А.—Проблемы экономической истории Китая	168
Ильинский, В.—К вопросу о философских и социологических воззрениях Н. Г. Чернышевского (по письмам из Астрахани)	202

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

Волоцкой, М.—Спорные вопросы евгеники	212
Прения по докладу М. Волоцкого (т. т. Понятский, Местергази, Фаддеев, Баткис, Серебровский, Андреев, Смирнов, Авраамов, Шмидт)	232
Заключительное слово М. Волоцкого	249

III. Критика и библиография

Подволоцкий, И.—«Диалектика в природе» (к выходу второго сборника «Диалектика к природе. Сборник по марксистской методологии естествознания»)	255
Сидоров, А.—Большая Советская Энциклопедия (историческая часть)	274
Нусинов, И.—В. А. Келтуяла — «Историко-материалистическое изучение литературного произведения». Кооп. Изд-во «Современник», 1926 г.	278

IV. Х р о н и к а

Пленум Коммунистической Академии (стенографический отчет)	287
---	-----

П р и л о ж е н и е

Мороховец, Е.—Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России (XVIII век)	318
Письмо в редакцию	335